

М. К. КОЗЫБАЕВ

КАЗАХСТАН
НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ:
РАЗМЫШЛЕНИЯ
И ПОИСКИ

1

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И ЭТНОЛОГИИ ИМ. Ч.Ч.ВАЛИХАНОВА

КОЗЫБАЕВ М.К.

КАЗАХСТАН
НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ:
РАЗМЫШЛЕНИЯ
И ПОИСКИ

ПАМЯТЬ НАРОДА

Книга первая

АЛМАТЫ
2000

ISBN 5-858-858-2-1

Составитель

Жоламанова А. А.

Компьютерный набор

*Даленова Г. А., Жоламанова А. А.,
Раниева А. Т., Мендиашева Ш. А.,*

Верстка

Калайчиди Е. Н.

Козыбаев М. К. "Казахстан на рубеже веков: размышления и поиски".
В двух книгах. Книга первая. — Алматы: Ғылым, 2000. 420 с.

В истории нашего Отечества было все: триумфы и поражения, независимость и колониальное существование, расцвет экономики и голод, — бурный демографический взрыв и этноцид, моно и полиэтничность... История народа с ее героическими и трагическими страницами — всеобщее достояние. Настало время писать правдивую научную Отечественную историю, определить от какого наследства колониального прошлого мы отказываемся — обо всем этом размышляет автор книги доктор исторических наук, профессор, академик НАН РК, заслуженный деятель науки РК, лауреат Государственной премии, Президентской премии мира и духовного согласия Козыбаев Манаш Кабашевич. В работе "Казахстан на рубеже веков: размышления и поиски" (из двух книг) целостно исследуются проблемы историографии, источниковедения и методологии истории Казахстана. Она знакомит читателей с "белыми пятнами" истории, диалектикой новых подходов к ключевым проблемам истории казахской государственности, национально-освободительного движения, вхождения Казахстана в состав Российской империи, советского тоталитарного режима, становления независимой Республики Казахстан. В ней широко представлены также проблемы защиты Отечества, персоналии.

Рассчитана на историков, преподавателей школ и вузов, студентов, всех интересующихся историей Республики Казахстан.

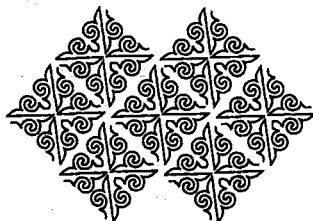
© Козыбаев М., 2000

ISBN-5-628-02202-0

ЖАМАНА
АУС

ЧАСТЬ I

**КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ИСТОРИИ**

*Незабвенной памяти брата
Оразалы Козыбаева посвящается*

НАСТАВНИЦА НОВОЙ ЖИЗНИ

История казахского народа долгие годы колониализма была составной частью истории российского государства. Она была глубоко идеологизирована, отдавала душком имперского мышления.

Система запретительной политики ограничивала источниковедческую базу исследований, особенно советского периода. Господствовала методология, в основу которой был положен классово-социальный подход ко всем явлениям жизни общества, базирующийся на марксистско-ленинской интерпретации классов, идеи об особой роли России в истории народов бывшего СССР, в мировой истории, ее особом мессианском предназначении. Имперские традиции ставили историков национальных регионов в зависимое положение, история малых народов разрабатывалась по запрограммированной идеологической схеме.

Самобытная история казахского народа подгонялась под общие закономерности формационного характера, схематизировалась, из нее выпадали важные события и факты, выдающиеся исторические личности, деятельность которых не укладывалась в доктринальные установки официальной идеологии. Замалчивались трагические страницы истории народа. Недооценивалось богатейшее культурное и историческое наследие казахского народа, роль кочевых цивилизаций в мировой истории. Развитие мировой культуры связывалось только с оседлым образом жизни и хозяйствования. Все достижения человеческой культуры и техники приписывались исключительно европейской цивилизации. Она предполагала более низкий статус этногенеза малых народов, более позднее происхождение по сравнению со славянскими народами, их государственности, добровольное присоединение казахов, да и не только их, к Рос-

сии. История Казахстана искусственно отрывалась от истории тюркских народов стран Центральной Азии. Эти тенденции находили широкое распространение в “официальной” историографии. Народ был лишен возможности узнать, где его исторические корни, какое место он занимает в истории Европы и Азии, каковы были его подлинные взаимоотношения с другими странами и народами в прошлом. Исчезали со страниц истории герои, возглавлявшие национально-освободительное движение против российского самодержавия, советского тоталитарного режима, а субъективное освещение истории в угоду власти имущим империи лишало народ исторических традиций, мешало извлечь уроки из ее истории. Народ, лишенный собственной истории, становится манкуртом. Такой субъективно-волевой подход искажал не только летопись малых народов, но и историю самой России, деформировал историческое мышление людей, особенно молодежи.

Вместе с тем, было бы неверным трактовать историографию советского периода односторонне. Выходило немало трудов в области археологии, этнической антропологии, этнографии, древней и средневековой истории, основные фактические и теоретические положения которых остаются и ныне признанными. Даже с учетом идеологизации, эта литература, во-первых, важный источник для изучения эволюции исторической мысли, а во-вторых, она несет множество конкретной исторической информации, необходимой, при критическом отношении, для познания прошлого. Процесс пробуждения национального самосознания, духовного возрождения нации развивался ускоренными темпами, опережая разработку проблем истории, языка, литературы, нравственных категорий. В условиях формирования исторического сознания оказалась востребованной в первую очередь отечественная история. Объясняется это:

а) необходимостью осмысления истории народа; б) необходимостью теоретического осмысления новой модели независимого суверенного государства; в) интересами пробуждения и формирования народного самосознания; г) ускорением процесса достижения экономической независимости республики, духовного возрождения, упрочения межнационального согласия, консолидации сил народов, этнических групп, населяющих Республику Казахстан, для утверждения нового мышления, идеологии и независимости.

Вместе с изменениями в обществе происходят важные перемены и в исторической науке. В исторической мысли последних лет появились ростки нового, осознания стремительно меняющейся реальности. Историки пытаются выработать новые методологические подходы, методы мышления, видеть историческим процесс таким, как он был и есть на самом деле - взаимосвязанным, интегрированным целостностью, находящимся в диалектическом развитии. Появились труды, написанные с новых позиций, открылись, к сожалению, не до конца, архивные фонды, стираются самые заметные "белые пятна" истории Казахстана. В то же время, необходимость осмысления прошлого и настоящего, как это отмечается в "Концепции становления исторического сознания Республики Казахстан", принятой Национальным Советом по государственной политике при Президенте РК, настоятельно требует активизировать, углубить анализ исторических судеб Казахстана, его народа.

Летописцы, болезненно реагировавшие на искаженную суть своего предмета еще в период горбачевской перестройки, воспользовались сложившейся ситуацией. В те годы в Институте истории и этнологии им. Ч. Ч. Валиханова Академии наук РК прошли первые межреспубликанские и общесоюзные конференции, посвященные проблематике национально-освободительного движения в Российской империи, насильственной коллективизации. Огромный резонанс вызвали выступления историков о завоевательных походах атамана Ермака и его предшественников в сибирские земли, очерки-политические портреты лидеров советского тоталитарного режима в Казахстане. Вслед за этим прошла конференция, где предметом научной дискуссии стал вопрос о формировании этнотерриториальной целостности казахской народности и государственности.

В условиях независимости фронт ликвидации "белых пятен" значительно расширился. В центре изучения оказались проблемы этногенеза, государственности, национально-освободительной войны против джунгар, вхождение в состав российского государства, в том числе военно-крестьянской колонизации, насильственной христианизации.

История Казахстана решительно выступала против тех, кто отрицал, что Россия была колониальной империей (см. "Неделя", 12-18.02., № 1990; Вопросы истории, 1989, № 11). Между тем Сибирь, включая Казахстан, Среднюю Азию, Хиву, Бухару и Кавказ.

были колониями России. В 1914 г. территория метрополии занимала 5,4 млн. кв. километров, а колонии не 17,7 млн. кв. километров. О том, что Казахстан и Туркестан — колонии не отрицала сама империя. О том, что присоединение Сибири к России происходило путем завоевания, а также мирного освоения его природных богатств всесторонне обосновал историк Шунков В. И. в книге “Вопросы аграрной истории России” (М. 1974). Автор этих строк, опираясь на сибирские летописи, на труды Н. М. Карамзина, Д. А. Иловайского, П. И. Небольнина, А. Вероникина, Г. М. Миллера, С. М. Соловьева, Сибирскую энциклопедию, С. В. Бахрушина, Д. И. Копылева, А. А. Введенского, Г. Ч. Катанаева, В. В. Бартольда раскрыл широкую картину начала завоевания Степи — Сибирского ханства. Мы разделяли концепцию академика М. Нечкиной, утверждавшую, что царское правительство усердно поощряло “патриотическую”, великодержавно-шовинистическую” идеализацию Ермака как “завоевателя Сибири”, подчеркивая его преданность русскому царю, геройство и т. д.

Эти легенды служили для обоснования “прав” царизма на владение Сибирью и грабеж инородцев” (БСЭ, т. 24. 1-изд. 1932, с. 512).

При этом историки исходили из концепции целостного, взаимосвязанного подхода к вхождению народов окраин в русскую империю, проводя дифференциацию между колонизаторской политикой царизма и русским народом, прогрессивным обществом. Огромные пласты истории советского периода, подвергнутые в буквальном смысле фронтальному пересмотру, дали возможность по новому понять историю национально-освободительного движения XX века, в том числе алашского поколения реформаторов, 1916 года, в период трех революций в России.

Известную роль в решении проблемы истории алашского движения сыграла выездная сессия НАН РК в г. Атырау. В докладе на сессии была высказана идея об изучении проблем этногенеза, национально-освободительного движения с учетом конкретно-исторической обстановки освободительной борьбы в афроазиатских странах. Идеология алашского движения формировалась под воздействием просветительских идей. Ее стержнем стал антиколониализм.

Алашская идеология отражала общедемократические, общенациональные интересы. Основатели партии Алаш являлись но-

сителями двух культур, маргинальными личностями, которые сочетали мораль и мировоззрения оппозиционной либеральной русской интеллигенции, доктрину ее партии кадетов и антиколониального движения третьего мира. Последующее изучение алашского движения в основных чертах развивалось по этому пути.

В рамках интересов единой неделимой России (единого Союза), православия (позднее — идеологии марксизма-ленинизма), монархии (позднее — культа личности и тоталитарного режима) трактовались проблемы вхождения Казахстана в Россию, этногенеза, национально-освободительного движения, кочевой цивилизации, политика индустриализации, насильственной коллективизации, культурной революции, решение национального вопроса.

Историки Казахстана выступили против выборности и дробности изучения Отечественной истории, сглаживания противоречивого характера исторического опыта, допущенных деформаций и ошибок в период социализма. К числу таких проблем, например, относятся проблемы формирования социалистической нации, советского рабочего класса, колхозного крестьянства, социалистической интеллигенции, социалистической культуры, советского образа жизни.

Ученые-историки всесторонне раскрывают процесс становления казарменного социализма, утверждения тотальной репрессии и террора, прослеживают трагическую судьбу советской интеллигенции, в том числе национальной. Как известно, И. Сталин в свое время дал в целом правильное определение бонопартизма. “Бонапартизм, — писал он, — есть попытка навязать большинству волю меньшинства путем насилия. Бонапартизм есть захват власти в партии или стране меньшинством против большинства путем насилия” (т. 10, с. 164). Нет сомнений в том, что сталинизм был классическим вариантом бонопартизма. Исследователи всесторонне доказали, что сталинизм насаждал тоталитарное начало. Утвердился культ личности И. Сталина — Ф. Голощекина, осуществлялся так называемый “Малый Октябрь”, который раздавил казахский народ, по существу, тонкий слой интеллигенции, формирование которой происходило в конце XIX в. и начале XX века. Казахстан превратился в край ссыльных, репрессированных сосланных народов. Осенью 1937 г. из Дальнего Востока прибыли 18526 корейских семей (102 тыс. человек). Так политическая репрессия 1937—1938 гг. переросла в репрессию целых народов.

По новому ставится нами трактовка проблемы культуры. Мы выступаем против сужения понятия “культуры”, сведения ее до уровня всеобщего образования, ликвидации неграмотности. Мы считаем, что она включает в себя сферу материальную, духовную (в т. ч. народное творчество, знание, веру, обычаи и традиции и т. д.). Мы ратуем за расширительное толкование этого поистине универсального понятия, охватывающего от алфавита до астрономии и космоса, от науки до культуры труда рядового труженика (наука, мировоззрение, литература, искусство, язык, семейно-брачные отношения, пища, одежда и т. д.). К сожалению, в культурологии не развиты такие ее жанры как экономическая, правовая культура, культура межнациональных отношений, политическая культура, этика, культура труда. Совершенно не изучается культура казахской диаспоры. Вне поля зрения исследователей остались проблемы экологической культуры народа. Настало время создания обобщающего исследования по истории казахской культуры.

Ныне историки Казахстана обосновали концепцию насильственной коллективизации. Как известно, по коллективизации Казахстана защищены десятки докторских, кандидатских диссертаций, опубликованы монографии А. Б. Турсынбаева, Ф. Колодина, Н. Кийкбаева, Ж. Жумабекова, Г. Ф. Дахшлейгера и т. д. В духе “великого перелома” была прослежена судьба казахского аула, русской деревни. Долгие годы оставались запретными темы голода 1931–1933 гг., великого джута. Впервые на базе новых данных всесторонне обоснован геноцид казахского народа, трагедия народов Казахстана. Доказано, что нация потеряла 49% своей численности, а численность украинцев в эти годы сократилась с 859,4 тыс. до 658 тыс., узбеков – с 282,2 тыс. до 103,6 тыс., уйгуров – с 62,3 тыс. до 36,6 тыс. Тем самым отмечается утверждение иных публицистов, считающих, что трагедия была присуща только казахскому народу.

Считаю, что отныне политика этноцида и насильственной коллективизации исследователями Казахстана всесторонне доказана. Эти труды по богатству источниковой базы, научной новизне своих доказательств и теоретических выводов оставили далеко позади исследователей сей проблемы за рубежом.

По новому осмысливая историю, отвергая нигилистическое отношение к прошлому, особенно к советскому периоду, всемер-

но наращивая источниковую базу, историки опубликовали серию монографических работ, очерков, учебных пособий, учебников для средней школы, документальных сборников.

Интерес и потребность общества в объективных исторических знаниях, попытку раскрыть с новых позиций непрерывность процесса истории Казахстана, преемственность истории и культуры казахского народа, начиная с древности до наших дней, обусловили необходимость подготовки издания многотомной истории Казахстана. В ней подводятся итоги исследований истории Казахстана за последние десятилетия, учтены новые труды казахстанской историографии, открытия археологов и антропологов, разработки этнографов, рекомендации и выводы научно-теоретических конференций, дискуссий по проблемам этнической истории, формирования этнической территории и территориальной целостности Казахстана, единства казахского народа, проблемам национальной государственности, национально-освободительной борьбы казахов за свое Отечество с монгольскими завоевателями, джунгарским нашествием, царским самодержавием, взаимосвязям с тюркскими народами и т. д. В научный оборот введены новые документы, в том числе из нарративных источников, из закрытых ранее архивов КНБ и МВД РК и фондов правительственных учреждений, Центрального Государственного архива Республики Казахстан, использованы ранее не доступные труды зарубежной историографии. Это позволило глубже понять прошлое, вернуть историческую память не только о героических, но и драматических страницах истории народа, особенно в советскую эпоху.

Авторский коллектив попытался рассмотреть историю Казахстана как самобытную историю и, в то же время, как органическую часть евразийской истории, истории народов тюркского мира, как часть мировой истории человечества, раскрыть место и роль казахского народа в мировом процессе.

Учитывая интерес и потребность зарубежных читателей в познании объективной истории казахов, казахской государственности многонационального Казахстана, ученые Казахстана подготовили историю народа на английском языке. Она предельно сжато, объективно расскажет многотрудную историю одного из крупных народов тюркской ветви — казахов, ознакомит наших зарубежных читателей с их менталитетом, богатейшей культурой и традиция-

ми. Авторский коллектив стремился к объективному освещению исторического прошлого, к соблюдению принципов историзма, преемственности.

В то же время редколлегия сохранила авторскую интерпретацию отдельных проблем истории Казахстана.

Книга, которую Вы читаете, не является обобщающим трудом с единой концепцией. Она состоит из отдельных очерков, в которых содержится немалый фактический материал по наиболее важным сюжетам казахской истории. Авторы исходили из того, что именно в истории, в прошлом лежит значительная часть проблем того, что ныне переживает Республика Казахстан.

Насколько это удалось - судить читателям.

History of Kazakstan. Алматы. 1998. С.7-14.

ЗНАЯ ПРОШЛОЕ СТРАНЫ, ВИДИШЬ И ПЕРСПЕКТИВУ РАЗВИТИЯ СТРАНЫ

Изложение истории Казахстана долгие годы концептуально и тематически было привязано к структурно-тематическим рамкам истории СССР. История Казахстана изучалась как бы на периферии, вне контекста всемирно-исторической эволюции. Это во-первых. А во-вторых, было принято считать, что изучение прошлого Казахстана по-настоящему началось лишь в советское время. Тем самым искусственно нарушалась преемственность в развитии исторической мысли казахского общества в угоду тоталитарной партийной идеологии. Уже в средневековье на земле Казахстана появляются оригинальные произведения по истории тюрко-язычных народов Центральной Азии. В "Родословной тюрков" Абулгази раскрывались истоки казахского общества. В первой половине XVII века первым историком — казахом, писавшем о казахском народе, стал Кадыргали Джалаири. Ныне эти труды воспринимаются как живая нить, связывающая далекие времена с глубинными процессами современности.

Исторический опыт борьбы казахского государства за полноправное существование в Центрально-азиатском регионе, преломлялся в традиции шежире — концентрированном выражении исторического самосознания казахского общества. Наиболее видные историки по шежире, такие, как Машхур-Жусуп и Шакарим, стали выдающимися деятелями казахской культуры.

Исключительно важным представляется изучение Казахстана российской школой востоковедения. Крупнейшие ее представители дали мощный толчок для проявления в недрах казахского общества исследователей-казахов с европейскими историографическими традициями — Ч. Ч. Валиханова, И. Алтынсарина, М. С. Бабаджанова и других, составивших целый пласт казахской культуры. Неоценим вклад Российской академии наук во всестороннее изучение истории Казахстана. В научных учреждениях Петербурга, Ташкента, Омска, Оренбурга проходили апробацию исследования А. Букейханова, М. Тынышпаева, А. Байтурсынова и всей казахской интеллигенции начала XX века.

20-е годы XX столетия во многом проходили под знаменем сохранения прежних историографических традиций и плане организации науки были связаны в первую очередь с Обществом изучения Казахстана.

Начало создания академической сети относится к 1932г., когда была образована Казахстанская база Академии наук СССР. В ее составе в 1933 г. создается Казахский научно-исследовательский институт национальной культуры. Историко-археологический сектор данного института послужил основой для образования в 1936 г. исторического сектора Казахстанской базы, а затем Казахского филиала АН СССР (с 1938 г.). В составе КазФАН СССР в 1941 г. был организован институт истории, языка и литературы.

Историческая наука Казахстана поднялась на качественно новую ступень в годы Великой Отечественной войны, большую роль в этом сыграли выдающиеся ученые Б. Д. Греков, А. М. Панкратова, С. В. Бахрушин, Н. М. Дружинин, М. П. Вяткин, М. П. Ким, С. В. Юшков, А. П. Кучкин и др., находившиеся в этот период в республике. Эти ученые совместно с казахскими коллегами приняли участие в создании обобщающего труда по истории Казахстана с древнейших времен до 1941 г. (первое издание “Истории Казахской ССР” в I томе (Алма-Ата, 1943). Это был

первый опыт в СССР создания коллективной обобщающей монографии по истории национальной республики.

В 1945 г. на базе Института языка, литературы и истории Казахского филиала АН СССР был создан самостоятельный Институт истории, археологии и этнографии. Быстрое развитие института началось с образованием 1 июня 1946 г. Академии наук Казахской ССР.

В 40–50-е гг. деятельность института была сконцентрирована на исследовании таких сложных проблем истории дореволюционного и советского Казахстана, как этногенез казахского народа, формирование казахской государственности, история общественной мысли, присоединение Казахстана к России, национально-освободительное движение в крае. Значительный вклад в разработку этих проблем внесли Н. Г. Аполлова, Е. Б. Бекмаханов, Т. Е. Елеуов, А. Х. Маргулан, С. Н. Покровский, Б. С. Сулейменов, В. Ф. Шахматов, С. В. Юшков и др.

Итоги многолетней, целенаправленной работы ученых-историков республики получили свое обобщение в издании двухтомной “Истории Казахской ССР” (т. 1. 1957., т. 2. 1958). В 1957 г. в Институте была организована группа по изучению наследия Ч. Ч. Валиханова во главе с членом-корреспондентом АН КазССР А. Х. Маргуланом. В течение десяти лет эта группа подготовила и выпустила в свет пятитомное собрание сочинений Ч. Ч. Валиханова.

Огромное значение для решения ряда проблем этногенеза казахского народа и периодизации древнейшей истории имели археологические исследования. В результате открытий археологов, в частности находок памятников палеолита в Каратау (Х. А. Алпысбаев), были существенно отодвинуты в глубь тысячелетий границы человеческой истории на территории Казахстана. На основании многолетних трудов Центрально-Казахстанской экспедиции (А. Х. Маргулан) был сделан вывод о том, что регион Центрального Казахстана является крупнейшим районом добычи и выплавки меди, районом высокоразвитой культуры эпохи бронзы и раннего железа.

Важнейшим итогом научных исследований сотрудников Института истории, археологии и этнографии явилась подготовка и издание “Истории Казахской ССР с древнейших времен до наших дней” в пяти томах. За данный фундаментальный труд лауре-

атами Государственной премии Казахской ССР 1981 г. стали сотрудники института А. Н. Нусупбеков, К. А. Акишев, Б. Н. Абишева, Г. Ф. Дахшлейгер, А. Х. Маргулан, К. Н. Нурпеисов.

Продолжалось более глубокое изучение актуальных проблем политической, социально-экономической и культурной истории республики. Ряд крупных исследований — Г. Ф. Дахшлейгера, А. Х. Маргулана, А. Н. Нусупбекова, Р. Б. Сулейменова, Т. Б. Балакаева и др. — были удостоены премии Президиума АН КазССР имени Ч. Ч. Валиханова. Среди крупнейших открытий археологов этих лет раскопки кургана Иссык в Семиречье (К. А. Акишев), получившего мировую известность.

Многолетние работы комплексной Южно-Казахстанской археологической экспедиции (1969–1984 гг.) выявили ведущую роль городов в развитии феодального общества на территории Казахстана, в сложении Казахского ханства, раскрыли взаимосвязи кочевой и оседлой культур.

Получил развитие круг проблем в этнографических исследованиях. В 1968 г. вышла в свет монография В.В.Вострова и М.С.Муканова “Родоплеменной состав и расселение казахов (конец XIX – начало XX вв.)” в которой дана история жузов, племен, родов, и расселение. Работа была встречена настороженно партийно-государственными чиновниками (книга якобы разжигала националистические страсти) и попала на долгие годы в спецхран. Ширилось развитие востоковедной проблематики. Развивались антропологические исследования. Так монография О. Исмагулова “Этническая геногеография Казахстана”, вышедшая в 1977 г. была уничтожена до единого экземпляра сразу после публикации. Книгу объявили идейно вредной ввиду того, что в ней рассматривалась родоплеменная структура казахов в связи с географическим распределением генетических признаков - групп крови. В 1988 г. прислужники тоталитаризма вновь обрушились на ученого-антрополога с обвинением в разжигании жузового деления казахов. Антропология была объявлена лженаукой. Но, несмотря на существенные препятствия, антропологическая наука в Казахстане все же сохранилась и вышла на мировую научную арену. С обретением Казахстаном суверенитета приоритетное место в исследовании института заняла реализация программы по раскрытию “белых пятен”, которые особенно были характерны для истории Казахстана

советского периода. Усилия историков были направлены на то, чтобы осветить ранее “закрытые зоны”, переосмыслить одностороннее исследование проблемы дореволюционной и советской истории республики. Институт включился в реализацию комплексной проблемы “Человек, наука, общество”.

В 1991–1995 гг. учеными института опубликованы: “История Казахстана: “белые пятна”, однотомная “История Казахстана с древнейших времен” на казахском и на русском языках. Вышли монографии академика М. К. Козыбаева “История и современность”, “Ақтандақтар ақиқаты” (“Истина “белых пятен”), члена-корреспондента НАН РК К. Нурпеисова “Алаш һәм Алаш-орда”, Ж.Б.Абылхожина “Традиционная структура Казахстана”, члена-корреспондента НАН РК М. Х. Асылбекова и А. Б. Галиева “Социально-демографические процессы в Казахстане” и др. Положительную оценку общественности получила серия работ ученых института об этнической территории казахов, истории казачества в Казахстане, о насильственной коллективизации и трагедии голода в начале 30-х годов. Новые исследования дали возможность приступить к подготовке академического фундаментального издания 5-томной “Истории Казахстана”.

В условиях независимого Казахстана возросла востребованность обществом исторической науки. Ученые Института участвовали в подготовке постановления Президиума Верховного Совета республики по вопросам насильственной коллективизации и голода в Казахстане в 20-30-е годы и реабилитации жертв политических репрессий. Совместно с Министерством обороны и администрациями областей издана “Книга памяти” о казахстанцах, погибших в Великой Отечественной войне. Подготовлена к печати и издается “Книга скорби” — о жертвах массовых репрессий в Казахстане.

Ученые Института приняли участие в разработке “Концепции становления исторического сознания в Республике Казахстан”, одобренной Национальным советом по государственной политике при Президенте РК, в подготовке “Концепции образования” и “Концепция национальной политики Республики Казахстан”.

Начатое ныне восстановление исторической памяти разрушает миф советского времени об отсутствии казахской историографической традиции в период от Ч. Валиханова до первых исто-

риков-марксистов. Ныне требуется переоценка историографического наследия советского времени. Его объективный научный анализ позволит сохранить преемственность исторических процессов, явлений, фактов.

Одним из основных направлений исторической науки остается фундаментальная разработка этногенеза и этнической истории казахского народа. Акцент здесь переносится на развитие комплексных историко-этнографических, археологических, антропологических исследований, которые будут решать узловые проблемы этногенеза и этнообразующих процессов на территории Казахстана как в плане выявления общих закономерностей этнических процессов в обширном регионе Евразии, так и в области исследования фундаментальных проблем теории этноса и этнической общности казахского народа. Предстоит отойти от фактологического описания древних и средневековых государственных образований на территории Казахстана, разработать теоретические вопросы истории казахской государственности на различных этапах цивилизации, уделив особое внимание особенностям истории Казахского ханства, борьбе казахского народа за национальную независимость, взаимосвязям с сопредельными странами тюркского мира, Россией, Китаем. Исследование исторического опыта истории национальной государственности даст прямой выход на современные процессы национально-государственного строительства.

Составной частью этого направления является дальнейшее углубление исследований национально-освободительных движений и политической жизни казахского общества XIX- начала XX вв.

Формирование нашего суверенного государства выдвигает задачу фундаментального исследования взаимосвязей, взаимоотношений Казахстана со многими странами, стимулирует целенаправленное изучение истории и современной политики зарубежных стран.

Несмотря на определенные позитивные подвиги в историческом сознании, характер накопления систематизации и анализа исторической информации еще далек от уровня достаточности.

Особенность нашей науки состоит в том, что каждое новое поколение, вступающее в жизнь, требует собственного переосмысления прошлого. И долг профессионалов - историков в этом отношении — сохранить не только преемственность в связи времен, но и поддерживать чувство здорового критицизма.

К сожалению, на смену крайней политизации гуманитарной науки в прошлом сегодня пришло много любительства и засилье коммерциализации. История стала писаться не на социальный заказ власть имущих, а в угоду тугого кошелька. Как результат, возродились к жизни средневековые реликты родового и жузового самовосхваления, пышные местечково-аульные торжества. И все это происходит под знаком научно-исторической обусловленности.

Задача академического гуманитарного знания в данном случае состоит в воспитании более объемного, выходящего за рамки узконационального видения истории, в ломке биполярного толкования мира, в приобщении к глобальной сокровищнице исторического знания. Необходимо дать более широкую перспективу источниковедческим исследованиям, освоить передовые технологии в клиометрических изысканиях, дать импульс более интенсивным разработкам в методологических инновациях. Причем все это относиться к наиболее актуальным проблемам отечественной историографии: вопросам этногенеза, формированию казахской нации и государственности, истории российского освоения края, изучению эпохи социализма, современной трансформации казахстанского общества. Истинность суждений должна быть найдена в открытых спорах, без навешивания ярлыков, в множественности точек зрения.

Казахстанская правда. 1996, 6 января.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

В условиях обретения Казахстаном суверенного статуса и начала его перехода к рыночной экономике и гражданскому обществу значительно активизируется социально-прогнозируемая функция исторической науки, что, в свою очередь, предполагает необходимость научно-аналитического освоения и своеобразной экспертизы прежде всего созидательного исторического опыта казахского народа. Недаром газета “Казах” в 1913 г. в статье “История казахов” назвала историю “түзушіліктік кітабы” – “книгой правды”, “тіршіліктің жол басшысы” – флагманом живой жизни. В рамках обозначенной мировоззренческой парадигмы, опираясь на достигнутые результаты казахстанской историографии (а они достаточно весомы), представляется целесообразным уделить особое внимание следующим аспектам отечественной истории.

История казахского народа свидетельствует о том, что он гармонично развивался в контексте всемирно исторического процесса, а не отнюдь не в замкнутом мире аульной общины времен российской колониальной экспансии. По своему геополитическому положению Казахстан выступал срединной территорией между Европой и Азией, звеном между славянскими, собственно тюркскими народами и Китаем. На просторах Великой степи, в самом сердце Центральной Азии, возникали и уходили в небытие государства гуннов, тюрков, тюрко-монголов, создавалась неповторимая цивилизация, являющаяся своеобразным синтезом степного и оседлого образа жизни, наследниками которого и стали современные центральноазиатские нации.

Тем не менее, на протяжении XIX–XX вв. в литературе дебатировался вопрос о принадлежности кочевых народов к мировой культуре в ее общепринятом определении. Многие исследователи Запада полагают, что кочевники были “рабами степи”, “вечными узниками климатического и вегетационного годового цикла”, что они “утратили связь с миром”. А. Тойнби однозначно утверждает, что “несмотря на нерегулярные набеги на оседлые цивилизации, временно включающие кочевников в поле исторических событий, общество кочевников является обществом, у которого нет истории”. Следует отметить, что подобный стереотип восприятия за-

нимает место и в наши дни, причем в самой прямой проекции, как, например, утверждения А.И.Солженицына о казахах, до сих пор пасущих только баранов. В известной мере сторонником евроцентристов был и В.И.Ленин, который говорил, что на территории Западной Сибири и Северного Казахстана “царит дикость и самая настоящая дикость”.

Между тем исследователи с более серьезной научной ориентацией доказали, что в результате культурного прорыва на рубеже нашего летоисчисления началось формирование тюркской цивилизационной модели, которая имела одновременно признаки речной, нагорной и континентальной культуры. Профессор С. Г. Кляшторный выводит ее исходным началом Тюркского каганата. К более раннему периоду относит процесс формирования цивилизации в тюркской Сибири ныне покойный академик АН СССР А. П. Окладников. А. Маргулан, К. Акишев, Л. Н. Гумилев однозначно пришли к выводу о наличии высокоразвитого уровня кочевой цивилизации среди народов Евразии, которая за три тысячелетия прошла законченный цикл творческой эволюции.

Таким образом, необходимость фронтального изучения истории Отечества в контексте цивилизационного подхода к симбиозу кочевого и оседлого населения, во взаимодействии двух хозяйственно-культурных комплексов — городского-ремесленного и степного-скотоводческого, — в синтезе их многообразия, дает ключ к пониманию того, каким образом евразийский расовый тип повлиял на всемирно-исторический процесс. Бурные интеграционные потоки, броуновское смешение этносов, взлеты и падения империй Великой Степи, континентальные переселения народов, создание на их основе государств в других частях света, — все это находится в неразрывной связи с эволюционным развитием человечества в целом.

Осмысление отечественной истории ныне нами начато в контексте общемирового развития тюркского мира, в системе творческой эволюции всей Степной цивилизации, как пример “наложения” азиатского и европейского путей развития.

Первично востребованной проблемой историографии является исследование этнической истории казахского народа, его этногенеза и, как логическое продолжение, многомерный анализ этнокультурной и политической истории тюркских и монгольских

племен Алтая, Монголии, Восточного Туркестана в разные хронологические эпохи, миграция в древности и средневековье из Центральной Азии в западном направлении, их популяция на территории Казахстана и интеграция в местную этническую среду.

Думается, что ныне настало время несколько изменить направление поиска в области этногенеза казахского народа. Как известно, Тюркский каганат считается исходной точкой отсчета летоисчисления тюркских народов. По мнению востоковеда Н. И. Конрад в VII–VIII вв. происходит потеснение культуры и языков старых народов (китайский, санскрит, персидский, арамейский, коптский, греческий, латинский) и культуротворческое лидерство начало быстро переходить к молодым народам, создавшим новописьменные языки и литературы (японской, новых индийских, новых тюркских, новых иранских, арабской, армянской, грузинской, славянских, романских, германских). И действительно, после распада Тюркского каганата начался процесс формирования четырех группировок тюркоязычных племен — собственно тюркской, огузской, кыргызской и кипчакской, которые консолидировались и превратились в очаги формирования новотюркских этносов. Этап сложения казахского этноса вступил в завершающую стадию под гегемонией кипчаков в период домонгольского завоевания, однако он был прерван нашествием Чингисхана и расчленением Казахстана по улусам империи.

Представляется, что в домонгольский период сложилось основное кыпчакское, а бы сказал, казахское ядро с довольно глубокими культурными традициями, опытом великодержавия. Такие родственные по существу тайпы, как найманы, керей, жалаиры, мангыты, онгыты и другие бывшие титульные племена с населением Дашт и Кыпчака, образовав полиэтнический “плавильный котел”, в течение двух столетий создали матричную основу казахского этноса.

Наконец, подобно тому, как единая древнерусская общность в результате расчленения территории древнерусского государства распалась на три народности — русских, украинцев и белорусов, так и единый кипчакский народ, оказавшийся в составе Улугулуса и владениях трех сыновей Чингисхана, разделился на казахов, узбеков, ногайцев, сибирских татар. За счет ранее существовавшего суперэтноса значительно укрепили свои позиции кара-

калпаки, башкиры, татары, а возможно, и туркмены, сформировался Алты Алаш, военная конфедерация шести наиболее родственных тюркских народов.

Впервые после монгольского завоевания были объединены в одно государство почти все тюркские роды и племена Восточного Дашт-и Кыпчака, Туркестана и Семиречья. Казахское ханство создало условия для дальнейшего национального развития. Завершилось формирование казахской этнической территории. В перспективе нужны комплексные сравнительно-исторические исследования, последующие общие черты и особенно в этногенезе тюркских народов, в том числе казахского, с высоты Степной цивилизации.

Приобретение Казахстаном суверенитета, его геополитическое положение, многонациональный состав населения, состояние развития этнической идентичности и национальной идеи ставят проблему глубокого, разностороннего, свободного от спекулятивных, абстрактных и упрощенных подходов изучения истории динамики развития государственности.

С учетом динамики историографического поиска этногенеза народа нам представляется приоритетным изучение истории тюркешской, карлукской, кимахской, т. е. кипчакской ветвей государственных образований на территории Казахстана, которые, несомненно, стали этапными в эволюционном развитии казахской национальной государственности. В этом ключе заслуживает внимания предположение некоторых китайских коллег о том, что Тюркешский каганат (к югу от Балхаша до Зайлиейского Алатау) является по существу первым Казахским ханством. Вместе с тем мы должны остерегаться от попыток расчленивать античность Евразии на "истории" отдельных племен и народов и совместить их исключительно с прошлым какой-либо одной современной нации. Тюркоязычные народы, так же как и их предшественники, в течение многих веков имели общую историю и общую по происхождению культуру, ставшую их единым наследием. Настало время изменить концептуальные подходы к Белой Орде (Ак-Орда) (в русских летописях Синяя Орда), выделившейся из состава Улуг-Улуса, т. е. Золотой Орды. Во-первых, Джучи с самого начала стремился сделать свой улус самостоятельным государством. Во-вторых, под Ак-Ордой (XIV-XV вв.) источники понимали огромную территорию имен-

но казахских степей от бассейна Сыр-Дарьи до Алтая и от Южно-Приуралья до Семиречья. В-третьих, она была населена тюркоязычными племенами, искони населявшими эти земли, входившими в состав кыпчакского объединения, а также племенами, влившимися во время завоевания монголов из восточных и юго-восточных районов Казахстана и Алтая. Они-то и сформировали этнический состав казахского народа. Ак-Орда в сущности была казахским государством. К такому выводу пришел авторский коллектив 2-го тома “Истории Казахстана” в 5-ти томах, над которой трудятся ученые Института истории и этнологии МН – АН РК. Важнейшими в историографии остаются проблемы, связанные с тем государством, которое принято называть собственно Казахским ханством – государством сложившейся народности.

В последние годы в научной литературе активно дебатуются следующие вопросы:

1. Совершали ли побеги в Моголистан джучидские султаны?
2. Кто был ханом – Жанибек или Кирей?
3. В каком году образовалось Казахское ханство?

Слов нет, эти вопросы имеют для отечественной истории важное значение. Но не менее важно исследовать сущностные проблемы. Ими, на наш взгляд, являются:

1. Определяющие факторы образования Казахского ханства, как-то: внутреннее социально-экономическое, политическое развитие тюркоязычных племен на территории Казахстана.

2. Синхронность создания централизованного казахского государства событиям, происходившим на просторах евразийского континента в целом: крушение одних и образование новых мощных государств – Шайбанидов (в Средней Азии), Великих Моголов (в Индии), Сефевидов (в Иране), Османской империи (в Турции), Российской империи, т. е. в русле общеисторического развития.

3. Распад суперэтнуса кипчак на рубеже XIV-XV вв., процесс отпочкования от него народностей и создание национальных государств, в т.ч. казахского.

4. По “Тарих-и-Рашиди” Мухаммеда Хайдара Дулати основателями Казахского ханства выступают Керей-хан и Жанибек-хан. По утверждению же “Чингиз-наме” Утемиш-хаджи, основателем династии казахских ханов признается Урус-хан (1369-1376)

— потомок Джучи. Правнуки Урус-хана Жанибек и Керей, будучи вождями родов и племен Дашт-и Кыпчака, близких по языку, культурным традициям, образу жизни родоплеменным группам Юго-Восточного Казахстана в нашем понимании не откочевали, а откололись, разъединились, объявили о своей независимости, точнее, если говорить современной терминологией, самоопределились. В данном случае “откочевка” стала одной из форм выражения самоопределения и объединения с казахами Жетысу. Начатое Урус-ханом становление Казахского ханства тем самым было завершено его правнуками в течение столетия.

Мирза Мухаммед Хайдар Дулати был значительно прозорливее многих из нас, когда писал: “Начало правления казахских султанов — с восьмьсот семидесятого года (хиджры) — а Аллах лучше знает”.

Да, “Аллах лучше знает”, с какого времени можно начать летоисчисление казахского государства. Но важно и другое. Казахское государство является одним из правопреемников государств усуней, канглы, киреев, найманов, дулатов, Западно-Тюркского, Тюркешского, Карлукского каганатов, государства огузов, караханидов, кипчаков, монгольских улусов, Золотой Орды, Ак-Орды, Моголистана, Мангытской Орды.

Именно исследование проблемы исторической преемственности в развитии государственности на территории Казахстана венчает перечисленные выше концептуальные подходы к истории Казахского ханства.

За последние два с половиной столетия было опубликовано в разных регионах бывшего СССР и за рубежом более 50 тыс. научных монографий, исторических очерков, статей, посвященных многим важным проблемам истории Казахстана дореволюционного периода. Предстоит, во-первых, с новых высот осмыслить достижение историографии, и, во-вторых, необходимо продолжить системное изучение слабо или совсем не разработанных вопросов. Вот некоторые из них:

1. По-прежнему остается приоритетной проблема вхождения Казахстана в состав Российской империи.

Прежде всего следует отказаться от термина “присоединение”, ибо в дореволюционной, до- и советской историографии он предполагал некоторую законность колониальных захватов. Ныне,

по существу, доказано, что целевая установка о присоединении оной Орды любой ценой к империи была дана Петром I. Десятилетие ушло на подготовку акции. Составителями и переводчиками обращения Абулхаира к трону были башкиры, татары, принявшие не только подданство империи, но и православную веру, оказавшиеся продолжительное время под тем или иным предлогом во дворе хана Младшего жуза и склонившие (по заданию органов российской разведки) его к принятию этого решения. Царизм стремился с наименьшими затратами (материальными и военными) как бы приобрести и сам народ, и его территорию, не выпячивая насильственную сторону колониализма.

Более продуктивно изучать проблему в ключе всей колониальной политики империи, в едином контексте с завоеванием Казанского, Астраханского, Крымского, Сибирского ханства, всей Сибири. Совершенно права Н. Г. Апполова, когда считала, что после определения стратегии захвата Казахстана она окончательно оформилась в последующие десятилетия “в крупную агрессию царизма, направленную на осуществление так называемого “мирного завоевания степи и “вечного подданства” казахского народа”.

Настало время преодолеть инерцию имперского мышления и раскрыть военно-разведовательную сущность многочисленных экспедиций, организованных колониальной администрацией на территории Казахстана. Пора, следуя принципу историзма и научной объективности, раскрыть суть лихорадочного строительства крепостей Гурьев, Омск, Усть-Каменогорск, Семипалатинск и многих других на оккупированных джунгарами казахских землях. Представляется, что продолжением этой политики являлось, по признанию одного из видных теоретиков колонизации И. Неплюева, отлучение степняков от рек Улькаяк, Ирғиз, Тобольских и Ишимских вершин, которые находились не в очень дальнем расстоянии от русских крепостей.

Предстоит изучить тактику русской колониальной администрации по организации рейдовых походов своих подданных башкир и волжских калмыков на казахские земли. Таят много сюрпризов русско-джунгарские отношения в 20–30-е годы XVIII столетия, когда казахский народ, истекая кровью, вел Великую Отечественную войну с джунгарами. Предстоит обстоятельный анализ дневника русского посла К. Тевкелева, многочисленных документов царской

администрации, где раскрыта суть концепции вхождения Казахстана в состав империи, ускорения темпов колонизации.

В связи с этим не менее привлекательным представляется тактическая линия Абулхаир-хана. Нет сомнений в том, что он был великим полководцем, стратегом и тактиком освободительной войны и не менее искусным дипломатом. Обращаясь к Российскому трону о подданстве, он учитывал усталость народа от длительных истребительных войн, обескровленную экономику, внутренние раздоры и межродовые распри, борьбу за власть со стороны многочисленных, в основной массе инертных чингизидов, экономическую блокаду со стороны России, геополитическое положение Казахстана, оказавшегося в окружении русских крепостей, казачьих поселений, джунгарских и волжских калмыков, среднеазиатских ханств и Цинской империи. Нам предстоит доказать состоятельность концепции А.Букейханова, который на заре XX века высказал идею о том, что “казахи, прижатые врагами к так называемой “Горькой линии”, были вынуждены признать власть русских”.

2. Проблема социокультурного облика, способов адаптации к внешней действительности и особенностей трансформации традиционных элит кочевого общества в условиях колониального периода. Здесь слабо разработанным звеном выступает история формирования административно-управленческой, предпринимательской, научной и творческой элит казахского общества, как сословной части Российской империи.

В этом отношении важную роль приобретает систематизация исторических фактов о примерной численности, персональном составе, образовательном уровне, сословной принадлежности и т.д. казахских управленцев в структуре административно-бюрократических органов Российской империи, что в дальнейшем позволит выявить основные количественные и качественные характеристики властвующей элиты казахского социума в дореволюционный период.

3. Немаловажную научно-практическую значимость имеет также разработка проблемы генезиса и развития казахской интеллигенции в конце XVIII — начала XX вв. В научной литературе отсутствует целостное представление о казахской интеллектуальной элите дореволюционного периода. Не проводился и специальный сравнительно-исторический анализ мировоззренческих

позиций и ценностных ориентаций разных генераций казахской интеллигенции друг с другом, например, интеллектуалов валихановской эпохи (М.С.Бабаджанов, М.Чорманов, Т.Сейдалин, А.Джантюрин) с их преемниками периода конца XIX – начала XX вв. (А.Байтурсынов, Шакарим, А.Букейханов), что позволило бы проследить эволюцию философских и социально-политических взглядов казахской интеллектуальной элиты в относительно продолжительном временном измерении.

4. Совершенно неразработанным вопросом остается развитие собственно казахского предпринимательства в дореволюционный период. Несмотря на то, что в советской историографии многократно фигурировал термин “казахские буржуазные националисты” и упоминалось о факте существования небольшой прослойки национальной буржуазии, сама эта проблема осталась практически незатронутой историками.

5. С изучением истории казахских элит тесно связана проблема разработки жанра исторической генеалогии в отечественной науке. Парадоксальным фактом современной казахской историографии можно считать то, что в нашей стране, где на протяжении многих веков существовала большая традиция вертикального, т.е. генеалогического способа передачи производственного опыта и прочей информации, жанр генеалогических исследований практически отсутствует. В то же время в Казахстане существует большой круг исторических фамилий (например, Валихановых, Шормановых, Букейхановых, Кенесариных и т. д.), генеалогическое изучение которых могло бы иметь важное значение для исторической науки и предоставить ей необходимый вспомогательный материал для более глубокой разработки разных проблем истории региона периода XVIII–XX столетий.

6. Слабо разработанным звеном в историографии Казахстана остается также создание исторических портретов видных деятелей прошлого, внесших весомый вклад в развитие государства и его экономики и культуры. До настоящего времени очень мало и поверхностно изучены жизнедеятельность казахских ханов, крупных биев и батыров XVII – сер.XIX вв., а также первых казахских исследователей и ученых той эпохи. В портретных характеристиках некоторых из этих персоналий, созданных при советском режиме и постсоветские годы, преобладают элементы стандартиза-

ции, стереотипные определения и оценки их деятельности, отсутствует раскрытие и научный анализ индивидуальных психологических черт личности тех или иных выдающихся людей. За исключением нескольких научных работ об Аблае и Кенесары, мы до сих пор не имеем серьезных научных брошюр и монографий, непосредственно посвященных жизни и деятельности многих крупных создателей культурно-исторического потенциала Казахстана в дореволюционные столетия.

Наряду с проблемами истории собственно казахского общества большую актуальность в современную эпоху представляют ряд вопросов общерегионального характера, характеризующих основные закономерности развития всего полиэтнического населения Казахстана в дореволюционный период. К ним следует отнести следующие аспекты:

1. Конфессиональные процессы в регионе в сер. XIX — нач. XX вв. Эта тема включает в себя выявление основных конфессиональных течений на территории региона в ту эпоху, структурную организацию и характер деятельности мусульманской, ортодоксально-православной, католической и протестантской церквей; миссионерскую деятельность религиозных проповедников разного толка среди местного населения, развитие культовых учреждений, религиозные традиции в культуре разных этнических групп и т. д.

2. Процессы урбанизации на севере и юге Казахстана, их анализ в сравнительно-региональном контексте. В отличие от северных и северо-восточных городов, городская культура старинных южных центров региона — Туркестана, Аулие-Аты, Чимкента и т. д. в период сер. XVIII — нач. XX в. изучена очень слабо и поверхностно. В современной историографии нет ни одного исследования, в которых бы она рассматривалась в системном плане и был бы реконструирован социокультурный облик городов Казахстана в новое время.

3. Культурно-историческое развитие малых этнических и этноконфессиональных групп, к которым следует отнести русских старообрядцев на востоке и отчасти на западе Казахстана; местных татар, немцев-меннонитов на северо-западе и юге региона, уральских и сибирских казаков, имеющих ряд оригинальных черт в истории своего проживания в этих местностях, быте и культуре.

4. Проблемы международного капитала в горно-добывающей и обрабатывающей промышленности Казахстана во второй пол. XIX — нач. XX в., имеющие большую практическую значимость для современной эпохи. В ЦГА РК и архивах ряда областей РФ имеется множество ценных документальных материалов на русском, английском, французском и немецком языках, освещающих деятельность крупных международных корпораций на территории региона в дореволюционный период. В последние годы преимущественный интерес к вложению капиталов в промышленность суверенной Республики Казахстан проявляют те зарубежные фирмы и организации, которые уже имели здесь предпринимательский опыт в дореволюционное время. В этой связи изучение данной проблемы будет иметь далеко не только познавательный интерес, но отчасти и прогнозирующее значение для современной казахстанской экономики и политики государства в инвестиционной сфере.

Как известно, в начале XX-го века на Востоке России центробежные тенденции вылились в доктринальные новации интеллигенции национально-либерального толка, основанные на понятиях этнического, социально-культурного, религиозного тождества с вариантами как федеративного, так и унитарного устройства общества. Широкое национально-либеральное движение казахской интеллигенции, шедшее единым фронтом после февральской революции 1917 года, придерживалось разноречивых направлений в своих помыслах о будущем обустройстве. Оно теперь состояло из проповедников основ исламского фундаментализма, джадидистов, сторонников модернизации по западно-европейскому образцу — алашевцев, социал-радикалистов, тюркских национал-коммунистов. Исследователи доказали, что на фоне радикальных националистических движений того времени, охвативших всю Российскую империю, алашское движение было одним из самых прогрессивных веяний в содержании антиколониальной борьбы. Предстоят в перспективе поиски и теоретическое осмысление национально-либерального движения казахской интеллигенции в начале XX в. во всем ее многообразии.

При научном осмыслении истории “Казахстан в составе Российской империи” во многом неоднозначного периода не следует впадать в крайность. Перехлесты эмоциональной обиды за нацию

весьма болезненны к восприятию и побуждают к большему отчуждению, чем к пониманию.

Деидеологизация исторического знания позволила выйти на интенсивный исследовательский поиск и в области изучения истории Казахстана в советский период.

И тем не менее нельзя не признать, что многие проблемы и вопросы советской истории еще продолжают оставаться за пределами серьезного научного анализа. Так, в свое время с легкой подачи некоторых российских изданий, спекулятивно обыгрывавших эйфорию “тотального исторического нигилизма” в обывательную среду был запущен тезис об “октябрьском перевороте”, коим обозначалась Октябрьская революция 1917 г.

К сожалению, такая трактовка, хотя и в более мягкой форме получила хождение и в отдельных отечественных научных изданиях. Между тем ясно, что Октябрьские события, прокатившиеся по пространству Российской империи, есть более многомерное историческое действие, во всяком случае, природа его гораздо более сложна по сравнению с тем, чтобы могла поддаваться описанию через категорию “переворот”, “заговор” и т. д.

И, по-видимому, Октябрьские события должны восприниматься именно как революция. Вообще термин “революция” искусственно превращен в отдельных историографических исследованиях в своеобразный жупел всего однозначного негативного, разрушительного, деструктивного и т. д. Между тем, как быть с научно-технической революцией, национально-освободительными революциями? А переход от тоталитарного административно-командного государства к демократическому рыночному обществу - разве это не революция? Одним словом, термин “революция” - как и термин “эволюция” - близнецы-братья - и есть реально функционирующее в научном знании понятийно-категориальное образование, а поэтому пора перестать шарахаться в этом вопросе, занимаясь надуманным, не понятно зачем, “терминотворчеством”.

Анализ казахстанского материала уже сейчас подводит к ряду размышлений. В частности, мы переосмысливаем характер движущих сил Октября в крае, его социальную базу, степень восприимчивости к его идеям в городе и на аграрной периферии. Критической переоценке подвергаются мифологизированные стереотипы советской историографии по поводу таких, якобы объективных

предпосылок Октябрьских событий в Казахстане, как “классовое самосознание и политическая активность казахских трудящихся”, “революционное творчество масс”, “противоречия между трудом и капиталом” и т. д. Исследовательские проекции выводятся на такие, ранее закрытые аспекты, как социальная структура общества накануне революции, ее преимущественно докапиталистический характер. Эти моменты сыграли далеко не последнюю роль, ибо именно абсолютное преобладание в докапиталистическом социуме люмпенизированных и пауперизированных слоев, как главных востребователей большевистской идеи “всеобщего равенства” и лозунга “кто был ничем, тот станет всем”, определили масштабность революционных катаклизмов в крае.

Логическим продолжением темы Октября является проблема Гражданской войны. Хотя сейчас мы уже пишем об этом событии как о трагическом гражданском противостоянии, но продолжаем исследовать его лишь “по одну сторону баррикад”, а именно “красных”. Между тем наряду с кровавым “белым” террором имела место не менее террористическая и “массовидная” (говоря словами Ленина) “красная” вакханалия. Были здесь “пролетарские продразверстки”, выводившие аул и деревни на грань голодного отчаяния, “расказачивания”, опустошавшие целые станицы, вооруженные подавления крестьянских бунтов.

Достаточно основательно изучены в казахстанской историографии трагические события, связанные с силовой коллективизацией, раскулачиванием, политическими репрессиями, голодом 1923-1933 года, разрушением пастбищно-кочевого хозяйственного комплекса и всей традиционной структуры. Но и здесь исследования сдерживаются дефицитом документального материала. Без существенного расширения источниковой базы историкам трудно выйти на адекватное уточнение таких вопросов, как численность жертв политических репрессий или голода в годы коллективизации. Поэтому не случайно историки-демографы демонстрируют уже столько лет почти взаимоисключающие различия по этим проблемам. Так, жертвы голода определяются ими и в 2 млн. человек, и в 2,5 млн. человек, и даже в 3 млн., хотя ясно, что, например, в последнем случае никакое демографическое воспроизводство не могло бы иметь место, этнос просто перестал бы существовать.

Особой страницей в историю Казахстана входит Великая Отечественная война. Казалось бы, здесь мы располагаем наиболее богатой историографической традицией. Но в последнее время появились и здесь некоторые неясности. Взять хотя бы вопрос о так называемом Туркестанском легионе. В периодической печати нет да нет, но ставится вопрос: “Кто они? Предатели или перебежчики, или демократы, борцы за национальную независимость?”

Здесь есть над чем подумать историкам. С одной стороны, действительно, советская империя, сталинский тоталитарный режим, с другой — сражающаяся Родина, к тому времени Отечество всех народов. Помним мы и печально знаменитую директиву, что в Красной Армии нет пленных, есть только предатели, директиву, по которой сотни тысяч наших солдат из фашистских концлагерей отправлялись в лагеря ГУЛАГа, директиву, которую эсесовские убийцы со злорадством доводили до советских военнопленных, ставя на грань жесткого выбора.

Безусловно, что ученым историкам предстоит разобраться, кто из 148 тыс. туркестанских легионеров, в соответствии с Нюрнбергским процессом и последующими правовыми актами международного правосудия, являются военными преступниками и несут ответственность за злодеяния, совершенные перед человечеством.

В предшествовавшей советской историографии в радужных тонах описывалась история республики в 50–80-х годах. В свете описаний “победных” пятилеток, нагромождения цифр и цитат из партийных директив, упорно не замечались экологические катастрофы Арала и Балхаша, необратимые последствия “строек коммунизма”. Совершенно закрытой темой была история превращения территории Казахстана в военный полигон.

Сегодня все эти и другие страницы нашей истории перестают быть “белыми пятнами”. А это означает, что наша историческая память выходит из столь долго длившегося состояния летаргии.

К настоящему времени историческая наука вышла из своих чисто академических рамок и активно работает в становлении новых мировоззренческих позиций. Это ее прямое действие обусловлено образовавшимся духовным вакуумом, который в некоторых регионах порой заполняется или религиозным фанатизмом или крайним националистическим угаром, а зачастую, они действуют одновременно. Дает о себе знать нереализованная в прошлом

энергия национального самосознания, которую очень трудно уместить в управляемое русло.

Год народного единства и национальной истории, провозглашенный Президентом Казахстана, представляет собой попытку реабилитировать саму историю. Это обращение к профессиональным историкам выстроить такую систему взглядов о своем прошлом, которая с максимальным приближением могла бы определить ориентиры местоположения Казахстана в современном сложившемся миропорядке. И то, что в приоритетное определение поставлено народное согласие, говорит об открытом, толерантном характере национального возрождения, изначально присущем нашему народу.

Столичное обозрение. 10 июля 1998 года
Уроки отечественной истории
и возрождение казахстанского общества.
Материалы Научной сессии ученых
Министерства Науки-Академии наук
Республики Казахстан.
Алматы. 4 июля 1998 г. А., 1998, с. 34-48

ОТКУДА “ЕСТЬ – ПОШЛА” КАЗАХСКАЯ ЗЕМЛЯ

“ДАЛЬНИЕ ПРЕДКИ МОИ – ВЕЛИКИЕ ТЮРКИ”

В течение многих десятилетий история казахов на их исконной земле являлась своеобразным сводом позвольительных и запретительных норм, поскольку прошлое и многое из настоящего народов, объединенных в империю под названием Советский Союз, делилось на “открытые” и “закрытые” отрасли знания в зависимости от политического курса того или иного правителя. Арестовывались книги, шельмовались ученые, а сама историческая наука

была превращена в прислужницу господствующей идеологии. К концу существования советского режима мы уже начали терять животворящую связь со своим прошлым.

Связь с космосом у казахов опосредуется генетической памятью о своих предшественниках, место на земле определяется генеалогическими корнями, отсчитываемыми по отцовской линии. Язык же, как издревле считают, впитывается с молоком матери. Поэтому не случайно в книге Коркут-ата, этой своеобразной копилке народной мудрости, записано на века: "Сын без отца обделен сознанием, дочь без матери лишена приданного". А еще говорили древние казахи: "Кто не знает своих прародителей — тот неполноценен", "Кто знает и чтит семь предков своих, тот заботится о семи родах". Именно это имел в виду один из величайших летописцев Востока Магжан Жумабаев, когда писал: "Если спросить, кто мои предки — величайшие вершины. Если спросить о моей матери — величайшая мудрость".

Потому такие вопросы: откуда мы пришли и какова наша судьба в мировой цивилизации, куда ведут караванные пути будущего? — никогда не были для казахов праздными. Вселенная и цивилизация, род и племя, происхождение и раса, народ и нация, государство и жузы, бытие и национальное самосознание, время и судьбы — вот основополагающие составные кочевого самосознания и самореализации, определившие многовековую летопись деяний народов Евразийского континента.

Среди тюркских народов, чья история изобилует великими и печальными страницами, казахский народ является одним из многочисленных и, в то же время, однородных по составу этносов. "Казах не турок, но без казаха нет и турка", гласит древняя поговорка. На огромном пространстве между Тянь-Шанем, Алтаем и Тарбагатаем, Саянами и Хинганом на востоке и Карпатами на западе издревле пребывали кочевые народы, которые оставили нам в наследство богатую культуру, созвучную обычаям и традициям современных казахов. Это была великая эпоха племен, собирательно названных Геродотом скифами, а Страбоном — саками. Племена те, по свидетельству знаменитых летописных памятников "Хаң-наме" и "Тарих-наме", уже в III—I вв. до н. э. имели мощные государственные образования. (И, видимо, отголоском древнего слова "сак" является этимологическая преемственность имен кайсаков-казахов,

или, например, названия ветвей кыпчаков, аргынов, киреев-сактогалык, бессак, сак-улы, борсак, карсак, саха-сак). Чего только не видели они, находясь на семи степных ветрах!

На протяжении почти пяти веков (с 204 г. до н. э. до 216 г. н. э.) Великая Степь подвергалась стремительному натиску гуннов, которые выйдя из самых глубин Азии, смешались в казахских степях с уйсунями, кангтяями, аланами. Их поздние потомки знакомы нам под этнонимами огузов, гузов, кыпчаков, карлуков. Именно это имел в виду Магжан Жумабаев, восклицая: “В далекий день от огненного Солнца родился Гунн, от огненного Гунна, играя пламенем родился я”.

Тем не менее это не означает, что тюркские народы в основе своей происходят от гуннов. Гунны являются одной из ветвей мощного генеалогического древа тюркских народов.

Древнетюркские племена, обитающие в казахских степях до нашей эры и составившие затем основу казахского народа, а также влившиеся в их состав индоиранские и монгольские включения, сражаясь и защищаясь, наводя страх на завоевателей, в мировой цивилизации стояли наравне с такими странами, как Китай, Рим, Ахеменидский Иран. Вот как комментируются это в древнетюркской летописи словами Абулгазы Бахадур: “В стране тюрков есть пять родов, первыми стяжавшие славу. Их названия — уйгур, кангюй, кыпчак, калаш, карлук”. В те времена сосуществовали и соперничали на равных с Римом и Китаем такие государства, как Тюркский и Хазарский каганаты, государство Караханидов, расположенное в Восточном Туркестане, Семиречье, в бассейнах рек Сырдарьи, Талас, Чу. Между Сырдарьей и Волгой находился улус Огузов. Огромную территорию между Алтаем, Волгой, Южным Уралом и Джунгарским Алатау занимало государство кимаков, состоявшее из двенадцати племен. Все они, в основном, являлись коренными тюркскими племенами.

Главное значение этой эпохи состояло в том, что тюркские племена и их союзы оставили неизгладимый след в истории человечества. Они дали мировой цивилизации самобытную кочевую культуру. Но, кроме того, в бассейнах рек Сырдарьи, Чу, Талас, Арысь и других, пересекающих могучую степь, поднялись города Отрар, Тараз, Сыгнак, Сайрам (Исфиджаб), Асы, Кулан, Баласун, Мерке, Сауран, Ордакент... Нет сомнения, что эти города воз-

никшие на трансконтинентальных караванных маршрутах, явились одной из фундаментальных ступеней человеческой культуры. Таким образом, тюркские племена, сочетавшие кочевничество с оседлостью, впитывали в себя результаты хозяйственно-культурных достижений двух континентов. И невозможно предположить, что древние тюрки, аккумулировавшие в себе полярные ценности, не понесли их дальше, соединяя и развивая культуру Запада и Востока в своеобразной, только им присущей манере.

Есть у тюрков еще одна заслуга перед человечеством. На пути походов Александра Македонского, знаменитого полководца Дария, арабов, каракитаев и многих других завоевателей стояли только тюркские племена. В этих испытаниях было выпестовано и военное искусство, которое затем было позаимствовано и усовершенствовано монголами. Созданная государственная система военной демократии, позволившая при значительной свободе отдельных регионов четко контролировать жизнь страны, самым благоприятным образом сказалась на интенсивном освоении маршрутов Шелкового пути.

Одним словом, могучие тюркские племена вольно обитали и приумножали свою славу на просторах евразийских степей. И постепенно в те далекие времена саки, гунны, кангюи, уйсун, дулаты, арғыны, алпины, жалаиры, кимаки-огузы, кыпчаки, кыргызы, карлуки и другие родственные им роды и племена составили основу будущего казахского этноса. Они сумели сохранить свою самобытность, несмотря на переселение в степь персов, арабов, тунгусских племен жужанов (аваров) и других народов.

Примерно в IX–X вв. н. э. в степях Евразии начинается процесс выделения этнических групп из объединений племен — славянских, романо-германских, тюркских и других. Именно на этом отрезке времени на западе сформировалось древнерусское государство. Восточнее Руси этот процесс реализовался созданием государства кыпчаков.

“КОГО БОЛЬШЕ- КИТАЦЕВ ИЛИ КЫПЧАКОВ?”

Как отмечал Л. Н. Гумилев, в XI в. тюрки как суперэтнос начали угасать. Это время выхода на историческую арену кыпча-

ков. Сведения об этнониме “кыпчак” встречаются в памятнике “Селентский камень”, датированном 759 г. По описанию Рашид-ад-дина, Огуз-каган находит в дупле старого дерева (кыспак) мальчика младенческого возраста, сына своего погибшего на поле брани воина, и нарекает его Кыпчаком. Курбан-гали Халиди объясняет: “Кто будет внимателен, тот должен понять, что смысл слова “кыпчак” означает — дитя человеческое”. В летописи Машхур-Юсупа (Жусупа) Копеева говорится: “На западе — Сырдарья, на востоке — могучая река Иртыш, на юге — Семиречье, на севере — Волга-Урал, пространство между этими реками называется Дешти-и-Кыпчак, место обитания кыпчаков”. От этих кыпчаков берет начало население, насчитывающее 92 рода. Этим объясняется появление поговорки: “Кого больше — китайцев или кыпчаков?”.

Кыпчаки, утратив собирательный этноним “тюрки”, сами превращаются в суперэтнос, подразумевающий общее название всех племен. Они становятся единым центростремительным ядром для других тюркских племен. В XII веке они стали могущественной силой, вызывающей трепет у всех арабских, персидских, славянских, романо-германских народов. В необъятных степях господствовал кыпчакский союз. В те времена — в 1055 г. древняя Огузская степь — Мафазатгуз расширяется до русских границ. Вскоре кыпчакские уланы (воины) доходят от Волги до Днепра, затем, форсировав Днепр, достигают Днестра. Русские летописцы назовут это пространство Подем Половецким. Завоевавшие в 1071 г. Малую Азию, кыпчаки составили основу османских турок. Всего за 30 лет их многочисленные дружины вторглись в Карпаты, сломили “железные ворота” Дуная и достигли Балканских гор. Магжан, в произведении “Огонь” вспоминал и кыпчаков, дошедших после гуннов до Европы: “Много раз, налетая стремительно, доходил от Алтая до Алып, добирался на Балканы из Китая”.

В исторической литературе встречается понятие о том, что кыпчаки составили основной компонент будущего казахского этноса (протоказахи). По моему мнению, такое суждение все еще является поверхностным. На самом деле, в XI—XII вв. кыпчакский народ уже сложился. Доказательством тому могут служить единая традиционная территория, сфера обитания взаимодополнявших друг друга родственных тюркских племен, общность языка, сложившийся кочевой и полукочевой быт, мировоззрение, духовная и матери-

альная культура, военная демократия, совместные военные действия. Все это сформировало характерные признаки, одинаковые взгляды на окружающий мир, единые стереотипы поведения.

Синьцзянский историк Н. Мынжани в своей “Краткой истории казахского народа” приводит новые сведения о происхождении этнонима “казах”. Например, в персидском источнике “Худуд-аль-галам” (границы мира) написано, о том, что в стране аланов есть улус Хасак”. Мирякуб Дулатов в труде под названием “О происхождении киргиз-казахов”, а вслед за ним и Н. Мынжани приводят следующий отрывок из “Шах-наме” Абулхасима Фирдоуси (940–1020 гг.): “Страна казахов — казахское ханство — сильное с многочисленным населением государство, расположенное в северной части Синего моря (Аральского моря)”.

В своих записках страну, расположенную восточнее Кубана, византийский император Константин Пармиродный называл “казахией”. Арабский путешественник Мухамед — аль-Ауфи в книге, изданной в 122 г. в Индостане, под названием “Избранные рассказы и легенды” писал: “Карлуки, обитающие на Алтае..., разделены на девять улусов, среди них три племени чыгылов, три племени улуса казахов”. В русской летописи “Повесть временных лет” говорится о битвах князя Святослава в 968 г. и князя Мстислава в 1002 г. с “касахами”, живущими южнее реки Кубан. Созвучны с перечисленными и сведениями, встречающиеся в “Монгольской тайной летописи” в “Песне о батырах” и “Летописи предков”. Китайские историки указывали на то, что тюркские хаса на юге граничат с Ираном, на юге-востоке с Хорезмом, а ханская орда расположена на берегах реки Идель. Следовательно, не вызывает сомнения то, что под названием “хаса” китайские источники подразумевают хазар. Курбангали Халиди и в “Таврих-Хамсе” напоминает, что древние кыпчаки это “хазары” (по-арабски — “узкоглазые”) — булгары.

Если Чокан Валиханов наименование “казах” считал синонимом слов “храбрый”, “герой”, “мужественный”, то В. Радлов это же название определяет как “независимый, свободный человек”. Шакарим Кудайбердиев в “Казахской летописи” значение этнонима “казах” объясняет как “народ, жувающий самостоятельно”. Следует отметить, что значения наименования “казах” определялись также известными учеными, как А. Бернштам, А. Самой-

лович, Н. Марр, А. Кайдаров, С. Аманжолов, С. Муканов, А. Маргулан, А. Куршжанов, М. Ахинжанов, Т. Жанузаков, С. Толыбеков, писателями О. Сулейменовым, А. Кекилбаевым, М. Магауином, К. Салгариным.

“Упомянутые письменные сведения, — говорит Нигмет Мынжани, — доказывают исторически раннее появление в источниках наименования “казах”. Однако, оно не стало олицетворять название народа. Вначале оно становится известным в качестве отдельного родоплеменного названия. Затем превращается в название союза племен. Например, племена “жетыру” (семь родов — кердери, керейт, тама, табын, жагалбайлы, толеу, рамадан), входившие в состав улуса алшин, что в Младшем жузе, назывались также именем “карт казах”. Позднее наименование “казах” получает широкий смысл, превращаясь в название народа, нации”.

Я поддерживаю этот вывод нашего коллеги и хотел бы добавить, что этноним “казах”, а также собирательное имя “кыпчак” появились одновременно. На одном из поворотов истории племени “казах” вошли в кыпчакский союз и как другие тюркские племена переняли название “кыпчаки”. Многочисленные группы казахов, тесно переплетаясь с кыпчаками, вошли в состав всех родственных этносов, таких как ногаи, башкиры, узбеки, туркмены, кыргызы, булгары, татары, венгры, кавказские народы. В тот же период в Кашгарии возникли кыргыз-кыпчаки (предок Манаса, Каркара — кыпчак), в регионе Коканда, Маргелана, Оша — китай-кыпчаи и сары-кыпчаки. В Хорасане были Туркмены, предки которых назывались казахами. Свою подлинную известность этноним “казах” получает в период ослабления кыпчакского союза, когда из его состава начинают отделяться казахи, узбеки, башкиры и другие народы. Известно, что название “казак” переняли русские странники, так называемые “вольные люди”. Академик Н. Баскаков указывает, что название “казак” в русских источниках впервые появляется в 1395 г. А в 1444 г. Псковская летопись упоминает о рязанских казаках. Н.М. Карамзин признает, что упоминание об украинских казаках датируется 1517 г.

В тот момент, когда казахи сформировались как народ под именем кыпчаки, 999 г. тюркское племя, насчитывающее 2 тыс. кибиток, приняв ислам, объявило себя туркиманами. Таким образом тюркские племена огузов составили основу туркменского эт-

носа (туреманенд — похожий на турка). Изречение, встречающееся в казахских летописях — “даль, в которую ушли восемь родов туркмен”, — относится к этому периоду.

Одним словом, казахи, ставшие известными как народ под именем кыпчаков, изначально явились ядром всех тюркских племен. На континенте Евразии они играли огромную роль в развитии исторического процесса. Поэт-летописец Магжан имел ввиду именно это, когда говорил: “Когда все тюрки, получив долю, разошлись, разве не у казахов остался “кара-шанырак”?”*

Монгольская империя, подчинив все казахские земли, разделила их на правое (алтын Орда), центр (Кок Орда), левое крыло (Ак Орда). В это время к кыпчакскому этносу присоединились такие племена, как керей и найман, онгут и баргы, конрат и меркут. В короткий срок татары вошли в кровное родство с кыпчаками. Как говорил историк Аль-Омари, “все они стали поразительно похожими на кыпчаков”. В улусах Джучи и Чагатая осталось всего 4 тыс. войск. В Алтын-Орде из 200 тыс. конных всадников осталось всего 2000 уланов. Таким образом, древняя кыпчакская степь их полностью поглотила. Это и понятно. Культура тюркских племен, населявших Дешт-и-Кыпчак, была выше, чем у завоевателей.

КАК ФЕНИКС ИЗ ПЕПЛА

Оправившись после завоевания, тюркские племена, как часть населения государственного образования, уже на новой основе, выйдя за рамки родоплеменной ограниченности, вновь стали подниматься по ступени народного самосознания. Несмотря на попытки монголов к ассимиляции кыпчаков, у степняков, выросших в духе свободолюбия, сохранилось этнокультурное единство. Уберегая свои обычаи, религию, язык, кыпчакская общность, пройдя испытания монгольским игом, как Феникс из пепла, возродилась к жизни.

После падения Алтын-Орды в древнетюркской степи Дешт-и-Кыпчак появились Узбекское и Ногайское ханства.

Как указано в “Тарих-и-Рашиди” Мухаммада Хайдара, в 1465—1466 гг. потомки сына Джучи — Тукай-Темира — султаны Джаныбек и Гирей, отделившись от Узбекского ханства, в местности Козыбасы, что в северной части Могулистана, основали ставку Казахского

*“кара-шанырак” — означает символ главного отчего дома, патриарха племени.

ханства. По словам Чокана Валиханова, Узбекское ханство, состоявшее из 92 кыпчакских племен, разделилось на две части. Полуоседлые племена остались, а кочевые отошли к Казахскому ханству. Вот что говорил по этому поводу поэт-сказитель Шал: “Разделились узбеки, состоявшие из 90 родов в местности Танбалы”.

Таким образом, прежняя кыпчакская общность распалась на узбеков, казахов, башкир, ногаев. С тех времен и остались в народе поговорки: “Узбек — мой старший брат”, “Ногай, казах — один человек”. Возможно, сыграло свою роль это кровное родство, когда при хане Есиме казахи, ногаи, башкиры, каракалпаки, кыргызы и татары заключили союз. Это объясняет слова Казыбек-би: “абсолютной власти достиг Толе-би, целостности же ханства — хан Есим”.

За полвека численность казахского народа возросла с 200 тысяч до одного миллиона. По свидетельству Чокана Валиханова, уже Касым-хан мог мобилизовать до 300 тыс. уланов. При хане Акназаре государство казахов занимало территорию от Волги и Урала до Кызыл-Кумов, Чу, Сырдарьи и т. д. Объединение кочевых племен, ранее не состоявших в едином союзе, находившихся в составе трех не подчинявшихся друг другу государств, но имевших единый язык, общую религию, одинаковый хозяйственно бытовой уклад и уровень развития экономики, в новый политический союз завершилось во времена знаменитого хана Акназара.

В одной из казахских летописей отмечается, что разделение на три жуза началось во времена Чингисхана. В ряде других письменных источников сообщается, что этот процесс начался при Аз-Джаныбеке. Я считаю, что формирование казахской общности по трем этнотерриториальным объединениям и дальнейшее развитие этого феномена шло на протяжении веков. В основе жузов лежали соответствующие естественно-географическому фактору кочевые условия быта, веками складывающиеся традиции, в том числе традиции государственной, родоплеменной связи. При этом наряду с другими причинами я бы особо отметил роль географического фактора. Казахский народ сложился в центре Евразии. Ему всегда приходилось отстаивать свою свободу, отчий край, свое хозяйство. А этнотерриториальные объединения — жузы соответствовали целям защиты Отечества. Единство языка, путь к независимости, объединительные традиции Есимхана, продолженные Касымом, свод законов Тауке (“Жеты Жаргы”), всенародное вече — курултай, выбор

ИЗДАНИЕ ВВЕДЕНИЯ, ПОСМОТРЕТЬ ОТДЕЛЬНО ПОСЛЕДНИЙ ТИТУЛ — “АВАНТИ-СЛА”

хана, утверждение путей годовой миграции — все это стимулировало консолидацию, территориальную целостность, общие для всех законность и традиции народа. Даже в период колониального правления России, когда жузы были раздроблены по генерал-губернаторствам и краям, сохранилась всеобщая целостность казахского народа. Концепцию писателя Абиша Кекилбаева о том, что казахские ханы Аз-Джаныбек и Акназар (Хакназар) не разделяли страну на удельные владения, можно считать научно доказанной, поскольку это было не национально-государственное размежевание, а административно-территориальное обустройство, продиктованное социально-экономическими требованиями кочевого строя.

Короче говоря, казахский народ, как суперэтнос, в течение трех веков, выделяет из своего состава казахов, узбеков, ногайцев, башкир и другие тюркские народы, предоставив каждому из них, по традиции, долю (енши) в соответствии с родоплеменной иерархией. Таким образом, трехзнаменная этнотерриториальная страна, ранее входившая в состав кыпчакского государства, выделилась в самостоятельный казахский народ.

Джунгарская агрессия XVII—XVIII вв. и ее трагические последствия оказались тяжелым бременем для народа. По словам Аблай-хана, в первой половине XVIII в., за сорок лет, погибло две трети населения. Как раз на это и указывает в своей поэме “Калкаман-Мамыр” Шакарим Кудайбердыев, когда пишет о нашествии джунгар: “Враг истребил две трети населения”. Не удивительно, что в этот тревожный период нависла угроза исчезновения казахов с исторической арены. Казахи оказались в орбите Великого бедствия — “Актабан-шубырынды-алкаколь-сулама”. В этот период приходит осознание того, что необходимо еще большее единство. По-видимому, пословица “На спор иди один, на врага — вместе со всеми” возникла в те времена. В момент величайшей опасности судьба страны потребовала достойных людей, способных поднять дух народа, поддержать стремление славных и храбрых батыров, которые смогли бы собрать свои дружины под боевые знамена и тем самым защитить народ, объединить население, в едином порыве дать отпор захватчикам. Именно такой личностью, соответствующей чаяниям народа, был Абилмансур, более известный как хан Аблай. Предводитель всех шести алашей, Аблай, собрав авторитетных биев, опытных советников, храбрых ба-

тыров, объединил вокруг себя ханскую власть, мудрость и героическую силу народа. Он поднял казахское ханство на уровень могучего государства Евразии.

В пору опасности для страны укрепилось национальное самосознание. Свод законов Тауке-хана (Жеты Жаргы”), надпись на камне, где высечены названия и тамги всех родов и племен (“танбалы тас”), общее вече представителей трех жузов в Улытау явились первой своеобразной конституцией казахов. На вопрос: “Какова эта нация, что это за народ?”, поднятый на казахско-джунгарских переговорах, знаменитый Казыбек-би ответил следующим образом:

“Мы, казахи, ни на кого не нападавшие, мирный народ, занимаемся скотоводством. Но чтобы достаток и благополучие не растерять, чтобы на границы наши не нападали враги и не захватывали наших земель, мы всегда держим свое оружие наготове. Мы — народ, никогда не покорявшийся врагам и не позволяющий задеть себя словом. Мы — народ, умеющий ценить дружбу и отзывчивый на доброту. Если у отца рождается сын, то не для того, чтобы стать рабом, если у матери рождается дочь, то не для того, чтобы стать наложницей. Мы — народ, не позволявший держать своих сыновей и дочерей в неволе. Если вы — калмыки, то мы — казахи. И пришли мы состязаться. Если вы — железо, то мы — уголь, пришли расплавить вас. Но дети казахов и калмыков могут и подружиться. Если согласны на переговоры, обговорите свои условия, нет — так укажите место схватки”.

В подстрочном переводе трудно передать всю силу, пафос и нюансы этого монолога. На казахском языке он звучит в рифмованном, риторическом слоге. Монолог Казыбек-би ярко демонстрирует уровень национального самосознания, заботу о судьбах отечества.

Таков исторический путь, пройденный казахами в те далекие времена, когда само название “казах” постепенно, претерпевая неимоверные трудности в лабиринтах средневековой истории, становится именем народа, известного не только духом воинственности, но и высоким уровнем самодостаточной экономики, самобытной культуры. Впереди еще предстояли времена колониальной политики царизма, когда романтический образ степняка постепенно превратится в объект для насмешек со стороны эгоистичного рационализма. Кочевая система хозяйствования не вы-

держала конкуренции с зародившимся и вырвавшимся вперед капитализмом. Экономика Казахстана пошла по пути придаточно-сырьевого развития, а его народ до конца познал прелести как “белого царя”, так и сталинской “дружбы народов”. Идеологические штампы тоталитаризма почти начисто стерли из памяти “откуда есть — пошла” казахская земля, и только сегодня, обретя хрупкую пока еще независимость, мы можем припасть к животворному источнику своего прошлого, которое поможет преодолеть комплекс “младшего брата”. Вместе с тем наше историческое прошлое, в течение многих лет выработавшее иммунитет против ограниченности и чванства, возвышает национальное достоинство казахов над амбициозностью и нетерпимостью, а сами казахи, став реальными правосубъектами национальной государственности, не допустят в своей стране никаких межэтнических распрей и, тем более, кровавых конфликтов, помня, что имя “кыпчак” — “дитя человеческое” — содержит в себе глубокий философский смысл общего происхождения всех людей.

ТАК БЫЛО ЛИ ГОСУДАРСТВО КАЗАХОВ?

Проблема государственности длительное время изучалась односторонне, с позиции марксистско-ленинской методологии. В ее прокрустово ложе не укладывалось понятие государственности кочевых, подвластных впоследствии российской империи, народов. Даже держава гуннов, по мнению ортодоксальных марксистов, “представляет собой варварское дофеодальное государство”¹. Многие государственные образования на территории Казахстана иным нашим правоведам кажутся лишь прообразом государства².

Со времен распада бывшего Союза участились нападки на государственность казахов (А. Солженицын, Е. Морозов и др.). При этом они взяли на вооружение старую идею евроцентристов о второсортности народов кочевой цивилизации, о праве избранных на государственность, державность.

При изучении истории возникновения и развития казахской государственности, видимо, необходимо, прежде всего, исходить из концепции кочевой цивилизации, а также евразийской ее сущ-

¹ История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней. Алматы, 1943, с.49.

² Бизнес и право, 1993, № 1, см. ст. Котова.

ности. Для того, чтобы ответить на вопрос, когда возникло государство у казахов, надо однозначно сказать, что мы вкладываем в это понятие. Государство — это социальное явление, для которого характерен сплав территориальной общности, населения, системы власти, т.е. отношений господства и подчинения. Как свидетельствуют источники, в VIII—VII вв. до н. э. сложился в Великой Степи кочевой способ производства, складывались сакско-усуньская (в Семиречье), кангюйская (в Приаралье), гуннская (в северо-восточной части Казахстана), аланская (в Западном Казахстане) этнокультурные общности. В государстве усуней был верховный правитель (гуньмо), население составляло 630 тыс. человек, из них более 100 тыс. — воины. В государстве кангюев (II в. до н.э.) — 600 тыс. подданных, 120 тыс. воинов. Оно состояло из пяти владений. Один из выдающихся востоковедов И. Бичурин писал: “Владение кангюй занимало степи от Сырдарьи к северу, на которых ныне кочуют Большая и Средняя Казачьи Орды”. Еще большего совершенства достигла структура власти в обществе гуннов. Государство было разделено на 24 части во главе с племенными вождями. Каждая часть делилась на тьмы (10 тыс.), тысячи, сотни, десятки. Такая система легла в основу и военного строительства. В VI в. возник тюркский каганат, олицетворяющий собой начало степной культуры.

В тюркском каганате во главе мировой державы стоял каган (хан), его окружали принцы крови, носившие титул “тегин”. При кагане существовал совет, состоящий из членов рода кагана и родоплеменной знати, беков и тарханов. Совет выбирал кагана. Реальной опорой власти кагана была его дружина, но войны велись с помощью родоплеменных ополчений. Совокупность племен составляла государство — эль или иль.

Подданные состояли из трех сословий — беков, карабудунов и таты — рабов из военнопленных.

В период государства огузов сохранились институты власти, выросшие из недр военно-демократического строя, а власть правителя (джабгу) ограничивалась советом военно-племенной аристократии. Позже, после монгольского завоевания утвердилось чингизидство, основой которого, по определению исследователя В. П. Юдина, стало утверждение исключительности и избранности татаро-монголов, их права на мировое господство” (см. Чин-

изотоп. то. мо. I кв. 1991, овалы и эллипсы

гиз-наме. Алма-Ата, 1992, с.17). За короткий срок кочевая империя заняла огромную территорию от Едилы до Хинганских гор.

Все эти государства вели дипломатические отношения с Китаем, а тюркский каганат — с Византией, Ираном и Китаем. Казахи, их предки в лице усуней, кангюев, керейтов, найманов, кыпчаков, создавшие государственность, империю под названием Тюркский каганат и т.д., входившие в состав больших и малых тюркских держав, накопили огромный опыт государственной организации, административной, финансовой, податной систем. Этот опыт послужил строительным лесом для государственности и великодержавия монголов.

Можно смело утверждать, что “Джасак” — свод законов империи Чингисхана — во многом созвучен обычным казахским правам и является на деле ступенью опыта государственности народов великой кыпчакской степи, Монголии и Китая. Государственность, которая существовала в различное время на территории Казахстана, способствовала формированию этнической территории, этнического самосознания, национального характера, облегчала народу последующую борьбу за существование. Беспрерывная борьба за выживание объединяла тюркские племена на громадной территории и сплачивала их в единый этнический организм.

В Великой Степи первоначально господствовала власть, основанная на традициях, обычаях, авторитете правящей элиты. Уже со времен тюркского каганата начался переход к авторитарной власти. В период джунгарского нашествия происходило слияние двух форм правления. Установилась своеобразная степная демократия, где наряду с сильной властью ханов (чингизидов) возросло влияние биев, батыров, выходцев из народа. Во всех этих государствах существовала система набора воинов, правовые порядки, регулирующие отношения господства и подчинения.

В X в. функционировала система регулярных налоговых сборов, и ханские сборщики имели специальные конные отряды. Позднее, подобно “Селической правде”, “Русской правде”, у казахов утвердился кодекс “Жеты Жаргы”.

Совершенно прав исследователь А.Кузембай улы, когда он считает, что “традиционно казахское государство было основано на двойной структуре власти. Законодательная власть всецело принадлежала собранию наиболее авторитетных в народе родоправителей,

исполнительная власть осуществлялась избранными этим собранием ханами. Ханы обычно избирались из числа представителей закрытых элит: торе — в казахском ханстве, илбори и уран — в кипчакском государстве. Иногда роль собрания резко падала, как это было в ногайском государстве, где власть целиком принадлежала замкнутому сословию биев — потомков Едите” (А. Кузембай улы. История дореволюционного Казахстана. Алма-Ата, 1992, с. 49—50).

Как видно, в государствах, возникших на территории Казахстана, племена которых впоследствии составили основу казахского народа, утверждалась своеобразная политическая система власти, которая была характерна в целом для кочевой цивилизации, сочетавшейся с культурой оседлых земледельцев. Она представляла собой симбиоз авторитарно-аристократической власти, вобравшей в себя элементы военно-аристократической степной демократии.

Не подлежит сомнению, что казахскому обществу, как в период раннего феодализма, так и средневековья, были присущи в целом одни и те же закономерности становления и развития государственности, характерной для цивилизации кочевников, в сочетании с элементами городской культуры в ареале Великого шелкового пути. Государственные структуры выполняли функции защиты страны, завоевания новых земель, установления добрососедских отношений с определенными странами, защищали привилегии господствующих классов. Вместе с тем они внесли национальноособенное во властные структуры — в десятичную систему управления страной и армией, в формирование степной элиты, свободной от религиозного фанатизма и абсолютизации власти, в единстве связей на громадной территории империи и т. д.

Отсутствие в казахском обществе монархии, парламентаризма и других классических форм правления не дает основания утверждать о примитивности в нем государственного начала, сомневаться в зрелости цивилизации, к которой принадлежат многие народы Евразии.

“Мысль”, 1994, №№ 1, 2.

СТЕПНАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ И ЕЕ УРОКИ

Мы в условиях суверенного развития часто говорили о цивилизации о других цивилизованных народах и обществах.

Имеет ли сам казахский этнос отношение к цивилизации или является этносом, прошедшим только такие этапы эволюционного развития, как дикость и варварство? Или же он возрождает прерванную былую цивилизацию в новых условиях?

Ответ на этот вопрос для нашей отечественной истории имеет методологическое значение.

При социализме предпочтение отдавалось формационному подходу к истории, что способствовало ее идеологизации. История Отечества в значительной мере отгораживалась от истории цивилизации в целом.

Концепция развития человечества по замкнутым культурно-историческим цивилизациям, историко-культурным общностям взаимодействующих этносов и государств разделяют многие ученые мира.

Авторы монографии "Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного" дали следующие определения цивилизации: "Цивилизация, по нашему мнению, представляет собой исторически сложившееся единство материальной и духовной культуры, продукт весьма длительного существования более или менее стабильной этнодемографической общности. Конкретная этнодемографическая и социокультурная общность такого рода может включить один или несколько крупных этносов (народов), территориальные границы ее расселения могут довольно сильно колебаться, расширяясь или сжимаясь, однако во всех случаях можно говорить об известном ядре цивилизации, идет ли речь о культуре в широком смысле слова, о народонаселении, которое воспроизводит себя как этносоциальная и демографическая макросистема, или о территории, создающей пространственный контур данной цивилизации".

По А. Тойнби "цивилизации представляют собой не статические формации, а динамические образования эволюционного типа". Так или иначе, под цивилизацией исследователи признают эволюционную, автономную линию исторического и культурного бытия взаимодействующих этносов и государств.

На протяжении XIX и XX вв. в литературе дебатировался вопрос о принадлежности кочевых народов к цивилизации. Многие исследователи Запада — евроцентристы полагают, что кочевники были “рабами степи”, “вечными узниками климатического и вегетационного годового цикла”, что они “утратили связь с миром”. А. Тойнби однозначно утверждает, что “несмотря на нерегулярные набеги на оседлые цивилизации, временные включающие кочевников в поле исторических событий, общество кочевников является обществом, у которого нет истории”. Следует отметить, что подобный стереотип восприятия занимает место и в наши дни, причем в самых причудливых формах, как то о казахах, поголовно пасущих до сих пор только баранов (А. И. Солженицын).

Против такой постановки вопроса выступили Ч. Ч. Валиханов, академик В. Бартольд, А. Маргулан, Е. Бекмаханов и др.

Дж. Неру в своих размышлениях об истории всего человечества, говоря о монголах, писал, что “многие думают, что они были кочевниками, они должны быть варварами, но это ошибочное представление”.

Востоковеды среди важнейших признаков кочевой цивилизации выделяли такие признаки, как государственность, монументальная архитектура погребальных сооружений, поселения городского типа, письменность и искусство, регулярные торговые связи, единая идеология, единый культ и религия, эпос.

Л. Н. Гумилев в своих исследованиях однозначно пришел к выводу о существовании кочевой цивилизации народов Евразии, которая за 3000 лет прошла творческую эволюцию.

Интерес к тюркам был обусловлен тем, что, оказавшись на пересечении четырех сторон света, в Срединной Азии, они сыграли роль посредника, медиатора с Византией, Персией и Индией, Китаем; в совокупности Востока и Запада. И вместе с тем, они сумели сохранить свой неповторимый жизненный уклад и непохожесть кочевой культуры, на равных соперничающей с европейским и восточным образом жизни. Высокая жизнеспособность общества, выразившаяся в сложных формах общественного устройства и социальных институтах тюрков (эль, удельно-лестничная система, иерархия чинов, военная дисциплина, дипломатия. Наконец, жизненная философия в целом), явилась той идеальной основой, на которой стройно выстроилась гумилевская теория пассионарности.

Одновременно за Л. Н. Гумилевым академик АН СССР А. П. Окладников открыл по материалам археологических раскопок цивилизацию тюркских народов Сибири. "Древняя тюркская Сибирь, — писал А. П. Окладников, — оказалась теснее связанной с Западом, чем с Востоком. Ее культура намного богаче и ярче, чем можно было полагать ранее".

Вопреки историческим фактам социологи продолжают твердить об отсталости Азии. В. И. Ленин на заре Советской власти говорил, что на территории Западной Сибири и Северного Казахстана " царит дикость и самая настоящая дикость". Немецкий социолог Освальд Шпенглер в своей работе "Закат Европы" произвел классификацию всех обществ, просуществовавших в истории, выделил 8 цивилизаций: египетская, индийская, вавилонская, китайская, греко-римская, западно-европейская и культура майя.

А. Тойнби в своей книге "Постижение истории", посвященной проблемам цивилизации, количество цивилизованных обществ увеличил до двадцати одного и, естественно, среди них нет народов Центральной Азии.

Пренебрежительное отношение к Азии имеет место и в наши дни. В статье "Чем больше помнишь, тем больше" видный русский писатель Виктор Астафьев на днях писал: "...я думаю, что фашизм у нашего народа поддержку не получит. Слово "азиат" еще со времен Поля Куликова у нас ругательное, так и "фашист" еще очень долго будет ругательным словом".

В этих условиях проблема о созидательной роли азиатов, в т.ч. казахов, в данном контексте цивилизации имеет далеко не праздный интерес.

Великий сын Азии Дж. Неру в своем трехтомнике "Взгляд на всемирную историю" был вынужден более резко высказать свою позицию по этому вопросу: "Взглянем как следует на Европу и Азию. Открыв атлас, ты увидишь маленькую Европу, примыкающую к великому Азиатскому континенту. Она кажется лишь его небольшим продолжением... в течение длительных периодов, на протяжении значительных отрезков времени доминировала Азия. Ее народы, наступая волна за волной, завоевывали Европу. Они опустошали Европу- и они цивилизовали Европу. Арийцы, скифы, гунны, арабы, монголы, турки — все они, выйдя из какой-либо местности в Азии, расселялись по всей Азии и Европе. Азия,

казалось, плодила их в огромном количестве, подобно саранче. Европа долгое время была чем-то вроде колонии для Азии, многие народы современной Европы ведут свое происхождение от этих захватчиков из Азии. Мы хорошо знаем, что Европа, хотя это и самая малая часть света, сегодня является великой.

Но столь же глупо забывать о величии Азии. Мы несколько склонны увлекаться блеском Европы и забывать о прошлом. Следует помнить, что именно Азия дала великих идейных вождей, которые, возможно, оказали на мир большое влияние, чем кто-либо другой или что-либо другое, где бы то ни было. Азия дала великих основателей главных религий. Христос, Мухаммед, великие китайские философы Конфуций и Лао-цзы - можно было бы заполнить целые страницы именами великих мыслителей Азии. Можно заполнить также целые страницы именами великих деятелей Азии. "Я мог бы показать тебе, насколько великим и жизне-способным и во многих других отношениях был наш древний континент в прошлом", - писал он.

А. Тойнби справедливо считает, что "природная среда может быть причиной зарождения таких типов цивилизации, как "речная" - египетская, шумерская и, возможно, индуистская; "нагорная" - андская, хеттская, мексиканская; "архипелагского" типа - минойская, эллинская и дальневосточная в Японии; "континентального" - китайского, индская и православно-христианская в России; "лесного" типа - цивилизация майя"

К цивилизации континентального типа принадлежит и цивилизация, утвердившаяся от Алтая до Дуная на дешт-и-кипчакской степи. В литературе она известна как тюркская цивилизация.

Иные исследования абсолютизируют понятие "степь". На самом деле дешти-кипчакская степь являлась речной, нагорной, континентальной одновременно.

Природные условия Великой Степи с ее реками (Енисей, Керулен, Онон, Иртыш, Едиль, Жаик, Дон), горами (Алтай, Улытау, Каратау, Мугаджары, Алатау и т. д.), с ее разнообразием растительного покрова, с богатейшим животным миром вполне могли обеспечить эволюционное развитие этносов и государств. Достаточно сказать, что на территории современного Казахстана мы имеем около 45 тыс. названий рек, 85 тыс. - озер.

Противники о причастности кочевников к цивилизации полагают, что “варвары абсолютно не способны создать устойчивые, длительные социальные и политические институты”.

Создание устойчивых, длительных социальных и политических институтов доказывается всей историей древних и средневековых государственных образований (государств), складывавшихся в Евразии, в частности, на территории Казахстана и соседних регионов. Эти государства — Западно-Тюркский, Тюркешский и Карлукский каганаты, государства огузов, караханидов, кыпчаков, ханства найманов и киреев, монгольские улусы (Золотая Орда), затем государства, возникшие на их развалинах, на местной этнической основе, такие как Ак-Орда, Кок-Орда, Могулистан, Мангытская (или Ногайская) Орда и, наконец, Казахское ханство.

Как и Казахское ханство в течение столетий, все государства существовали в системе постоянного взаимодействия кочевой, скотоводческой и оседло-земледельческой и городской культуры, в системе смешанной, а не чисто кочевой цивилизации.

По подсчетам О. Г. Большакова, в X—XII вв. городское население Средней Азии, в том числе южных районах Казахстана, составляло 20-25% общего числа жителей.

На территории Великой Степи возникли государственные образования — племенные союзы, каганаты значительно раньше, чем в Европе.

В VI в. возник Тюркский каганат. Тюркский каганат явился колыбелью тюркских народов.

В древнетюркскую эпоху возникли этнополитические объединения, ставшие прямыми предшественниками и предками современных тюркоязычных наций, тогда же поднялась на новую ступень духовная культура тюрков — возникла письменность, древнетюркская литература, тюркские племена впервые приобщились к великим религиям того времени — буддизму, манихейству, христианству, исламу, широко освоили достижения иных цивилизаций. В условиях кочевого и полукочевого быта, а иногда после перехода к оседлой и городской жизни, была создана новая, своеобразная и самобытная культура, занявшая достойное место в мировой культуре того времени.

Все эти процессы нельзя расчленить на “истории” отдельных племен и народов Центральной Азии и совместить их ис-

ключительно с прошлым какой-либо одной современной нации. Тюркоязычные народы Евразии, так же, как и их предшественники, в течение многих веков имели общую историю и общую по происхождению культуру, ставшую их общим наследием. Смена на исторической арене одних племенных объединений другими вовсе не означает полное исчезновение первых - древние племена сохранились во вновь возникших этнических и политических структурах часто под другими названиями и формировали новые народы, претерпевшие свои деформации. Судьба каждого из них неотделима от судьбы соседей и сородичей.

Единство и преемственность в истории и культуре евразийских степей, возникшие в глубокой древности, не исчезли, а лишь окрасились в новые этнические цвета с наступлением древнетюркской эпохи.

Ускорение процессов социального развития и территориально-политической консолидации в эпоху Тюркского каганата стало основой для создания последующих государственных образований тюрков на территории Центральной Азии, Южной Сибири, Восточного Туркестана, Средней Азии, Нижнего Поволжья и Северного Кавказа.

В течение первого тысячелетия н. э. в Центральной Азии в рамках Тюркской государственности происходило формирование культурных традиций, связанных основными четырьмя группировками тюркоязычных племен — собственно тюркской, киргизской и кипчакской, которые консолидировались и превратились в очаги формирования новых этносов.

Известный востоковед С. Г. Кляшторный всесторонне изучил Тюркский каганат. По его мнению, “можно утверждать, что в результате культурного прорыва конца VI в. началось формирование древнетюркских племен”. Здесь С. Кляшторный берет исходным началом Тюркский каганат. На наш взгляд, исходным рубежом является усунское государство (V в. до н. э.), где были все признаки эволюционного творческого развития (система государственного правления, письменность, искусство звериного стиля, регулярная армия, развитая дипломатия и т. д.), т. е. древней цивилизации (Иссыкский курган); С. Кляшторный на целое тысячелетие отодвигает степную цивилизацию.

Тюрки накопили огромный опыт в государственной организации, административной, финансовой, податной систем. Этот опыт послужил строительным лесом для государственности и великодержавия монголов, России, многих стран.

Еще более совершенным становилась государственность тюрков, когда на арену истории вышел кипчакский народ.

Востоковеды СССР в свое время доказали, что средневековая эпоха сформировала по меньшей мере семь устойчивых историко-культурных регионов: европейский, арабо-исламский (в Северной Африке и на Ближнем Востоке), средневосточный, южно-азиатский, центрально-азиатский, дальневосточный и юго-восточноазиатский.

Так Н. И. Конрад справедливо считает, что на первом этапе взаимоотношений культур доминировали культуры и языки старых народов (китайский санскрит, персидский, арамейский, коптский, греческий, латинский); на втором этапе, когда появилась новая средневековая литература культуротворческое лидерство начало быстро переходить к молодым народам, создавшим новые письменные языки и литературы.

В VII–VIII вв., по мнению Н. И. Конрада, начинается формирование важнейших для Средневековья литератур: японской, новых индийских, новых тюркских, новых иранских, арабской, армянской, грузинской, славянских, романских, германских. Появление этих литератур приводит в одних случаях к изменению старых культурно-исторических зон, других — к сложению особых регионов..., что влечет за собой последствия огромной общеисторической важности: решительное расширение границ цивилизованного мира и образование тем самым гораздо более обширной арены всемирной литературы.

Таким образом, расширение границ цивилизованного тюркского мира, образование тюркской литературы относится к периоду Тюркского каганата.

А. Тойнби отмечает, что если возраст человечества равняется приблизительно 300 тыс. лет, то возраст цивилизации отождествляемый и до сих пор с динамическим развитием эволюционного типа равен меньше чем 2 % данного отрезка. Со времени появления ранних цивилизаций до наших дней прошло менее 6 тыс. лет. Степная конно-кочевая цивилизация, на наш взгляд, начала

свой ускоренный бег V в. до н. э., является сравнительно молодой. Ее ядром является, вне сомнения казахский этнос.)

Отсутствие в казахском обществе монархии монархии, парламентаризма и других классических форм правления не дает основания утверждать о примитивности в нем государственного начала, брать под сомнение зрелость цивилизации, которой принадлежат многие народы Евразии.

Номадология, как справедливо отмечают последователи, разделяет кочевников на ранних (скифы, саки, массагеты, гунны, сарматы), “классических” (монголы и тюрки), и поздних (казахи и др.).

Итак, была в Евразийских степях цивилизация, что она дала человечеству?

1. Степная цивилизация была узловым связывающим звеном Востока с Западом.

2. Степняк в конце IV тысячелетия до нашей эры приручил коня.

3. Кочевники создали тенгрианскую религию; совершенно права А. Табышпалиева, когда она полагает, что “Туркестану выпала судьба великого перепутья народов и их верований”. Нет ничего удивительного в том, что именно здесь скрестились все и основополагающие идеи древних и современных религий — шаманизма, тенгрианства, зороастризма, буддизма, христианства, манихейства, ислама и местных культов. Все они оставались одной из основ духовной жизни людей, придавая особое звучание мировым религиям” в Великой Степи.

Прав Ч. Ч. Валиханов, раскрывший устойчивость и пластичность тенгрианства, органический слившегося с исламом.

4. Степная цивилизация дала миру трансконтинентальную торговую магистраль — Великий Шелковый путь, синтезировала культуру Степь — Город.

5. Степная цивилизация создала богатейшее искусство звериного стиля.

6. Она создала древнейший центр металлургии, только VI—V веков до нашей эры в районе Жезгазкана было извлечено около 1 млн. тонн медной руды, из которой выплавляли бронзу.

7. Степная цивилизация дала миру систему государственного управления на громадной территории империи. Она прошла апробацию в Тюркском каганате, государстве кипчаков, Монголь-

ском улусе, Казахском ханстве. Прав исследователь М. И. Иванов, когда он утверждает, что под влиянием монгольской системы государственности выковались государственность и великодержавие Золотой Орды и Московской Руси. В результате системы правления монголов внедрялись такие элементы Московской государственности, как самодержавие (ханат), централизм, крепостничество, сооружались почтовые тракты, установилась ямская повинность населения, была произведена общая перепись населения. Введено единообразие военно-административного устройства, податное обложение по принятой у них десятичной системе, русская монетная — серебряный рубль, разделенный на 216 копеек.

Исследователь, доктор Эрежен Хара-Даван пришел к выводу, что в “Монгольское владычество... объединило все русские области и “самостийные” города в одно целое и дало возможность Московскому княжеству превратиться в Великое Государство Московское”.

Прав Дж. Неру, когда он утверждает, что “уже скифы и гунны, тюрки и татары, все они пришли из Центральной Азии и сыграли значительную роль в истории...”.

8. Степная цивилизация дала миру архитектуру погребальных сооружений, выдающиеся памятники с руническими надписями, богатейший эпос, не уступающий творениям Гомера.

9. Казахский этнос дал миру систему сохранения генофонда нации, воспитания молодого поколения, сферу духовной жизни казахов, по определению Ч.Ч.Валиханова, “в совокупности составляет “нечто целое”, имеет общеисторическое значение.

10. Степная цивилизация дала миру свой алфавит. Известно по археологическим находкам, что древнетюркский рунический алфавит существовал до VIII в. н. э. Например, в Иссыкском письме (V в. до н. э.) есть 17 букв древнетюркского рунического алфавита. Из них 13 букв соответствуют древнетюркским руническим знакам. Лишь 4 знака отличаются по своеобразной вариантности (“Ана тілі”, 1993, № 47-49, 1995, № 38.)

Среди многочисленных древнетюркских памятников особое внимание ученых обратили на себя три больших памятника с руническими надписями: Кюль тегина, Бильге Кагана, Тонью Кука. В этих памятниках рассказывается о создании тюркской империи, отстоявшей свое существование в 47 походах, 20 сражениях, об

упрочении союза племен, усилении ханской власти. “Да не погибнет имя и слава тюркского народа!” — гласит надпись Кюль тегина.

В этих бесценных источниках названы киргизы, тогуз-огузы, карлуки, тангуты, телесы, тюргеши, огуз-татары, китайцы, тибетцы, воссоздается история региона, государственности тюрков VI-XIII вв.

11. В мировую сокровищницу вошли произведения великих мыслителей Востока, государственных деятелей, в т.ч. казахского этноса. Каковы уроки Степной цивилизации?

1. Казахи, став реальными правосубъектами национальной государственности, должны знать однозначно, что они являются одним из древних народов Евразии, преемниками историко-культурного наследия всех Евразийских просторов, что казах наравне с другими просвещенными народами мира, дитя нашей цивилизации.

2. Исторический опыт учит этносы и государства, составляющие в совокупности Степную цивилизацию, всегда помнить свое геополитическое положение.

3. Евразийский суперэтнос представляет собой сложную, но неделимую структуру, который за исторически обозримый период трижды объединялся: Тюркский каганат, Моногольский улус и Российская империя, позже Советский Союз. С той же исторической ретроспекцией Гумилев доказал, что для народов Евразии объединение всегда оказывалось гораздо выгоднее разъединения. Однако Л. Гумилев забывает о том, что всегда, когда нарушался принцип первичности прав каждого народа на определенный образ жизни, осуществлялась попытка подвести народы под единую модель развития, то союзы неминуемо распадались и субконтинент впадал в бездну смутного времени.

4. За более, чем два с половиной тысячелетия существования цивилизованных систем на территории Казахстана, народы, ее населяющие, претерпели не только антропогенные и технологические трансформации, но и не прекращающийся рост видоизменения форм политической организации общества. Однако со времен древнетюркского памятника Кюль тегина в народной памяти устойчиво сохраняется сумма символических представлений, служащих для установления фактора принадлежности к единой общности и укрепления ее внутренней сплоченности. Таким образом, проблема тюркской единой общности обязывает не в ущерб дру-

гим народам быть последовательными в укреплении внутренней сплоченности тюркского мира.

5. В менталитете казахского народа в силу того, что на его исконных землях постоянно проживали иноэтнические группы, всегда был силен элемент толерантного отношения к проблемам межэтнических противоречий. Уже издревле, со времен Великого Шелкового пути, в казахах заложен принцип добросовестного отношения, уважения к культурам и обычаям иных народов. Для казахского менталитета чужды чувства расизма и национального превосходства. В истории казахского народа нет примеров ведения религиозных войн, следовательно, ему также присуща религиозная терпимость.

Во всем отличалась казахская отличительная особенность и другие народы, сумевшие ее синтезировать, находили себе вполне комфортное существование в космосе казахской культуры.

6. В условиях политической среды обитания у нас сформировалась уникальная по своей сути, содержанию и форме культура. По своим коррекциональным возможностям культура народов Казахстана может в дальнейшем занять достойное место в общемировой культуре. Ведь именно у нас, тесно переплетаясь, взаимовлияя и взаимообогащаясь, существуют элементы европейской и азиатской культур. Не случайно в Программе развития до 2030 г. предусмотрено возрождение казахской культуры, дальнейшее развитие культур всех этносов страны во всем многообразии и уникальности.

7. Казахский этнос, как объединяющее начало народов Казахстана, один из преемников историко-культурного наследия Степной цивилизации в ответе за монолитность народов Казахстана, за мир и безопасность на евразийских просторах, за поступательное динамичное развитие Республики Казахстан, за превращение в жизнь дальнесрочной стратегической Программы — 2030, в результате которой он станет в один ряд с развитыми государствами и народами мира.

“Столичное обозрение”, 1998, 29 мая.

ОПРЕДЕЛИТЬ МЕСТО КАЗАХОВ В ИСТОРИИ МИРОВОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Недавно увидела свет работа академика М. К. Козыбаева "Память истории" в двух книгах. В ней — осмысление цивилизованных подходов к истории, предупреждение — мы часть человечества и его истории, и еще очень много интересных идей, мыслей, фактов. Наш корреспондент встретился с патриархом казахстанских историков.

— За годы независимости в Казахстане необычайно возрос интерес к истории. И это понятно — мы возвращаемся к своим истокам. Ищем — кто мы — казахи, откуда мы родом. Как жили и творили наши предки. Осознаем — что было с нами в составе Российской империи, что было с нами в составе Советского государства...

Помните? В 1991 году мы отмечали юбилей Абылай-хана. Потом Бухар-жырау, а затем многих выдающихся батыров — организаторов Великой Отечественной войны против джунгар. Война эта длилась долго, триста с лишним лет. И в исторической памяти народа сохранились эти имена. Потом были юбилей Абая, Жамбыла, Мухтара Ауэзова. Теперь предстоит юбилей Каньшпа Сатпаева, мырзы Мухаммед Хайдар Дуглати. Потом череда юбилеев наших старейших городов.

— А не заговаривает, не забывает ли истинную историю народа юбилейная суета? Ведь любой юбилей — жестокая штука, требующая только геройства и положительных знаков. А время и люди — это не пасхальные яйца Фаберже. Герои ошибались, а время крало жизни и воспитывало беспамятство...

— Это особый разговор. Что касается последних лет, то они по-существу стали годами восстановления исторической памяти народа.

Целый год мы посвятили памяти жертв политических репрессий...

А параллельно с этими событиями — особенно в последнем году ученые-историки были в поиске и в многом преуспели.

— А как в целом Вы оцениваете состояние исторической науки Казахстана?

— На бывшем постсоветском пространстве после России, где работают большие силы и действуют ряд исторических инсти-

тутов (в большинстве своем — это бывшие учреждения АН СССР), мы единственная страна, которая так упорно восстанавливает историческую правду. Правду, которая была не в моде в те времена.

— **Кто же был законодателем исторической моды?**

— Джавахарлал Неру очень точно ответил на этот вопрос. Не мы — колониальные народы писали истории своих стран. За нас писали. Причем, не редко заинтересованные люди. Тот же патриарх, наш Геродот — Левшин, он ведь тоже состоял на службе у царской империи, был чиновником колониального аппарата. Те же выдающиеся русские востоковеды. Они изучали районы будущих экспансий.

Семенов-Тяньшанский возглавил русское географическое общество, а председателем этого общества был царь. Вспомним, что в покои царя был доступ у глав военного ведомства, военной разведки и... русского географического общества. То есть русское географическое общество служило интересам империи. Никто их сегодня не обвиняет. У них была святая миссия. Они от Балтики до Ледовитого океана, от моря до моря, от Урала до Охотского моря это огромное пространство прошли за 55 лет. Охватили огромную часть нашей огромной планеты. И, конечно, имея задачу — создать сверх империю, государство заботилось не только о географах, но и о историках. Была поставлена на службу историческая наука России.

Отдавая дань великим русским востоковедам, которые немало сделали для создания нашей истории, мы все же должны честно признаться: наша история подчинялась истории российской. Она была ее составной частью. Часть истории империи. Мы были как — и об этом писали в начале столетия совершенно откровенно — туземцы. Как негры в Африке... И в этих условиях история подгонялась под общую имперскую концепцию.

В то же время было три опоры государства: самодержавие, православие и единая неделимая Россия. В Советское время постулаты видоизменялись. Был великий и нерушимый Союз. Была диктатура пролетариата и диктатура партии. И вместо православия — всепобеждающее учение марксизма-ленинизма. И все наши духовные начала были подчинены эти трем постулатам.

— **А разве не им же служили историки вашего времени?**

— Мы не были исключением. И не стали святыми. Просто мы все вышли из этой шинели.

После XX съезда партии, когда обозначились некоторые послабления, вернее, оттепель, во вторую волну при Горбачеве, когда началась демократизация всей жизни, историки начали пересматривать концепции и избавляться от анахронизмов. Вот тогда и начался в некоторой степени поход в историю.

С обретением независимости, которую некоторые называют парадом суверенитетов, наши возможности увеличились. Историки обрели общегосударственную поддержку. Наш президент Назарбаев Нурсултан Абишевич оказался человеком мыслящим и стал уделять истории большое внимание.

— **Что, естественно, стимулировало поиск, осмысление и соперничество. Что удалось нового открыть, старого переосмыслить?**

— Главное — начался период возрождения истории. Мы первые на территории экс-Союза осмелились на проведение международных конференций с пересмотром сложившихся концепций при Советах. Имею в виду такую тему, как присоединение Казахстана к России, в частности, и присоединение окраин, в целом. Затем вместе с московским институтом мы провели конференцию по истории коллективизации.

— **И взяли под сомнение историю коллективизации. Вам не было тогда страшно?**

— Но тогда еще не употреблялись термины силовая коллективизация, насильственная. Все это появилось чуть позже. Чуть позже историки стали говорить не о каких-то ошибках, а о целой системе, “новой” модели модернизации страны, в угоду которой принесены в жертву целые народы.

Потом появились и более жесткие оценки — геноцид, этноцид. Стали говорить о демографической катастрофе целых народов.

— **Термин “белые пятна истории” появился именно в этот период? Мы не избавились от пятнистого оленя истории?**

— Мы начали эту работу в начале 80-х. Разработали программу по ликвидации белых пятен истории. Сегодня издан ряд сборников документальных источников, что создало документальную основу и в конечном счете все работы открыли возможность создания обобщающих работ по крупным полотнам. Например, по истории национально-освободительного движения, по истории коллективизации сельского хозяйства и аграрных преобразований большевизма, по истории этноцида, истории Алаш.

— Над чем работают ученые-историки сейчас?

— Над многотомной историей Казахстана. Первый и второй том уже вышли. Сейчас готовится к изданию второй том на казахском языке. Усиленно работаем над третьим томом, на подходе четвертый, пятый. Замечу, что на постсоветском пространстве, это первый опыт создания обобщающей работы. Завершена работа над военной историей. Она сегодня в редакции. Недавно моя статья о необходимости военной реформы была опубликована в республиканской газете.

— И это показалось для меня весьма странным. Ведь вы гражданский историк, с одной стороны. С другой, как историк, вы анализируете и препарируете прошлое. В статье же вы попытались смоделировать будущее.

— В Казахстане сейчас вырабатывается новая идеология как система идей и духовных ценностей. В качестве общенациональной идеи, которая должна обеспечить нормальное функционирование нашего общества, выдвинуты идея упрочения гражданского мира и межнационального согласия, идея национального и общенационального, общеказахстанского патриотизма. При этом, на наш взгляд, следует шире и глубже исследовать истоки казахского и национального патриотизма. Этот аспект важен потому, что казахский народ несет особую ответственность в формировании общенациональной идеи упрочения гражданского мира и межнационального согласия.

В Ордабасы глава государства говорил: “Отныне у нас всех единая колыбель, Общая Родина — Казахская степь. Отныне мы не должны обособляться, делиться, коситься друг на друга: где бы мы не были, где бы не родились, у нас одни желания, одна цель, общие радости и горести... Казахский народ ныне обязан быть объединяющим началом всех народов, населяющих Казахстан. На пути к этой цели необходимо сплотить в одну общую семью все народы республики, объединить все усилия для ее достижения. Мы обязаны ради нашего будущего, ради благополучия наших внуков жить в мире и согласии.”

Что же нужно для формирования общеказахстанского патриотизма? Вырабатывать у граждан и, конечно же, у воинов сознание принадлежности к единому Отечеству, воспитывать у них чувство патриотического долга, ответственности за укрепление эко-

номической, духовной и военной мощи страны, защиту ее интересов, прививать им непримиримость к национализму, шовинизму, экстремизму, сепаратизму.

— Слышала от очень уважаемого человека, что сегодня наши историки подготовили весьма оригинальный труд по истории Казахстана на английском языке. Чем вызвана такая необходимость?

— Да труд весьма необычен. Мы не констатируем историю, а даем по крупным блокам — этногенез, история государственности, национально-освободительные движения, история Казахстана в составе Российской империи и Советского Союза... Все это в наборе, все это будет оригинально иллюстрировано.

Еще мы создали историко-этнографический очерк “Казахи”, который по примеру двухтомника академика Гафурова “Таджики”, был начат еще в советское время. Конечно, с высот сегодняшнего времени — это не шедевр.

— В последнее время в стране пошла волна общественного интереса к генеалогии. Многие задаются вопросом — кто я? Откуда родом? И здесь от великого до смешного один шаг. С кем не поговори — дальний (или близкий) родственник батыра. Не наступило ли время расставить все (или всех) по своим местам?

— Да, интерес к генеалогии и этимологии в последние 10 лет огромен. Поиск и осознание себя как части рода, жуза в период обретения независимости вполне оправдан, но... Порой происходят странные вещи, если не сказать огромные искажения, где верховенствует жузовская идеология. Поэтому, чтобы предотвратить подобные вещи, мы создали историко-методологическую основу казахской этимологии. Работа, в основном, завершена и будет издана издательством “Атамұра”.

— В последнее время появился ряд интересных и новаторских работ по истории. Но... Общество и казахи сами много узнали нового о своем прошлом. А если взять шире, в разрезе общечеловеческой цивилизации?

— В июне, ориентировочно в третьей декаде, состоится сессия Академии наук, посвященная проблемам отечественной истории. Будет выступать сам Президент. От имени историков предполагается и мой доклад. На сессию приглашены историки из-за рубежа.

Если быть точным, то тема иностранных участников сессии обозначена как “Роль и место Казахстана в истории мировой ци-

визации". Свое видение представят историки США, американского континента и старого света. Предполагаем, что российские коллеги будут активными участниками сессии. Среди них — академики А. Сахаров, А. Деревянко. Приглашены и выдающийся историк Китая Су Бей Хей, профессор из Японии Инто...*

Если же говорить о сути вопроса, то наши зарубежные коллеги, изучающие историю цивилизации, полагают — было восемь цивилизаций. Английский историк Арнольд Тойнби считает, что была 21 цивилизация. Но ни в одной цивилизации мы, казахи не принимаем участия. Получается, что мы вне цивилизации, вне истории. Поэтому, естественно, мы хотим определить свое место в мировой истории и истории мировой цивилизации.

Впервые за более чем полувековую историю казахстанская академия ставит на повестку дня проблему отечественной истории.

— Помимо этого глобального события, что еще ожидает общественность страны и любителей истории?

— Ожидают не менее интересные конференции. Одна из них пройдет в Таразе и посвящена истории древней цивилизации. Вторая — в Жезказгане — рассмотрит средневековую историю казахов. Активно идет подготовка к конференции по тюркскому миру. А в Акмоле мы обсудим проблемы современности и евразийства, проблемы суверенного Казахстана на международной конференции.

Впервые в нашей стране начнется фронтальное этнокультурное обследование. Во все области выедут наши этнологи, фольклористы.

— А есть ли что собирать и сохранять? Не опоздали ли ученые?

— Мы знаем каким был народ к началу XX века. Теперь мы хотим примерно представить с чем мы идем в XXI век.. Что из себя представляет современная казахская нация, современный Казахстан. Конечно, цивилизация — вещь коварная. Развитие, хотя и было эволюционным, но...

XX век был веком революций, огромных разрушений всего и вся. Мы многое потеряли. И надо выяснить — что мы потеряли.

* Фамилии зарубежных историков даны неверно - читать Су Бихай, Ито Шуйчи (Ред.)

— Манаш Кабашевич, спасибо за беседу. Редакция надеется, что вы станете нашим постоянным собеседником и автором. Мы считываем на ваши статьи.

— Договорились... За мной статья о цивилизационном подходе к истории казахов. Мы считаем, что цивилизация — Степная и простирается она от Алтая до Дуная. Это еще А.Окладников сказал. И началась она с тюркского каганата...

Вторая статья — еще раз о присоединении Казахстана к России...

— Ждем. И объявляем эти темы для наших читателей.

“Столичное обозрение”, 1998, 3 апреля.

“ТАРИХ-И РАШИДИ” МИРЗЫ МУХАММАД ХАЙДАР ДУГЛАТА — ВЫДАЮЩИЙСЯ ПАМЯТНИК ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ

Мирза Мухаммад Хайдар Дуглат (1499-1500-1551) — как историк, как сын земли и летописец, принадлежит к казахскому народу. Ч. Ч. Валиханов, а вслед за ним академик А. Х. Маргулан справедливо считали его первым отечественным историком. Талантливый русский исследователь Сергей Константинович Богоявленский как-то отмечал: “Я позволю себе пожелать, чтобы мы, заинтересовавшись местной историей и культивируя местный патриотизм, не доводили бы его до сепаратизма, чтобы мы, напротив, любя свой родной край и посвящая свои силы изысканию прошлых его судеб, любили также и родину в ее целом, в ее высшем и общем понятии и не упускали бы мысли о ее благоденствии, величии и славе”¹. Думается, что Мухаммад Хайдар Дуглат в широком смысле слова является историком широкого профиля, всей Центральной Азии, Востока. В этом ключе он принадлежит всему Востоку, всему человечеству.

¹ Черепнин Л.В. Отечественные историки XVIII-XX вв., М., 1984, с. 6.

Труд “Тарих-и Рашиди”, прославивший автора на века, является одновременно выдающимся памятником литературы, историческим источником. Прав был В.П.Юдин, когда писал, что “Тарих-и Рашиди” — один из основных первоисточников по истории казахского народа. Начиная со времени В. В. Вельяминова-Зернова, почти полностью привлечшего в своем исследовании известия “Тарих-и Рашиди” о казахах², ни один исследователь истории казахского народа не проходит мимо этого сочинения”³.

Образцы культурно-исторических, текстологических изысканий этого труда показал Ч. Ч. Валиханов. Он определил, что первая часть труда является историей отрасли джагатаидов, происшедшей от Тугулука Тимур-хана. “Вторая часть, — писал Ч. Ч. Валиханов, — содержит обстоятельства (из жизни) самого автора: то, что слышал, видел о ханах и султанах джагатайских, о узбеках и о неприятностях, которые имел он от своих родственников-ханов”⁴. По мнению Ч. Ч. Валиханова, работа Мухаммада Садыка Кашгари “Тазкира-и Ходжаган”, являющаяся сокращенной редакцией его труда “Тазкира-и Азизан” (жизнеописание святых), как бы служит продолжением “Тарих-и Рашиди” Мухаммада Хайдара. Ч. Ч. Валиханов составил генеалогические таблицы по “Тарих-и Рашиди”, схематическую карту Моголистана, установил, на основании каких источников летопись написана, провел сравнительный анализ рукописи источника из Кашгарского перевода с персидским оригиналом “Тарих-и Рашиди”, тем самым, придав этому оригинальному источнику значение не только как памятнику литературы, а, прежде всего, как историческому источнику.

Продолжая анализ Ч. Ч. Валиханова, я бы квалифицировал первую часть источника как летописный свод, написанный по образцу “Зафар-наме”. Вторая же часть во многом напоминает аналитический трактат о событиях, участником которого были он и его ближайшее окружение. Несмотря на то, что между историей джагатаева улуса и историей моголистанской элиты первой половины XVI в., которую представлял сам автор и его окружение,

² Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевича. Ч.2, СПб., 1864.

³ Материалы по истории казахских ханств XV-XVIII веков. (Извлечения из персидских и тюркских сочинений) // Составители: С.К.Ибрагимов, Н.Н.Мингулов, К.А.Пищулина, В.П.Юдин. Алма-Ата, 1969, с.190.

⁴ Валиханов Ч.Ч. Собр.соч. в пяти томах. Алма-Ата, 1985, т.IV, с.15

ниц: “Восточная окраина (Могулистана) примыкает к землям калмаков и (включает в себя) Барс-Куль⁵, Эмиль⁶ и Иртыш. На севере он граничит с Кокча-Тенгизом⁷, Бумом⁸ и Кара-Талом⁹, на западе — с Туркестаном и Ташкентом, на юге — с Ферганским вилайетом, Кашгаром, Аксу, Чальпшем и Турфаном. Из этих четырех границ я, (Мухаммад Хайдар), видел южную границу.

Из Ташкента до Андижана (расстояние) десятидневного пути, от Андижана до Кашгара — двадцатидневный путь, от Кашгара до Аксу — пятнадцатидневный; от Аксу до Чальпша — двадцатидневный, от Чальпша до Турфана — десятидневный, от Турфана до Барс-Куля — пятнадцатидневный путь. Барс-Куль является восточной границей Могулистана. Протяженность (южной границы) составляет трехмесячный путь торгового каравана и имеет девяносто переходов. Однако остальные три стороны (Могулистана) я, (Мухаммад Хайдар), не видел, но по рассказам людей, (бывших там и) видевших их, становится понятным, что протяженность остальных трех границ большая, чем эта. Протяженность границ всех этих земель составляет путь семи-восьми месяцев”¹⁰.

Как историк-исследователь автор раскрывает сложную историю Моголистана, внутреннюю и внешнюю политику его вассалов. Ему удалось показать, почему именно эмиры племени дуглат возглавили движение тюркской и тюркизированной монгольской кочевой знати за отделение от Мавераннахра и создание собственного ханства (Манглай-субе, Семиречье, Тяньшань, Кашгария). “Тарих-и Рашиди” дает нам картину административно-политического устройства этого государства. Из него мы узнаем о закреплении Тоглук Тимур-ханом наследственной должности великого эмира или улусного бека (**улус-беги**) за главой племени дуглат, о работе ханского совета — **маджлиса**, о существовании главной государственной канцелярии — **дивана**, финансовых ведомств, налоговых управлений, дипломатической службы, о существовании государственных чиновников — **наиба** (заместитель, наместник,

⁵ Барс-Куль — озеро Баркуль, расположен. вост. Хами (Комула).

⁶ Эмиль — река в Тарбагатае.

⁷ Кокча-Тенгиз — озеро Балхаш.

⁸ Бум (Бумиш) — река, идентификации не поддается.

⁹ Каратал — река, впадающая с юга в оз. Балхаш.

¹⁰ Материалы по истории казахских ханств XV-XVIII вв. (Извлечения из персидских и тюркских сочинений), с.219.

регент), **даруга** (правитель, ханский наместник в городе, области, управляющий делами города), **миршикара** (главный распорядитель охоты), **йасавула** (ясаул — распорядитель церемоний на ханских торжествах). Все это свидетельствует о существовании сложившейся государственной машины управления.

Мухаммад Хайдар довольно профессионально описывает вопросы военного строительства, дает высокую оценку стратегии и тактике Казахского ханства Гирея и Джанибека, Касым-хана. Первая плеяда государственных мужей ханства, как свидетельствует автор, умело использовала геополитическую обстановку, внутренние раздоры и противоречия соседних стран, выгодно выступала в династийные связи, проявляла мирные инициативы, формируя военной силой и дипломатией территориальную целостность в пределах размещения этнополитической общности казахов. Ученый-историк с удовлетворением неоднократно подчеркивает, что “начиная с эпохи Исан-Буга-хана до времени Рашид-хана между могулами и казахами существовали дружественные и мирные отношения”¹¹.

В то же время Абу-л-Хайр-хан и его сыновья находились в состоянии вражды с могулами и Казахским ханством. Так как Кирай-хан и Джанибек-хан приобрели значительную силу”, преемники Абу-л-Хайр-хана старались “держаться от них подальше” и находились “на территории Туркестана”¹². Рашид-хан “вступил в союз с шайбанидами”, — отмечает далее Мирза Мухаммад Хайдар Дутлат, — “он сокрушил узбеков-казахов. Воистину, если посмотреть, как обстояли дела раньше, то можно понять, что разгром узбеков (казахов) был редким и выдающимся событием”¹³. О могуществе Касым-хана свидетельствует и тот факт, что ключ от Сайрама был ему добровольно и без боя вручен знатнейшими лицами города¹⁴.

Ученый уделяет огромное внимание проблемам духовной жизни Моголистана. Он отмечает, что основатель Могул улуса Туглук-Тимур-хан первым принял ислам. Он не скрывает, что среди кочевого населения ислам не пользовался популярностью. Ученый пишет: “В своем стремлении насадить ислам среди могулов он проявлял суровость и жестокость. Так, известно, что, если ка-

¹¹ Материалы по истории казахских ханств ... с.196.

¹² Там же, с.198.

¹³ Там же, с.216.

¹⁴ Там же, с.223.

кой-либо могуч не накручивал на голову чалму, ее прибавляли к голове гвоздями”¹⁵.

“Тарих-и Рашиди” является одним из важнейших источников, выясняющих проблему этногенеза казахского, киргизского, узбекского народов. Данные этого источника дают основание утверждать:

1. В Могулистане жили дуглаты, канглы (бекчики), кераиты, аргинуд, арлаты, барласы, джалаиры.

Политическое господство в восточной части Чагатайского улуса принадлежало в тот период дуглатам. Подобно тому, как в степи от Алтая до Дуная Дешт-и Кипчак объединял под единым началом 92 племени, дулаты в Старшем жузе под единым именем объединяли суанов, албанов и прочие племена. Совершенно права К.А.Пищулина, когда утверждает, что “оставаясь в период Могулистана на своей древней территории, дуглаты составили важнейшую часть Старшего жуза, казахской народности в целом”¹⁶. Полагаю, что в период, описываемый Мирзой Мухаммад Хайдар Дуглатом в работе “Тарих-и Рашиди” дуглат по существу был синонимом Старшего жуза.

2. “Тарих-и Рашиди” отмечает, что кераиты обитали на территории северо-восточного Семиречья в районе Тарбагатай, по левобережью Или, в районе Ыанги-Тараза. Аргыны, в частности Хаджи-бек аргын, участвовали в составе походов Тоглук-Тимура в Мавераннахр, сражались на стороне Камар-ад-Дина Дуглата¹⁷. Аргыны были древними обитателями Семиречья на обширной территории от р.Эмиль и Тарбагатай до р.Каратал и далее на запад до Сайрама¹⁸.

В труде Мирзы Мухаммад Хайдар Дуглата, как известно, содержатся сведения о времени возникновения казахского ханства. В “Тарих-и Рашиди” мы читаем: “В то время в Дашт-и Кипчаке владычествовал Абу-л-Хайр-хан. Он причинял много беспокойства султанам джучидского происхождения. Джанибек-хан и Кирей-хан бежали от него в Могулистан. Иса-Буга-хан охотно принял их

¹⁵ Пищулина К.А. Юго-Восточный Казахстан в середине XIV – начале XVI века. Алма-Ата. 1977, с.98

¹⁶ Пищулина К.А. Там же, с.239.

¹⁷ Тарих-и Рашиди. Л., 856, 25а и др.

¹⁸ Пищулина К.А. Указ.раб., с.341; Муканов М.С. Этнический состав и расселение казахов Среднего жуза. Алма-Ата, 1974, с.47-50.

и предоставил им округ Чу и Козы-Баши¹⁹, который составляет западную окраину Могулистана. В то время как они благоденствовали там, узбекский улус после смерти Абу-л-Хайр-хана пришел в расстройство; (в нем) начались большие неурядицы. Большая часть (его подданных) откочевала к Кирей-хану и Джанибек-хану, так что число (собравшихся) около них (людей) достигло двухсот тысяч человек. За ними утвердилось название узбеки-казахи (узбек-казак). Начало правления казахских султанов — с восьмьсот семидесятого года²⁰, а Аллах лучше знает”²¹.

Исследователи на основе этих утверждений пришли к разным выводам. Наиболее основательными, на мой взгляд, являются научные доводы исследователей Султанова Т. И. и Пищулиной К. А.²². Продолжая эту дискуссию, выскажу свое мнение по этому вопросу:

1. Никким образом нельзя связывать образование Казахского государства с одним “бегством” или откочевкой Кирей-хана и Джанибек-хана, хотя процесс откочевки выражал суть раскола и продолжался более десятилетия.

2. Они, как и Абулхайр и другие ханы Ак-Орды, были законными наследниками власти.

3. На рубеже XV и XVI вв. происходил распад суперэтнуса кипчак, на его основе происходила консолидация тюркских и тюркизированных племен Дашт-и Кипчака и Семиречья в казахскую народность.

4. Гирей (Кирей)-хан, Джанибек-хан были вождями тех родов и племен Дашт-и Кипчака, которые выступили объединителями близких по языку, культурным традициям, образу жизни родоплеменных групп из Центрального и Южного Казахстана.

5. Кирей-хан и Джанибек-хан, предводители казахов, не откочевали, а откололись, разъединились, объявили о своей независимости, точнее, если говорить современной терминологией, са-

¹⁹ Имеется ввиду долина реки Чу, на западе Могулистана. Козы-баши – горный джайлау на Курдае против Даргана (Таргана). Прошлое Казахстана в источниках и материалах. М.; Алма-Ата, 1935.

²⁰ 870 г. – 1465/1466 г. н. э.

²¹ Материалы по истории казахских ханств XV-XVIII вв., с.195.

²² Султанов Т.И. Некоторые замечания о начале казахской государственности // Известия АН КазССР. Серия общ.наук. 1971, № 1, с.54-55; Пищулина К.А. Юго-Восточный Казахстан в середине XIV – начале XVI века. Алма-Ата, 1977, с.254-258.

моопределились. В данном случае “откочевка” стала одной из форм выражения самоопределения, отчуждения.

Нет сомнения в том, что вожди казахов оказались великолепными прогнозистами, деятелями высокого класса. Они учли особенности исторического процесса не только внутри своих улусов, а в масштабе всего региона. Об этом свидетельствует и автор “Тарих-и Рашиди” следующим образом: “В восемьсот пятьдесят пятом году²³ в юрте Джучи-хана, сына Чингиз-хана, или, что то же самое, в Дашт-и Кипчаке, был государем Абу-л-Хайр, из потомков Джучи. В те времена в этой юрте не было правителя могущественнее его. После его смерти его подданные пришли в состояние замешательства и разброда. Большое число людей присоединилось к Кирей-хану и Джанибек-хану, казахам, о которых уже упоминалось”²⁴.

б. И последнее, многие участники дискуссии концентрируют внимание на то, что Казахское ханство возникло в 1465-1466 гг. При этом они не учитывают ряд обстоятельств:

а) Ак-Орда, страна кипчаков, спустя менее одного столетия после монгольского владычества, перестала быть государством завоевателей. Внутри этого и других государственных образований империи Чингиз-хана шел, вернее, интенсивно продолжался сложный процесс этнообразования, консолидации народностей.

б) Гирей и Джанибек — представители господствующей династии, как сказано в “Тарих-и Рашиди”, отделились “от своего многочисленного народа”, что свидетельствует, что “Ак-Орда” была, по-существу, Казахским государством.

в) К.А.Пищулина, ссылаясь на многочисленные другие источники, написанные за два-три десятилетия раньше “Тарих-и Рашиди” отмечает, что в них Джанибек и Гирей упоминаются уже как ханы²⁵. Иначе говоря, процесс становления Казахского ханства шел не один год. Автор “Бахр-ал-асрар”, пишет К. А. Пищулина, “говоря о начальном периоде пребывания их в Могулистане, подчеркивает, что “в то время Кирей-хан был назван государем”. Ясно одно, нельзя абсолютизировать ни один источник, ни одну дату.

Применительно к “Тарих-и Рашиди” можно сказать, что Мирза Мухаммад Хайдар Дуглат был значительно умнее многих

²³ 855 г. – 1451 г. н.э. В Л. – “в.855 г.” (1446/1447 гг. н.э.).

²⁴ Материалы по истории казахских ханств..., с.198

²⁵ Пищулина К.А. Указ.соч.,с.257.

из нас, когда он писал: “Начало правления казахских султанов — с восьмьсот семидесятого года, а Аллах лучше знает”.

Да, “Аллах лучше знает”, с какого времени можно начать летоисчисление Казахского государства. Но ясно другое — Казахское ханство является законным наследником государства усуней, кереев, найманов, даев, кантлы, дулатов и других племен, вошедших в этнический состав казахов, Тюркского каганата, Золотой Орды и других государственных образований, созданных на территории Казахстана. Разумеется, это не означает, что казахская государственность начинает свое летоисчисление от племенных государственных образований. Особо следует обратить наше внимание на те государственные образования на территории Казахстана, которые существовали в X-XIII вв., прежде всего, на государства кипчаков, кимаков, после монгольского нашествия — Золотую Орду, Ак-Орду и др.

Не случайно Ч. Валиханов отмечал, что по преданиям своим казахи почитают себя потомками татар Золотой Орды. Немногочисленные монгольские завоеватели при встрече с высокой культурой народа Дашт-и Кипчака быстро растворились и, как отмечает историк аль-Омари, “все они стали похожими на кипчаков”²⁶. Не подлежит сомнению то, что казахский народ был одним из народов Востока, давший цивилизации опыт государственности, державности, образования и культуры. Труд историка мирзы Мухаммад Хайдара Дуглата “Тарих-и Рашиди” тому еще одно яркое свидетельство.

Хотел бы особо отметить еще одно достоинство первого историка, основателя исторической школы казахов мирзы Мухаммад Хайдара Дуглата. Он утверждает, что к Кирей-хану и Джанибек-хану откочевала большая часть (его, Абулхайр-хана, подданных) и их число составило около двухсот тысяч человек. Касым-хан, сын Джанибек-хана, “распространил свою власть над Дашт-и Кипчаком. В его армии (лашкар) было более миллиона человек. После Джучи-хана в этой юрте не было (хана) более могущественного, чем он”²⁷. “Касим-хан, — пишет далее автор, — сделался полным властелином во всем Дашт-и Кипчаке и приобрел такую известность и могущество, какого еще никто не имел после Джу-

²⁶ Там же

²⁷ Материалы по истории казахских ханств..., (

чи-хана, число его войска превышало тысячу тысяч”²⁸. Авторы “Истории Казахской ССР” (1943 г.) под редакцией А.М.Панкратовой опирались на источники, прежде всего на “Тарих-и Рашиди” мирзы Мухаммад Хайдара Дуглати, когда считали, что государство Касыма было “относительно централизованным государством, что оно по уровню своего развития стояло выше империи Чингизхана, Киевского государства и империи Карла Великого...”²⁹.

Известно, что в рецензии М.А.Морозова на первое издание “Истории Казахской ССР”, напечатанной в журнале “Большевик” (№ 6, 1945 г.), было указано, что авторы и редакторы преувеличили степень централизации Казахского государства. Авторы и редакторы “Истории Казахской ССР” второго издания под идеологическим напором были вынуждены отступить и изменить свои взгляды. “Однако было бы ошибочным считать, — читаем мы в издании 1949 г., — что при Касыме было образовано сильное централизованное государство. Централизация власти при Касыме носила крайне относительный характер...”³⁰, что ни Хакназару, ни Тевеккелю не удалось создать казахского ханства в его этнических границах... Казахское ханство при Хакназаре и Тевеккеле продолжало оставаться слабым”³¹.

Некоторые советские историки пошли дальше в деле умаления казахской государственности и все более приближались к взглядам царских сатрапов. Так, небезызвестный историк А. Ф. Якунин писал, что в Казахстане никогда объединенного государства не существовало. Он утверждал, что в Казахстане было всегда три жуза, три орды³². Но если А. Ф. Якунин в своем стремлении преуменьшить степень крепости Казахского государства ограничился простой ссылкой на досоветских авторов, то профессор С. Л. Фукс создал особую теорию о сущности Казахского государства. По его мнению говорить о государственности при Касыме, Хакназаре,

²⁸ Материалы по истории казахских ханств..., с.222.

²⁹ История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней. Алматы, 1943, с. 107.

³⁰ История Казахской ССР. Алма-Ата, 1949, т. I (второе издание), с.116-117.

³¹ Там же, с.144.

³² Рецензия на Известия АН КазССР. Вып.2. Сер.истор. Вопросы истории, № 33, 1949. Кто-то, а А. Якунин прекрасно знал памятники XV-XVI вв., относящиеся к истории Моголистана и Узбекистана, по которым можно было легко установить, что при ханах Касыме, Хакназаре и Тевеккеле границы Казахского ханства охватывали в той или иной мере территории всех трех орд (жузов) — **М.К.**

Тевеккеле и Тауке как об “объединенной”, “единой”, “относительно централизованной” ошибочно, поскольку “о централизации, объединении, единстве государства, хотя бы относительном, можно говорить только там, где объединены, централизованы в общегосударственном масштабе хотя бы некоторые рычаги государственного механизма, например, армия, полиция, суд, аппарат управления”³³, чего в Казахстане не было.

Казахское государство при Касыме, Хакназаре и Тевеккеле, по мнению С. Л. Фукса, было военным объединением, возглавленным временным, более или менее устойчивым ханом, оборонительно-наступательным военным союзом отдельных мелких государственных объединений казахских “родов”, предводительствуемых султанами³⁴.

Несмотря на огромное идеологическое давление, оказанное Коммунистической партией, историки С. В. Юшков, В. Ф. Шахматов, М. П. Вяткин защищали идею казахской государственности. В своей рукописи С. В. Юшков отмечает, что “в конце жизни хана Касыма Казахское государство стало представлять собой весьма крупное государство. Известия об образовании этого государства, включившего подавляющее число тюркоязычных племен Дашт-и Кипчака, в конце концов достигли и до соседних государств. Известно, что Казахское ханство и его хан сделались известными и русскому государству”³⁵.

Все это еще раз свидетельствует о том, как высоко ценился “Тарих-и Рашиди” как достоверный источник истории становления и укрепления Казахского ханства. “Тарих-и Рашиди” свидетельствует, что первоначально за подданными Кирей-хана и Джанибек-хана (“утвердилось название узбеки-казахи (узбек-казак)”) ³⁶. Мухаммад Хайдар Дуглат в начале своего сочинения речь ведет преимущественно об узбеках-казахах, узбеках. Ко времени правления Касым-хана автор повествует о деянии казахов. Так, постепенно это прослеживается по источнику, этноним “узбек-казак” отходит на второй план, а потом исчезает. Автор труда пишет: “Короче говоря, начиная с эпохи Исан-Буга-хана до времени Рашид-хана, между могулами и казахами существовали дружествен-

³³ Известия АН КазССР, № 102. Серия юридическая. Вып.3, 1951, с.96-97.

³⁴ Известия АН КазССР. Серия юридическая. Вып.3, 1951, с.101.

³⁵ Архив АН РК, ф.рукописи С.Юшкова.

³⁶ Материалы по истории казахских ханств..., с.222.

ные отношения...”³⁷. В другом месте Мухаммад Хайдар Дуглат пишет, что “большое число людей присоединилось к Кирей-хану и Джанибек-хану, казахам...”. Автор отмечает, что “казахи по распоряжению Касим-хана двинулись на зимовки”³⁸. Так, в жизни менее одного поколения этноним “казах” становится доминирующим. Казахия утвердилась как государственность под названием “Казахское ханство”. К территории Западного Семиречья (долины Чу и Таласа) впервые в источниках отнесено название “Казахстан” (Зайн-ад-Дин Васифи)³⁹.

Таковы некоторые проблемы, которые стали сюжетом сочинения Мухаммад Хайдара Дуглата по истории казахов, не потерявших своего значения для его соотечественников и в условиях независимости.

Вестник АН РК, 1997, № 6.

МУХАММАД ХАЙДАР-МИРЗА ДУГЛАТ О КАЗАХАХ И КАЗАХСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Историческое сочинение выдающегося средневекового могольского историка и политического деятеля Мирзы Мухаммад Хайдар Дуглата “Та’рих-и Рашиди” пользуется широкой и заслуженной известностью у востоковедов, источниковедов и историографов истории народов Центральной Азии.

История четырех родственных тюркских народов — казахов, кыргызов, уйгуров и узбеков — наиболее подробно освещена на страницах “Та’рих-и Рашиди”. Каждый из них вправе считать Мирзу Мухаммад Хайдар Дуглата отечественным историком. Он родился в Ташкенте, в разные города Средней Азии бросала судьба в его юные годы. В Кашгарии, где предки Мухаммад Хайдара, улусбеки — дуглаты, владели более трех столетий землями и городами, сам автор

³⁷ Материалы по истории казахских ханств..., с.196.

³⁸ Там же, с.227.

³⁹ Пищулина К.А. Юго-Восточный Казахстан в середине XIV — начале XVI века, с.259.

“Та’рих-и Рашиди” прожил почти двадцать лет и Султан Саид-хан верил ему “все дела войска и государства” (л. 173 а — здесь и далее: рукопись “Та’рих-и Рашиди” ИВАН РУз N 1430).

Мухаммад Хайдар-мирза понимал высокое назначение, “достоинство науки истории”, как руководство в жизни “всех людей мира”. Основная цель его труда, по его словам, — написать историю монгольских (могольских) ханов Монголистана (Моголистана) со времени принятия ими ислама, т. е. со времени Чагатаида Туглук Тимур-хана. Он оставил в наследство потомкам первоклассный источник исторических сведений по политической, этнокультурной, социально-экономической жизни нескольких тюркских народов за 200-летний период развития их исторических судеб на территории обширного региона, который занимало государство Моголистан — главный объект исследования Мирзы Хайдара, а после его распада — Казахское ханство в Жетысу в период его становления, Кыргызское государственное объединение (при Мухаммад-Кыргызе в начале XVI в.) и государство Могулия в Восточном Туркестане (с 1514 г.).

Из всего обилия историографического материала “Тарих-и Рашиди” остановимся лишь на его сведениях о Казахстане. Государственный и историко-географический термин Моголистан (Могулистан) образован от этнонима могол (могул). Так всегда писали и произносили в Средней Азии и в целом на мусульманском Востоке название народа монголы. “Страной моголов” (монголов), “Моголистаном” (Монголистаном) называли регион Юго-Восточного Казахстана, Кыргызстана и части Восточного Туркестана. Его территория, по описанию Мирзы Хайдара, простирается от Ташкентского и Туркестанского вилайетов на западе до озера Баркуля и города Хами (Комул) на востоке, от Балхаша и Тарбагатая, Черного Иртыша и, возможно, Алтая на севере до границ Ферганы и оседло-земледельческих оазисов Кашгарии на юге. Кашгар на севере, отмечает Мирза Хайдар, “граничит с горами Моголистана”, а горы эти тянутся от Шаша (Ташкента) до Турфана и “упираются в земли калмаков” (л. 186а). Таким образом, Кашгария не входила в историко-географический регион под названием Моголистан.

Территория же политического объединения, государства Моголистан (в источниках оно называется также “Улусом” того или иного хана, Могольским улусом, Могольским илем и т.д.) была го-

раздо шире. В его состав входил собственно Моголистан (“Страна моголов”) и большая часть Восточного Туркестана, называвшаяся в источниках Манглай Субе (по Мухаммад Хайдару — “Солнечная сторона” т. е. южная сторона по отношению к лежащему на север от Кашгарии Моголистану и его горам, Тянь-Шаню. Наследственный удел дуглатских эмиров-улусбеков, важнейших, после хана, лиц в государстве, — Манглай Субе включал в себя территорию Кашгарии и южные части Кыргызстана, с городами Кашгар, Яркенд, Хотан, Аксу, Кашан (Куча), Ахсикет, Атбаши и др. При Хызр Ходжа хане к государству могольских ханов была присоединена и Восточная Кашгария (Уйгурское государство), до того подчинявшаяся монголам, правившим в Китае (л. 33а).¹ В дальнейшем территория государства Моголистан постепенно изменялась в сторону сокращения. С 80-х годов XV в. в состав владений моголистанских ханов вошли Ташкент и Сайрам, но отпало Жетысу, перешедшее под власть казахских владетелей. Ко времени распада Моголистана в начале XVI в. власть его ханов ограничивалась только Кашгарией.

В составе моголов Моголистана Мухаммад Хайдар-мирза называет более двух десятков племен, тюркских и монгольских по своему происхождению. Наибольшее число племен названо автором в рассказе об эмирах “предводителях частей войска и кошунов” и бахадурах, поддерживавших Султан Са’ид-хана в его выступлении на Кашгар против Аба Бакра мирзы Дутлата (лл. 192 а—195 б). Племена эти следующие: дуглаты, духтуй, барлас, барки (йарки), урдубеги, итарджи, кунджи, чурас, бекджак (бекчик), карлук, макрит (меркит), шункарчи. В разных ситуациях названы еще представители: арлат, булгачи, аркинут (арканут), кераит, канглы, сальдуз, чагирак, туркмен и др. Упомянуты среди могольского населения уйгуры и сары-уйгуры. О кыргызах Хайдар-мирза пишет, что они “также могольское племя” (л. 85 а). Джалаиры и кыпчаки действуют, по Мухаммаду Хайдару, в соседнем государстве эмира Тимура.

Появление составивших этнополитическую общность моголов Моголистана племен на его территории относится к разному времени.

Канглы, карлуки, кыпчаки, уйгуры относятся к тем древним тюркским народам Жетысу, Притяньшанья и Кашгарии, которые

¹ Тихонов Д.И. Хозяйство и общественный строй Уйгурского государства (X - XIV вв.). М.-Л. 1966, с.50 - 51, 60.

развивали свою культуру и имели богатую событиями историю в Карлукском ханстве, государстве Караханидов, каганатах карахытаев, уйгуров. Под давлением событий, происходивших в собственно Монголии на рубеже XII – XIII вв., передвинулись с востока в Жетысу найманы и кереиты. В ходе монгольских завоеваний переместились на запад, на территорию Восточного Дашт-и Кыпчака, Жетысу, в Притяньшанье, Мавераннахр мангыты, кыяты, барласы, кунраты, дуглаты, татары, джалаиры, барины и другие племена.

Завоевание привело с собой на эти земли не только монгольские, но и тюркские этнические группы. “Везде в монгольскую эпоху замечается усиление турецкого элемента,”² расширения тюркского присутствия на западе. Известно, что часть монголов составляли тюркские племена и роды³; было престижно принять имя главенствующего в Монгольской империи народа. Рашид ад-Дин писал об этом: “[Разные] тюркские племена из-за самовосхваления называют себя [тоже] монголами, несмотря на то, что в древности они не признавали этого племени.”⁴ В частности, племена тюркского происхождения джалаир, татар, меркит, курлаут, булгачи и др. стали называться монголами со времен Чингиз-хана⁵. Большая часть из перечисленных выше племен Моголистана была изначально тюрками.

Постепенно, как и в соседнем Дашт-и Кыпчаке, где, по словам аль-Омари, “монголы стали точно кыпчаки”, в Моголистане шел процесс тюркизации и монгольских племен, ассимиляции монголов тюркской средой. Мирза Хайдар засвидетельствовал, что моголов осталось “сейчас”, то есть во время его работы над “Тарих-и Рашиди”, “в пределах Турфана и Кашгара около тридцати тысяч человек” (л. 85 а), и речь здесь идет о тех моголах, которые в окружающей тюркоязычной среде коренного населения Восточного Туркестана продолжали считать себя монголами, а к концу XVII в. слились с местным оседлым населением, утратив свой этноним “моголы” (монголы)⁶.

² Бартольд В.В. История турецко-монгольских народов. Соч. Т.V, М. 1968, с. 211

³ Академик Бартольд считал предков Чингиз-хана карататарами из Западного Туркестана, которые считали себя происшедшими из одного племени с голубыми тюрками, выходцами из Эргунекуна. См.: Заки Валиди Тоған. Воспоминания, кн. II, Уфа, 1998, с. 176.

⁴ Рашид ад-Дин. Сборник летописей, т.I, кн.1, М.-Л. 1952, с. 77, 102;

⁵ Ахмедов Б.А. Значение письменных памятников в изучении этнической истории узбеков. //Материалы к этнической истории населения Средней Азии, Ташкент, 1986, с.25.

⁶ Бартольд В.В. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии. Соч., т. V, с. 170-171.

Тюркоязычность основной массы моголов признана исследователями; убедительные доводы в этом плане приведены В.П. Юдиным⁷.

“Та’рих-и Рашиди” является одним из важнейших источников, дающих возможность раскрыть проблему этногенеза и этнической истории казахского, киргизского, уйгурского, в определенной степени и узбекского народов. Мухаммад Хайдар-мирза в своем труде отразил время завершения формирования трех тюркских народностей Центральной Азии, и формирование их завершалось в эпоху Моголистана (как и остальной части казахского народа, Среднего и Младшего жузов, — в эпоху Ак-Орды, Ханства “кочевых узбеков”, Ногайской Орды). Они стали правопреемниками моголов, их государственности, этнического состава, достигнутого уровня социокультурного развития. Одновременно вливались в эти народы части одних и тех же могольских племен и родов, что обусловило их близкое родство.

В списках 92 племен илатийа или “узбекских” племен (92 баулы озбек)⁸, части которых известны в составе народностей казахов, кыргызов, узбеков, каракалпаков, встречается не менее полтора десятков названий родов и племен, идентичных племенам, которые Мухаммад Хайдар относит к могольскому этносу.

На рубеже XV — XVI вв. эти народности и стали именоваться этническими именами, сохранившимися до настоящего времени: казахи, узбеки, кыргызы, каракалпаки и др. Мухаммад Хайдар-мирза приводит многочисленные примеры того, как рассеивались могольские племена по соседним территориям, где вливались в состав других этносов. Постоянно напряженной, с негативными для стабильности государства последствиями, была демографическая ситуация из-за внешних агрессий на его территорию⁹.

Но основная часть могольских племен все же оставалась в регионе Моголистана и Манглай Субе (Кашгарии) и в политичес-

⁷ Юдин В.П. О родоплеменном составе моголов Моголистана и Моголии и их этнических связях с казахским и другими соседними народами. // Изв. АН КазССР, вып.3, 1965, с. 57 - 59; Кыргыз и Кыргызстан: опыт нового исторического осмысления. (Кол. авторов). Бишкек, 1994, с. 47.

⁸ Материалы по истории киргизов и Киргизии. Выпуск I, М. 1973, с. 210-213; Курбангали Халид. Тауарих хамса (бес тарих). А., 1992, 58-6. (“Тауарих-и хамса-йи шарки” (Шығыстың бес елінің тарихы). Қазанда 1910 ж. шыққан - авт.).

⁹ История Казахстана с древнейших времен до наших дней. В 5 томах. Алматы, 1997, т. 2, с. 129, 143, др.

ких, государственных рамках Моголистана, как показывает это Мухаммад Хайдар Дуглат, постепенно разделялась на три группы племен, каждая из которых сплачивалась вокруг основного древнего этнического ядра. У кыргызской народности им стали алтайские кыргызы, передвинувшиеся в период Моголистана в Или-Иртышское междуречье и на территорию современного Северного Кыргызстана. Древние уйгуры (через Уйгурское государство X—XIV вв.) послужили основным ядром для одноименной народности в Восточном Туркестане. В казахском Старшем жузе таким древним ядром стали усунь, канглы, к ним позднее присоединились дулаты, кераиты, жалаиры.

Значительная часть наиболее крупных могольских племен вошла в состав казахского Старшего жуза и размещались эти племена примерно на тех же территориях.

Известно, что длительное вхождение населения Казахстана в XIII—XV вв. сначала в улусы чингизидов, а затем в систему государств послемонгольского времени — Ак-Орду, Моголистан, Ханство Абулхайра и Ногайскую Орду — способствовало укреплению традиций этнокультурного, экономического развития, военно-административной организации казахского общества в трех крупных узлах — жузах. Одним из них был Старший жуз, занимавший территорию Жетысу —предгорья Джунгарского Ала-Тау, земли к югу от озера Балхаш, на юго-запад от реки Чу до верховьев Сырдарьи. По данным конца XVIII в., в него входили шесть племен: дулат, сргели, сары-уйсун, жалаир, шаньшклы и канглы. Племя дулат, в количестве 40 тысяч юрт, в это время кочевало около границы с Китаем, в районе Кульджи, Кашгара, по рекам Талас, Ангрен, Чирчик и в других местах. Сары-уйсун и жалаир (70 тыс. юрт) кочевали около озера Алакуль, у Сырдарьи, зимовки их были на Сарысу.

Канглы вместе с шаньшклы кочевали от Сырдарьи в сторону Ташкента¹⁰.

Появление наиболее крупных племен Старшего жуза на зафиксированной поздним источником казахской этнической территории относится к уходящим в глубь веков временам. Значительные сведения об этом дает Мухаммед Хайдар-мирза.

¹⁰ Муканов Н.С. Этническая территория казахов в XVIII - начале XX в. Алма-Ата. 1991, с.5, 12; Его же. Казахские жузы, этническая территория. В кн.: История Казахстана. Т. 2., с. 304.

Дуглаты размещались, по его данным, во всех районах государства Моголистан — в Жетысу, в Прииссыккулье, в Кашгарии. Деятельность предводителей дуглатов, их политическое верховенство представлены Мухамед Хайдаром на протяжении всего периода истории государства могольских ханов. Дуглаты были и в составе империи эмира Тимура; в “Зафар-наме” Шараф ад-Дина Али Йазди названы высшие чины из дуглатов в Самарканде, в том числе состоявшие в родственных связях с Тимуром¹¹.

После ухода могольского хана Султан Са’ида основная часть могольских дуглатов оставалась на земле Жетысу. Именно на дуглатов устроил гонения в 30-х гг. его сын Абд ар-Рашид хан, и многие из них вернулись из Кашгарии в Жетысу. Они стали важнейшей частью Старшего жуза, дулатами. Вполне сопоставимы данные о численности дуглатов — дулатов: около 200 тысяч человек (40 тысяч семейств) в конце XVIII в. и около 120 тысяч (“не менее 24 тысяч семейств” — л.40а) при улусбеке Эмире Худайдаде Дуглате в XV в., хотя возможно не все его приверженцы были из дуглатов. Дуглат (доглат) — таково написание названия этого племени в рукописях “Та’рих-и Рашиди”, “Бабур-наме” Захир ад-Дина Бабура, в “Хронике” Шах Махмуд Чураса, “Бахр ал-асрар” Махмуда Ибн Вали, в сочинениях других персо- и тюркоязычных авторов¹².

Канглы, древние обитатели западной части Жетысу, склонов Каратау, бассейна средней Сырдарьи были также одним из значительных этносов Моголистана и соседних Ак-Орды и ханства Абулхайра¹³. Они сыграли большую роль в этногенезе казахского народа. В Моголистане канглы действовали также под именем бекчики и Мухаммед Хайдар объясняет причину замены этого этнонима.

Жалаиры, также крупное племя Старшего жуза казахов, оставшиеся, как и уйсун, вне внимания Мирзы Хайдара в качестве составляющей части могольского этнического сообщества, в освещаемое им время действуют на смежных с Моголистаном территориях к юго-западу (Южная Киргизия, Фергана), участвуют в

¹¹ Бартольд В.В. Дуглат. Соч. Т.5, с. 529 - 530.

¹² Стори Ч.А. Персидская литература. Био-библиографический обзор. Т. II. М. 1972, с. 1202-1206 и др.; Шакарим Кудайберды-улы в книге “Родословная тюрков, киргизов, казахов и ханских династий” (Оренбург, 1911) пишет “доглат” (дулат - Старший жуз). См.: изд. этой книги - А., 1990, с. 37.

¹³ Материалы по истории казахских ханств XV - XVIII (Извлечения из персидских и тюркских сочинений). Алма-Ата, 1969. с. 101, 102, 194, 196 и др.

мятежах против эмира Тимура, устанавливают связи с ханом Ак-Орды Урусом. Автор "Та'рих-и Рашиди" среди населения Моголистана называет кераитов и аргынов - племена, которые поздние источники (XVIII в.) относят к Среднему жузу. Их эмиры оказывали содействие первому могольскому хану, против кераитов посылал войска эмир Тимур.

Источники упоминают кераитов на территории Северо-Восточного Семиречья, в районе Тарбагатая, по левобережью Или, в районе Алмалыка, Янги-Тараза. Аргыны размещались на обширной территории от реки Эмиль и Тарбагатая до Каратала и далее, на запад, до Сайрама¹⁴.

Присутствие частей упомянутых и других племен Старшего и Среднего жузов отмечают письменные источники и археологические данные (тамговые знаки и др.) и в районе состыковки территорий этих жузов — в Туркестане (Южном Казахстане - ареале Каратау и присырдарьинских городов). Представители канглов, кыпчаков, аргынов, дуглатов, кунгратов, жалаиринов из Южного Казахстана и Восточного Дашт-и Кыпчака были в числе тех 200 тысяч, которые собрались — по Мухаммад Хайдару — в Жетысу у казахских ханов Гирея и Жаныбека. Прибывшие в Жетысу приверженцы казахских ханов не занимали здесь пустые пространства, они вступили в тесный контакт, выросший в политический союз в рамках одного государственного объединения, с местными тюрками, состоявшими из тех же родственных родоплеменных групп — фактически обособившийся частью населения распадавшегося Моголистана. Постепенное обособление Жетысу от территорий, подвластных могольским ханам Юнусу, его сыновьям Махмуду и Ахмаду, сыну последнего Султан Са'иду, в подробностях освещено Мирзой Хайдаром. Союз племен двух жузов лег в основу Казахского ханства, возникшего в середине 60-х гг. XV в. в западной части Жетысу¹⁵.

Мухаммад Хайдар-мирза отразил в своем сочинении завершающий акт в длительном процессе сложения единой казахской народности — приобретение ею своего национального имени. В своем кратком очерке история казахских правителей (лл.46 а, б,

¹⁴ Муканов М.С. Этнический состав и расселение казахов Среднего жуза. Алма-Ата, 1974, с. 47 - 50.

¹⁵ История Казахстана, т. 2, с. 292 - 295, 324 - 335. -АМБА. (БАНКНПРОС КНИЖНОСТИ)

1736-177а) он объясняет происхождение названия народности, показав трансформацию этнического названия от общего с населением ханства Абулхайра этнополитонима “узбеки”, через применение сдвоенного термина “узбеки-казахи” (узбек-казак), отразившего особенность этой части ушедшей, отколовшейся от основной массы населения Восточного Дашт-и Кыпчака (ставшей “казаками”), вплоть до появления нового этнонима казахи (“казак”). И в “Та’рих-и Рашиди”, и в других источниках рубежа XV—XVI вв. этим этнонимом называется уже все население региона Жетысу, Восточного Дашт-и Кыпчака и Туркестана, т. е. всей территории Казахского ханства, каким оно стало при Касым-хане (“Он подчинил своей власти весь Дашт-и Кыпчак” — л.174 а). Разъяснив происхождение названия сформировавшегося народа (его этнонима), Мухаммад Хайдар зафиксировал появление казахского этнополитического самосознания. Понимание казахами своей национальной особенности он вложил в известную речь Касым-хана, обращенную к могольскому хану Султану Са’иду (л.175 а, б).

Мирза Хайдар показал, что в краткий срок, в жизни буквально одного-двух поколений термин “казак” стал доминирующим этнонимом (а в социальном значении термин “казак” применяется в “Та’рих-и Рашиди” многократно: “вести жизнь казака”, “время казакования” и др.)¹⁶. И сам Мирза Хайдар, рассказывая о событиях истории этого народа конца XV—XVI в., применяет только этот этноним, относя этноним “узбек” лишь к подданным Шайбанидов: “Казахи по приказу Касым-хана отправились на зимовку”; “Мир с казаками”— привел автор хронограмму по поводу встречи ханов Касыма и Султан Са’ида (лл.176б — 177а). Но применялся этот термин в качестве этнонима для обозначения давно уже сложившейся тюркской народности, этнической территорией которой были земли Жетысу, Восточного Дашт-и Кыпчака и Туркестана. Дальнейшая ее консолидация происходила уже в рамках ее национального государства — Казахского ханства.

Опыт развития государственности, обретавшийся многими поколениями тюрков на этих территориях с глубокой древности, хорошо представлен в “Та’рих-и Рашиди” в связи с исследованием им истории Моголистана. В его труде показано администра-

¹⁶ Kozybaev M.K. Timely Questions of Research of the Kazakhstan’s history. См. History of the homeland., 1998, N 2. P. 7; см. Вестник МН - АН РК, 1997, № 6, с. 29.

тивно-военное и территориально-этническое деление государства: крупные племена — улусы с их юртами (территориями расселения) имели характер административных единиц; в военном отношении население разделялось на тысячи и туманы (десять тысяч). Главой государства был хан из династии Чагатаидов (из рода Чингис-хана). Его власть была наследственной, но сильно ограниченной волей знати крупных племен. Вторым лицом в государстве после хана был улусный бек (улус-беги). Названы Мирзой Хайдаром некоторые структуры государственного управления. Имелся в государстве малжлис — ханский совет из членов правящей династии (султанов, огланов), приближенных хана, а также знати крупных племен. Совет решал важные государственные дела.

Существовала главная государственная канцелярия — диван. Финансами и сбором налогов занимались дафтары. Среди высших государственных должностей и чинов Мирза Хайдар называет атабеков (воспитателей наследников хана), наибов (регентов), хакимов, даруга (наместников хана в области, городе), миршакаров (распорядителей ханской охоты), ясавулов (распорядителей церемоний на ханских приемах, празднествах) и др. Существенными элементами организации государственного дела были: ведение письменной документации, скреплявшейся печатями, учет войск, перепись населения. Хорошо представлены Мухаммад Хайдаром организация военного дела в государстве, формирование войска, вопросы ведения боя, военной тактики, вооружения¹⁷.

Большое внимание уделяет Мухаммад Хайдар проблемам духовной жизни населения Моголистана. Он отмечает, что основатель этого государства Тоглук Тимур-хан первым принял ислам. Его заботы в этом важном деле продолжил Мухаммад-хан (“Он проявлял чрезмерную строгость в деле распространения ислама среди моголов” — л. 35 б). Речь идет об исламизации именно могольского (монгольского) населения, а местные тюрки приняли ислам еще в караханидское время.

Представляют большой интерес сведения Мухаммад Хайдара о социальной структуре населения Моголистана. Жителей южной части государства он делит на четыре “класса” (группы): рай-

¹⁷ Пищулина К.А. Юго-Восточный Казахстан в середине XIV - начале XVI в. (Вопросы политической и социально-экономической истории). Алма-Ата, 1977. С. 187-206.

аты (подданные, налогоплательщики), каучин (войско), аймаки (кочевые племена) и “обладатели шариатских должностей” (мусульманское духовенство). Много материала дает Мухаммад Хайдар для характеристики социальных отношений, таких форм землевладения, как инджу, суюргал, икта, раскрывает сущность тарханных пожалований и т. д.

Многие материалы “Та’рих-и Рашиди” характеризуют хозяйственные занятия населения Моголистана и Кашгарии, как в скотоводческом, так и в земледельческом секторе экономики государства. Важными являются его материалы и личные суждения о проблемах взаимосвязи города и степи; он разъясняет стремление ряда могольских ханов к жизни “в городе и вилайете”, подчеркивает суровость быта кочевников-скотоводов (“дела степи не потерпят такой лени и мягкости” — л. 104 б). Исключительно важны сведения Мирзы Хайдара о прошлом высоком развитии городской и земледельческой культуры Жетысу, разрушенных к исходу XIV в. его городах — Баласагуне, Ыанги-Таразе, Алмалыке и многих других, от которых сохранились только развалины и названия в старинных книгах (л. 235 б — 236 б).

Мирза Мухаммад Хайдар составил историю племени дуглат, собрав воедино все доступные ему сведения: жалованные грамоты улусбекам, устные предания моголов и дуглатов, его личные свидетельства. Знатные лица из дуглатов играют ведущую роль в основании независимого от Мавераннахра государства. Чтобы не нарушать традицию ставить верховным правителем Чингизида, эмир Буладжи (Пуладчи) Дуглат проявил усердие в розыске подходящей кандидатуры на ханский трон. Поставленный им 18-летний Тоглук Тимур стал основателем устойчивой линии Чагатаидов — более чем на полторы сотни лет в Моголистане и с 1514 г. до конца XVII в. — в Восточном Туркестане, в Могольском государстве. Но и эмиры племени дуглат стали ведущей силой государства, вплоть до 30-х гг. XVI в. Власть их опиралась на хорошую материальную базу. Они были владельцами экономически развитого района — Кашгарии, и владели они ею, по данным Мирзы Хайдара, с XIII в., получив ее из рук Чагатай-хана или самого Чингис-хана (л. 6 а, 186 а). В благодарность за содействие в поднятии ханов, вожди дуглатов получили право занимать вторую высшую должность в государстве, должность улусного бека. Первым улусбеком

стал эмир Тулак, затем его брат эмир Буладжи, после него улусбеком был назначен его малолетний сын Худайдад. Подросший Худайдад, по сведениям Мирзы Хайдара, проявил завидную власть - "посадил на ханский трон шесть ханов" (Хызр-Ходжу, Шами' Джахана, Накши Джахана, Мухаммада, Шир-Мухамада, Вайс-хана), преодолевая при этом сопротивление не только других претендентов на ханский трон, но и знати других племен, да и эмиров дуглатов. Следующим улусбеком был эмир Мухаммад-Шах, затем его племянник, прадед автора "Та'рих-и Рашиди" эмир Саййид Али, далее дед Мирзы Хайдара, Мухаммад Хайдар-мирза, и отец - Мухаммад Хусайн-мирза. Последний улусбек, дядя Мирзы Хайдара, Сайид Мухаммад-мирза, был убит в 1533 г.

Эмиры из племени дуглат принимали участие в важнейших событиях политической истории Моголистана, заполненной войнами и усобицами, отражениями нападений со стороны соседних государств. Одному из них, эмиру Камар ад-Дину Дуглату пришлось вести упорную борьбу против вторжения войск эмира Тимура в Жетысу. Он объединил под своей властью значительную часть могольских племен в междуречье Чу и Или, в Прииссыккулье, установил связи с правителями Ак-Орды в противодействии агрессии Тимура. Четверть века спустя сын Камар ад-дина Джаханшах Дуглат на землях своего улуса в Жетысу принял на себя основной натиск многотысячных войск Тимурида Улутбека.

Вместе с территорией Манглай-Субе улусбеки-дуглаты получили 12 привилегий. Наиболее важными из них были следующие: улусбеки имели право без докладывания хану назначать на должность или снимать с нее, по собственному усмотрению, "эмиров тысяч"; ханские указы скреплялись печатями и хана, и улусбека. Улусбек считался "сардаром могольского улуса", т. е. главнокомандующим. Земельные владения дуглатов освобождались от уплаты налогов (тарханное право). Наследственные владения дуглатов в Кашгарии нередко превращались в совершенно независимые от ханов Моголистана политические единицы. Так, Мирза Абу-Бекр Дуглат правил независимо Кашгарией до 1514 г., когда его власти был положен конец Султан Са'ид-ханом. На этом закончилась власть эмиров-дуглатов в Кашгарии.

В средневековой мусульманской историографии имеется немало трудов, в которых содержатся разнообразные сведения о

казахах под их собственным этнонимом или именем узбеки-казахи. Это прежде всего литература из Средней Азии, так называемого шайбанидского круга начала XVI в. — “Таварих-и гузида-йи нусрат-наме” (аноним), “Шайбани-наме” Камал ад-Дина Бенаи, “Фатх-наме” Молла Шади и др. Их авторы — современники событий эпохи образования и становления Казахского ханства. Казахи, по этим источникам, известны как народ, имеющий своих правителей — ханов, свою государственную организацию (улус), занимающий определенную территорию. Особняком стоят уникальные материалы “Михман-наме-йи Бухара” Фазлаллаха ибн Рузбихана Исфохани о состоянии городов Южного Казахстана, о распространении ислама у кочевников Дашт-и Кыпчака, этнологические данные о хозяйственных занятиях, бытовой культуре, этнической территории казахов. Но в целом в шайбанидской историографии освещаются лишь отдельные события из жизни Казахского ханства, связанные непосредственно с деятельностью Шайбанидов — патронов авторов этих источников (в основном их военные походы в Дашт-и Кыпчак и Туркестан, в которых им противостояли казахские ханы Гирей и Жаныбек, Бурундук и Касым).

“Та’рих-и Рашиди” написано Мирза Мухаммад Хайдаром почти 80 лет спустя после образования Казахского ханства. Этот промежуток времени дал возможность автору взглянуть на казахскую историю как на целую эпоху в жизни сложившегося народа и его государства. Именно в этом историческом источнике впервые, систематизированно, в виде краткого очерка, изложена история правителей казахского государства (улуса, ханства) более чем за 7 десятилетий, с конца 50-х гг. XV в. до конца 30-х гг. XVI в. Сочинение Мирзы Хайдара — единственный труд, где говорится о факте образования Казахского ханства, более того, сообщается дата этого события — 870 г.х. (1465-66 г. н. э.), впервые сказано о расколе узбекских племен Восточного Дашт-и Кыпчака и Туркестана на “узбеков” и “казахов”, о так называемой “откочевке” казахов около 1459 г. Казахские ханы Гирей и Жаныбек не подчинились Абулхайр-хану, оставались самостоятельными правителями на части унаследованной от своих отцов — ханов Ак-Орды территории Дашт-и Кыпчака и Туркестана (Центрального и Южного Казахстана), признавались верными им родами и племенами — их, по словам Мухаммад Хайдара, “многочисленным народом” — прави-

телями, ханами за десятилетия до откочевки. По сути дела их деятельность в эти десятилетия напрямую связывала Ак-Орду и будущее Казахское ханство как в плане единой династийной линии, унаследованных территорий и подданных, так и в плане развития единой казахской государственности с XIV в.

Гирей-хан и Жаныбек-хан не “бежали” в Жетысу, а подтвердили свою независимость, самоопределились, умело использовали для укрепления своего права на власть сложившуюся политическую обстановку, внутренние раздоры и противоречия в ханстве Абулхайра и Моголистане¹⁸. Они учитывали интересы близких по языку, культурным традициям, образу жизни родоплеменных групп Южного и Центрального Казахстана и Жетысу. Их действия объективно учитывали сложные процессы этнообразования, консолидации братских тюркских народностей, потребностей укрепления их национальной государственности. И, прежде всего, они отражали интересы сложившегося казахского народа.

Причины и ход образования Казахского ханства, сложение его в мощное централизованное государство при Касым-хане, дальнейшие судьбы казахского народа, в упорной борьбе и мирном сотрудничестве с соседями защищавшего свои коренные этнические территории, названные источником (“Бадаи’ ал-вакаи” “Зайн ад-Дина Васифи) термином “Казахстан”, во всех подробностях исследован¹⁹ на материалах источников, важнейшим из которых является первоклассный труд Мирза Мухаммад Хайдара Дуглата “Та’рих-и Рашиди”.

Опубликовано в соавторстве:

К. ПИЩУЛИНА - к.и.н.

Мирза Хайдар Дулати “Тарих-и Рашиди”. Алматы. 1999.

¹⁸ Козыбаев М.К. “Та’рих-и Рашиди” Мирзы Мухаммад Хайдар Дуглата - выдающийся памятник истории культуры. // Вестник Министерства Науки Академии Наук Республики Казахстан, 1997, № 6, с. 26.

¹⁹ История Казахстана. Т. 2.

КЛЮЧ И ВРАТА К АЗИАТСКИМ СТРАНАМ...

Причина публикации этой статьи имеет свою предысторию. При сложной общественно-политической обстановке в республике после печально нашедших алма-атинских событий 1986 г., когда казахам пытались навесить ярлык националистически настроенной нации, в ряде центральных и российских газет и журналов появилась серия историко-публицистических статей, превратно освещающих судьбу русского населения на территории Казахстана. Данный интерес был вполне обусловлен на фоне пропагандистской шумихи против первого массового неповиновения диктату центра и сенсационных печатных заявлении об “избиении русских младенцев в детских садах”.

К чести российской интеллигенции, не поддавшейся на провокацию, большинство из них объективно и непредвзято отнеслось к сложным событиям и порой противоречивым взаимоотношениям между двумя соседними народами. Подчеркивалась идея, что такой громадный срез истории, как Древняя Русь и Великая степь, в своем развитии претерпел не только трагические последствия, но и во многом заложил положительный потенциал здравого смысла и содружества. Такой подход помогает основной массе жителей республики — казахам и русским — сохранить присущую им национальную терпимость. Это особенно важно в условиях, когда страна идет вперед методом проб и ошибок. Слишком горьки полученные уроки, чтобы они повторились.

Президент республики Н.А.Назарбаев четко обобщил пройденный путь Казахстана: “Мы получили добрососедские взаимоотношения, дружбу народов в наследство от отцов, и наша задача передать это детям в лучшем виде”.

Когда же историческая дисциплина сталкивается с политиканством, то покровительнице Клио весьма достается от последнего. М.В.Ломоносов любил повторять, что “муза не такова девка, чтобы ее проходим насильничать”, но совет отца отечественной академической науки, к сожалению, до сих пор не усвоен людьми, которые пытаются использовать “наставницу жизни” в политической борьбе. Яркое подтверждение этому — современная интерпретация русско-казахских отношений в некоторых печатных ор-

ганах, которые постоянно ищут врагов среди инакомыслящих, сталкивают людей между собой.

Наибольшую озабоченность научной общественности республики вызвали толкования о территориях и об истории казачества на землях Казахстана. В этой ситуации сотрудники Института истории АН республики не сочли возможным оставаться в стороне и решили указать на ряд ошибочных положений в обращении с историческими свидетельствами и фактами (“Казахстанская правда”, 30.06.90.).

Ответная реакция проявилась на страницах “Литературной России” (8.03.91.) в ретроспекции Н.Селищева “Казакки и кайсаки”, где точка зрения казахстанских историков преподносится чуть ли не как “враждебное отношение к казакам” и “так или иначе отражает определенные настроения в республиканских руководящих сферах”, поскольку де статья, среди прочих, подписана и академиком народным депутатом М. Козыбаевым.

Столь серьезные обвинения, выдвинутые против научных работников Академии наук с намеком в адрес республиканской власти, не могут быть оставлены без ответа.

Как следует из названия статьи, Н.Селищев прослеживает историю взаимоотношений между автохтонным казахским населением и казачьими войсками Российской империи с конца XVI в., через события 20-х гг. XX столетия к современности, когда якобы “в Казахстане уже публично раздавались голоса о выходе республики... из состава Союза ССР”. Естественна, подчеркивает автор, тревога русского населения оказаться “не по своей воле”, (“отнюдь не по своей воле”, “вопреки своей воле”) вне пределов социалистического Отечества.

В развитие этой мысли подводится историософская база, которая условно может быть разделена по двум основным параметрам: спорность принадлежности ряда областей республики к исконной территории Казахстана и роль казачества в истории региона. Причем Селищев предлагает “новый” методологический подход, который заключается в том, чтобы из научного оборота при изучении края был полностью выведен понятийный инструментарий, характеризующий экспансионизм метрополии, как-то: “колониальная политика царизма”, “изъятие огромных пространств лучших земель”, “подрыв веками сложившегося хозяйства” и т. п., как “навязанные клише”.

При распаде любых колониальных структур в качестве сопутствующего осложнения всегда наблюдаются споры за исконность той или иной территории. В бесконечную перепалку вовлекаются не только местные народы, но и выходцы метрополии, обосновавшиеся вне родных пределов. Причем последние более, чем другие, оказываются в затруднительном положении в силу того, что отечество не всегда содействует их интересам, а новые национальные государственные образования зачастую и вовсе игнорируют их. Так было при падении Римской империи, таковы процессы и в последующем, вплоть до современности.

Особенность нашей истории в том, что царской России, в отличие от всех других колониальных держав, не пришлось удаляться на значительные расстояния, через моря и океаны ради обладания новыми территориями. В мировой историографии за ней прочно закреплено определение “сухопутной колониальной империи”, поскольку ареал интересов вполне удовлетворялся так называемыми сопредельными “национальными окраинами”.

Относительная легкодоступность к пространственному расширению повлияла и на национальный характер, или, как сейчас говорят, на особенности русского менталитета. Не случайно выдающийся русский философ П. Я. Чаадаев писал по этому поводу: “Есть один факт, который властно господствует над нашим историческим движением, который красной нитью проходит через всю нашу историю, который содержит в себе, так сказать, всю ее философию, который проявляется во все эпохи нашей общественной жизни и определяет их характер, который является в одно и то же время и существенным элементом нашего политического величия, и истинной причиной нашего умственного бессилия — это факт географический”.

Исповедуя неукоснительное правило о том, что антиисторично говорить о выводах, сделанных в прошлом, с позиций сегодняшнего дня, взглянем на проблему глазами современников и прислушаемся к мнению тех, кого считают гордостью мировой и русской ориенталистики.

Подтверждение целостности территории, издревле являвшейся историческим отечеством казахов, колыбелью формирования гено типа этой нации, неоднозначно прослеживается в таких исследованиях, как “Описание киргиз-казахских или киргиз-кайсац-

ких орд и степей" А. И. Левшина (1832 г.), "Землевание Азии" К. Риттера (1877 г.), "Азия" В.Сиверса (1896 г.), "Всеобщая география" (т. VI "Азиатская Россия" Элизе Реклю (1898 г.), "Киргизский край" из серии полного географического описания нашего отечества "Россия" (1903 г.) "Чтения по истории Сибири" Н. Н. Фирсова (1915 г.) и в целом ряде других изданий, ставших, к сожалению, раритетами в наши дни.

Восемнадцатый век в русской истории ознаменовал новую эпоху. Реформы Петра I во внешней политике не ограничивались лишь сотрудничеством Западной Европы, о чем широко известно, но дальновидно охватывали и азиатский субконтинент. Петр Великий считал Казахстан "ключом и вратой к азиатским странам и землям" и, по свидетельству Тевкелева, заявил: "Киргиз-кайсацкая орда потребна под российской протекцией быть, чтобы только через их во всех азиатских странах коммуникацию иметь и к российской стороне полезные и способные взять" ("Временник Московского общества истории и древностей российских" — М. 1882. Кн. 13, с. 15). Именно к этому периоду относится начало систематических исторических, географических и этнологических исследований Казахстана.

А. И. Левшин, впервые опубликовавший в своей книге наиболее полные сведения о казахах и их территории, рассматривает географическое положение, естественные границы Турана и пытается дать ландшафтную характеристику "киргизской степи". Под ней автор понимает обширное пространство в радиусе: Алтайские горы, Иртыш, Тобол, Уил, Урал, Каспийское море, Арал и на востоке — китайская граница. Составленная в 1831 г. и приложенная к Книге "Карта земель, принадлежавшая киргиз-казакам, и Туркестана" с топографической точностью доказывает единство земель казахских племен.

В книге "Киргизский край" охват целостности еще шире: здесь к ним отнесены населенные казахами территории Омской, Астраханской, Оренбургской областей, территории Алтая и сам город Омск.

"Многочисленная киргизская нация, заключающая, быть может, два миллиона душ (2.400.000 по Левшину, 3.000.000 по Красовскому) и область, которая столь же обширная, как и вся европейская Россия, простирается от берегов Волги до бассейна

Тарима и от низовьев Аму-Дарьи до реки Иртыша, есть, по численности, самая важная между кочевыми расами Азии” — писал Элизе Реклю.

В предисловии к сборнику “Киргизский край” руководитель Русского географического общества В. Ф. Семенов писал, что “киргизский край с незапамятных времен служил громадной ареной деятельности кочевников”.

Слова В. Семенова подтверждаются другими исследователями. В названном сборнике указывается: “В этнографическом отношении Киргизский край не представляет большого разнообразия. Из исторического образа мы видали, что, хотя он с древнейших времен служил “воротами народов”, двигавшихся с востока (из внутренней Азии) на запад, но все они проходили только здесь, не оседая; а другие, если останавливались на более продолжительный срок, то не прекращавшиеся волны движения новых народов смывали их “с лица земли”, не успев отразить в себе хотя бы некоторые черты их жизни. Только появившиеся в XIII в. тюркские племена прочно осели в пределах края, образовав коренное население — киргиз. Влияние этих последних сказалось на всех последующих народах, появившихся в крае. За киргизами появились монголы и джунгары (калмыки), но их пребывание было также недолговременным, и они сошли с исторической арены, не успев отложить заметного отпечатка на киргиз. Наконец, с начала XVI века начинают подвигаться в край представители славянского племени — великоруссы различных оттенков на севере, великоруссы и малоруссы — на северо-западе. Это движение не только не прекратилось, но еще усилилось в наши дни”.

В работе Н. Иванова “М. Н. Татищев и его время” (1861 г.) мы читаем: “Занятие Сибири и без того уже ввело русских в сношения с целым миром кочевых народов, из которых иные могли выставить довольно сильное сопротивление русской колонизации. К числу таких народов принадлежали между прочим киргизы, занимавшие земли на востоке от башкирцев, по ту сторону Урала, и, простиравшие до средней группы Алтайских гор, до владений калмыков и джунгарского кунтайдши на Или, а на юге спустившиеся до берегов Аральского моря”.

В трудах русских исследователей можно подчеркнуть немало сведений и о том, как и какими средствами проводилась коло-

низация Казахстана, в том числе история переселения и утверждения казачества, внедрение в казахские земли русских крестьян-переселенцев.

В книге “Киргизский край”, например, говорится: “С начала XIX столетия правительство заботилось об укреплении завоеванного края: в городах (Омск, Петропавловск, Семипалатинск) оно старалось образовывать местное оседлое население. С этой же целью было образовано в 1808 г. местное линейное казачье войско, наделено землей, жалованием и продовольствием. В 20-х годах казачье войско захватило лучшую часть Кокчетавского уезда и появилось на месте современных Акмолинска, Баян-Аула, Кокчетавы и Каркаралинска”.

По данным коллектива составителей “Киргизского края” под руководством известного ученого-географа А. Н. Седельникова, несколько особый характер носила колонизация Алтая в пределах Казахстана. Колонизационный элемент не составлялся из казахов или служилых людей; это были безымянные люди, которым тяжело жилось на родине, и они двинулись “куда глаза глядят” искать себе более приветливое пристанище. Естественно, что движение это должно было направиться на юг, в горы, где природа богаче и где можно было легко укрыться от всяких врагов и преследований.

Заселение устья Урала (быв. Яик) в книге объясняется следующим образом: “Движение схода безвестных людей началось, по всей вероятности, еще с конца XV века. В царствование Ивана Грозного здесь уже хорошо известны были “воровские люди”, пришедшие с Дона, они пустились по Волге в Каспийское море и берегом дошли до устья Яика, где и остановились... С середины этого (XIX) столетия уральские казаки оказали огромную услугу в деле завоевания зауральских киргизских степей и в походах в Среднюю Азию: они были такими же авантюристами русского движения в глубь киргизского края, какими были на востоке иртышские служилые люди и местная вольница”.

Аналогичным образом трактуется возникновение и семиреченских казаков.

Примерно с этого же времени на повестку дня ставится вопрос о крестьянской колонизации края, так как в исключительно военном населении нужды уже не было. В целях укрепления своего господства царское правительство активно использовало про-

тив коренных жителей “вольных” казаков, а ради разжижения его демографической структуры — массовые переселения русских крестьян. Однако при всем при том правительство в своих официальных документах не кромсало казахские земли на казачьи либо крестьянские “уделы”, а называло их в целом “Киргизский край”. Профессор Н.Н.Фирсов в “Чтениях по истории Сибири” отмечал: “Колонизацию правильно считают основным фактом русской истории. К какой бы эпохе ее мы ни обратились, мы всюду встретимся с этим фактом, находящимся в тесной связи со всем нашим политическим и общественным строем”.

В 1861 году статус казачества был декларирован императором Александром II: “Казачье сословие предназначено в государственном быту для того, чтобы сберегать границы империи, прилегающие к враждебным и неблагоустроенным племенам и заселять отнимаемые у них земли” (Макишев А. И. Исторический обзор Туркестана. Спб. 1890. С.125).

Таковы беспристрастные исторические свидетельства тех ученых, которые были непосредственными свидетелями политики России по расширению ее восточных границ. И хотя газета не то место, где могла бы развернуться дискуссия по вопросам истории, тем не менее выдвинутая Н.Селищевым череда претензий на “первородство” казачества и его более глубокие корни в Казахстане, чем абorigенов — казахов, на якобы “ничейность” колонизируемых территорий не выдерживают проверки на достоверность, автор обнаруживает явный непрофессионализм в обращении с источниками.

Он не в ладах, к сожалению, и с историей собственно казахского народа, когда дает, например, характеристику трех казахских жузов, называет Абулхаира — ханом всех казахов, считает цикл перекочевки казахских аулов простой тягой к перемене мест и т.д.

Естественно, что дискутировать о методологических подходах, нюансах проходивших исторических процессов лучше ограничившись кругом специалистов, не апеллируя к общественности. Однако обвинения Селищева в адрес казахстанских историков, “симпатизирующих” политике расказачивания, требуют полного выяснения отношений. И в связи с этим необходимо хотя бы в краткой форме, но совершенно откровенно изложить свою точку зрения на историю казачества.

Прежде всего активная роль его в осуществлении колониальной политики Российской империи в военных кампаниях (а к концу XIX в. и в усмирении внутрироссийских антисамодержавных выступлений) есть объективная данность, которая не может быть предана умолчанию. Со стороны царской власти была сделана ставка именно на то сословие, которое наряду с регулярной армией в случае надобности могло бы без каких-либо колебаний и сомнений свершить державную волю. Взамен казачеству предлагались относительная социальная свобода и ряд привилегий экономического порядка.

Идеальный материал по военным характеристикам и мобильности был найден в лице “казачьей вольности”, разбросанной островками-сообществами вдоль границ государства. Их состав не был стерильно чистым как в этническом (поскольку не только на начальном этапе, но и позже казаками не признавался ценз по национальному признаку), так и в социальном отношениях (даже атаманы отнюдь не были “голубых кровей”). Более того, политическая структура казаков как саморегулируемая система во многом абсорбировала принципы военно-хозяйственной организации кочевых племен. Воспринятые из тюркской лексики понятия “атаман”, “кошевой”, “есаул”, “караул” и т.д. имели определенное значение в повседневной жизни, не говоря уже о самом этнониме “казак”, что в переводе с тюркских языков означает “бродяга, вольный человек”.

Когда российские геополитические интересы распростерлись и на территорию Казахстана, сословие казаков должно было стать средством давления по отношению к туземному населению, что с переменным успехом удавалось совершить. Однако эти действия в основной своей массе не носили характер скоротечной военной операции. Попутно развивались сюжеты иного порядка, которые были весьма растяжимы во временном интервале. Шло обоюдное взаимопроникновение, которое было усилено общностью исторических судеб и национально-психологическим складом казаков и казахов. В состав казачества зачислялись и представители местного населения, принявшие христианство, как, например, в Уральском казачьем войске (где тюрки в 1858—1862 гг. составляли там около 13 процентов); вместе с тем русские, по тем или иным причинам избегавшие встречи со стражами порядка, присоединялись к казахским аулам, как это описано П. П. Семеновым-Тянь-Шанским в случае с каратайскими чала-казахами.

Такое положение вещей, естественно, не устраивало представителей царской администрации, которые видели в казачестве, прежде всего, ударный кулак своей экспансионистской политики. Именно поэтому помимо сословных преимуществ среди казаков распространялась и идеология превосходства не только над “инородцами”, но и над остальными русскими. Социально-экономическими льготами стимулировалась их изолированность от других слоев населения, искусственно поддерживался полуармейский образ жизни, среди молодежи поощрялся культ “военной косточки”. Иными словами, царизм стремился создать элитарную прослойку общества, которая в любой момент могла бы силой оружия защитить его интересы.

Революция, гражданская война, послереволюционный период явились самыми трагическими страницами в истории казачества. Диктатура классового отмщения имела целью ликвидацию не только сословных преимуществ казаков, но и их физическое уничтожение. И нам, как специалистам, занимающимся историей казахского народа, потерявшего в тот же период почти половину своего населения, близка и понятна боль представителей простого казачества.

Специалисты, занимающиеся историей, готовы к тесному сотрудничеству по исследованию проблем истории казачества на территории Казахстана. Но вместе с тем они принципиально не могут разделить точку зрения некоторых радетелей реанимации отдельных исключительных прав для какой-либо одной социальной группы, будь то претензии на главенствующую роль в истории или же требование на выделение каких-либо обособленных земель. Время благополучия одних за счет несчастья других кануло в Лету, преподнеся нам горький урок, в том числе и на историческом опыте казачества.

В соавторстве:

К. НУРПЕЙСОВ, член-корр. АН Казахской ССР;
Н. АЛЕКСЕЕНКО, доктор исторических наук, профессор;
А. БЕЙСЕНОВА, доктор географических наук, профессор;
А. ЕЛАГИН, доктор исторических наук, профессор;
В. ПОЗНАНСКИЙ, доктор исторических наук;
И. КОМОГОРЦЕВ, доктор исторических наук.

“Казахстанская правда”, 1991 г., 16 мая

ИСТОРИЯ РОССИИ ЕСТЬ ИСТОРИЯ СТРАНЫ, КОТОРАЯ КОЛОНИЗУЕТСЯ

К вопросу вхождения Казахстана в состав России

Приобщение малых народов, как тогда говорили “инородцев”, к России, в данном случае Казахстана, в контексте с ним национально-освободительное движение казахского народа - одна из героических и драматических страниц прошлого нашего Отечества.

Вопрос оценки включения Казахстана в состав России имеет длительную, я бы сказал, историю с 3 октября 1731 г. Он возник с момента постановки этого вопроса Абулхайр-ханом перед российским государем, ибо его понимание сути вхождения в состав империи существенным образом отличалось от подхода к проблеме со стороны правящих кругов империи.

Существенный вклад в советскую историографию вопроса внесли С.Д.Асфендияров, М.Вяткин, А.М.Панкратова, Е.Бекмаханов, В.Ф.Шахматов, С.Зиманов, Н.Г.Аполлова, П.Г.Галузо и др.

В условиях независимости историки стали показывать многовариантность процесса вхождения в состав империи. Ярче раскрыта военная колонизация края, появились работы по духовной колонизации народов окраин, в частности, по истории миссионерской политики империи. Появились труды, где ученые оперируют выводами С. Асфендиярова, который однозначно подчеркивал: “не благоденствие, мир и культуру несло завоевание казахским массам, оно несло разорение, грабежи и убийства”. Колониальная политика царизма принесла неисчислимые страдания и русскому народу.

Тем не менее мы сегодня не можем констатировать, что произошли существенные сдвиги в трактовке проблемы.

Ниже мы попытаемся изложить свое видение по ее некоторым аспектам.

Была ли Россия колониальной империей?

В современных условиях признание этого факта тем более важно, что иные исследователи, явные и скрытые последователи

имперского мышления, продолжают настаивать на том, что Россия не была колониальной, имперской державой. “Попробуйте ответить на самый, казалось бы, простой вопрос, — спрашивают д.и.н. В.Виноградов и заместитель начальника историко-дипломатического управления МИД России И. В. Филатов в статье “Обозревая прошлое Отечества, истории Российской империи”, — какие колонии в полном смысле слова приобрела и имела Россия тогда и позже”.

В учебниках средней школы России нового поколения вы не найдете материал о завоевании Казани, Крымского, Астраханского, Сибирского ханств, Средней Азии и Казахстана. Между тем, на этот вопрос в свое время отвечали отцы российской исторической науки П. М. Карамзин, В.О.Ключевский. Последний со всей определенностью писал: “История России есть история страны, которая колонизируется”.

Россия имела колонии на западных ее рубежах — Финляндию, Эстонию, Латвию, Литву, Польшу.

В “Уставе” М. М. Сперанского (1822 г.) речь шла об управлении колониальными народами Поволжья, Урала, Кавказа, Средней Азии, Казахстана, Сибири. К 1914 г. Россия при метрополии в 5,4 млн. кв. км с 136,2 млн. жителей имела зависимые территории площадью 17,4 млн. км с 33,2 млн. жителей.

В 20-е годы акад. М.Нечкина отмечала, что “Походы Ермака являются лишь одним из эпизодов завоевательно-колониального движения русских на Восток, связанного с жестокой эксплуатацией и разорением туземцев”.

Видный историк России Н. Н. Фирсов совершенно справедливо считал, что империя была составной частью мирового колониализма. Он писал: “Здесь, в Западной Сибири, в восьмидесятых годах XVI стол. повторялось приблизительно то же самое, что раньше произошло в Средней и Южной Америке, где горсть европейцев, с Кортесом, Пизарро, Альмагаро во главе, покоряла целые государства — именно благодаря огнестрельному оружию, столь же неизвестному в Мексике, Перу или Чили 1-й пол. XVI стол., как и в Сибири последней четверти этого же века”. Проф. Н. Н. Фирсов выступал решительно против тех, кто пытался придать цивилизованный вид характеру завоевательно-колониальной политики России, противопоставляя ее колониальной политике Западных стран.

“Одним из самых серьезных последствий властного положения пришельцев в Сибири было то, что они явились здесь рабовладельцами... Как на цветущих плантациях где-нибудь в Центральной или Южной Америке, так в мрачной сибирской тайге завоеватели стремились устраивать свое благополучие - и многие из них устраивали на рабстве. Женский и детский “ясырь”, конечно, было удобнее всего эксплуатировать, как полную собственность. Инородка-рабыня, прежде всего служила пришельцу, как самка, и в качестве таковой была предметом самой оживленной торговли. При этом в сферу означенной торговли попадали и малолетние девочки, цена которых была не очень велика, иногда не дороже 20 коп.; их покупали, так сказать, на племя... рабовладельцы иногда составляли публичные дома, которые приносили хозяевам значительные доходы... Рабство было громадной социальной данью, которой сибирские инородцы оплатили покорение их русскими”.

В свое время ведущие советские историки страны, рассматривая присоединение Казахстана к России, считали его “наименьшим злом”. Проведя четкую грань между нацией А. Пушкина, Л. Толстого, Ф. Достоевского и царизмом, в то же время скажем, что колониализм не имеет человеческого лица, колониализм и гуманизм — антиподы, зло малое и большое, оно олицетворяет национальный гнет, грабеж природных богатств, геноцид. Колониализм, неоколониализм как зло подлежит осуждению.

В “Договоре о мире и принципах взаимоотношений между Российской Федерацией и Чеченской Республикой Ичкерия” было заявлено о прекращении многовекового противостояния. Газета “Известия” по этому поводу писала: “Россия цивилизованная, вступающая в двадцать первый век, победила в себе государство-хищника семнадцатого века”.

Каковы этапы завоевания и вынужденного вхождения Казахстана в состав России?

Прежде всего, что означает термин “присоединение”? В. Даль пишет, что “присоединять, что к чему, присовокуплять, придавать, прибавлять, приобщать, складывать или считать в одно”.

В 4-томном Словаре русского языка отмечается, что “являющийся присоединением, добавлением к чему-либо”. “Присое-

динить (присоединять) 1. Соединить что-либо с чем-либо другим, основным, прибавить что-либо к чему-либо (присоединил к своей лежавшей перед ним куче денег одну из моих сторублевых" (Ф. Достоевский, "Подросток"). Объясняя термин "присоединиться" составители словаря далее пишут: "соединяться с чем-либо, войти в число участников, членов чего-либо, примкнуть. Однажды он встретил толпу баб и девок, шедших в лес за грибами, присоединился к ним и проходил целый день" (И. Гончаров. "Обыкновенная история"). Не трудно заметить, что, во-первых, "присоединение" неадекватно отражает суть исторического процесса, имеет оскорбительный оттенок. В данном контексте Казахстан выступает в роли примкнувшегося субъекта к основному объекту. Тем самым за казахами не признается право на суверенность земли, которую они занимают. Термин, в свое время сочиненный в имперской канцелярии, на деле означает "захват", "агрессию", "завоевание", приобщение Казахстана к империи путем силового давления.

Позднее замечательный исследователь П. Г. Галузо объяснял, почему теоретики колониальной империи пытались дать агрессии миролюбивую оболочку, цивилизаторский характер. Он в своей книге "Туркестан - колония" (Очерки истории колониальной политики русского царизма в Средней Азии) писал: "Продвижение войск царской России в казахскую степь началось еще в первой половине XVIII века. Русские цари продвигались в страну настойчиво и почти непрерывно, но продвигались, надо сказать, с некоторой оглядкой..."

Вся эта оболочка миролюбия, в которую облекается в приведенных высказываниях русская агрессивная политика на среднеазиатской границе, говорит, однако, не о чем другом, как только о том, что, имея широкие агрессивные планы, Россия, продвигаясь в Среднюю Азию, сильно побаивалась своих западно-европейских соперников по колониальным захватам и, прежде всего, Англии.

Продвижение в Среднюю Азию мы можем и должны, таким образом, прежде всего и во-первых, рассматривать, как одну из струй "империалистического соревнования" великих держав "на счет дележа добычи". Российский крепостник-помещик, конечно, прежде всего, захватывал колонии для себя, но объективно это было также захватом колоний и для российского промышленного капитала".

1 этап колонизации края

Колонизовать Сибирь Россия начала после завоевания Казахского, Астраханского и Крымского ханств. Исследователь В.В.Каргалов утверждает: “По традиции присоединение к Российскому государству Западной Сибири связывается с именем атамана Ермака. В действительности же, - пишет далее автор, - присоединение Западной Сибири началось раньше, и первыми русскими войсками, возглавившими в 1483 году большой поход в Сибирские земли, были князья Федор Курбский и Иван Салтык-Травин”.

Таким образом, В.В.Каргалов начальный этап колониальной политики царизма на Восток отодвигает еще на целый век. В этот период различные области Сибири, в т. ч. рудного Алтая, одна за другой были завоеваны русским государством. В конце XVI и начале XVII веков в Западной Сибири на чужой земле лихорадочно строились русские города, крепости. В конце XVI в. были основаны Тюмень, Тобольск, Верхотурье, в начале XVII века — Томск. В 1594 г. на Иртыше был построен город Тара. Главная цель постройки города состояла в том, чтобы “Кучум царя потеснить”. Некоторые военные крепости были построены непосредственно на территории Казахстана. В 1620 г. был заложен Яицкий городок (Уральск), в 1645 г. — Гурьев. Как справедливо отмечают авторы “Очерков истории Рудного Алтая”, “строительством укреплений русскому правительству удалось в конце XVII века оттеснить кочевников к югу”.

Еще более жестко оценил первый период колониальной политики России А.Тойнби: “В 1586 г. казаки пересекли водораздел между бассейнами Волги и Оби: к 1638 г. освоение бассейнов сибирских рек привело их на побережье Тихого океана в районе Охотского моря”.

Таким образом, империя прошла от Урала до Охотского моря за 55 лет. Мировая история не имеет такого стремительного темпа колонизации.

Подводя итоги первому этапу агрессивной политики империи, следует сказать, что Россия стала соседом, царизм блокировал Казахстан, создал плацдарм для решающего броска.

Второй, я бы сказал, стратегический этап, навсегда определивший неизбежность включения Казахстана в орбиту России, связан с именем и деяниями Петра I.

...По возвращении из Персидского похода..., — отмечает М.Тевкелев, — Петр Великий изволил иметь желание для всего Отечества Российской империи полезное намерение в приведении издревле слышимых и в тогдашнее время почти неизвестных обширных Киргиз-Кайсацких орд в Российское подданство высокою своею монаршею особою меня, низжайшего, к тому употребить намерение имел с тем, буде оная орда в точное подданство не пожелает, то стараться мне несмотря на великие издержки хотя бы до мелиона держать, но токмо чтоб только одним листом под протекцею Российской империи быть обязались. Ибо как... Петр Великий в [1] 733-м году, будучи в Персидском походе и в Астрахани, чрез многих изволил уведомиться об оной орде, хотя-де она Киргиз-Кайсацкая степной и лехкомысленный народ, токмо-де всем азиатским странам и землям оная-де орда ключ и врата; и той ради причины она-де орда потребна под Российской протекцией быть, чтоб только чрез их во всех Азиатских странах комоникацею иметь и к Российской стороне полезные и способные меры взять”.

Петр I дал задание ответственному работнику Сената И. Кириллову и переводчику Коллегии иностранных дел Кутлумахмеду-Мамету Тевкелеву разработать проект приведения казахов в Российское подданство.

Так была определена стратегия захвата Казахстана, которая окончательно оформилась в последующие десятилетия, по выражению Н.Г.Апполовой, в “крупную агрессию царизма, направленную к осуществлению так называемого “мирного завоевания степи и вечного подданства” казахского народа.

Российская империя путем активной дипломатии стремилась “стать твердой ногой на восточный берег Каспийского моря”. Основное внимание было уделено строительству военных линий по реке Иртыш на громадном расстоянии от города Тары до верховья Иртыша. Поводом к расширению границы на юге вверх по Иртышу, как справедливо отмечают авторы “Очерков истории рудного Алтая”, послужило донесение о золотых россыпях, находящихся около Джунгарского города Еркети (Яркент). “Было решено овладеть Яркендом, действуя с двух сторон: от восточного берега Каспийского моря и из Южной Сибири”.

Для выполнения поставленной задачи было приказано снарядить две экспедиции: одна должна была идти от берегов Кас-

пийского моря в Хиву под руководством поручика Преображенского полка князя Александра Бековича-Черкасского, другая - из Южной Сибири в Малую Бухарию под руководством гвардии подполковника Ивана Бухгольца. Руководителем обеих экспедиций были даны подробнейшие инструкции.

Сибирский губернатор М.П.Гагарин в дополнительной инструкции предписывал И.Бухгольцу: "Ежели неприятель не будет давать делать крепость, то прося от Бога помощи противиться как можно всеми людьми".

Экспедиция в составе трех тысяч человек, состоящая главным образом из военных, направилась вверх по Иртышу, в Таре примкнуло 1500 конников. Экспедиция была хорошо вооружена, имела артиллерию. При экспедиционном корпусе был военный совет. Все это я говорю потому, что иные мои оппоненты хотят придать экспедиции мирный характер.

В 1716 г. экспедицией близ впадения р.Оми в Иртыш была заложена Омская крепость. В мае 1720 г. вооруженный отряд гвардии майора И.Лихарева, назначенного Петром I, отплыл из Тобольска, достиг озера Зайсан, на обратном пути заложил крепость, которую назвал Усть-Каменогорской. Еще раньше, в 1718 г., была заложена крепость Семипалатинская. Была устроена сеть укреплений через весь Алтай, состоящей из 9 крепостей и 53 редутов и т. д.

Некоторые оппоненты считают, что сеть крепостей в начале XVII в. была незначительной. Действительно, к 1720 г. Иртышская линия состояла из пяти крепостей и 9 форпостов. С 1745—1764 гг. Иртышская или Бухтарминская линии были усилены. Дополнительно строятся еще 24 укрепления и 11 редутов; цепь укреплений через весь Алтай, начиная от крепости Усть-Каменогорской до Кузнецка. Эта линия состояла уже из 9 крепостей и 53 редутов.

Как же можно назвать эти действия царской России?

На казахской земле, временно завоеванной тогда джунгарами, бесцеремонно русские вооруженные отряды совершали рейды, строили военные сооружения.

В систему мер, принимаемых после стратегического решения Петра I — входило также систематическое военное нападение на казахов. Прав был батыр Букенбай, когда он признался М.Тевкелеву 20 мая 1749 г.: "Когда киргиз-кайсацкая орда в подданство Российской империи была не принята, не ото всех ли сторон по своим

поступкам всегда беспокойства принимали, почти ото всех всюду бегая, яко зайцы от борзых собак, разорялись и свой скот, бегаючи, сами бросали, а иногда случается в самой необходимой нужде жен и детей бросая, только сами уходили.. Когда зюнгорские калмыки нападут, побегут в сторону, а башкирцы нападут, то уходили в другую сторону, а волжские калмыки и яицкие казаки и сибирское войско нападут, то они уже бегать и места себе не находили...”.

Было ли вхождение Казахстана в состав России добровольным?

Кульминацией всей эпопеи вхождения Казахстана в Россию был приезд посла империи М.Тевкелева в степь по приглашению Абулхайр-хана. Перед нами журнал переводчика М.Тевкелева, ездившего в Младший жуз для переговоров о подданстве казахов. Как явствует из него, в район ставки Абулхайр-хана он прибыл 3-го октября 1731 года. Встреча его с ханом состоялась 6-го октября в полночь в поле, куда Тевкелев явился по просьбе хана “надев на себя худое платье кайсацкое”. М.Тевкелев пишет в дневнике, что “он, хан, просил себе протекцию всероссийской без согласия других ханов и салтанов и киргизских старшин, один”. Абулхайр-хан просил посла Российского, “чтоб он, Тевкелев, не вдруг их принуждал к присяге. И чтоб в первом понуждении не показалось противно. И сперва ж надобно знатных старшин довольствовать подарками, чтоб они тем умяхчились”.

Таким образом, М.Тевкелев и Абулхайр-хан определили тактику переговоров - сочетание принуждения с подкупом элиты степи. Переговоры шли до 24 ноября 1733 года, т. е. в течение одного года и 49 дней.

В ходе переговоров правящая элита степи разделилась на две части: а) на сторонников Абулхайр-хана; б) на противников принятия подданства. В минуты отчаяния ханские сторонники искали другую альтернативу.

Букенбай батыр говорил, если будет оказана помощь со стороны башкирцев и яицких казаков, то он с зятем “обещает киргис-кайсацкую орду в подданство российское в два года привести саблею”.

В дневниковой записи М.Тевкелева отмечается о вооруженном нападении на него 3 ноября 1731 г. Во время перестрелки был

убит Байкара, родственник Баби-бея. В записи от 19 января 1732 г. М.Тевкелев отмечает, что получено сообщение о том, что “противная партия поднялась на него, хана, и на переводчика Тевкелева обеих их убить досмерти; а Абулхаир-хана, ханшу, привезав за волосы к хвосту лошади, будут таскать по полю”.

М. Тевкелев получил регулярное донесение от своих лазутчиков о возможном выступлении противной стороны. 28 января, 14 февраля, 9 марта 1732 года. 21 марта 1732 года, по свидетельству самого М. Тевкелева, противная сторона, “в ночи собравшись многолюдством”, напали на башкирцев (на охрану) и учинили бой, при чем из обеих сторон были раненые.

М. Тевкелев в своем дневнике констатирует, что “мая в 30 день из противной парти приехали 2 человека к Абулхаир-хану с тем, чтоб он отдал переводчика Тевкелева им в руки, а ежели-де не отдаст, то-де они приедут собранием, ево, Тевкелева, возьмут от Абулхаир-хана сильно, а его самово убьют. И Абулхаир-хан оных присланных от противных кайсаков двух человек взял под караул и сковал в железы, и держал. И одного из них, расковав, отпустил к оным противникам кайсакам с тем, ежели они хотят умереть, то б они к нему, Абулхаир-хану, приехали, а переводчика Тевкелева он им, противным кайсакам, пока жив будет в руки не отдаст. А ежели оные противные кайсаки от злого намерения останут и придут к Абулхаир-хану с повинною, то они, противные кайсаки, будут от него, Абулхаир-хана, награждены и причтены з добными кайсаки. А другого противного кайсака оставил Абулхаир-хан у себя под караулом скованного, пока от противной партии пришлют с склонною ведомостью”.

В дневниковой записи М. Тевкелева от 15, 21, 29 августа содержатся сведения о серьезных выступлениях против миссии от противной стороны. 21 ноября 1732 г. многочисленные противники переговора во главе с Тянгри-Бирдей (Видимо, Тэнїрберді — М. К.) предъявили ультиматум хану, заявив: “А ежели-де он, хан, отпустит его Тевкелева, без ведома всей киргис-кайсацкой орды, то он Абулхаир-хан, примет себе от киргис-кайсаков великое затруднение, едва может он, хан спастись животом своим”.

Отправляя М.Тевкелева в Россию с охраной, Абулхаир-хан, Букенбай батыр просили Тевкелева, чтобы “он ехал осторожно

ночью (дня) три и четыре ехал и по ночам, пока отдалеет от орды кайсацкой”.

В своем донесении вице-канцлеру графу А.Остерману о своей миссии М.Тевкелев писал: “Вашему высокографскому сиятельству всепокорнейше доношу о бедном моем житье в Киргиз-кайсацкой орде, понеже три месяца был я почти под саблею, и на каждый день объявляли мне смерть”.

Впоследствии обобщая весь материал миссии М.Тевкелева, историк А. Левшин был вынужден констатировать: “Появление Тевкелева в орде открыло все властолюбивые замыслы хитрого Абулхайра. Чиновники, ехавшие приводить новых подданных России к присяге, не только не были приняты соответственно своему назначению, но тотчас по приезде едва не лишились жизни. Киргизы, раздраженные одною мыслию о потере дикой свободы, увидя по среди русских, вдруг взволновались и немедленно хотели принести Тевкелева в жертву гневу своему”. “Простой народ напротив того, не имея среди столько приверженцев России, сколько было их в Меньшей орде, не хотел расставаться с независимостью своею, представлял себе все в превратном виде и потому сильно восстал против соплеменников своих, покорных России”. Итак, говорить о добровольном приобщении Казахстана к России не может быть и речи.

В 1734 г. М.Тевкелев вновь посетил Казахстан. Инструкция, которая была вручена посланцу двора, гласила:

“1. От Большой и Средней орд потребовать присяги.

2. Удерживать киргиз-казахов в повиновении, смотря по обстоятельствам, милостями и подарками, или строгостью и страхом... Реку Урал назначить границею и смотреть, чтобы никто из киргизов своевольно на правый ее берег не переходил.

По основании города и после свидания с Абулхайром при первом удобном случае отправить караван с товарами в Бухарию, и если можно, далее. Равным образом стараться привлечь в Россию для торговли купцов из разных мест Азии.

В каждом караване, начиная с первого, отправлять геодезистов для осмотра и съемки мест.

Отыскивать по возможности руды и осмотреть место, заключающее в себе, по словам Абулхайра, золото.

Стараться завести на Аральском море пристань и вооруженные суда... вооружить пушками.

Покупать у киргизов при удобных случаях лошадей для кавалерии”.

Одновременно с этим было дано указание:

“Надзирать за башкирами, между которыми для того оказывались частые беспокойства.

Смотреть равным образом и за киргиз-казахами.

Если же те или другие будут волноваться, то употреблять один народ против другого, сберегая русское войско.

Стараться иметь верные и скорые известия о всех народах, пограничных с Россиею.

Абулхайру, в войне его против хивинцев делать пособия только порохом и оружием, но войск вспомогательных не давать”.

Думаю, что комментарии излишни.

Абулхайр-хану понадобилось 15 лет, чтобы понять, что он обманут царским правительством. А.Левшин, описывая казахско-русские отношения 1746—1747 гг., отмечает, что Абулхайр “склонял народ свой удалиться от России на юг в пески и безводные пустыни...”, “изыскивая все средства мстить России, он начал искать покровительства Персии”. Но было уже поздно.

Есть все основания полагать, что оренбургский губернатор оказал содействие убийству Абулхайр-хана. Оренбургский губернатор И. Неплюев в своем донесении коллегии иностранных дел об убийстве Абулхайра султаном Бараком пишет, что он “намерен к нему, Барак-султану, через Уйскую линию отправить от себя с письмом нарочного, токмо о произшедшем между им и ханом ничего не буду упоминать, но аки б ничего того не ведая, похвалю его добросостоятельство и спокойное пребывание”.

В сентябре того же года И. Неплюев в очередном донесении отмечает, что через посланника передал Бараку, что и “его Бариковыми поступками доволен”. Мало этого, он принимает серию мер для его защиты.

В сентябре 1749 г. И. Неплюев вновь пишет Бараку султану и отмечает, что он его “доброжелатель, был и ныне с тем же неотменно пребываю”.

Итак подведем итоги:

1. Петр I однозначно установил, что “всем азиатским странам оная орда ключ и врата; И той ради причины она и де орда потребна под Российской протекцией быть”.

2. Стратегия и тактика осуществления установки Петра I разрабатывалась с 1722 года государственным аппаратом империи и продолжалась после смерти императора.

3. Составной частью этой программы, направленной, по образному выражению Н. Г. Аполловой, на мирное завоевание Казахстана, стали:

- строительство крепостей на казахской земле, временно захваченной джунгарами; по существу захват и ее оккупация. При этом нельзя согласиться с тем, что строительство крепостей велось с целью обороны от кочевников;

- организация царской администрацией рейдовой войны башкирцев, волжских калмыков, яицких казаков, сибирского войска на пограничные земли казахов, что значительно затрудняло, вернее деорганизовало ход освободительной войны с джунгарами;

Так называемые экспедиции имели военно-наступательный характер и осуществлялись силовым методом на чужой земле.

По признанию И.Неплюева состоялось отлучение степняков от рек Улькаяк, Иргиз, Тобольских и Ишимских вершин, которые находились не очень в дальнем расстоянии от русских крепостей;

М. В. Вяткин охарактеризовал планы царского правительства на востоке однозначно, как захватнические.

4. Абулхаир-хан, выдающийся полководец, признанный лидер освободительной войны с джунгарами, видный государственный деятель, дипломат после Анрахайской победы принял решение закрепить ее дипломатической акцией, приняв номинально российское подданство. При этом он исходил:

- империя наступала на Казахстан фронтально.

Страна была окружена густой сетью военных крепостей, империя вплотную подошла к ее землям;

- шла экономическая блокада;

- шла необъявленная война, по указке сверху. Башкиры и волжские калмыки, являвшиеся российскими подданными, преднамеренно шли на обострение отношений;

- казахский народ устал, с одной стороны, от междоусобных войн между ханами, султанами, старшинами, с другой, от продолжительной войны с джунгарами, да и не только с джунгарами;

— Абулхаир-хан в борьбе за всеказахский престол почувствовал себя обойденным, полагал, что может взять реванш, заручившись поддержкой империи;

Вот что писал по этому поводу М.Тевкелев. “А он, Абулхаир-хан, человек весьма достаточного ума и не без лукавства человек, хотя оную орду в наибольшую власть свою взять не так, как предки ево оною владели, причитая их непослушание себе в озлобление, просил и протекции е.и.в., через которую намерен был в той киргиз-кайсацкой орде себя одного ханом учинить и по себе наследников роду своего на оном ханстве утвердить”.

Абулхаир-хан как никто понимал необходимость укрепления мирных взаимоотношений с Россией. Права Н. Г. Аполлова, которая объясняла тяготение Абулхаира к России теми задачами, которые были выдвинуты исторической обстановкой. Это были экономические интересы, задачи борьбы с врагом, укрепление ханской власти. Народ казахский мечтал о безопасном существовании. “Поэтому широкие народные массы, - справедливо отмечает Н. Г. Аполлова, - воспринимали подданство как своеобразный военный союз с Россией, который может мирное существование и возвращение на прежние кочевья”.

Н. Г. Аполлова пришла к выводу, что правовой статус Казахстана по отношению к России обе стороны предполагали осуществить в момент подписания присяги о подданстве на условиях вассалитета. На самом же деле царизм и тогда рассчитывал реализовать это подданство в перспективе как “реальные подчинение”, что могло, по мнению теоретиков колонизации М. Тевкелева и И. К. Кирилова и других, осуществить лишь с продвижением укрепленной линии в глубь степи.

5. Переговоры М. Тевкелева велись методами давления и подкупа. Абулхаир-хану и его сторонникам, М.Тевкелеву удалось, используя метод “разделяй и властвуй”, значительно ослабить антиханскую группировку. Однако она представляла довольно внушительную силу, о чем свидетельствует наличие выступления широких слоев казахского общества против подданства. Первым героем независимости, отдавшим за нее жизнь, стал Байкара. Так началась полоса борьбы народа за независимость и свободу своей страны.

Все это дает право утверждать, со стороны казахов было вынужденное признание власти империи, с целью создания благоприятной ситуации для сохранения нации. А.Букейханов в статье

“Исторические судьбы киргизов и культурные его успехи; писал: “Нашествие джунгар и калмыков заставило Киргизские орды продвинуться на запад к Аральскому морю и на Север к верховьям рек Ишима, Урала и Тобола. Младшие, Средние орды, прижатые с юга своими врагами к так называемой горькой линии, были вынуждены признать русскую власть”.

Мечта Петра I стала явью.

Начался новый этап колонизации Казахстана.

Столичное обозрение, 1998, 8 мая. С.18-19.

ИСТОРИОГРАФИЯ КАЗАХСТАНА (XVIII–XX ВЕКА)

*Введение к “Истории Казахстана
(с древнейших времен до наших дней)” Т. 3.*

История Казахстана XVIII–XX вв. насыщена событиями судьбоносного характера.

Первые десятилетия XVIII в. для казахского народа были годами суровых испытаний. По существу перед народом стал вопрос: “быть или не быть?”

Его ожидала участь джунгар, военного народа степной цивилизации, исчезнувшей с лица земли. Подобно Польше начался раздел территории Казахстана между Китаем, Россией, джунгарами, среднеазиатскими ханствами. Судьба казахского народа была поставлена на карту. В 1731–1770-е годы произошло официальное признание значительной частью казахских правителей верховенствующей роли российской империи, что привело к утере независимости, государственности, и, что по-существу превратило Казахстан в колонию. С первого дня вынужденного признания власти России началась полоса национально-освободительной войны казахского народа за прежнюю независимость, восстановление государственности. Зачастую вспышки народного недовольства провоцировались национальным и социальным игом.

История колониального этапа Казахстана, особенно ее узловые вопросы стали в центре внимания Отечественной истории после обретения независимости страны. Ниже сделана попытка рассмотреть с высоты достигнутого уровня Отечественной историографии актуальные проблемы истории казахского народа в составе Российского государства (XVIII–XIX вв.).

Взаимоотношения с соседними государствами

В истории казахского народа XVII–XVIII вв. особое место занимает Великая Отечественная война с джунгарской агрессией. В русской историографии борьба казахов против джунгарской экспансии нашли отражение в общих работах. Несмотря на то, что общая ситуация представлена, систематического и последовательного изложения исторических событий в них нет. Повышенный интерес к истории казахско-джунгарских отношений проявили Ч. Ч. Валиханов, Ш. Кудайбердыулы, М. Тынышпаев, М. Дулатов, М. Жумабаев.

Существенные сдвиги в изучении истории Отечественной войны с джунгарами произошли в 60–80 гг. XX века. К тому времени была создана довольно основательная документальная база. Началось в центре и на местах фронтальное изучение истории “последней большой кочевой империи в Средней Азии” (Бартольд В. В. Калмыки. // Бартольд В. В. Соч. в 9 т. М., 1968. Т.5. С.539) – Джунгарского ханства. Весомый вклад в изучение проблемы внес И. Я. Златкин – автор монографии “История Джунгарского ханства” (М., 1983).

В эти же годы были опубликованы монографические исследования Султанова Г. И. (“Кочевые племена Приаралья XV–XVII вв. Вопросы этнической социальной истории. М., 1982), Басина В. Я (Россия и казахские ханства в XVI–XVIII вв. Алма-Ата, 1971.), работа В. А. Моисеева и Р. Б. Сулейменова (“Из истории Казахстана в XVIII в.”. Алма-Ата, 1986). В них рельефно раскрыта эволюция взаимоотношений казахсов со своими соседями на протяжении длительного времени, прослеживаются мотивы противоречивой политики России по отношению к казахам и джунгарам, усиление роли Китая и России, определившие всю систему международных отношений в Центральной Азии.

Одной из узловых проблем остается история взаимоотношений Казахстана с Россией и последней кочевой империей Центральной Азии — Джунгарским ханством в XVIII веке.

Как известно, в советский период казахстанские историки освещали эту проблему в ключе прогрессивного значения присоединения Казахстана к России. В условиях независимости естественно подходы изменились. При этом казахские историки спокойно, объективно, на базе опубликованных источников и работ отмечают, что в тот период, когда казахи вели оборонительную освободительную войну, в трагические годы великого бедствия российской империя продвигалась на юг по Иртышу, строила крепости на захваченных джунгарами казахских землях, подкрепляя свои далеко идущие планы дипломатическими акциями, военными экспедициями¹. Проф. В. А. Моисеев, ныне став гражданином Российской Федерации, заметил свои прежние взгляды. По его мнению: “Русское государство предстало на страницах работ казахских историков и публицистов “кровожадным северным хищником”, таким же историческим врагом казахов, как и Джунгария. Более того, царское правительство якобы провоцировало джунгаро-казахские войны, снабжало ойратов оружием и натравливало их на казахов”. По мнению В. А. Моисеева Россия защищала казахский народ от ойратских вторжений, заняла жесткую позицию сдерживания нападающей стороны”².

Однако внимательное изучение истории российско-ойратских отношений свидетельствует, что Российская дипломатия в 30-ые годы XVIII в. еще продолжала колониальную игру.

Сенат своим Указом запретил хану волжских калмыков идти войной против Джунгарского ханства. И только в 1742 — 1743 гг. миссия К. Миллера, направленная начальником Оренбургской комиссии К. Неплюевым впервые от имени России потребовала от ханов Джунгарии прекратить нападения на казахов Младшего и Среднего жузов, рассматривая их как российских подданных. Иначе говоря, Российская империя, спустя лишь 11-12 лет после приня-

¹ См: Козыбаев М. Актуальные проблемы изучения Отечественной истории // Отечественная история, 1998. № 3. Его же: История России есть история страны, которая колонизируется // Столичное обозрение. 1998, 8 мая; Его же. Академик К.И. Сатпаев и проблемы вхождения Казахстана в состав России. В кн.: К.И. Сатпаев и общественные науки Казахстана. А. 1999 г. С. 54-73 и др.

² Моисеев В.А. Россия и Джунгарское ханство в XVIII в. Барнаул, 1998. С. 105.

тия казахами Младшего и Среднего жузов российского подданства, взяла на себя защиту интересов казахского народа.

В обобщающих работах по истории Казахстана военно-стратегическая суть восточной политики империи трактовалась как акция, направленная на укрепление экономических и политических связей казахских ханств с Россией³.

Длительное время, для того чтобы придать колониальной политике империи “мирный” характер военно-разведовательным экспедициям И. Д. Бухгольца, И. М. Лихарева, П. Ступина и других, утверждалось, что они проводились в “научных”, познавательных целях.

В литературе распространен миф о том, что строительство крепостей И. Д. Бухгольцем и другими руководителями экспедиций, положившими “начало созданию Вехнеиртышской военной линии, фактическим присоединениям и владениям России и в Сибири новых территорий” якобы происходило на землях “до этого контролируемых Джунгарскими ханами”⁴.

При такой трактовке создается впечатление, что крепости строились русскими на ничейной земле. На самом же деле военные экспедиции России строили крепости и присовокупили к своим владениям новые территории, испокон принадлежавшие казахам, контролируемые в тот период джунгарскими захватчиками.

Проблемы “присоединения” или вынужденного признания власти империи.

Характерным определением официальной историографии советского периода начала колонизации стала квалификация его как “присоединения” Казахстана к России. Одни авторы беря чисто внешнюю сторону вопроса, совершенно не вдаваясь ни в его экономические, ни в политические причины, считали, что присоединение произошло случайно. Другие, выражая интересы колонизаторов, выискивали “права” и “обязанности” царизма, господствующих классов царской России по отношению к казахскому народу. Они открыто проповедовали идеи и в коренном населении видели только варваров, совершенно игнорируя их самостоятель-

³ См.: История Казахской ССР. А., 1957. Т. 1. С. 221-231 и др.

⁴ Там же.

ное многовековое и культурное развитие. “Занятие среднеазиатских земель совершено нами далеко не из-за одной суетной страсти к легким завоеваниям и громким победам, — констатирует официальный документ. — Мы идем на Восток в силу неизбежного естественного закона цивилизации: народы образованные никогда не уживались рука об руку с варварами и если первые чувствовали в себе силу и мощь, то всегда высылали к последним пионеров для водворения между ними общечеловеческих понятий о государстве и обществе. Такими пионерами у нас в Средней Азии, бесспорно, следует считать наши доблестные войска”⁵.

В условиях, когда на развалинах СССР возникли независимые государства иные, явные и скрытые последователи имперского мышления, продолжают настаивать на том, что Россия не была колониальной, имперской державой. “Попробуйте ответить на самый, казалось бы, простой вопрос: — спрашивают В. Виноградов и заместитель начальника историко-дипломатического управления МИД России И. В. Филатов в статье “Обозревая прошлое Отечества, истории Российской империи”, — какие колонии в полном смысле слова приобрела и имела Россия и тогда и позже”⁶. И это идет в разрез, с тем, что писалось раньше. На этот вопрос в свое время отвечали отцы российской исторической науки П. М. Карамзин, В.О.Ключевский. Последний со всей определенностью писал: “История России есть история страны, которая колонизируется”⁷.

По отдельным вопросам “присоединения” Казахстана к России высказались казахские просветители Чокан Валиханов, Абай Кунанбаев, Ибрай Алтынсарин и их единомышленники. Прежде всего они однозначно отмечали прогрессивность усилий демократической России по приобщению казахского народа к европейской цивилизации. Признавая Россию своим Отечеством Ч. Ч. Валиханов в то же время выступал против великодержавного шовинизма, наиболее ретивые защитники которого взяли на вооружение идею европоцентристов о второсортности народов Востока, о праве избранных на государственность и державность. Определяя место казахов в истории мировой цивилизации, Ч. Валиханов решительно отвергал представление некоторых россиян о казахских кочевниках как “о грубых скотоподобных вар-

⁵ Военный сборник, 1852, № 9, с.150

⁶ Неделя, 1990, ? 7 (1559). См.: Козыбаев М.К. История и современность. А. 1991, С. 140.

⁷ Ключевский В.О. Соч. Т. 1. С. 50.

варах”⁸. Его духовное наследие, обычаи, нравы, отражающие быт предков, по мнению ученого, подобно поэтическим сказаниям Гомера, имеют достоинство историческое. Оно может показать “полную картину прошедшей исторической и духовной жизни народа”⁹.

Великий Абай, сочетавший в себе, по определению Ч. Айтматова, “поэта, богослова, пророка и просветителя, глобального мыслителя и праведника, обличавшего невежество и людские пороки, горевавшего за судьбы униженных и оскорбленных”¹⁰ писал: “О просвещенных и знатных русских и речи нет. Нам не сравняться с их прислугой”. “Куда сгинули наши бывшие восторги? Где наш радостный смех?”, “О, казахи, мой бедный народ”. Он установил, что за время колонизации изменился менталитет народа. Былое величие — времена батыров ушли в прошлое. Победили нравы рабской психологии, невежества, духовной нищеты. Сетую, что в “сетях клеветы запутался он”, Абай мечтал о днях “когда люди забудут воровство, обман, злословие, вражду и устремятся к знаниям, обучатся ремеслу, начнут добычу богатства честным, достойным путем”¹¹.

И знайте: лишь в дружбе казахский народ
Свободу и правоту свою обретет!

Смысл всей поэзии Абая состоял в том, что он звал свой народ к заветной цели: приобщению к достижениям цивилизованных народов.

Смотри, не заблудись и знай куда идти,
Вот, выходи сюда на верные пути.

Анализ состояния казахского общества, критика недостатков и слабости колониального народа проведенный Абаем подготовил выход на историческую арену поколения алашских реформаторов.

Огромный пласт отечественной историографии, связанной с именами выдающихся деятелей Алашского движения, долгие годы

⁸ Валиханов Ч. Избр. Произведения в 5 т. А., 1985. Т.4. С.81.

⁹ Там же. Т.1. С. 305.

¹⁰ Абай.Наследники. На перепутье. А, 1995, С.105.

¹¹ Абай Кунанбаев. Собр. соч. в одном томе. М., 1954. С. 48; 322; 362.

правления советского режима, оставался неосвоенным. Проблема вхождения Казахстана в состав России наиболее ярко, цельно нашла отражение прежде всего в трудах А. Букейханова. В работе “Исторические судьбы киргизского края и культурные его успехи” автор ни разу не применяет термины “присоединение”, “добровольное”, наоборот, употребляет “завоевание”, “покорение” и подчеркивает, что казахи Младшей и Средней Орды, “прижатые с юга своими врагами к так называемой Горькой линии, были вынуждены признать русскую власть”¹². Продолжая эту тему А. Букейханов отмечает, что до третьей четверти XIX века “постепенно признали русскую власть все киргизские роды”¹³.

Неоценимо значение трудов А. Букейханова и для оценки истории Казахстана XVIII—XIX вв. А. Букейханов пишет: “Со второй половины XVI столетия стал надвигаться с севера новый народ — славяне; его культура была выше культуры тогдашних владельцев Киргизского края, и последние должны были уступить пришельцам господство в своем крае”¹⁴.

В колонизации края русскими А. Букейханов различает два момента: появление здесь вольных колонизаторов и движение по следам их правительственных дружин. “Вольная колонизация — по его мнению, — создалась появлением крестьян, преступников, сектантов и разного сброда, бежавших сюда от тяжелых условий тогдашней жизни, или ради легкого способа наживы от беззащитного инородца. В этом отношении особенно излюбленным местом явились южный Урал и северо-восток нашего края. Здесь зарождалась мысль о “проведывании земли”, сопровождаемая движением вперед, вглубь неведомых стран. Насколько сильно и могущественно было это движение, можно судить по тому, что волна безымянной вольницы” в какие-нибудь сто-полста лет (1560—1750) пробежала всю Сибирь от Урала до Камчатки, от Березова до Алтая. Одна из таких боковых волн шла в Киргизский край с севера, по Иртышу и Барабинской степи, другая — с южного Урала по реке Уралу и его притокам. Последнее движение началось раньше, но колонизация по Иртышу совершилась скорее, так как эта волна была сильнее; Иртышский край и Алтай, благодаря природным

¹² Букейханов А. Исторические судьбы киргизского края и культурные его успехи. // Избранное. Алматы, 1995. С. 49.

¹³ Там же. С. 51.

¹⁴ Там же.

богатствам, имели в глазах колонизаторов большую цену, и сюда направлялось их больше. Это сознавало и русское правительство, направляя сюда впоследствии главные военные силы. Ниже мы увидим, что правительственная колонизация (и завоевание) шла по следам вольной и, так сказать, узаконивала ее; в некоторых случаях правительству приходилось просто признать известный участок земли своим, так как он был уже захвачен вольницей”¹⁵.

В своих трудах по истории Казахстана и развитию форм землепользования Алихан Букейханов рассматривает отдельно завоевание и колонизацию северо-центральной и восточной части края.

“Какой год нужно считать годом появления русских людей в Ишимо-Иртышском крае — точно сказать трудно, — продолжает он. — Несомненно, что как в Северной Сибири, так и здесь, завоеванию края предшествовали частичные проникновения разного рода промышленных людей за пушным зверем, а то и просто для грабежа инородцев. Эти отдельные передовые застрельщики русской колонизации, являясь сбродом вольницы, не объединенным какой-нибудь намеченной целью (кроме грабежа), не могли однако послужить надежным оплотом колонизации, несмотря на то, что в первое время вероятно не встречали дружного отпора со стороны инородцев”¹⁶.

По мнению А. Букейханова вхождение Казахстана в состав империи таким образом было процессом неизбежным и состоит из колонизации (вольной и правительственной) и завоевания. “В конце XVIII столетия (как мы видим выше) значительная часть кочевников Киргизского края признала русскую власть и кочевала в русских пределах. С начала XIX столетия правительство заботилось об укреплении завоеванного края”¹⁷. Во всех своих исследованиях А. Букейханов обращается к понятию “завоевание”, характеризуя те сложные взаимоотношения сложившиеся в XVIII—XIX вв. в ходе русско-казахских контактов.

А. Букейханов открыто разоблачал несостоятельную концепцию об особой цивилизаторской миссии русских в Центральной Азии. “Покорив край, — писал он, — русские не могли перейти к культурной работе потому, что первоначальное завоевание совершалось исключительно с целью обогащения, и первые заво-

¹⁵ Букейханов А. Исторические судьбы киргизского края и культурные его успехи. // Избранное. Алматы, 1995. С. 49.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же, С. 62.

еватели были совершенно неподготовлены к культурной роли. Это были грубые, невежественные люди с первобытной нравственностью, с сомнительным прошлым; правда, и при всем этом, они оказались развитее инородцев, но не настолько, чтобы покорив их, могли сознательно перейти к мирной культурной работе; они не приложили усилий даже к тому, чтобы разумно воспользоваться богатыми дарами природы или прокормить себя своим трудом. Напротив, они выбрали другой, более легкий способ наживы — грабеж покоренного инородца и расхищение природных богатств”¹⁸.

Автор рассматривает процессы вольной и правительственной колонизации в неразрывном единстве, уточняя, что империя была заинтересована в продвижении вольницы. Во-первых, она была передовым отрядом русской колонизации, во-вторых, она давала возможность снять проблемы во внутренней жизни империи.

После 1917 года интерес к проблемам отечественной истории возрос. Среди многочисленных работ следует отметить работы Т. Рыскулова, Х. Досмухамедова, П. Галузо, С. Мендешева, Г. Тогжанова и др.

П. Галузо подчеркнул неравноправное партнерство России и Казахстана и отметил чрезвычайную заинтересованность империи в “присоединении” инородцев края. П. Г. Галузо объяснял, почему теоретики колониальной империи пытались дать агрессии миролюбивую оболочку, цивилизаторский характер¹⁹.

В книге “Туркестан-колония” (Очерки истории колониальной политики русского царизма в Средней Азии) он писал: “Продвижение войск царской России в казахскую степь началось еще в первой половине XVIII века. Русские цари продвигались в страну настойчиво и почти непрерывно, но продвигались, надо сказать, с некоторой оглядкой...”.

Оболочка миролюбия, в которую облекается в приведенных высказываниях русская агрессивная политика на среднеазиатской границе, говорит, о том, что имея далекие агрессивные планы, Россия, продвигаясь в Среднюю Азию, сильно побаивалась своих западно-европейских соперников по колониальным захватам и, прежде всего, Англии.

¹⁸ Букейханов А. Исторические судьбы киргизского края и культурные его успехи. / Избранное. Алматы, 1995. С. 62.

¹⁹ Галузо П.Г. “Туркестан – колония” (Очерки истории колониальной политики русского царизма в Средней Азии). М., 1929.

Продвижение в Среднюю Азию П. Галузо рассматривал как одну из струй “империалистического соревнования” великих держав “насчет дележа добычи”. Российский крепостник-помещик, конечно, прежде всего, захватывал колонии для себя, но объективно это было также захватом колоний и для российского промышленного капитала.

Галузо П. Г. рассматривал историю “колониальных приобретений” России в тесной взаимосвязи со всеми регионами Центральной Азии. Он считал, что вхождение Казахстана в состав империи есть результат: во-первых — лишения народов политической самостоятельности и завоевания; во-вторых — экономического закабаления; в-третьих — русско-английского соперничества при дележе мира на будущие колонии. П. Г. Галузо принадлежит заслуга раскрытия картины колониального господства России в Казахстане в XIX—начале XX вв. и научная постановка проблемы национально-освободительного движения. “...Эпоха делится на две части: период завоевания и период хозяйственного освоения края, соответственно с этим на два периода делится национально-освободительное движение”²⁰.

Х. Досмухамедов считал, что сущность завоевательной политики России, состоит в том, чтобы использовать казахские земли как плацдарм при продвижении в Азию. Окончательное “подчинение Россией” казахского края он считал результатом поражения национально-освободительной борьбы казахов в конце XVIII — первой половине XIX вв. Он считал, что Абулхаир и небольшая кучка старшин родов пошли на сговор с царизмом вынудили страну принять подданство. Х. Досмухамедов* на примере неравномерного представительства родов Младшего и Среднего жузов в переговорных процессах доказал, что основная масса народа не принимала участие в акте подчинения казахов российскому государству²¹.

Проблема присоединения Казахстана к России нашла отражение и в историческом наследии Т. Р. Рыскулова. Рассматривая в

²⁰ Галузо П.Г. “Туркестан — колония” (Очерки истории колониальной политики русского царизма в Средней Азии). М., 1929.

* Как известно, профессор Халел Досмухамедов является автором исследований о движении Исатай Тайманова и Махамбета Утемисова. (Досмухамедов Х. Қазақ батырлары: Исатай, Махамбет; Тайманұлы Исатайдың қозғалысы турасында қысқаша мағлұмат. В кн.: Халел Досмухамедұлы. Тандалмалы. Избранное. Алматы, 1998. С. 29-32; 33-64).

²¹ Там же, С. 33.

целом процесс через призму перехода Казахстана в подданство России, он использовал термины “покорение”, “усмирение казахов”, “завоевательная сила”. В освещенной им “колонизационной политике царизма” выделяются два момента. С конца XVI в. — казачья колонизация, с середины XIX в. — крестьянская. “По пути своего продвижения во вновь завоеванных районах русская власть возводила сейчас же укрепленные пункты, и шли заселения казаками и крестьянскими переселенцами”²².

Причины перехода казахских жузов в российское подданство Т. Р. Рыскулов связывал в первую очередь с внешнеполитическим положением Казахстана. Последнее выражалось в том, что с востока казахи были теснимы джунгарами, с юга — тюрками Хивы, Бухары, Кокандского ханства, с запада — ногаями и калмыками. Не последнюю роль по мнению Т. Р. Рыскулова сыграли активная восточная политика завоевания Россией Казанского (1552 г.), Астраханского (1557 г.) ханств, покорение Западной Сибири (1581 г.), усиление движения русских по линии Урала и Иртыша²³.

Историческая концепция Т. Р. Рыскулова по поводу утверждения российской короны в Казахстане и Средней Азии получила окончательное оформление в его работах о национально-освободительной войне 1916 года. Оценивая в целом результаты великодержавных стремлений России, он приводит высказывание начальника переселенческого управления Г. Ф. Чиркина, касающееся судеб коренных народов Центральной Азии: “Если воссоединение всего русского племени под одной сенью Великой Русской Державы в полной мере ответит психологически русским стремлениям, если Босфор и Дарданеллы составляют “ключи нашего Дона”, то упрочение России в Астрабаде и Мазандаране в значительной мере искупит наши затраты на военное дело и сильно увеличит наше богатство. В политическом же отношении мы восстановим наследие Петра Великого, оценившего уже 200 лет тому назад своим гением Южное побережье Каспия (равно как и всей Центральной Азии — М. К.) и утвердившего Россию у Эльбруса”²⁴.

В исторической науке 30-х годов XX века основное внимание уделялось завоевательным мотивам и колониальным устремлениям царизма. С подобных позиций были написаны большин-

²² Рыскулов Т.Р. Собрание сочинений. Алматы. 1997. Т.2. С. 215, 226-232.

²³ Рыскулов Т.Р. Там же. С. 214.

²⁴ Рыскулов Т.Р. Там же, С. 172.

ство монографий и статей того периода, в том числе “История Казахстана” С. Д. Асфендиярова. “Не благоденствие, мир и культуру несло царское завоевание казахским массам, — писал он. — Оно несло разорение, грабеж и убийство”²⁵.

В опубликованных в 70–90-е гг. историографических исследованиях Д. Дулатовой, Г. Ф. Дахшлейгера, Р. Б. Сулейменова, К. Нурпеисова, И. Козыбаева, М. К. Козыбаева, И. В. Ерофеевой, Ж. Артыкбаева, Ж. Касымбаева и др. подводились итоги изучения Отечественной истории, прежде всего, присоединения Казахстана к России в 40–80-е гг.²⁶.

После обретения независимости Республики Казахстан впервые за долгие годы исследователи получили возможность изучения без вмешательства сверху и идеологического диктата проблем отечественной истории. В своем докладе “Слово об Абае” Президент Республики Н. А. Назарбаев отмечал:

“То была особенно тяжкая пора в истории казахов. Не трудно представить положение огромных степных просторов, оказавшихся на пути хищных стратегических интересов империи, решившей захватить как можно большую часть земного шара, как можно дальше продвинуться через Среднюю Азию на юг и восток. Империи во всех отношениях было невыгодно лишаться такого лакомого куска. Для этого нужно было разрушить исторически сложившуюся национальную систему правления страной. Надо было силой внедрить в степь порядки и форму власти могущественной метрополии. Было спешно и искусственно создано несколько карликовых ханств, нарушена этнотерриториальная целостность.

²⁵ Асфендияров С.Д. История Казахстана (С древнейших времен). А., М., 1935. Т. 1.

²⁶ Дулатова Д.И. Историография дореволюционного Казахстана (1861-1917 гг.). А., 1984; Дахшлейгер Г.Ф. В.И. Ленин и проблемы казахстанской историографии. Алма-Ата, 1973; Сулейменов Р.Б. Внешнеполитические связи Казахстана в XVI-XVIII вв. в советской историографии. // Казахстан, Средняя и Центральная Азия в в XVI-XVIII вв. Алма-Ата, 1983; Нурпеисов К.Н. Алаш һәм Алаш Орда.; Козыбаев И.М. Историческая наука Казахстана (40-80 годы XX в.). Алма-Ата, 1992; Козыбаев М.К. История и современность. А., 1991; Ақтандақтар ақиқаты. А., 1991; Ерофеева И.В. Присоединение Казахстана к России как историческая проблема.// Историческая наука Советского Казахстана (1917-1960 гг.). Алма-Ата, 1990; Артыкбаев Ж.О. Казахское общество: традиции и инновации. Караганда, 1993; Его же. Этнос және қоғам. ХУІІІ ғ. Караганда, 1995; Его же. История Казахстана (двенадцать лекций). Караганда, 1997. Его же. История Казахстана в XIX веке. Караганда, 1992; Касымбаев Ж.К. Хан Кене. А., 1993; Его же. История города Алматы, А., 1995; Его же. Старший султан Кунанбай Оскенбаев и его окружение. А., 1995.

Потом раздробили народ и земли ханства по рядовым и племенным признакам на волости и аулы.

Таким образом, ханства ловко расчленили, словно тушку овцы, лишили какой-либо самостоятельности, поневоле включили в состав разных губерний, в которых народ митом превратился как бы поселенцев. На троны недавних ханов царское правительство посадило волостных правителей из числа “верноподданных казахов”. Разорвав все прежние традиционные связи, крепившие единство народа, образовали новую, чуждую систему правления по аулам, волостям, уездам... По указанию сверху его “растасили” по пограничным Сибирской, Оренбургской, Астраханской, Туркестанской губерниям, а Мангистау подчинили поначалу Закавказской, потом Прикаспийской областям. Более плачевной участи некогда единого народа невозможно было и представить... Таковой была коварная колониальная политика, преследовавшая цель превратить огромное пространство кочевников в стратегический плацдарм для расширения своей территории. Ради этого империя пошла на разрушение исторической государственности и лишение всяких человеческих прав ее исконных обитателей”²⁷.

Более чем через 60 лет спустя сомнения и другие точки зрения на противоречивый процесс “присоединения” Казахстана были высказаны участниками Всесоюзного “Круглого стола” (27-28 июня 1990 г.),: “Национальные движения в условиях колониализма: Казахстан, Средняя Азия, Северный Кавказ”. Они пришли к выводу, что понятие присоединение следует понимать как многовекторный процесс, “включающий в себе не только добровольность признания власти империи, но и завоевание, колонизацию (крестьянскую и военную)”²⁸.

Концентрированным выражением современных научных позиций стало изложение истории присоединения Казахстана к России в “Истории Казахстана с древнейших времен до наших дней” (1993 г.). В разделе “Казахстан в составе Российской империи” глава названа: “Присоединение Казахстана к России: вхождение, завоевание, колонизация”. В ней излагается материал о политических связях между двумя народами на протяжении XVI–XVIII вв.; говорится о благожелательном отношении к России ханов Хакна-

²⁷ Абай. Наследники. На перепутье... А., 1995. С. 60-61.

²⁸ “Национальные движения в условиях колонизации: Казахстан, Средняя Азия, Северный Кавказ” (Материалы Всесоюзного круглого стола). Целиноград, 1991.

зара и Тауке; о джунгарском вторжении на территорию Казахстана, ускорившим принятие частью казахами Младшего жуза Российского подданства; о существенных разногласиях между феодальной верхушкой и Абулхаир-ханом, который при обращении к царскому правительству выступил от имени народа с просьбой о принятии подданства Средним и Старшим жузами, что произошло значительно позднее и в других условиях. Внимание акцентируется на усилении колониальной направленности политики царизма, которая осложняла внутривнутриполитическую обстановку во вновь приобретенных землях. Авторы “Истории Казахстана” считают, что колониальная политика выражалась в создании укрепленных линий вокруг казахских земель и во-введении российской системы управления, что вызвало протест большей части казахского населения, вылившийся в ряд волнений. В итоге, четко была высказана оценка: “Значительная часть Младшего, некоторые районы Среднего жузов приняли российское подданство добровольно. Большая же часть Среднего и часть районов Южного Казахстана, были присоединены с помощью военной силы царизма... Получив бесконтрольную власть над большей частью населения., Россия расширила колонизаторскую политику почти во всех сферах”²⁹. В структуре раздела доминирует материал, касающийся народно-освободительной борьбы в период присоединения Казахстана к России. Однако, исследователи все больше и больше приходят к выводу, о том, что и такая постановка вопроса далеко не полностью отражает историческую истину.

По разному интерпретируют исследователи понятие “присоединение”. В частности М.К. Козыбаев считает, что термин “присоединение” неадекватно отражает суть исторического процесса, имеет оскорбительный оттенок, заключающий в себе силовое начало. Казахстан, по его мнению, выступает в роли примкнувшего субъекта к основному объекту. Термин, в свое время сочиненный в имперской канцелярии, и принятый в официальной советской науке на деле выступает синонимом термина “захват”, “агрессия”, “завоевание”³⁰.

Как известно, принято считать, что колонизацию Сибири Россия начала после завоевания Казанского, Астраханского и Крым-

²⁹ История Казахстана с древнейших времен до наших дней. А., 1993. С. 85.

³⁰ Более подробно: См.: “Столичное обозрение”. 1998 г. 8 мая.

ского ханств. Исследователь В. В. Каргалов считает иначе, он пишет: “По традиции присоединение к Российскому государству Западной Сибири связывается с именем атамана Ермака. В действительности же, — пишет далее автор, — присоединение Западной Сибири началось раньше, и первыми русскими воеводами, возглавившими в 1483 году большой поход в Сибирские земли были князья Федор Курбский и Иван Салтык-Травин”³¹.

Таким образом, В.В. Каргалов начальный этап колониальной политики царизма на Восток отодвигает еще на целый век. В последующих периодах различные области Сибири, в т. ч. рудного Урала и Алтая, одна за другой были завоеваны русским государством.

Вслед за М. Тевкелевым отдельные исследователи разных поколений справедливо связывают стратегический этап, навсегда определивший неизбежность включения Казахстана в орбиту России, с именем и деянием Петра I.

Петр I дал задание ответственному работнику Сената И. Кириллову и дипломату переводчику Коллегии иностранных дел Кутлумухаммеду-Мамету Тевкелеву разработать проект приведения казахов в Российское подданство.

Так была определена стратегия захвата Казахстана, которая окончательно оформилась в последующие десятилетия, по выражению Н. Г. Аполловой, в “крупную агрессию царизма направленную к осуществлению так называемого “мирного завоевания степи и вечного подданство казахского народа”.

Дневник российского посла М. Тевкелева давно обратил на себя внимания историков. Переговоры шли в течении одного года и 49 дней, что позволило ему довольно основательно изучить казахское общество и определить его потенциальные возможности. Российская политика набирала опыт общения со степным своевольным народом. В ходе переговоров правящая элита степи разделилась на две части: а) на сторонников Абулхайр-хана; б) на противников принятия подданства. В минуты отчаяния ханские сторонники искали другую альтернативу. Успех переговоров о подданстве был решен только благодаря доброму расположению одного из крупных вождей Младшего жуза Букенбай батыра из союза племен Жетыру к Тевкелеву. Букенбай батыр говорил, если ему будет оказана помощь со стороны башкирцев и яицких казаков, то

³¹ Каргалов В.В. Полководцы X-XVI вв. М., 1987, с. 172.

он с зятем (Кудайназар батыр) “обещает киргис-кайсацкую орду в подданство российское в два года привести саблею”³².

Впоследствии обобщая весь материал миссии М. Тевкелева, историк А. Левшин был вынужден констатировать: “Появление Тевкелева в Орде открыло все властолюбивые замыслы хитрого Абулхайра. Чиновники, ехавшие приводить новых подданных России к присяге, не только не были приняты соответственно своему назначению, но тотчас по приезде едва не лишились жизни... “Простой народ напротив того, не имея среди столько приверженцев России, сколько было их в Меньшей орде, не хотел расставаться с независимостью своею, представлял себе все в превратном виде и потому сильно восстал против соплеменников своих, покорных России”.

Итак, обстановка, предшествовавшая принятию Абулхайр-ханом решения, была архисложной:

1. Петр I однозначно установил, что “всем азиатским странам оная орда ключ и врата; И той ради причины она и де орда потребна под Российской протекцией быть”.

2. Стратегия и тактика осуществления установки Петра I разрабатывалась с 1722 года государственным аппаратом империи и продолжалась после смерти императора.

3. Составной частью этой программы, направленной, по общему выражению Н. Г. Аполловой, на мирное завоевание Казахстана, стали:

— строительство крепостей на казахской земле, временно захваченной джунгарами; по существу захват и ее оккупация. При этом нельзя согласиться с тем, что строительство крепостей велось с целью обороны от кочевников;

— организация царской администрацией рейдовой войны башкирцев, волжских калмыков, яицких казахов, сибирского войска на пограничные земли казахов, что значительно затрудняло, вернее деорганизовало ход освободительной войны с джунгарами;

4. Абулхайр-хан, выдающийся полководец, признанный лидер освободительной войны с джунгарами, видный государственный деятель и дипломат, после Анрахайской победы принял решение отрегулировать русско-казахские отношения дипломатическими путями, что в конце концов привело к принятию российского подданства. При этом он исходил:

³² Казахско-русские отношения в XVI-XVIII вв. А., 1961. Т. 1. С. 63.

— империя наступала на Казахстан фронтально, империя вплотную подошла к его землям;

— империя, окружив Степи густой цепью укреплений, лишила казахов общения с внешним миром;

— шла необъявленная война, по указке сверху. Башкиры и волжские калмыки, являвшиеся российскими подданными, совершали рейды на казахские земли;

— казахский народ устал, с одной стороны, от междоусобных войн между ханами, султанами, старшинами, с другой, от продолжительной войны с джунгарами, да и не только с джунгарами;

— Абулхаир-хан в борьбе за всеказахский престол почувствовал себя обойденным, полагал, что может взять реванш, заручившись поддержкой империи;

Абулхаир-хан как никто понимал необходимость укрепления мирных взаимоотношений с Россией. Права Н. Г. Аполлова, которая объясняла тяготение Абулхаира к России теми задачами, которые были выдвинуты исторической обстановкой. Это были экономические интересы, задачи борьбы с врагом, укрепление ханской власти. “Поэтому широкие народные массы, — справедливо отмечает Н. Г. Аполлова, — воспринимали подданство как своеобразный военный союз с Россией, который может мирное существование и возвращение на прежние кочевья”.

Н. Г. Аполлова пришла к выводу, что правовой статус Казахстана по отношению к России обе стороны предполагали осуществить в момент подписания присяги о подданстве на условиях вассалитета. На самом же деле царизм и тогда рассчитывал реализовать это подданство в перспективе как “реальное подчинение”, что могло, по мнению теоретиков колонизации М. Тевкелева и И. Кирилова и других, осуществиться лишь с продвижением укрепленной линии вглубь степи.

Переговоры М. Тевкелева велись методами давления и подкупа. Абулхаирхану, М. Тевкелеву удалось, используя метод “разделяй и властвуй”, значительно ослабить антиханскую группировку. Однако в оппозиции находились значительные группы казахов младшего жуза, о чем свидетельствует наличие неоднократных выступлений широких слоев казахского общества против подданства. Первой жертвой борьбы за независимость, отдавшим за нее

жизнь, стал Байкара. Так началась полоса борьбы народа за независимость и свободу своей страны.

Всестороннее изучение материалов по первому этапу вхождения Казахстана к России дает право утверждать, что казахи были вынуждены признать приоритет Российской империи, с целью создания благоприятной ситуации для сохранения нации.

Таким образом, мечта Петра I стала явью.

С этого момента начинается новый этап колонизации Казахстана³³.

Проблема признания казахами протекторатной зависимости от российской империи стала предметом интерпретации в трудах многих исследователей³⁴.

Вопрос признания частью казахов Младшего и Среднего жузов власти России рассматривался и на сессии Министерство науки-Академии наук, посвященной году отечественной истории и народного единства (4 июля 1998 г). В докладе акад. М. Козыбаева "Актуальные проблемы Отечественной истории" отмечалось, что ныне по существу доказано, что целевая установка о присоединении "оной Орды любой ценой к империи" была дана Петром I. Десятилетие ушло на подготовку акции. Составителями и переводчиками обращения Абулхайра к трону были башкиры, татары, принявшие не только подданство империи, но и православную веру, оказавшиеся продолжительное время под тем или иным предлогом во дворе хана Младшего жуза и склонявшие (по

³³ См.: Академик К.И. Сатпаев и проблемы вхождения Казахстана в состав России. В кн.: К.И. Сатпаев и общественные науки Казахстана. А., 1999. С. 70-73.

³⁴ См.: Кузембайұлы А. История дореволюционного Казахстана. А., 1992.; Кузембайұлы А., Абилов Е. История Казахстана (с древнейших времен до 20-х годов XX в.) А., 1996, с. 176-177.; С. 177, 179.; Кузембайұлы А., Абилов Е. Казахстан в XVIII – нач. XX вв. Костанай, 1995; Касымбаев Ж.К. Хан Кене. А., 1993; Его же. История города Алматы, А., 1995; Его же. Старший султан Кунанбай Оскенбаев и его окружение. А., 1995; Ерофеева И.В. Казахские ханы и ханские династии в XIII–середине XIX вв. – Культура и история Центральной Азии и Казахстана: проблемы и перспективы исследования. А., 1997. С. 106-107; Артыкбаев Ж.О. Казахское общество: традиции и инновации. Караганда, 1993; Его же. Этнос және қоғам. XVIII ғ. Караганда, 1995; Его же. История Казахстана (двенадцать лекций). Караганда, 1997. Его же. История Казахстана в XIX веке. Караганда, 1992; Муканов М.С. Этническая территория казахов в XVIII-начале XX веков. Алма-Ата, 1991; Его же. Қазақ жерінің тарихы. А., 1994; Его же. Из исторического прошлого. А., 1998; Елагин А.С. Казачество и казацкие войска в Казахстане. Алма-Ата, 1993; Мөңшімбаев С. Патшалық Ресейдің отарлық саясаты. А., 1994; Мырзахметов М. Қазақ қалай орыстандырылды. А., 1993;

заданию органов российской разведки) его к принятию этого решения. Царизм стремился с наименьшими затратами (материальными и военными) как бы приобрести и сам народ, и его территорию, не выпячивая насильственную сторону колониализма.

Предполагается более продуктивно изучать проблему в ключе всей колониальной политики империи, в едином контексте с завоеваниями Казанского, Астраханского, Крымского, Сибирского ханства, всей Сибири. Сессия констатировала, что настало время преодолеть инерцию имперского мышления и раскрыть военно-разведывательную сущность многочисленных экспедиций, организованных колониальной администрацией на территории Казахстана. Пора, следуя принципу историзма и научной объективности, раскрыть суть лихорадочного строительства крепостей Гурьев, Омск, Усть-Каме-ногорск, Семипалатинск и многих других на оккупированных джунгарами казахских землях. Представляется, что продолжением этой политики являлось, по признанию одного из видных теоретиков колонизации И. Неплюева, отлучение степняков от рек Улькаяк, Ирғиз, Тобольских и Ишимских вершин, которые находились не в очень дальнем расстоянии от русских крепостей.

Предстоит изучить тактику русской колониальной администрации по организации рейдовых походов своих подданных башкир и волжских калмыков на казахские земли. Таят много сюрпризов русско-джунгарские отношения в 20–30-е годы XVIII столетия, когда казахский народ, истекая кровью, вел Великую Отечественную войну с джунгарами. Предстоит обстоятельный анализ многочисленных документов царской администрации, где раскрыта суть концепции вхождения Казахстана в состав империи, ускорения темпов колонизации.

Проблемы изучения казахъей колонизации

В недавнем прошлом изучение этого вопроса проводилось в региональных масштабах. Единое национально-освободительное движение народа против колониализма рассматривалось как разрозненное выступление казахских шаруа, при этом социальные аспекты брали верх над национальными.

Противоречивый и тяжелый для казахского народа процесс колонизации Казахстана длился более ста лет.

Одним из первых, кто обратил внимание к казачьей колонизации, был П. Г. Галузо. Его работа "Аграрные отношения на юге Казахстана в 1867–1914 гг". (Алма-Ата, 1965) содержит сведения о казачьей колонизации этого региона. К кругу вопросов, волновавших автора относятся следующие: основные этапы формирования и развития Семиреченского казачества, развитие казачьего землепользования, расслоение казачества по количеству лошадей, по землепользованию и размером посева, формы эксплуатации в станицах. Исследование этих проблем основано не только на значительном статистическом и архивном материале, но и на ранее опубликованных работах Н. З. Леденева, М. Хорошкина, Ф. М. Старикова, С. Н. Велецкого, А. А. Кауфмана и др. После П. Г. Галузо, около 35 лет проблема казачества не вызывала интереса ученых и только в последние годы, в тесной связи с современными демографическими проблемами и оживлением казачества в Казахстане вопрос вновь приобрел актуальность. Среди многих публикаций мы остановимся на двух работах: М. Ж. Абдиров "История казачества Казахстана" (Алма-Ата, 1994) и Т. Б. Митропольская "Из истории семиреченского казачества" (Алма-Ата, 1997).

М. Ж. Абдиров ставит следующие задачи: выяснение времени появления первых русских казаков в казахской степи, место казачества в системе колониального господства в крае, роль казачества в завоевании Казахстана и подавлении национально-освободительных восстаний и движений казахского народа в XVIII–XIX вв. Обусловлена такая постановка вопросов тем, что из одиннадцати казачьих войск царской России четыре непосредственно располагались в Казахстане: Уральское, Оренбургское, Сибирское и Семиреченское. В прямой близости к Букеевской Орде находилась Астраханское казачье войско.

В результате исследования проблемы, автор приходит к выводу, что казачество здесь выполняло три функции: 1) Массовое изъятие лучших и плодородных земель и рек, вытеснение казахов в бесплодные пустыни, сужение районов традиционного кочевания казахов и тем самым подрыв векового хозяйственного уклада;

2) Во время регулярных воинских походов в степь массовый угон скота и лишение казахов основного источника существования;

3) Во время тех же грабительских набегов на мирные аулы массовые убийства и захват мужчин - главной производительной и

военной силы кочевников. “Взятые вместе, в единстве, они означали геноцид на фазе перехода в этноцид против казахского народа” (С.140). Всю историю казачества, как уникального этнологического процесса М. Абдиров считает возможным рассматривать на двух конкретных этапах, в их историческом сцеплении и столкновении. Первый — казачество как исконно тюркское явление в эпоху средневековья (VI–XVI вв.), возникшее на необъятной территории Великого — пояса степей от Монголии до Дуная. Второй — формирование преимущественно славянского казачества в южных и юго-восточных степях под влиянием внутрироссийских баз существовавшего здесь прежде тюркского.

Работа Т. Митропольской ограничивается одним регионом — Семиречьем. Помимо сведений о формировании казачества, автор подробно освещает события происходившие среди казаков между 1917–1920 гг. назвав их “Между двумя диктатурами”. По замечанию автора, весть о падении царизма была встречена семиреченцами без “прочных монархических привязанностей” или же проявления “доверия к правому крылу либералов”³⁵. В Петрограде, Москве, Ташкенте и других революционных центрах нейтралитет большинства казачества сыграл на руку большевикам³⁶. Изучив действия казачества в 1917 г. автор подводит итог, связанный с 4 марта 1918 г. свержением власти комиссаров Временного правительства и установлением власти Советов в Верном. В заключение приводится перечень выявленных автором слабоизученных проблем темы, среди которых — рассказывание. Те действия органов Советской власти, которые названы рассказыванием, — казачьих войск как государственных учреждений, упразднении сословий и реформе землепользования, сколько в попытках вычеркнуть казачество как социально-этническое образование из российской реальности”³⁷.

Как видно, казачество играло значительную роль проводника идей и устремлений самодержавия в Казахстане, являясь его опорой и защитой.

Среди многочисленных краеведческих работ отличается последовательным историзмом книга В. А. Терещук “Рассказы о Кокчетаве”. В разделе книги, озаглавленной “Казаки — верная опора

³⁵ Митропольская Т.Б. Из истории Семиреченского казачества. А., 1997. С. 37.

³⁶ Там же.

³⁷ Митропольская Т.Б. Из истории Семиреченского казачества. А., 1997. С. 84.

царизма” автор отмечает, что на них “царское правительство возлагало надежды по усмирению взбунтовавшихся мятежников, подведению всего киргиз-кайсацкого народа под высокую монаршую руку”³⁸. В.А. Терещук показывает пренебрежительное отношение казачества не только к казакам, но и мужику-переселенцу. “Всеобщее внимание к казакам, порой незаслуженное приписыванием им заслуг, небывалых подвигов рождало в их среде большую самоуверенность, сознание непобедимости, героизма. Они еще сильнее стремились окружить себя ореолом славы, выпятившись как защитники русских рубежей, верой и правдой служащих Царю и Отечеству такими они оставались на протяжении многих десятилетий. И каждый раз по первому зову трубы, оседлав своих коней, скакали туда, где были бессильны дипломатия, законы, желания народа”³⁹.

Таким образом представлена в историографии одна из определяющих проблем завоевания Казахстана Российской империей в XVIII–XIX вв. и превращение обширного края в колониальную окраину. Это не был единовременный политический акт, его целенаправленность и длительность оказали влияние на все грани истории и жизни казахского общества.

Изучение проблем социально-экономической и демографической истории казахского общества XIX в.

Россия пыталась основательно выяснить, какое количество кочевого и оседлого населения приобретала она вместе с новыми территориями, каковы база и особенности экономической, политической и правовой сторон их жизни, да и многое другое, составляющее основу казахской народности.

Одной из первых экспедиций, с четкими задачами выявления потенциальных возможностей районов в экономическом плане, была отправлена в 1734 г. во главе с И. К. Кирилловым. Она получила название Оренбургской. Отчеты участников ее ценнейший источник по истории XVIII века.

Первые опубликованные сведения о численности казахского населения на 60-е годы XIX века по трем жузам имеются у А. Левшина, который приводит цифру от 2,5 до 3 миллионов⁴⁰. Специ-

³⁸ Терещук В.А. Рассказы о Кокчетаве. Кокчетаву, 1992, с. 131.

³⁹ Там же, с.148-149.

⁴⁰ Левшин А. Описание киргизкайсацких орд и степей. Т. 1-3, Спб. 1832.

ально этими вопросами в XIX в. занимались участники статистических комитетов: Красовский М. по Сибирскому ведомству, Кузьминский М. по Среднему жузу, Ханыков Т. по Букеевской Орде, Бларамберг И. по Букеевской Орде и Младшему жузу, Гегемейстер о казахах Сибирского ведомства и Старшего жуза, в том числе кочевавшим в Томской и Тобольской губерниях и др⁴¹.

Интерес к истории и современному состоянию народонаселения вновь приобретенных территорий показывает появление общих работ о казахах. К этому ряду относятся труды Броневского Е., Вельяминова-Зернова В., Гейнса А., Григорьева В., Завалишина И., Мейера Л., Казанцева И., Зеланда Н., Игнатьева Р., Гродякова Н., Румянцева П. и др⁴².

Помимо общих работ, в которых содержатся разносторонние сведения о казахах, начиная с их истории, социальной структуры, быта, духовной жизни, выплаты налогов и обычаев, существует немало трудов, специально и углубленно освещающие отдельные вопросы политической, экономической, правовых сторон казахского общества и различных тем культуры. Часть из них публиковалась в периодической печати, а диапазон изданий говорит об интересах к казахскому народу и желании больше и шире узнать о нем. Еще одной знаменательной особенностью историографии XIX в., стало привлечение к изданиям о Казахстане представителей казахской

⁴¹ Красовский М. Область Сибирских киргизов. Ч. 1-2. СПб. 1868; Кузьминский М. Краткое статистическое обозрение Западной Сибири. – Материалы для статистики Российской империи. Ч. 1. СПб. 1839; Ханыков Т. Географическое обозрение Оренбургской губернии. – Материалы для статистики Российской империи. Ч. 1. СПб. 1839; Бларамберг И. Военно-статистическое обозрение земли киргиз-кайсаков Внутренней (Букеевской) и Зауральской (Малой) орды Оренбургского ведомства. СПб. 1848; Гегемейстер. Статистическое обозрение Сибири, составленное по высочайшему его императорского величества повелению при Сибирском комитете. Ч. 1-III. СПб. 1854.

⁴² Броневский Е. Записки о киргиз-кайсаках Средней Орды. “Отечественные записки”, 1830. Т. 41, 42, 43; Вельяминов-Зернов В. Исторические известия о киргиз-кайсаках и сношениях России и Средней Азии со времени кончины Абулхаира-хана 1748-1765 годах Уфа, 1955; Гейнс А. Киргизские очерки “Военный сборник” 1866. Т. VIII, IX, X, № 1, 6, 7; Григорьев В. Оренбургские киргизы и их умение в торговом деле “Народная беседа”, 1854, № 1; Завалишин М. Описание Западной Сибири. Сибирско-Киргизская степь Оренбургского ведомства. Оренбург, 1865; Казанцев А. Описание киргиз-кайсаков. СПб, 1864; Зеланд Н. Киргизы “Записки Западно-Сибирского отдела РГО, 1885; Игнатьев Р. Киргизы Оренбургского ведомства в XVIII столетии; Гродеков Н. Киргизы и кара-киргизы Сыр-Дарьинской области, т.1, Ташкент, 1889; Румянцев П. Киргизский народ в прошлом и настоящем. СПб., 1910.

интеллигенции, публиковавшей заслуживающей внимания материал о различных сторонах жизни казахского общества.

Довольно широкий круг книг и статей повествует о занятии казахов — кочевым скотоводством основной хозяйственной деятельности. Живой интерес вызывает нестандартное описание хозяйства казахов, представленное Мухаммед-Галий Тяукиным. Особенности кочевого хозяйства в условиях Туркестана и его связей с земледельческими поселенцами показал Н. Васильев. Интересные характеристики быта и нравов казахов и трудности ведения традиционных методов хозяйства в новых условиях и попытки приспособиться к ним находим у А. Букейханова, М. Черманова, А. Алекторова, В. Герна. Оригинальный материал о скотоводстве Тургайской области содержат работы А. Добромыслова и А. Диваева⁴³. С началом XIX века казахи стали заниматься земледелием не только на юге Казахстана по течению Сыр-Дарьи, Таласа, Чу, Сары-Су, Или, где оно было и раньше, притом поливное, возникают новые очаги земледелия, главным образом по рекам Уралу, Тургаю, Иле-Ку, Ори, Иртышу и по побережью многочисленных озер. М. Венюков⁴⁴, побывав в Казахстане, писал, что казахи “Средней и Большой Орды” — номады, но многие занимаются земледелием по рекам с Алтая, Тарбагатая, Колбинского хребта, Джунгарского и Заилийского Алатау”. Если в первой четверти XIX века земледелием занимались в основном джатаки, бедняки-земледельцы, то к середине века земледелие, в том числе и сенокосение, становится занятием и более зажиточных слоев казахского аула, преимущество перед мелким скотоводством становится очевидным. Эти и другие факторы, отражающие земледелие и проблемы связанные с ним, раскрывают Сейдалин Т., Алекторов А., Чермак Л. и др⁴⁵.

⁴³ М. Тяукин. О хозяйстве ордынцев, кочующих в Зауральской степи “Экономические записки”. 1861, № 41; Васильев Н. Кочевники Туркестана. Самарканд, 1870; М. Черманов. О скотоводстве у киргизов Западной Сибири “Сельское хозяйство и лесоводство”. 1883, № 1; Алекторов А. Скотоводство киргизов. “Оренбургский листок”. 1888, № 17-19; ГERN В. Характер и нравы киргиз-казахов. Скотоводство киргизов. Памятная книга Семипалатинской области. Семипалатинск, 1899; Добромыслов А. Скотоводство в Тургайской области. “Сельское хозяйство и лесоводство”. Ч. СХХV, СПб, 1894; Диваев А. Из области киргизского скотоводческого хозяйства. Ташкент, 1905.

⁴⁴ Венюков М. Опыт военного обозрения русских границ в Азии. СПб. 1873; Шахматов Г. Замечание о хлебопашестве киргиз-кайсаков Средней Орды. “Земледельческий журнал”, 1832, № 8.

⁴⁵ Сейдалин Т. О развитии хлебопашества по бассейну реки Тургая. “Записки Оренбургского отдела РГО”. 1870. Вып. I; Алекторов А. Земледелие у киргизов.

Начиная с последней четверти XVIII века царское правительство нацелилось на ликвидацию ханской власти и на проведение административной, реформы в Казахстане. Особенно активно шел этот процесс в 1822-24 гг., когда были утверждены "Устав о Сибирских киргизах" и "Устав об Оренбургских киргизах", по которым ликвидировалась ханская власть, Средний жуз и часть Старшего жуза были разделены на внешние округа, а в Младшем жузе введена дистанционная система. По мере становления территории Казахстана внутренней колонией Россия унифицировала систему управления и подчинения казахов Временными положениями 1867-1868 гг. (после завоевания юга Казахстана). Наряду с административными переменами произошли существенные изменения в правовой и судебной системе казахов. Резко сократилась сфера действия казахского обычного права, доминирующее значение преобретало российское право, окончательно утвердившееся Положениями 1886, 1891 гг. Весь земельный фонд края из рук господствовавшего ханско-султанского рода чингизидов перешел в руки Российской империи.

Внимание современников к правовым нормам во все этапы колонизации России было стабильным. Обильный документальный материал отличает работы М. Черманова, А. Букейханова, Я. Акпаева, И. Ибрагимов, Д. Самоквасова, Г. Загряжского, А. Крахалева, Маковецкого, Н. Максимова, И. Крафта, А. Добромыслова, А. Мякутина и др.⁴⁶

"Оренбургский листок". 1888, № 50-52; Чермак Л. Оседлые киргизы земледельцы на р. Чу. "Записки Западно-Сибирского отдела РГО". Кн. XVII. Омск, 1900.

⁴⁶ Черманов М. Киргизские народные обычай. "Семипалатинская областная ведомость". 1871. № 32; Ибригимов И. Заметки о киргизском суде "Записки РГО по отделению этнографии". 1878, VIII, № 2; Самоквасова Д. Сборник обычного права сибирских инородцев., Варшава, 1876; Загряжский Г. Юридические обычай киргиз и о народном суде у кочевого населения Туркестанского края. Спб., 1876; Крахалев А. Древний суд биев. "Особое прибавление к Акмолинским областным ведомостям". 1888, № 48; Суд и следствие у киргизов Сибири. "Юридический вестник", 1888. Т. XXVIII; Маковецкий. Материалы для изучения юридических обычаев киргизов. Вып. I-II. Омск, 1886; Максимов Н. Народный суд у киргизов. Юридический журнал. 1897, кн. VIII; Крафт И. Судебная часть в Туркестанском крае и смежных областях. Оренбург, 1898; Добромыслов А. Суд у киргиз Тургайской области в XVIII и XX вв. Казань, 1904; Мякутин А. Юридический быт киргиз. Труды Оренбургской ученой Архивной комиссии. Оренбург, 1911. Вып. XV; Кауфман А.А. Сибирское переселение на исходе XIX в. Спб. 1901; К вопросу о русской колонизации Туркестанского края. Спб. 1903.; Седельников Т.И. Борьба за землю в киргизской степи: Киргизский земельный вопрос и колонизационная политика правительства. Спб. 1907.

Значительное количество публикаций отражали быт казахов, социальную структуру общества, торговлю и занятия казахов промыслами, главным образом, на основе животноводческого сырья.

Начиная с 2-й половины XIX в. процесс переселения крестьянства, сначала стихийный, а затем взятый под контроль властей, нашел отдельное отражение в публикациях начала XX в.

Переселенческая политика, составная часть колонизации края, приобрела в Казахстане широкие масштабы. Более детальное изучение аграрных отношений, развитие земледелия и переселенческого дела началось историками советского периода, главным образом в 50-х годах. Этими вопросами занимались А. Турсунбаев (Из истории крестьян-переселенцев в Казахстане. Алма-Ата, 1950), П. Верещагин (Переселенческая политика царизма в Сырдарьинской области Туркестанского края. М., 1950), статьи написали П. Шарова, О. Ваганов, А. Геллер и др. Исследователи определили районы выхода переселенцев, их социально-экономический тип, оценено массовое изъятие земель у коренного населения, выявлены последствия переселенчества. Важной вехой на пути осуществления целей самодержавия явилось совещание по землеустройству казахов в 1907 г., которое, не согласившись с данными Щербины за 1896–1902 г., добилось новой ревизии для выявления колонизационного фонда пахотных земель. Подробно изучена политика Столыпина и выявлено количество изъятых площадей на всей территории Казахстана.

Для рассматриваемого периода историографии и работы историков в последующие годы определяющее значение имела Объединенная научная сессия, посвященная истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период (Материалы... Ташкент, 1955). Рекомендации, выработанные на сессии, были положены в основу "Истории Казахской ССР" (т.1 – 1957 г.) и монографий социально-экономического плана, написанных Е.Бекмахановым (Социально-экономические отношения Казахстана в период империализма. Алма-Ата, 1957), С. Зимановым (Общественный строй казахов первой половины XIX в. Алма-Ата, 1958), С. Толыбековым (Общественно-экономический строй казахов в XVII–XIX вв. Алма-Ата, 1959).

Е. Б. Бекмаханов изучил динамику социальных изменений по категориям султанов, биев, ходжей и мулл, баев, тарханов, батыров. При этом, как выяснил автор, две последние категории

(тарханы и батыры) к середине XIX в. утратили свое экономическое влияние и фактически как отдельные социальные группы прекратили свое существование. Отстаивая свои взгляды на сущность байского хозяйства, автор полемизировал с учеными по двум направлениям: с одной стороны, против утверждения С. Толыбекова, С. Зиманова о существовании байства задолго до XIX в., считая этот подход односторонним; с другой стороны, против положений Е. Федорова и А. Якунина, переоценивавших капиталистические отношения в экономике Казахстана, игнорировавших факты применения в байском хозяйстве дарового труда обедневших одноаульцев под видом "родовой помощи". Е. Бекмаханов доказал, что в казахском ауле господствовал феодальный способ производства с сохранением пережитков патриархально-родового быта.

Монографии С. Е. Толыбекова и С. З. Зиманова внесли большой вклад в изучение социальной структуры и хозяйственной деятельности казахского населения в период господства феодальных отношений в Казахстане. Ими изучены производительные силы в условиях казахского скотоводческого хозяйства, определена специфика владения основными средствами производства, выявлены формы феодальной зависимости и принципы использования феодами родовых институтов в своих интересах.

Ученые показали, что в период развития капитализма в России, особенно в пореформенный период, структура класса эксплуататоров в Казахстане представляла собой систему неравнозначных социальных групп, интересы которых тесно переплетались: султаны, привлеченные на службу колониальных властей; баи - владельцы скота и плодородных пастбищ или предприятий по обработке сельскохозяйственных продуктов; бии, сохранившие в своих руках судебную власть в ауле; старшины, превратившиеся в местный чиновничий аппарат, в обязанности которого входил сбор налогов с подвластных аулов.

Социальные категории эксплуататоров объединяло отношение к казахским шаруа, основным производителям. Причем здесь переплетались старые формы эксплуатации с новыми. Характерно, что ни одна из названных социальных категорий господствующих слоев общества не принимала участия в материальном производстве.

В распоряжении казахских феодалов сохранялись пастбища; у них было сосредоточено большое количество скота; конечно,

они диктовали свою волю в кочевых общинах. Поэтому проникновение капитализма в кочевые и полукочевые коллективы было закономерным явлением в пореформенный период, определившим незавершенность общего процесса развития капитализма в Казахстане вплоть до 1917 г.

В числе наиболее актуальных и сложных проблем социально-экономического плана оставалась аграрная история в Казахстане. Ею занимались Л. Ауэзова, С. Сундетов, В. Черников, А. Чипсбург и др. Узловые проблемы аграрной истории Казахстана в период капитализма в России исследованы в трудах Б. Сулейменова (Аграрный вопрос в Казахстане последней трети XIX — начале XX в. Алма-Ата, 1963) и П. Галузо (Аграрные отношения на юге Казахстана в 1867—1914 гг. Алма-Ата, 1965).

Хронологические рамки монографии Б. С. Сулейменова охватывают 40 лет (1867—1907 гг.) В ней раскрыта сущность аграрной политики самодержавия и позиций помещиков и буржуазии, подвергнута анализу история оседания и социально-хозяйственного устройства казахского аула. Автор отметил усиление строительства в ауле постоянных жилищ и помещений для скота, показал разницу между административным аулом, образованным в результате реформы 1867—1868 гг., и хозяйственным аулом, рассмотрел формы и методы эксплуатации в них. При выяснении степени распространения капитализма и расслоения в казахском ауле Б. С. Сулейменов руководствовался двумя категориями: количеством скота и количеством наемных рабочих в хозяйстве. Им отмечено, что в силу живучести патриархально-феодалных отношений, беднота аула в значительной степени эксплуатировалась под видом “родовой помощи”.

У П. Г. Галузо аграрные отношения на юге Казахстана представлены в более широких хронологических рамках, на основе большого статистического материала. В оценке роли переселенцев и вследствие этого перераспределения земельных угодий автор исходил из того, что этот процесс является тормозом в развитии казахского земледелия в переходе казахов к оседлому хозяйству.

Основательно показана автором роль военно-феодалного аппарата управления краем и дана исчерпывающая характеристика аграрному законодательству царизма. Рассмотрев имущественное неравенство и расслоение в ауле, автор приходит к выводу, что

земледелие у казахов было развито настолько широко, что их хозяйство уже приближалось к типу животноводческо-земледельческого, а своеобразие состояло лишь в том, что в ауле почти не дифференцировалось крупное байство — феодалы от байства кулацкого типа, применявшее наемный труд.

Значительное место в монографии отведено казачьей колонизации края, истории Семиреченского казачьего войска. В переселенческой политике царизма автор видит два этапа: XIX в., когда Семиречье и Сырдарьинская область заселялись русскими крестьянами по стратегическим и военно-политическим соображениям, и XX в. — переселение из России большого количества бедного и среднего крестьянства в целях ослабления его борьбы за землю. Крепостники-помещики рассчитывали с помощью грабежа земель в Казахстане, Туркестане, Сибири сохранить свои крепостнические латифундии в России, пишет автор. Но именно в результате переселенческой политики самодержавия, считает он, кочевое (скотоводческое) и оседлое (земледельческое) хозяйства вступили в полосу глубокого кризиса. Он пишет об “огромном разрушении производительных сил”, “исключительно глубоком обнищании крестьянства”. Однако, на наш взгляд, главное, что нужно было выяснить, состояло в том, ускорила ли перестройка хозяйства казахов, переросло ли оно из скотоводческого в скотоводческо-земледельческое. Лишь получив объективный ответ на этот вопрос, мы можем дать более точную оценку всей переселенческой политике и ее результаты в целом.

П. Г. Галузо исследовал имущественное состояние крестьян-переселенцев из России до водворения на юге Казахстана, дифференциацию переселенцев после водворения, тип хозяйства переселенцев, отношения эксплуатации в переселенческих поселках. Вывод автора категоричен: “Переселенцы, — пишет он, — не обогнали местное крестьянство, в частности казахов, в части техники земледелия. Не обогнали они его и в части развития капитализма, зарождения индустриальных форм капитала в сельском хозяйстве” (с.269). И далее: “... в казахских аулах капитализм в сельском хозяйстве был более развит, чем в русских поселках”. Автор знал, что его мнение противоречит выводам большинства исследователей, однако отстаивал свои взгляды.

Несмотря на существенные различия в выводах, Б. С. Сулейменов и П. Г. Галузо рассмотрели переселенческий вопрос в тесной взаимосвязи с изменениями, характерными для экономики России XIX — начала XX в.; отсюда подтверждение обобщения: решение переселенческого вопроса было возможно только при условии аграрного переворота в Европейской России.

В конце 70-х гг. интерес к аграрным проблемам развития Казахстана ослабел и это состояние в историографии характерно и на сегодняшний день.

О значительных достижениях в изучении промышленности и транспорта, торговли и финансовой политики, в тесной связи с проблемой формирования пролетариата в Казахстане свидетельствуют труды Е. Дильмухамедова и Ф. Маликова, Е. Бекмухамедова, М. Турсуновой, Г. Есенгалиевой, М. Асылбекова, Ц. Фридмана⁴⁷.

В горнорудной промышленности наиболее полно проявилась сущность колониального положения края. Ф. Маликов и Е. Дильмухамедов рассмотрели особенности развития этой отрасли в пореформенное время, трудности ее роста. На основе архивных материалов автором удалось проследить проникновение в начале XX в. в горнозаводскую и нефтяную промышленность монополистического иностранного капитала, историю акционерного общества Спасских медных руд, Атбасарского акционерного общества медных копей, Риддерского и Киргизского горно-промышленного общества и др.

Свою главную задачу авторы видели в выявлении особенностей формирования кадров рабочих в горнодобывающей промышленности и их революционной борьбы. Однако авторы изложили материал, относящийся больше к источникам пополнения рабочего класса Казахстана. Их они видят в результатах дифференциации казахского крестьянства, роста отходничества, в переходе кустарей в ряды рабочих, приезде рабочих из уральских и сибирских заводов, в обедневших мещанах. Авторы указали на первые зако-

⁴⁷ Дильмухамедов Е., Маликов Ф. Очерки истории рабочего класса дореволюционного Казахстана. Алма-Ата, 1963; Бекмухамедов Е. Б. Цветная металлургия и горное дело дореволюционного Казахстана. Алма-Ата, 1964; Асылбеков М.Х. Развитие сети железных дорог Казахстана в конце XIX-начале XX вв.; Казахстан в канун Октября. Алма-Ата, 1968; Турсунова М. Казахи Мангышлака во второй половине XIX в. Алма-Ата, 1977; Фридман Ц. Иностранный капитал в дореволюционном Казахстане. Алма-Ата, 1960.

ны о найме рабочих 1838, 1870, 1895 гг.; жаль, что они не раскрыли содержание фабричного законодательства. По данным их примерного подсчета, в начале XX в., по сравнению с 60–80-ми гг., число рабочих в этой промышленности возросло в 2–3 раза. Но эти цифры не вызывают доверия, поскольку они сложились из разнородных данных за разные годы. Сомнительна также возможность причисления всех рабочих занятых в переработке сельскохозяйственного сырья к промышленному пролетариату. Если судить, например, по данным Сырдарьинской области, где в 1906 г. на 900 предприятиях работало всего около 2000 человек, то едва ли такие предприятия можно назвать фабриками, а работников их пролетариями. Нечеткая социально-экономическая характеристика промышленного пролетариата в работе автора, а также разноречивые архивные материалы, положенные в основу подсчетов как общей численности промышленных рабочих (6,5 тыс.), так и по отраслям, нуждаются в тщательной проверке.

Е. Бекмухаметов отразил историю открытия рудных и угольных месторождений и развития цветной металлургии и горного дела в Казахстане более чем за сто лет (1814–1917 гг.). В ней содержатся сведения об организации экспедиций и открытии горнозаводских предприятий, документы, составленные при оформлении приобретения предпринимателями тех или иных месторождений, сведения о добыче руд и угля, технологии выплавки металлов, технико-экономические показатели рудников и копей, данные о производительности труда на заводах и рудниках, рассмотрен количественный и национальный состав рабочих в горнодобывающей промышленности Казахстана.

Одним из районов Казахстана, история которого до 1917 года изучена слабо, является Мангышлак, поэтому известный интерес представляет монография М. С. Турсуновой. Автор показала, как в первой половине XIX в. казахские семьи, не имевшие возможности кочевать, вынуждены были оседать и заниматься рыболовством, объединяясь в артели, и как во второй половине XIX в. их постепенно прибрали к рукам рабопромышленники, сосредоточившие в своих руках не только лов рыбы, но и ее переработку и реализацию. Автор дает сведения о количественном и национальном составе артелей, показывает, как тяжелое положение объединяло казахов и русских на совместную борьбу против угнетателей.

Важной стороной экономического освоения Казахского края являлось развитие транспортных связей, прежде всего строительство железных дорог.

В комплексе вопросов, исследованных М. Х. Асылбековым, отражено влияние железных дорог на экономику дореволюционного Казахстана и превращение его в сырьевой придаток российского империализма и одновременно — объективные положительные последствия создания коммуникаций. Автор приводит факты, свидетельствующие об изъятии земельных массивов казахов при строительстве железных дорог и вместе с тем об увеличении грузооборота дорог, о развитии земледелия вдоль них, о вывозе за пределы края сельскохозяйственных продуктов. Способствуя разложению патриархально-феодалных отношений в ауле и проникновению товарно-денежных отношений в хозяйство казахов, пишет автор, железнодорожные линии привели к развитию отходничества и наемного труда. Они ускорили переселенческое движение в Казахстан, рост городского населения, возникновение в крае сравнительно крупных населенных пунктов железнодорожных станций, которые становились очагами экономической, политической и культурной жизни, наконец, способствовали развитию обрабатывающей промышленности вдоль линий, и как следствие, — формированию кадров рабочих. М.Х. Асылбеков собрал интересный материал о строительстве железных дорог местного производственного значения: Троицкой, Экибастузской, Спасско-Карагандинской, Риддерской.

Из исследований явствует, что, как и вся экономика Степного края, пути сообщения на территории дореволюционного Казахстана были развиты слабо и неравномерно, огромные пространства не были связаны между собой. Об этом говорят следующие цифры: в 1917 г. на 1000 кв.км края приходилось лишь около версты, причем на Сырдарьинскую область — 1127 верст, Тургайскую — 932, Уральскую - 310, Семипалатинскую - 236, Акмолинскую — 178, Семиреченская область не имела ни одной версты дорог. В какой-то степени такое положение объяснимо, если учесть, что сама метрополия, несмотря на огромный прирост железнодорожной сети в 90-х гг., по сравнительным мировым показателям стояла на одном из последних мест в Европе.

М. Х. Асылбеков исследовал историю формирования кадров железнодорожников с 70-х гг. XIX в. до 1913 г. Обращаясь к такому ценному и малоизученному источнику, как данные Министерства путей сообщения, автор впервые вывел общее число железнодорожных рабочих и служащих в Казахстане – свыше 21700 человек. Со строительством в годы войны Семипалатинской и Семиреченской железных дорог общее число железнодорожников превышало 23 тыс. человек.

М. Х. Асылбеков рассмотрел также соотношение численности рабочих и служащих, выявил продолжительность работы на промышленных предприятиях и национальный состав железнодорожных рабочих. Из его таблиц следует, что накануне Октябрьской революции на железных дорогах Казахстана трудились 19,5 тыс. рабочих, 3,5 тыс. служащих. В свою очередь, рабочие делились на категории – постоянные, временные и поденные. Машинисты паровозов, их помощники, кочегары, кондукторы, проводники, стрелочники, путевые строжа, часть ремесленных рабочих были категорией постоянно работающей; они составляли примерно 55%. Рабочих-казахов (как постоянных, так и поденных) на Оренбургско-Ташкентской железной дороге насчитывалось до 70% (3,8 тыс. человек), на других дорогах – 20%, их общая численность в 1917 г. достигала 5000 человек.

О промышленных рабочих дореволюционного Казахстана одной из последних монографических работ стала книга С. Игибаева (Игибаев С. Промышленные рабочие дореволюционного Казахстана (1861–1917 гг. Алма-Ата, 1991). В ней рассмотрена структура промышленности: возникновение, управление, состав предпринимателей, связь промышленности с земледелием, численность, состав и размещение рабочих по отраслям промышленности – обрабатывающей, золотодобывающей, угольной и другим; положение рабочих и формы классовой борьбы. Ряд вопросов трактуется в новой постановке, например, формы борьбы автор называет следующие: бегство рабочих с рудников, подачу коллективных жалоб, демонстративный отказ от исполнения работ из-за несоблюдения присконым правлением условий контрактов: начиная с 80-х гг. XIX в. забастовки и волнения в Зайсанском уезде, Усть-Каменогорском, в Семипалатинской области, Курчумской и Ал-

тайской области и, наконец, стачки, как распространенные формы протеста, начиная с XX в. Работа Игибаева С. написана с привлечением широкого круга источников и по своему завершает этап классового подхода к истории рабочего класса в Казахстане.

Известно, что иностранный капитал в колониальных странах сдерживал развитие местного производства, направляя его только в выгодное для него русло, а для этого консервировал феодальные отношения. На рубеже XIX — начале XX вв. он стал активно проникать на территорию Казахстана, главным образом в горнодобывающую и нефтяную промышленность. История иностранного капитала в Казахстане стала предметом исследования в работах Ц. Л. Фридмана. Автор проследил проникновение иностранного капитала в край и выяснил, что удельный вес его в Казахстане был выше, чем в России в целом. Общая сумма номинальных капиталов акционерных обществ, учрежденных в промышленности Казахстана, накануне Октября составляла около 100 млн. руб. По данным автора, только около четверти суммы составлял русский капитал, более трех четвертей приходилось на долю иностранного, причем доминирующее положение занимал английский капитал. Им приведены сведения о ничтожных затратах капиталистов на приобретение богатейших месторождений и о спекулятивном характере иностранных синдикатов. Анализ роста основного капитала позволил автору показать корыстные цели и самую грабительскую сущность таких крупных концепций, как Русско-Азиатская корпорация, Риддерское горнопромышленное общество, и других объединений, а изучение документации крупных акционерных обществ помогло ему вскрыть ряд махинаций и ухищрений, на которые шли капиталисты с целью получения высоких кредитов. Царское самодержавие закрывало глаза на хищнические методы первоначального накопления, которые оставались неизменными и у иностранного капитала вплоть до Октябрьской революции. Такая же картина наблюдалась и при эксплуатации нефтяных богатств Урало-Эмбенского района. Хотя в международных финансовых кругах и на биржах был поднят бум вокруг нефтяных богатств края, но когда дело дошло до разработки, финансовый капитал стал весьма скуп, неохотно, вернее очень осторожно, шел на расходы, пишет автор. При этом нефть добывалась в основном в Доссоре и Макате, хотя было разведано более 20 месторождений.

Тем самым развенчивалась “цивилизующая миссия”, с которой английский, французский и прочий иностранный капитал приходил в отсталые и слабо развитые страны.

В работах Ц. Л. Фридмана подчеркнуто, что горная и горнозаводская промышленность, возникшая в Казахстане не как следствие естественного хода развития хозяйства, органическое порождение этого процесса, а созданная пришедшим извне капиталом, представляла собой своего рода отдельные очаги промышленности, весьма слабо связанные со всей экономикой Казахстана в целом, отдельные промышленные “островки” в окружающем их океане отсталого хозяйства, в котором господствовали докапиталистические отношения. А раз так, то имели ли эти “островки” влияние на социально-экономические и иные факторы общественного развития Казахстана? Ц. Л. Фридман упомянул только об одном факторе: вопреки желанию капиталистов, насажденные ими предприятия способствовали росту местного фабрично-заводского пролетариата.

Другой темой экономической истории, привлечшей внимание Ц. Фридмана, явилась кредитная система и механизм функционирования банковского капитала в Казахстане. При этом он учитывал такую особенность банковского капитала в Казахстане, как переплетение и взаимодействия его с торгово-ростовщическим, адаптацию первого к местным примитивным и раннекапиталистическим формам эксплуатации мелких производителей сельскохозяйственного сырья. Им дана характеристика деятельности отделений “Государственного банка” в Уральске (1876), Петропавловске (1881), Семипалатинске (1887), Омске (1895), Верном (1912), в поселке Куянды (1894) Семипалатинской области, отмечен факт функционирования ряда акционерных и коммерческих банков, особенно Сибирского торгового банка. Анализ торгово-промышленного развития края позволил ему подтвердить ранее высказанное положение, что в Казахстане промышленная буржуазия не отделилась от торговой и что в основном здесь преобладало кредитование торговли скотом, продуктами животноводства и хлебом. Одновременно, указывает автор, здесь стали создаваться биржевые организации, при помощи которых осуществлялся оптовый сбыт продукции массового производства по образцам, стандартам или техническим описаниям. (Омская и Петропавловская). Одна-

ко ростовщичество оставалось еще чрезвычайно важным фактором в экономической жизни края.

Впервые в казахстанской историографии Ц. Л. Фридман подверг анализу деятельность местных коммерческих банков (общества взаимного кредита и городские общественные банки), мелкий кредит и его формы, кредитные кооперативы, сберегательные кассы и т.д. Приводимые им материалы и подсчеты позволяют заключить, что экспортируемые через банки капиталы функционировали в Казахстане в основном в сфере обслуживания. Банковский кредит не достиг еще такого уровня, чтобы вытеснить разнообразные формы ростовщического кредита. Среди клиентуры банков только в предвоенные годы стали появляться представители казахской торговой буржуазии. Кредитно-банковская сеть служила интересам колониальной политики царизма, а трудящиеся массы Казахстана испытывали на себе не только старые военно-феодальные методы эксплуатации в сочетании с феодально-байской и торгово-ростовщической эксплуатацией, но и “новые” методы колониальной эксплуатации, присущие монополистическому капитализму. Тем не менее, в условиях перехода к рыночным отношениям накопленный материал дает возможность проследить закономерности развития предпринимательства, процессы первоначального накопления капитала.

Торговля является самым давним путем взаимодействия казахов с соседними народами. Активно развивалась она на протяжении XVIII–XIX вв. Торговля — такая отрасль экономики, где появление новых отношений проявлялось довольно остро и товарно-денежные отношения становились господствующими и на территории Казахстана.

Исследования о торговле казахов поднимали значительное количество проблем, хотя большинство работ составляют статьи с освещением отдельных сторон проблемы. Это работы В. Шахматова, Б. Сулейменова, Т. Шоинбаева, Ж. Касымбаева, П. Галузо, Т. Литвиновой, С. Сундетова, Ц. Фридмана. Монография Н. Аполловой (Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII — начале XIX века. М., 1960) рассматривала экономические связи в тесной связи с характером хозяйства. Например, на основании изучения таможенных ведомостей автор констатировала, что

уже в начале XIX в. казахские баи включались в товарно-денежные отношения и занимались не только посредническими операциями, но и самостоятельной торговлей скотом через Оренбург, Петропавловск, Троицу и другие крепости. О заинтересованности России в торговле со Степью свидетельствовали, по утверждению автора, издание положений об организации вооруженных караванов, а также запрещение казахским султанам взимать пошлыны с “азиатских” купцов. О размахе торговли говорили также документы, отражавшие ассортимент товаров, привозимых русскими купцами.

Рыночные связи влияли на казахский аул, включая в свою орбиту все большее количество хозяйств, при сохранении доминирующего влияния байства. Н. Г. Аполлова утверждала, что уже во второй четверти XIX в. значительное количество казахских товаров покупалось за деньги и немалую роль в развитии денежных отношений стала играть торговля в степи русским хлебом. Отсюда интерес автора к путям торговли хлебом, центрами которых для северных и восточных районов Казахстана явились Петропавловск, Омск, Семипалатинск, откуда хлеб развозили по всему степному краю. Таким образом, исследование Н. Г. Аполловой, построенное на архивных материалах, создало картину экономических связей России и Казахстана. На современном этапе историографииистики направили свой поиск на более глубокое исследование торговли внутри Казахстана и взаимовыгодные экономические контакты с сопредельными государствами. Свидетельством тому труды В. З. Галиева “Караванные тропы” (Алма-Ата, 1994) и Ж.К. Касымбаева “Казахстан - Китай: караванная торговля в XIX-начале XX вв.” (Алматы, 1996). В. З. Галиев большое внимание уделяет людям, обслуживавшим караваны и экспедиции: толмачам, переводчикам, проводникам из среды казахов. Эти посредники должны были знать языки, уметь составлять деловые бумаги, ориентироваться в местности, знать обычаи и традиции общества, т.к. от их соответствия и подготовленности во многом зависели конечные результаты дела. Автор показал, что переводчики и проводники-казахи сыграли большую роль в установлении русско-казахских, русско-среднеазиатских, русско-киргизских взаимоотношений. С особым интересом читаются разделы работы: “Рядом с русскими исследователями”, “В кругу ученых”, “Сподвижники казахских просветителей”.

Ж. К. Касымбаев освещает вопросы караванной торговли внутри Казахстана с Средней Азией, Синьцзяном и Монголией. Показаны пути и приграничные территории торговли, раскрываются особенности торговли скотом, солью, хлебом. “Организация сбора пошлины, укрепление штатов таможенных постов и застав, а также редутов составляли одну из главных забот правительства” (с. 38). Приводятся сведения об основных торговых центрах, которые выполняли экономические функции взаимосвязи России с соседними государствами, особо выделяя факты оживления в результате русско-китайских торгово-экономических соглашений Кульджинским, Айгунским, Пекинским, Петербургским. Торговля с Монголией шла через Зайсан, Семипалатинск, Усть-Каменогорск.

При изложении торговых взаимосвязей автор стремится постоянно раскрывать ощутимую пользу и в политическом аспекте. Экономические связи оказывали, пишет он, “позитивное воздействие на создание обстановки доверия и добрососедства в сложных условиях углубления колониальной политики Российской империи в обширном крае” (с. 149). Историческим связям Казахстана с Западным Китаем способствовала и тюркоязычность народов — казахов, узбеков и уйгур, их общие культурные корни и традиции. Таким образом, Ж. К. Касымбаев разработал слабоизученные ранее страницы экономических и политических контактов, которые в настоящее время развиваются особенно интенсивно и являются перспективными в будущем.

В конце 50-х годов интерес историков был направлен на изучение роли городов и их места в социально-политической структуре Казахстана. К. Туманшин и Н. Аполлова изучали историю городов Северного Казахстана и Оренбургского края: Петропавловска, Троицка, Оренбурга; А. Горячева, Э. Герасимова, У. Ишмурзин — городов Западного и Южного Казахстана; Ж. К. Касымбаев и Н. Алексеенко — историю Семипалатинска и Усть-Каменогорска. Позднее написаны работы о Кустанае и других городах. В них рассматриваются вопросы возникновения городов-крепостей, роль торговли для их населения, социальная структура и революционная деятельность населения в период 1905–1907 гг. и восстание 1916 г. Ближе к 80-м годам были написаны первые монографии демографического плана Н. Бекмахановой (Формирование многонационального населения Казахстана и Северной Киргизии).

Последняя четверть XVIII–60-е годы. М., 1980) и Н. Алексеенко (Население дореволюционного Казахстана. Алма-Ата, 1981). Эти работы и исследования М. Асылбекова, В. Галиева, статьи Ж. Касымбаева, И. Орлянского, Г. Конгарта и др. положили начало дальнейшему специальному изучению многих проблем с новых научных позиций, открывающих путь широким возможностям статистики в решении социальных, экономических и этнодемографических проблем. Широкие возможности демографии ранее не были использованы для анализа процессов, происходивших в обществе. частью из-за неполных и искаженных официальных статданных, в том числе и переписей советского периода, частью из-за расхождений их с установками властей в области идеологии.

Историография истории Казахстана XVIII–XIX вв. обогатилась работой видного этнографа М. С. Муканова “Этническая территория казахов в XVIII – начале XX веков”, где показана несостоятельность сепаратистских притязаний на некоторые области Казахстана, доказано право казахов владеть землей в пределах исторически сложившейся этнической территории.

В 1995 г. была написана работа М. Сыдыкова “Население Западного Казахстана (1897–1989 гг.). Рассматриваемый период, по мнению автора, играет важную роль в истории Западного Казахстана. Это начало работы экспедиции по образованию земельных переселенческих фондов из “излишков” казахских земель и оттеснение казахов с этой территории. Именно эта акция колониальных властей вызвала резкие изменения в демографическом развитии казахского населения, которое выразилось в нарушении баланса между рождаемостью, в отрицательном значении естественного роста. Основной причиной стала колониальная политика царского правительства, не учитывавшая жизненные интересы казахов и проведенная в рамках русификации новых земель. В результате, около 100 тыс. человек были изгнаны с родных земель и поставлены в тяжелые условия существования (с. 212). На примере, одного региона автор показал этническую трагедию народа, который смог восстановить начальную численность и темпы естественного прироста лишь через 81 год. В работе достаточно полно представлена историография проблемы. Становление Западного Казахстана многонациональным краем имело свои особенности, которые раскрывает автор и приходит к обоснованным выводам.

Таким образом, мы проанализировали отражение в историографии социально-экономических и демографических изменений, происходивших в Казахстане в период превращения его в колониальную окраину царской империи.

Изучение национально-освободительной борьбы против колониального гнета

Казахстане XVIII–XIX вв. имеет свою богатую историю. Во второй половине XVIII века (1783–1797 гг.) в Младшем жузе произошло восстание под предводительством Срыма Датова. В 1836–37 гг. в Букеевской Орде восстание под руководством Исатая Тайманова. Борьба присырдарьинских казахов против колониального гнета во главе с Джанхожей Нурмухамедовым проходила в 1856–1857 годах, восстание шаруа под руководством Есета Котибарова охватило территорию Западного Казахстана. Восстание в Уральской и Тургайской областях и волнение на Мангышлаке против колонизаторской политики царизма произошли в 1870 г. В современной этому периоду литературе они представлены слабо. В основном это фрагментарные публикации в разных изданиях. Значительное внимание этим вопросам уделялось на страницах “Военного сборника”. Во всех публикациях выступления народных масс трактовались как “бунт”, а личности руководителей восстаний получали различные характеристики, в зависимости от позиций автора. Об этом свидетельствуют статьи Н. Середы, Н. Савичева, В. Потто, И. Аничкова, П. Юдина и др.⁴⁸

Специальные исследования о восстаниях были написаны в 30-е годы XX века. Одним из первых к движению протеста обратился А. Ф. Рязанов⁴⁹, поднявший и введший в научный оборот

⁴⁸ Середина Н. Бунт киргизского султана Кенесары Касымова (1838-1847). Вестник Европы. 1870-1871, № 8-9; Савичев Н. Исатай Тайманов, старшина Внутренней орды. Уральские войсковые ведомости. 1877, № 1; Потто В. Гибель отряда Рукина. Исторический вестник. 1900. Т. 81; Аничков И. Киргизский герой Джанкожа Нурмухамедов. Известия общества археологии при Казахском университете. Н. Исатай Тайманов, старшина Внутренней орды. Уральские войсковые ведомости. 1877, № 1; Потто В. Гибель отряда Рукина. Исторический вестник. 1900. Т. 81; Аничков И. Киргизский герой Джанкожа Нурмухамедов. Известия общества археологии при Казахском университете. 1894. Т. XII. Вып. 3; Юдин П. Адаевский бунт на полуострове Мангышлак в 1870 году.

⁴⁹ Рязанов А.Ф. Сорок лет борьбы за национальную независимость киргизского народа 1797-1838 гг. Оренбург, 1926; Восстание Исатай Тайманова. Ташкент, 1927.

большой пласт архивных материалов Оренбурга. Несмотря на отдельные спорные вопросы, эти исследования не утратили своего значения и в наши дни. Восстанию казахов Младшего жуза под руководством Срыма Датова посвящена монография В. П. Вяткина “Батыр Срым” (М. 1947). Основательное исследование, написанное профессионалом, с использованием широкого круга документальных источников, содержит источниковедческий и историографический обзор и детальное освещение широкого аспекта вопросов социально-экономического положения казахов Младшего жуза накануне восстания, причин вызвавших протест ряда социальных категорий и в первую очередь шаруа, ход восстаний и позицию его предводителей; роль Оренбургской администрации во главе с Игельстромом и его неудачные попытки ликвидации ханской власти. Четко прослеживаются этапы восстания и дана убедительная характеристика Срым Датову, социальным слоям, на которые он опирался, чьи интересы отстаивал; раскрываются причины поражения одного из массовых выступлений против царизма. Работа до настоящего времени остается одной из немногих полных научных разработок темы.

Одновременно, Е. Б. Бекмаханов написал исследование о социально-экономической жизни Казахстана в первой половине XIX века (Казахстан в 20–40 годы XIX в. Алма-Ата. 1947). Доминирующая часть книги посвящена освободительному движению под руководством Кенесары Касымова. Определяются движущие силы восстания, его размах в Среднем жузе, мероприятия Кенесары по укреплению казахской государственности, борьба с Кокандом, попытки Кенесары привлечь к этой борьбе киргизов и, наконец, гибель предводителя и его близких от рук киргизских феодалов. В “Заключении” автор суммировал события 20–40-х гг. в Казахстане, определил их влияние на дальнейшие судьбы казахского народа и Средней Азии в целом. (В 1992 году книга Е. Бекмаханова вышла вторым изданием). В конце 50 – нач. 60 гг. XX в. взгляды на восстание Кенесары Касымова претерпели координальные изменения. Движение в целом было признано феодально-монархическим, а автор исследования был обвинен в национализме, подвергнут репрессиям. Научный интерес к восстанию возобновился в 90-е годы. Целенаправленно был проведен 27-28 июля 1990 года Всесоюзный “Круглый стол”, созданный по инициативе Институ-

та истории, археологии и этнографии им. Ч. Ч. Валиханова и редколлегии “Вопросы истории” по проблеме “Национальные движения в условиях колониализма (Казахстан, Средняя Азия, Северный Кавказ)”. Ученые были призваны создать многоплановую объективную картину освободительной борьбы народных масс и устранить те догматические стереотипы, которые присутствуют в общественном сознании, а также приступить к поиску новых методологических подходов, как к объекту исследования, так и проблемам его историографии и источниковедения. В рекомендациях предусматривалось “выявить, собрать и издать документы и материалы всесторонне характеризующие национальные движения в Казахстане, Средней Азии, Северном Кавказе, Поволжье в XVIII — начале XX в. с привлечением устных и фольклорных материалов”, а также переосмыслить необъективные оценки трудов С. Асфендиярова, А. Букейханова, Т. Рыскулова, М. Тынышпаева, П. Галузо, Е. Бекмаханова, переиздав их труды, посвященные национальным движениям в Казахстане. В 1992 году в г. Актюбинске прошла научно-теоретическая конференция и изданы ее материалы “Народно-освободительное движение в Казахстане в XVII—XX вв. единый исторический процесс: проблемы, поиски, решения”. Отличительной чертой конференции стало освещение малоизученных проблем борьбы казахов за независимость и повышенное внимание к вопросам методологии изучения истории и историографии освободительной борьбы казахского народа.

В литературе, изданной в эти годы, документально прослеживается колониальная политика империи: русификация, христианизация, военная и крестьянская колонизация. Центральной темой целого десятилетия после обретения независимости стали история национально-освободительной войны с джунгарами, российским колониализмом. После долгого умолчания в период колониализма и господства идеологии тоталитаризма народ дал волю своим фантазиям. Он вспомнил, что 260 лет шла непрерывная народная война за независимость, за восстановление национальной государственности. Тысячи и тысячи героев отдали свою жизнь за свободу и независимость родного Отечества. Советская историография рассматривала каждое национально-освободительное выступление народов окраин в лучшем случае локально, вне зависимости друг от друга, как явление региональное, внутригосударст-

венное. Не составляли исключения освободительные войны против джунгаров. Впервые в общенародном масштабе народ независимого государства отмечал основные вехи борьбы за независимость. Летом 1990 г. прошла республиканская научно-теоретическая конференция, посвященная 280-летию хана Абылая. Она положила начало серии конференций, посвященных 300-летию Бухар жырау, Бугенбай батыру, Кабанбай батыру, Шакшак Жанибек Тархану, трем великим биям казахского народа — Толе бию, Казыбек бию, Айтеке бию, объединению казахов трех жузов в Ордабасы. Отмечались в общенациональном масштабе юбилеи хана Кенесары, Исатая и Махамбета, Агыбай батыра, Жауке батыра, Карасая батыра и др.

Наиболее колоритно представлена историография 1916 года в Казахстане. Размах борьбы казахов и других народов Средней Азии против гнета царизма, против мобилизации в трудовую армию, против войны в настоящее время однозначно интерпретируется как важнейший этап народно-освободительной борьбы на окраинах России. Однако не сразу пришли исследователи к такой оценке, этому предшествовали дискуссии 1926-1927 гг., 1953-1954 гг., писались воспоминания участников событий, организовывались экспедиции по сбору материалов восстания, конференции в республиках Средней Азии, издание специальных трудов и Объединенная научная сессия 1954 г. в Ташкенте. Наиболее крупным исследованием по данной теме остается монография Х. Т. Турсунова⁵⁰. Автор привлек, помимо опубликованных, значительное количество новых архивных документов, мемуарную литературу, материалы научных экспедиций разных лет, проведенных в Узбекистане и Казахстане.

После многолетних дискуссий была принята концепция по истории 1916 года, которая отражена в многотомной “Истории Казахской ССР” в пяти томах, в соответствующих томах истории республик Средней Азии.

В третьей главе III тома, озаглавленной “Первая мировая война. Восстание 1916 года” изложены ее основные положения.

Академик М.Козыбаев выступил за пересмотр этой концепции по следующим мотивам:

1. События 1916 г. названы “восстанием”, одновременно “освободительным движением”. Иначе говоря, авторский коллектив,

⁵⁰ Турсунов Х.Т. Восстания 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. М., 1961.

видимо, предполагал, что национально-освободительное движение приняло форму восстания. По В. Далю, “восстание — мятеж, возмущение”⁵¹. События 1916 г. выходят за пределы мятежа, возмущения. На самом деле, шел процесс, в котором находили выражение все формы всенародного сопротивления колонизаторам: манифестации населения в аулах, стихийные выступления джигитов против царского указа, боевые операции против карателей, протесты интеллигенции, забастовки рабочих, голодные бунты солдаток в городах. Шла национально-освободительная война колониального Востока против империи. По масштабности, размаху и характеру боевых операций против карательных экспедиций она превосходила национально-освободительные войны в Юго-Восточной и Центральной Азии.

2. В многотомной истории авторский коллектив идеологизировал феномен 1916 г., сводив национально-освободительное движение только к марксистско-ленинскому периоду освободительного движения.

Великий знаток сути национальных движений Д. Неру справедливо считал, что “даже при отсутствии настоящей войны, между соперничающими сторонами и противоречивыми интересами часто существует скрытая война и конфликт. В стране, находящейся под властью чужеземцев, такой конфликт внутренне обусловлен и носит постоянный характер, воздействуя на мысли и поступки людей и извращая их; военные настроения никогда не исчезают полностью”⁵².

Академик М.Козыбаев считает, что именно такие “военные настроения”, “скрытая война”, переходящие временами в открытую войну, имели место между империей-метрополией и азиатской колонией с 1731 года. В сущности, феномен 1916 года является новым этапом национально-освободительного движения казахского народа, не прекращавшегося ни на один день с момента вхождения его в состав империи.

Народ колониального Востока встал во весь рост, демонстрируя, что он не желает быть рабом. Эти нравственно-психологические перемены носили несомненно революционный, долговременный характер. За цели и задачи, которые были поставлены

⁵¹ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. - М., 1989. Т.1. С.270.

⁵² Неру Дж. Открытие Индии. - С.306-307.

национально-освободительным движением, народы Центральной Азии боролись в рамках двух российских революций и гражданского противостояния, сражались за национальное самоопределение в составе будущего демократического государства. В своей книге "В потоке истории" Н. А. Назарбаев отмечает, что "Массовость, широкий охват всех слоев общества, выдвижение общенациональных лозунгов, создание институтов государственной власти позволяют оценивать его как национально-освободительную революцию, одну из первых революций подобного типа, происходивших в колониях царской России"⁵³.

3. В многотомной "Истории Казахской ССР" феномен 1916 года рассматривался как составная часть общероссийского процесса.

Между тем, феномен 1916 г. следует рассматривать продолжением многовековой национально-освободительной борьбы народов всего Востока.

4. Авторы многотомной "Истории Казахской ССР" утверждали, что движение по своему характеру было антифеодальным, что оно было направлено также против местной феодальной верхушки.

Между тем, исследователи доказали, что нарождающаяся национальная буржуазия, конкурировавшая с русским и иностранным капиталом, традиционная знать, стремившаяся законсервировать феодальные отношения, различные слои интеллигенции активно включились в освободительное движение, преследуя при этом свои, зачастую противоречащие друг другу интересы.

Несмотря на всю трагичность событий, 1916 год следует считать великим завоеванием народов, осознавших себя силой, способной к вооруженному противостоянию с империей. Именно осознание общности национальных интересов перешагнуло границы Казахстана, оно переросло в осознание общности колониальных народов Востока.

5. В многотомной "Истории Казахской ССР" сказано, что "восстание началось неожиданно как для царской администрации, так и для местной феодальной верхушки". Вряд ли такое утверждение логично. Другое дело, что царизм не предполагал, что июньский указ царя послужит детонатором всенародного взрыва.

⁵³ Назарбаев Н.А. В потоке истории. А., 1999. С. 166.

Отмечалось, что в советской историографии длительное время искусственно сужалась социальная база национально-освободительного движения, с позиции классового подхода руководства восстания, его лидеры определялись как выходцы из социальных низов. При этом отбрасывались исторические факты избрания ханов, сардарбеков, визирей, т. е. восстановления традиционных институтов управления Востока⁵⁴.

В историографии неоднозначно оценивается отношение национальной интеллигенции к народной войне 1916 года. Еще в конце 70-х годов, академик С. Зиманов замечал, что необходимо глубже разобраться в противоречивой роли национальной интеллигенции и их лидеров в национально-освободительном движении, в пробуждении национального самосознания казахского народа. Противоречивость роли национальной интеллигенции объясняется ее положением в обществе. По его мнению, во-первых, они будучи в основной массе выходцами из состоятельных слоев казахского общества, являлись служащими колониального аппарата, пользовались определенными привилегиями существующего строя. Во-вторых, в отличие от русской интеллигенции, казахская национальная интеллигенция не имела в своих рядах деловую интеллигенцию — директоров и управляющих банков, юристконсультов акционерных обществ, не была связана с миром промышленников и финансистов. Их мировоззрение сформировалось под мощным воздействием просветительских идей. Будучи интеллигенцией инородцев, они становились идеологами антиколониализма.

По мнению ряда исследователей (М. Козыбаев, К. Нурпеисов, Д. Аманжоловой, М. Койгельдиева, М. Базарбаева и др.) по своему уровню развития национальная элита казахского народа стояла на уровне европейской. Она тем самым значительно опережала время. Образовался существенный разрыв между духовной элитой и основной массой народа. Народные массы ближе стояли к интеллигенции, которая вышла из низов народа. Казахская национальная элита яснее других представляла, что неповиновение народа царскому указу будет использовано в целях политики геноцида.

⁵⁴ См. Более подробно: Қозыбаев М. Жауды шаптым ту байлап. А., 1994; Его же. Еще раз о проблемах истории национально-освободительного движения-революции 1916 г. в Казахстане. В кн.: Казахстан в начале XX века: методология, историография, источниковедение. А., 1994, с.3-16; Его же. Аласұрған Ғасыр. В кн.: Казахстан в начале XX века: методология, историография и источниковедение. Сб. статей. А., 1993.

В историографических работах отмечается, что не изучено военное искусство повстанцев, не прослеживается судьба участников восстания и их лидеров. Советская историография считала, что участники восстания 1916 г. были активными участниками Февральской и Октябрьской революций и гражданской войны, демократических преобразований первого десятилетия Советской власти. Но ныне мы располагаем данными о том, что судьбой было суждено многим из них стать участниками восстания против силовой коллективизации. Из рядов лидеров восстания оказались вычеркнутыми люди, так или иначе оказавшиеся в годы революции и гражданской войны по ту сторону баррикад (пример, Кейкі-батыр, Айжаркын Канаев)⁵⁵.

Осенью 1916 г. народные массы знали одну альтернативу — вооруженную борьбу с колониализмом. Казахской национальной элите, сторонникам эволюции, не суждено было тогда стать властелином духовной жизни нации.

Заслуживает внимания опыт Ж. Артыкбаева, попытавшегося создать единый очерк национально-освободительных движений⁵⁶.

Характерной особенностью наращивания знаний по вопросам пробуждения национального самосознания и культуры стало обогащение науки мощным пластом ранее не использованных источников и литературы. В первую очередь это стало возможно с реабилитацией лидеров освободительного движения начала XX века, репрессированных в 30-е годы XX века, которые в свое время неоправданно были обвинены в буржуазном национализме.

В настоящее время общественность получила возможность читать труды Алихана Букейханова, Ахмета Байтурсынова, Мыржакупа Дулатова, Мухамеджана Тынышпаева, Ж. Акпаева, Х. Досмухамедова, Т. Шонанова и многих представителей национальной интеллигенции. В этой связи исследователи направили свой поиск на тщательное и всестороннее изучение их жизни и деятельности, на объективное выяснение содержания и роли основного печатно-

⁵⁵ Козыбаев М.К. Национально-освободительная война 1916 г. в Казахстане: концептуальные проблемы. В кн.: Национально-освободительное движение в Казахстане и Средней Азии в 1916 году: характер, движущие силы, уроки. А., 1996, с.20-21; Алдажуманов К.С. Национально-освободительные движения 1916 года и крестьянские восстания 1929-1932 гг. //Национально-освободительное движение в Казахстане и Средней Азии в 1916 году: характер, движущие силы, уроки. Алматы, 1996. С. 88-89, 94.

⁵⁶ См.: Артыкбаев Ж. Очерк национально-освободительных движений. В кн.: Казахское общество: Традиции и инновации. Караганда, 1993, с.259-303.

го органа газеты “Қазақ”, а также на беспристрастный анализ программы и движения Алаш. Книга О. Абдиманова “Қазақ” газеті” (Алма-Ата, 1993) — результат изучения страниц газеты. Отчетливо представлена историческая обстановка, предшествовавшая появлению газеты. Автор разделяет точку зрения, высказанную представителем зарубежной казахской диаспоры Хасеном Оралтаем, об образовании партии “Алаш” еще в 1905 году и секретной ее деятельности вплоть до 1917 г., когда она стала легальной. Он стремился ответить на вопрос, почему казахской интеллигенции были близки идеи партии кадетов; выявляет основные моменты разногласий двух течений в их среде, обозначившихся в 1900-х годах и сгруппировавшихся вокруг “Қазака” и журнала “Айқап”. Раскрываются цель газеты “Қазақ” с объяснением ее названия и основных направлений деятельности. Выявляются позиции газеты по таким спорным в историографии проблемам, как земельная; отношение к восстанию 1916 г., роли общеказахстанских съездов в организации партии “Алаш” и выработке проекта программы вновь создаваемой партии. Главное внимание автор уделяет освещению на страницах газеты идеи казахской автономии и созданию всеказахстанского совета “Алаш Орды”, определению областей, которые вошли бы в новое государственное объединение. И все же, в освещении момента возникновения разногласий по вопросу объявления автономии, причины их остаются не до конца проясненными. Автору стоило больше внимания обратить на мотивы разногласий среди руководства “Алаш”, проявившихся на страницах последнего периода издания газеты. Шире и полнее представлены проблемы культуры, образования и литературы, которым “Қазақ” уделял первостепенное внимание и выступил новатором.

Благодаря ставшей реальностью возможности пользоваться ранее недоступными архивными фондами, отражающими деятельность партии Алаш и правительства Алашорды, исследователи активно изучают эту проблему и публикуют научные результаты на страницах периодической печати отдельными выступлениями или серией статей. Первыми работами такого плана стали работы Д. Аманжоловой “Алашорда. Казахский автономизм”, К. Нурпеисова “Алаш и Алашорда” и М. Койгельдиева “Алаш қозғалысы”.

Монография Д. А. Аманжоловой “Казахский автономизм и Россия” издана по серии Совета “Первая монография” и посвя-

щена истокам и причинам современных национальных проблем, осознанию общности перспектив народов Евразии. Автор сделал успешную попытку более полно восстановить основное содержание важных этапов развития алашского движения, “определить его характер, идейно-политическую и социальную базу, раскрыть взаимоотношения с политическими силами и партиями России в дореволюционный период, в 1917 году и в условиях гражданской войны, показать причины поражения Алаш и его значение в истории казахского народа”⁵⁷. Следует подчеркнуть комплексный характер привлеченных автором источников, сосредоточенных до сих пор в спецхранах. Новизна исследования заключается в систематичном освещении ключевых страниц истории казахского автономизма, взаимоотношений Алаш-Орды с Комучем, Временным Сибирским правительством Колчака, руководства оренбургского, уральского, сибирского и семиреченского казачества, алашских формирований с регулярными “белыми” и казачьими частями. Впервые автор раскрывает военную доктрину Алаш, формирование алашских военных частей, их состав, численность, участие в военных действиях, ход и содержание переговоров руководства Алаш-Орды с Туркестанским фронтом, эволюцию лидеров Алаш и отношение масс к Алаш-Орде в ходе гражданской войны. Как отмечает член РАН Ю. Поляков “размышления автора о природе, социальной базе, динамике развития и причинах поражения Алаш основаны на кропотливом анализе большого числа источников, ранее не входивших в научный оборот, что делает их научно обоснованными и убедительными”.

В книге К. Нурпеисова основное внимание уделяется истокам движения Алаш, изменениям общественно-политической обстановки в Казахстане после свержения монархии и созданию партии Алаш, взаимоотношениям Алашорды и Советской власти. Одна из глав посвящена анализу источников и историографии проблемы. Автор заостряет внимание на основных проблемах Алаш: Алаш — первая политическая партия в Казахстане; автономия — структура будущей государственности; Алашорда — правительство возглавляющее автономию.

Объективное понимание и толкование конкретных вопросов обуславливает раскрытие истинного смысла движения Алаш.

⁵⁷ Аманжолова Д.А. Казахский автономизм и Россия. М., 1994, с.10.

Анализ отношений Советской власти к Алаш позволил автору наметить несколько периодов: понятие “Алашское движение” в публикациях большевистского толка в 20-30 гг. XX в.; шестидесятилетний официальный запрет на изучение проблемы и наклеивание ярлыков “буржуазный националист”, “враг народа”; и только после провозглашения независимости Казахстана в 1991 году, поворота в сторону справедливости и правды в историографии проблемы наступает этап истины. Вместе с тем, К. Нурпеисов намечает ряд вопросов, все еще требующих усилий исследователей для более полного раскрытия и представления сущности движения Алаш. К ним относятся: истоки идей независимости, политических и экономических воззрений ее руководителей; роль и место движения Алаш в общественно-политической жизни казахстана начала XX в.; связи и взаимоотношения Алаш с другими партиями в период между двумя революциями 1917 года; взаимоотношения Алаш и Алаш Орды с Советской властью; внутренние противоречия Алаш и их проявления; эволюция взглядов видных деятелей движения; судьбы участников движения после 1920 года; связи движения Алаш с среднеазиатскими и тюркскими народами Поволжья, с мусульманскими, политическими партиями и общественными движениями; движение Алаш и современный Казахстан.

В приложении к книге приводятся некоторые документы, относящиеся к движению Алаш. Прежде всего, это список лиц, членов партии Алаш и их единомышленников, проект программы партии Алаш и материалы об эволюции взглядов руководителей Алаш и их судьбах в годы Советской власти.

Таким образом, монография К. Нурпеисова последовательно, с привлечением значительного количества новых документов из спецхранов раскрывает основные этапы деятельности первой политической партии и ее правительства в Казахстане в начале XX в.

Монография М.Койгельдиева охватывает широкий аспект проблем связанных с историческим развитием Казахстана конца XIX — начала XX вв. Однако, вся канва книги подчинена главному вопросу — движению Алаш. Разносторонне освещается колониальная политика царизма, усиление недовольства национальным гнетом и общественно-политическая деятельность казахской интеллигенции в 1905—1916 годах; политика преследования национальной интеллигенции, газета “Казақ” и формирование идеоло-

гии борьбы за независимость в 1908–1916 гг.; казахская демократическая интеллигенция в годы первой мировой войны и в период национально-освободительной борьбы 1916 г.; победа Февральской революции и новые задачи национально-освободительного движения; участие казахской демократической интеллигенции в работе Временного правительства; первый и второй общеказахские съезды, создание партии “Алаш” и правительства Алашорды. Убедительно представлена в книге М. Койгельдиева историография движения Алаш. С автором можно согласиться, что еще до революции начало историографии общественно-политической деятельности казахской интеллигенции положили А. Букейханов, М. Дулатов, М. Тынышпаев и др.

Отмечая этапный характер опубликованных выше работ по проблеме “Алаш”, “Алаш Орда”, алашское движение следует отметить, что историография проблемы накопила слишком много тайн. Прежде всего, как справедливо подметил член-корр. АН РК К. Нурпеисов, далеко еще не ясна сущность термина “алашское движение”.

Так, проф. М. Койгельдиев под понятием “алашское движение” понимает, с одной стороны, национально-освободительное движение начала XX в. в целом, с другой, партию Алаш, правительство Алаш-Орда — Народный Совет, Алашскую автономию вместе взятые⁵⁸.

Несколько иное понимание проблемы у Д. А. Аманжоловой. “В развитии казахского национального движения Алаш, — отмечает исследователь, — можно выделить три периода. Зародившись в 1905 г. как течение во главе с либеральной западнически настроенной группой интеллигентов, на первом этапе (1905–1916 гг.) оно развивалось в русле оппозиционного движения конституционно-демократической и земской общественности”. Следующий этап истории Алаш, — по ее мнению, — был непродолжительным, но крайне важным, так как совпал с революционным 1917 годом”⁵⁹. 1918–1920 гг. Д. А. Аманжолова считает завершающим этапом истории Алаш⁶⁰.

К. Нурпеисов в монографии “Алаш һәм Алашорда” подчеркивает, что истоки партии “Алаш” уходят корнями в годы русской

⁵⁸ См.: Әлихан Бөкейхан. шығ. Алматы, 1994, 93-б.

⁵⁹ См.: Там же, с.185.

⁶⁰ Аманжолова Д. А. Казахский автономизм и Россия. М., 1994, с.10.

революции 1905–1907 гг. Он полагает, что понятие Алаш, Алаш-Орда нельзя огульно распространять на всю казахскую интеллигенцию, действовавшую на общественно-политической арене с начала века. К. Нурпейсов особо выделяет общественное движение между двумя революциями 1917 года, очерчивает хронологические рамки движения Алаш июлем 1917–1920 гг.⁶¹ В различных вариантах узкое и расширительное толкование этих понятий встречаются в исследованиях почти всех авторов.

Прежде всего, вряд ли правы те, кто Алашское движение олицетворяет с национально-освободительным движением в Казахстане в начале века в целом. Слов нет, что Алашское движение неотъемлемая его часть. Вместе с тем, национально-освободительное движение состояло из многочисленных потоков, в том числе и из течения либерально-настроенной революционно-демократической интеллигенции.

Впоследствии А. Букейханов в статье “Киргизы” отмечал, что в движении “принимали участие, с одной стороны, интеллигенция, воспитанная на русской литературе, верующая в европейскую культуру. С другой стороны, выступала и интеллигенция, воспитавшаяся в духе восточной ортодоксии и национально-религиозной исключительности... Если провести некоторую аналогию с русской интеллигенцией, то первую группу киргизской интеллигенции можно было бы назвать западниками, а вторую тюркофилами и поборниками панисламизма”⁶².

Таким образом, 1905-июль 1917 гг. является этапом формирования либерального оянказахского общедемократического движения казахской интеллигенции, консолидации внутри него ядра Алаш-западников. В ходе первой русской революции они набирали новые обороты и к периоду издания “Қазақ” сумели сплотить вокруг себя потенциальных алашовцев. Формирование алашского ядра придавало всему общедемократическому движению в крае динамизм и общенациональный характер. Следовательно, до середины 1916 г. казахская интеллигенция и ее элитная часть, составившая ядро “Алаш”, шли в рядах единого общедемократического потока в целом.

⁶¹ Нурпейсов К. Алаш һәм Алашорда, 122 б.

⁶² Алихан Букейхан. Избр. Алматы, 1995, с.76.

Понятие “Алашское движение”, как справедливо отмечает К. Нурпеисов, применимо к периоду создания партии, автономии, ее правительства, а также периоду его противостояния с большевизмом до 1920 года.

К тому времени единый поток демократической казахской интеллигенции раскололся на две части, стоящие на разных сторонах барикад.

Идеи Алаш жили и после разгрома “Алаш-Орды”. В 20-х годах с арьергардными боями продолжали борьбу за государственную независимость кыргызы. Была попытка создать туранскую партию. А. Букейханов, А. Байтурсунов, В. Валидов, Ходжаев и др. боролись против природы кукольных советских республик, добиваясь реальной автономии. Продолжал борьбу за идеи Алаш из-за рубежа М. Чокаев.

В своих воспоминаниях З.В. Тоган отмечает, что в августе 1921 г. партия джаидов, социалистическая партия “Эрк” в Узбекистане и казахская партия Алаш объединились в единый “Национальный народный общественный центр мусульман Средней Азии” (вкратце - “Туркестанское национальное объединение”)⁶³. Была выработана “Общая платформа”. В мае 1924 г. Национальное объединение решило, что его центр будет находиться в Турции, представителем его в Европе был назначен М. Чокаев⁶⁴.

Таким образом, третий период алашского движения, период полного разгрома и физического уничтожения Советами всех алашевцев в расширительном толковании продолжался с 1921-1941 гг. Следовательно, история сопротивления интеллигенции Алаш, тайного или явного, против Советов ждет своего исследователя.

Подводя первые итоги исследования истории реформаторского Алашского движения XX века полагаем:

1. История Алаш, Алаш-Орды, алашского движения — ключевая проблема освободительного движения всего XX века;
2. Алашское движение не было однородным по своим социальным корням, миропониманию российской действительности, политическим ориентациям. Оно состояло из правых центристов и левых. Среди них были высокообразованные по европейским

⁶³ Заки Валиди Тоган. Воспоминания. Борьба народов Туркестана и других восточных мусульман-тюрков за национальное бытие и сохранение культуры. Книга II. Уфа, 1998, с.46, 165.

⁶⁴ Там же, с.291.

стандартам лидеры движения, опережавшие по своему уровню развития своих современников. В рядах освободительного движения в то время находились и люди связанные с феодально-патриархальным прошлым, деятели консервативного мышления. Среди них были сторонники так называемых “Туркестанского единства”, “Федерации юго-восточных мусульманских областей” и т. д. Настало время более основательно изучить различные направления внутри “Алаш”, их платформу, связи партии “Алаш” с внешним миром, в т. ч. с различными политическими течениями внутри самой России.

3. В решении казахско-киргизского съезда (5-12.12.1917) было записано: “Казахско-кыргызскую автономию именовать “Алаш”⁶⁵. В состав Совета Алаш-Орда вошел деятель кыргызского народа Ж. Солтанаев⁶⁶. Наиболее сильным было влияние “Алаш” в северных районах Киргизии, где “киргизские общественные комитеты” были переименованы в комитеты “Алаш”⁶⁷. Филиал Алаша в Бишкеке насчитывал 800 членов. С участием “Алаш” была создана “Кокандская автономия”⁶⁸. В работе II-го Всеказахстанского съезда принимали участие представители татарского, башкирского освободительного движения. Огромное влияние на формирование и развитие личности Заки Валиди Тогана оказали А. Букейханов, А. Байгурсунов, С.М. Чокаев. Алашовцы тесно сотрудничали с шу-роисламистами Узбекистана и Киргизии.

Алашское движение оказало влияние на весь тюркский мир. Не случайно в сентябре 1918 г. Турция предприняла попытку создания “Федерации восточных тюрков”⁶⁹. Таким образом, возникает проблема об общетюркской природе партии Алаш, Алаш Орда, “общее и особенное в алашском движении”. Не подлежит сомнению, что Алаш по своей природе — явление, имеющее, с одной стороны, общероссийское, с другой — общетюркское значение. Алаш, Алаш Орда обогатили опытом, своими уроками освободительное движение всего Востока, Центральной Азии. В перспективе ученым предстоит исследовать проблему в контексте истории российского освободительного движения, Центральной Азии.

⁶⁵ Олихан Бөкейхан. см. под ред. Проф. М. Койгельдиева, 50 б.

⁶⁶ Там же, с.73.

⁶⁷ Победа Советской власти в Средней Азии и Казахстане. Ташкент, 1967, с.205.

⁶⁸ См.: Очерки Коммунистической партии Узбекистана. Ташкент, 1974, с.58.

⁶⁹ Заки Валиди Тоган. Воспоминания. Кн.1. Уфа, 1994, с. 264-266.

4. История алашского движения — составная часть истории всего освободительного движения российской империи. На рубеже веков формировалось новое поколение российских интеллектуалов. Это был период роста самосознания всех народов Российской империи. Ликвидация крепостничества, введение земского самоуправления, переход монархической России хотя и медленно, мучительно на рельсы конституционализма, рождение многопартийности, реформы П.А.Столыпина, распространение либеральной идеологии среди различных социальных групп, принимающих ценности рыночной экономики, медленное, но уверенное движение России по пути модернизации и европеизации, парламентской демократии — такова социально-экономическая, политическая среда, в которой воспитывалось новое поколение и казахских реформаторов. Вместе с тем, А. Букейханов и его единомышленники освоили достижение мировой общественной мысли. Они воспитывались на идеях “Декларации прав человека и гражданина” Французской революции.

Приверженность А. Букейханова к правовому государству отчетливо прослеживается в его отношениях к закону, земельной собственности, семье и браку, законам адата и шариата.

Алашская интеллигенция, по существу являвшаяся элитой нации, была неразрывно связана с традиционной культурой казахского общества, по праву была катализатором духовного ренессанса. Она ревностно относилась ко всему национальному, была свободна от религиозного фанатизма, национальных, расовых и иных предрассудков.

5. Алашскому движению характерны эволюционизм, просветительство, антиколониализм, стремление к национальной самоидентификации, приверженность к защите буржуазно-демократических свобод, а на втором этапе — к автономизму.

Антиколониальная сущность реформаторского движения определила социальную базу движения — от аульных учителей, семинаристов до видных религиозных деятелей Степи.

Предстоит большая собирательская работа, создание банка данных по всем регионам, подготовка энциклопедии “Алаш. Алаш-Орда”.

История Алаш, Алаш-Орды, заложившая основы национального самоопределения на заре XX века, в т.ч. нашей независимости

- опыт Алаш о суверенитете, национальном мире, президентском правлении, правовом светском демократическом государстве, об отделении религии от государства и др. - имеют непреходящее значение и сегодня. Этим можно объяснить как общественность Казахстана отмечала с подъемом 125-летний юбилей одного из лидеров Алаш, Алаш-Орды, алашского движения А. Байтурсынова.

Президент РК Н. А. Назарбаев в книге "В потоке истории" справедливо замечает: "Сам факт создания национальной политической организации в нашей отечественной истории не до конца осознается. Тем более, что многие положения, в свое время выдвинутые руководителями партии "Алаш", сохраняют свое значение и поныне. Это была не националистическая, а патриотическая организация, которая ставила своей целью постепенную трансформацию казахского общества и ее адаптацию к современным реалиям..."⁷⁰.

Россия вступила в новую полосу кризиса и революционных потрясений, который привел к установлению диктатуры пролетариата.

**В соавторстве: Д. И. Дулатова д.и.н.
История Казахстана (с древнейших времен до наших дней). Т. 3.
Алматы, 2000.**

ЕЩЕ РАЗ О ПРОБЛЕМАХ ИСТОРИИ НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ – В КАЗАХСТАНЕ

Восстание 1916 года в Казахстане и Средней Азии было судьбоносным явлением в жизни народов огромного региона. Всенародность, участие всех слоев общества, выдвижение общенациональных лозунгов и общность интересов коренного населения в ходе движения, жертвенность народа способствовали дальнейшему нарастанию революционного кризиса на Востоке.

⁷⁰ Назарбаев Н.А. В потоке истории. А., 1999. С. 169.

В современной историографии сложились определенные представления о целях, характере и движущих силах восстания. Однако многие годы освещение этого крупнейшего события шло в духе традиций и схем “Краткого курса истории ВКП(б)” господствующей идеологии. Между тем более чем очевидно, что существует большой круг проблем, требующих коренного пересмотра.

Прежде всего, это правильное определение места восстания 1916 года в исторической судьбе народов азиатского и российского Востока. К числу таких проблем я бы отнес определение места и роли национально-освободительного движения 1916 г. в революционном процессе начала XX века. Требуется нового подхода проблема роли национальной интеллигенции в национально-освободительном движении и в трех российских революциях в целом. Полагаю, что необходимо вновь вернуться к карательной политике царизма 1916 г., который задолго до Вьетнама проводил в жизнь стратегию выжженной земли, уничтожения с лица земли колониальных народов. Наконец, мы до сих пор не сказали своего слова по вопросу: “Каково было влияние национально-освободительного движения 1916 г. для казахского общества и на послеоктябрьском этапе его развития?”

Пожалуй, самой важной методологической проблемой остается вопрос о роли и месте восстания 1916 г. в мировой и отечественной истории. Формирующаяся в современной историографии СНГ тенденция переоценки места и значения Октябрьской революции требует и пересмотра местного или регионального значения восстания 1916 года в историческом развитии Российского Востока.

Февральская революция реально поглотила национальное движение окраин 1916 года. Восставший народ остановил на время свой стремительный бег и как бы застыл в ожидании будущего, неведомого. Это и понятно. Свержение власти самодержавия как бы означало удовлетворение вековых чаяний народов окраин.

Между тем февральское событие 1917 г. в России задевало интересы мировых финансовых воротил, воюющих сторон. Вот почему мировая общественность заговорила во весь голос о февральском феномене в России, отодвинув на задворки национальное движение на ее окраинах. Так образовался двойной вакуум вокруг национального движения России. При этом следует заметить, что правы

были те исследователи, которые устанавливали взаимосвязь между национальным движением 1916 г. и кратковременными, но бурными общероссийскими февральскими событиями 1917 г.

Вместе с тем до сих пор умалчивались различия в побудительных мотивах этих движений. Националы ставили вопрос об отторжении окраин от имперского центра, выступали не столько против тягот мировой войны, сколько против колониализма в целом. Умалчивалось и то, что в самые тяжелые дни, когда каратели применяли тактику выжженной земли, националы обратили свои взоры на народы Центральной Азии. Господствующая в империи нация разделяла в основном только первую часть этой программы, искала альтернативные варианты выхода из общенационального кризиса, главным образом экономического порядка. Вот почему национальное движение 1916 года, накал страстей которого достиг высокой революционной температуры, до понимания сути восставшими народами общенациональных интересов, с лозунгом “жизнь или смерть”, превратилось в явление мирового порядка.

Известно, что со времен колонизации казахский народ до XX в. поднял около 300 раз знамя национально-освободительной борьбы. По существу шла непрерывная народная война за независимость. Однако советская историография рассматривала каждое национально-освободительное выступление народов окраин локально, в стороне друг от друга, как явление внутрисоветское. Революция 1916 года в этом ключе не составляла исключение. Между тем в 1916 году произошло событие на территории всего Российского Востока. По своей масштабности и размаху оно превосходило национально-освободительное движение в юго-восточной и Центральной Азии, Африке, Южной Америке. Иначе говоря, национально-освободительное движение 1916 года на Востоке должно рассматриваться как яркое проявление кризиса имперской колониальной системы, как составная часть мирового национально-освободительного движения.

1916 год занимает особое место в истории XX века. Раньше событие 1916 года оставалось в тени февральской революции и октябрьского переворота 1917 года. Его надо рассматривать в связи с мировой империалистической войной, но и вместе с тем как революцию, равноправную с февральской. Национальная революция 1916 года ускорила февральское явление 1917 года, а не на-

оборот. Февральская революция как бы выступила вторым актом разрешения российского кризиса, в том числе национального. Раньше исследователи драматическое событие 1917 года рассматривали в двух актах и при этом смещали акценты на октябрьский переворот, исключив тем самым из общероссийского процесса националов окраин. Между тем угнетенные национальности в России составляли половину всего населения империи и сыграли в революционном едином процессе 1916-1917 годов в трех актах далеко не последнюю скрипку.

Долгие годы исследователи национального движения 1916 года расценивали его как восстание. Между тем мятежный народ наращивал движение, следовала серия выступлений, напоминающая из себя, скорее всего тайфун. Под его напором без преувеличения затрещало имперское судно. Иначе говоря, движение выходило из берегов разового восстания, оно перерастало в революцию. Каковы ее признаки, которые можно обнаружить даже невооруженным глазом.

Во-первых, освободительное движение стало общенародным. Перед колониальным позором своего существования отошли на задний план классовые, социальные и иные противоречия.

Во-вторых, огромный регион представлял вооруженный народ. После продолжительного перерыва, наступившего после поражения Кенесары Касымова, народы Востока вновь вспомнили принцип "вооруженного народа" и "территориальной" организации войск, военное искусство предков. В огне пожара полыхала не только Великая Степь, но и оазисы Средней Азии. Народы сражались с карателями, не зная примирения, ни предательства.

В-третьих, вооруженная борьба за исключение юга Казахстана и Киргизии велась против империи, ее вооруженных сил, что свидетельствует о высоте помыслов, национальном характере движения. В тех районах, где движение носило антирусский характер, организатором межнациональных конфликтов выступила империя, ее цепные псы в лице колониальной администрации. Больше того, симпатии демократической Руси были на стороне повстанцев.

В-четвертых, как бывает в переломные моменты истории, народ создал не только вооруженные силы, но и органы власти, установил правовые порядки, соответствовавшие этому сложному

периоду, налоговую систему, т.е. выступил творцом всех атрибутов национальной государственности.

Итак, не подлежит сомнению, что во второй половине 1916 г. восстали против царизма народы Востока, подлежащие “реквизиции” на тыловые работы. Не подлежит сомнению, что движение носило общенародный характер. Не подлежит сомнению, что произошел раскол между националами и колониальной администрацией, а на юге Казахстана и с переселенческим казачеством. Не подлежит сомнению, восставший народ восстановил все атрибуты национальной государственности — вооруженные силы, ханскую структуру власти, налоговую систему, характерную для военного времени, правовые порядки и т.д.

Характер движения, его движущие силы, благородные цели, масштабность, размах и восстановление государственности повсеместно и всюду — все это говорит о том, что мы имеем дело с национальной освободительной революцией. Это было движение миллионов, объединенное в единое целое перед лицом надвигающейся катастрофы. Ценой всего происходящего было не больше, ни меньше существование нации, его будущее.

Движение 1916 г. — это апогей национального движения народов окраин за свою независимость за весь период российского господства. Против колониального режима по существу единым фронтом выступил весь народ колониального Востока. Империя понимала степень опасности, нависшей над колониальной системой, и весь регион Средней Азии и Казахстана стал театром военных действий. Для подавления народной революции было направлено карателей больше, чем вооруженных сил на завоевание этого региона на протяжении почти трех столетий. Раньше, когда мы рассматривали 1916 год как подступ к февральской революции 1917 года, мы руководствовались методологическим подходом целостности империи.

Имевшееся до сих пор в историографии недооценка революции 1916 года чревата серьезными последствиями. Она ведет к искусственному сужению фронта исследований по этой проблеме. Исследователям на данном этапе следует сосредоточить свои силы, для выяснения общих закономерностей революции в целом мотивов, объединивших народные массы для решения общенациональных задач, а не для ведения поисков деталей отдельных очагов,

региональных особенностей движения, межродовых противоречий и т. д. При таком подходе вновь, в который раз, национально-освободительная революция в национальных окраинах России окажется вне контекста освободительного движения мирового общества.

В настоящее время в советской исторической литературе существует устоявшаяся оценка восстания как антиколониального, антиимпериалистического, постепенно перераставшего в антифеодальное. Восстание справедливо рассматривается как составная часть революционного общероссийского процесса, но при этом не учитываются специфические особенности движения, своеобразие расстановки классовых сил и другие факторы. По существу отрицалась самостоятельность национально-освободительного потока революционного движения. Между тем, слабость социал-демократических организаций, малочисленность пролетариата края, неразвитость социально-классовой структуры и противоречий местного общества не позволяет говорить о монопольности политического руководства со стороны российского пролетариата. Очевидно, что бунтарное казахское общество учитывало революционную общероссийскую ситуацию, но при всем этом не считало себя резервом социалистической революции. На повестке дня стоял вопрос о национальной независимости и завоевание свободного автономного развития в составе империи. Так или иначе, надо отказаться от оценки движения 1916 г. с позиции концепции революционного движения только одного большевизма.

Чем же можно объяснить недооценку для угнетенных народов Востока значения национально-освободительной борьбы начала XX в., апогеем, которой, стало восстание 1916 г.? Полагаю, что двумя причинами. Прежде всего, в историографии до настоящего времени происходило нивелирование социально-экономической, политической ситуации в начале XX в. в казахском ауле и русской деревне с одной стороны, аграрной окраины с метрополией с другой. Это в свою очередь вело к преувеличению степени зрелости рабочего движения в крае, отсюда и социал-демократии. Разве социал-демократия имела почву для распространения в ауле, среди шаруа? Пока историческая наука располагает сведениями о том, что членом Российской социал-демократической партии (1915 г.) до февральской революции из числа казахов был лишь А.Т.Джан-

гильдин. Имеются скудные сведения об участии в социал-демократическом движении считанного количества казахской студенческой молодежи. Однако вопреки этому в нашей историографии главенствующее положение рабочего движения, социал-демократии в национальных регионах по отношению к национально-освободительному движению возродился в абсолюте. Автоматически действовала схема – рабочее движение за социализм, национально-освободительное движение за независимость, аграрное движение за землю, демократическое движение за мир, слитые большевизмом в единый поток общероссийского движения. При этом не допускалась мысль об альтернативных вариантах исторического развития. В частности, развитие национально-освободительного движения под руководством демократии, в том числе буржуазной, национальной демократической интеллигенции.

Восстание 1916 года было продолжением длительного периода борьбы народов Востока против колониальной политики (с конца XVI в.). В условиях усиливающегося ограбления края, вызванного войной, интенсивным изъятием земель у коренного населения в период столыпинской реформы, кризиса и упадка традиционного хозяйства, усиления русификаторской политики, жестоких репрессий и методов проведения Указа о реквизиции населения на трудовые работы привели в движение все слои общества и породили революционную общенациональную ситуацию, общенациональный кризис.

Естественно, что общедемократические лозунги, выдвинутые в ходе февральской революции, определили совпадение интересов национально-освободительного движения в Казахстане и Средней Азии с революционным общероссийским процессом. Массы коренного населения, а также представители различных партий и движений в крае приветствовали свержение самодержавия, справедливо рассматривая этот факт как следствие их активной борьбы, как удовлетворение целей восстания 1916 года. Однако, пришедшие к власти представители крупной буржуазии, продолжали на первых порах колониальную политику своих предшественников, ярким свидетельством чего явились действия карательных отрядов против повстанцев Тургайской области.

Революционный переворот, совершенный в Петрограде в октябре 1917 года, не вызвал позитивного однозначного отноше-

ния в крае. Наоборот, интеллигенция России, по утверждению члена Российской Академии наук П. В. Волобуева, в том числе казахская, в основной своей массе встретила враждебно. В Казахстане во второй революции народные массы по существу не принимали участие: сказалась усталость народа от тягот продолжительной войны, репрессии царизма за участие в восстании 1916 года, от всевозможных политических экспериментов Временного правительства. Наконец, — вторая революция 1917 года народом была воспринята как *төнкеріс* — переворот.

На наш взгляд, в 1917 г. возникла своеобразная историческая ситуация, при которой были возможны альтернативные пути развития революционного движения на Российском Востоке. Февральская буржуазно-демократическая революция 1917 г. открывала путь к торжеству в национальных аграрных районах буржуазных отношений в их демократическом варианте. В этих условиях, на наш взгляд, история давала шанс на развитие национально-освободительного движения под руководством национальных непролетарских партий демократического толка (например, партии “Алаш” в Казахстане). Конститутирование партии “Алаш”, разработка программы, консолидация демократических сил в 1917 г. свидетельствует о наличии революционного потенциала демократических сил казахского общества.

Очевидно одно, что водоразделом в историческом развитии народов колониального Востока России, свидетельствующим о решимости восставшего народа до конца бороться за свое национальное освобождение, был, несомненно, не 1917 год, а период 1916-1917-й вместе взятые. При этом мы далеки от мысли отрицания влияния большевизма, Октябрьской революции 1917 г. на национально-освободительное движение окраин. Хотя и здесь существует масса проблем. Эскалация войны, жестокости, насилия, массовый террор, осуществляемый диктатурой господствующего класса, одной партии, вслед за этим засуха 1921, голод 1921-1922 годов еще на заре Советской власти принесли казахскому народу неисчислимые страдания. Считаю, что на этом историческом этапе (1916 г.) восставший народ, выражая волю нации, выдвинул в качестве стратегической задачи не свержение самодержавия и буржуазии, а национальную свободу, независимость. Она стояла как ударная, главенствующая задача независимо от рабочего движения за социализм.

Другое дело, что большевизм в своих действиях, при выработке стратегии и тактики исходил из возможности использования национального движения в интересах решения общенациональных проблем народов всей России. Полагаю, что можно утверждать, что в 1916 г. основным решающим потоком революционного движения для народов Востока России стало национально-освободительное движение. Считаю, также, что в 1916 г. казахское общество, вставшее на путь национально-освободительной войны против царизма, выступило флагом освободительного движения всего российского Востока. В ходе февральской революции и последующем национально-освободительная революция вновь стала частью единого целого. Так или иначе, данная постановка вопроса требует специальной проработки.

В период восстания 1916 г. возникла опасность поголовного истребления казахского народа. Вновь история, как в период борьбы с джунгарами, поставила вопрос: быть или не быть казахскому народу, вопрос о выживании нации. В карательных экспедициях по уничтожению коренного населения участвовали армейские части, казачество. Так, для подавления Тургайского очага восстания была снаряжена целая карательная экспедиция генерала Лаврентьева в составе Кустанайского отряда под командованием подполковника Кислова, Актюбинского отряда (командир, подполковник Клопов), Тургайского отряда (подполковник Коломин), Иргизского отряда, отряда есаула Грузинова и Фролова, конного отряда подполковника барона фон Розена, отряда есаула Шепихина, вооруженного 14 орудиями и 17-ю пулеметами; 13 ноября 1916 г. были дополнительно отправлены в район боевых действий части 95-го полка из Казани, 92-го полка из Перми, 2 роты 104 и 238 запасных полков из Оренбурга. Генерал Добрынин просил Генеральный штаб снабдить экспедиционный корпус генерала Лаврентьева не менее 10-ю грузовыми автомашинами, тремя станциями телеграфа, 2 или 3 аэропланами.

Это и понятно, численность повстанцев Тургайского очага по данным начальника генерального штаба Казанского военного округа генерала Сандецкого от 26 ноября 1916 г. доходила до 50000 аскеров. Он считал, что "не подлежит сомнению, что на умиротворение края потребуются не менее 1-2 лет. По этой причине необходимо готовиться к систематической длительной кампании, дать

сразу достаточно правильно организованные силы и широко обставить всеми техническими средствами". Для подавления восстания в Семиречье, было направлено 95 рот в 8750 штыков, 24 сотни в 3900 сабель, 16 орудий и 47 пулеметов. Против восставших Акмолинской и Семипалатинской областей было направлено 12 кавалерийских сотен, 11 усиленных пехотных рот во главе с генералом Ягодкиным (Елеуов Т. Установление Советской власти в Казахстане, с. 110, 112).

Зараженные колонизаторской психологией, вооруженные и подталкиваемые царской администрацией, русские переселенцы совершили многочисленные нападения на незащищенные казахские и киргизские аулы, содействуя тем самым реализации плана Туркестанского генерал-губернатора А.И.Куропаткина по "очищению" наиболее благоприятных районов Казахстана и Киргизии от коренного населения и созданию условий для дальнейшей колонизации земель.

Генерал-губернатор Фольбаум снаряжал военно-карательную экспедицию, она называлась в приказе палача "военная прогулка по всем регионам, имевшим отношение к восстанию". Иначе говоря, это была экспедиция тотального истребления народа.

Все это породило нарастание конфликта и ужесточение военных действий. Однако восставшие не могли противостоять вооруженной, технически оснащенной армии правительства, и, жестоко преследуемые и ограбленные, покидали исконные земли и откочевывали в Китай и другие районы.

Необходимо отметить, что репрессии распространялись и на представителей других народов. Так, в Пржевальске было убито свыше 4000 китайцев, выселенных за город по распоряжению русских властей (Восстание 1916 года в Киргизстане. М., 1937, с.91).

Кроме того, из аулов Казахстана силой оружия было вырвано более 150 тысяч трудящихся и отправлено на тыловые работы.

Именно в этот период первая волна массовой эмиграции казахского населения прошла за пределы своей родины. Так, восставший народ Тургайской области снарядил специальную экспедицию для ведения переговоров с Ираном и Афганистаном. Февральская революция спасла казахский народ от полного истребления. Между тем данная заслуга февральской революции в историографии преднамеренно умалчивалась.

Длительное время в угоду “Краткому курсу истории ВКП(б) с позиции классового подхода руководства восстания, его лидеры определялись как выходцы из социальных низов. При этом отбрасывались исторические факты избрания ханов, сардар беков, визирей, — то есть восстановления традиционных политических структур, упраздненных царской администрацией в период колонизации, отражало степень сознания самых широких масс и являлась своеобразным актом протеста против царизма. Именно это определило избрание восставшими лидера движения из представителей традиционной степной аристократии. Например, в Тургайском уезде ханом восставших кипчаков был избран Абдулгафар Джамбусинов, внук влиятельного бия Среднего жуза Нияза, пользовавшегося по воле Кенесары статусом хана. Кроме того, избранный сардарбеком А.Иманов, не только обладал талантом военачальника, качествами народного батыра, но и был внуком Имана, одного из известных соратников вождя казахского национально-освободительного движения Кенесары Касымова. Это подчеркивает преемственность традиций освободительной борьбы угнетенных народов, усиливающейся по мере ужесточения колониального гнета.

Кстати здесь отметим, что, судя по воспоминаниям, опубликованным в 20-30-е годы архивным данным, Амангельды и Абдулгафар составляли своеобразное руководящее ядро повстанцев Тургайского очага восстания. Хан восставших аргынов Оспан Чулаков и другие избранные в ходе восстания постепенно вышли из игры, некоторые переметнулись на сторону карателей.

28 августа 1928 года А. Джангильдин писал: “Абдулгафара знаю до 1916 года, когда он руководил восстанием казахов в 1916 году в Тургайском уезде”.

Восстановление правды об Абдулгафаре, внесшего свой вклад в повстанческое движение Тургайского центра, не должно происходить за счет Амангельды (такое давление на историков существует), который безо всякой идеализации был народным батыром, трибуном, полководцем, признанным не только среди кипчаков, но и всех повстанцев огромного региона.

Действия колониальной администрации по изъятию земель, увеличению налогового гнета затрагивали интересы всех слоев населения края, в том числе и имущих слоев. В трудах по истории дореволюционного Казахстана и Средней Азии подчеркивалось,

что трудящиеся подвергались двойному гнету — со стороны царизма и местных феодалов. Однако упускалось из виду, что в не меньшей степени страдали от этих действий колониальной администрации имущие слои, терявшие свои привилегии. Данные обстоятельства определили достаточно широкое представление среди восставших феодально-байских элементов, духовенства, интеллигенции. Советские историки длительное время искусственно сужали социальную базу национально-освободительного движения, в угоду классовому принципу, подтягивая его до уровня классовой борьбы пролетариата и беднейшего крестьянства в Центральных районах России. Между тем, нарождающаяся национальная буржуазия, конкурировавшая с русским и иностранным капиталом, традиционная знать, стремившаяся законсервировать феодальные отношения, различные слои интеллигенции активно включились в освободительное движение, преследуя при этом свои, зачастую противоречащие друг другу интересы¹. Даже опубликованные в разные годы сборники документов и материалов подтверждают более широкую социальную базу движения 1916 года в Средней Азии и Казахстане, чем это трактовалось до настоящего времени. К тому же требует переоценки вопрос о национальном составе движущих сил восстания 1916 года, т. е. его нельзя сводить к противостоянию узбеков, казахов, киргизов, русского населения. Репрессивные действия царизма в той или иной степени касались всех национальных групп Средней Азии и Казахстана, которые оказались вовлеченными в орбиту освободительной борьбы. Следовательно, возникла настоятельная необходимость исследования национального состава восставших и участия в движении таких народов, как дунгане, уйгуры, китайцы и других.

Особый интерес вызывает проблема отношения национальной интеллигенции к восстанию 1916 года. В нашей историографии неверно трактуется деятельность казахской интеллигенции в годы I мировой войны, особенно когда речь идет о роли и месте движения “Алаш” в организации и призыве казахов на тыловые работы. Вопреки сложившемуся в исторической науке мнению о безоговорочной поддержке “Алаш” царского указа, многие факты указывают на то, что лидеры движения предлагали отложить до поры до времени призыв казахского населения. Одновременно

¹ См. Вестник Академии наук КазССР, 1991, № 7.

многие деятели алашского движения выехали на тыловые работы, чтобы оказать посильную помощь казахским тыловым рабочим, попавшим в трудные и непривычные для себя условия. Данные сведения не использовались исследователями, поскольку они входили в противоречие с официальной, сложившейся в 30-е годы трактовкой деятельности “Алаш” как партии буржуазно-националистической, антинародной.

Многие из них справедливо считали невозможным сопротивление практически безоружных повстанцев современной, технически оснащенной царской армии. Исходя из этого, они допускали возможность реализации царского Указа о реквизиции “иностранцев” на тыловые работы после соответствующих подготовительных мероприятий, надеясь в случае победоносного окончания войны на облегчение положения своего народа и создания национальной автономии. Последовавшая за восстанием кровавая расправа, гибель сотен тысяч жителей Средней Азии и Казахстана подтвердили справедливость многих из их опасений.

Не изучено военное искусство повстанцев. Посудите, сам генерал Сандецкий был вынужден признать, что повстанцы Тургая “приняли военный строй, колонны идут уступами, атакуют лавой; на отдыхе охраняются заставами и разъездами, высылаемыми за 25 верст”. (Сб. Амангельды Иманов. Алма-Ата, 1974, д. № 103). Весьма интересное наблюдение сделал писатель Л.Соболев: “Снова пастухи взялись за оружие. Это было странное войско, как бы выпешдшее из былин и сказаний: пики, сабли, скованные аульными кузнецами, фитильные ружья, луки и стрелы. Амангельды повел это средневековое войско против карательных отрядов с их пушками и магазинными винтовками. Он изобрел свою тактику, он создал особые отряды из мергенов (охотников), расставлял их в песчаных барханах, как снайперов. Он бросал свою стремительную конницу на пути коммуникаций, карательных отрядов. Он создал тыловую службу питания из конфискованных у баев стад. И всю зиму 1916-1917 года он изобретательно и смело вел жестокие непрерывные бои с регулярными войсками, пока февральская революция не скинула степных губернаторов, и не отозвала из степи карательные отряды”.

Слабо вооруженные, плохо организованные, разрозненные отряды повстанцев были заранее обречены на поражение в боях с регулярными войсками, брошенными на их подавление. Опыт и

уроки первых поражений заставили повстанцев перейти на партизанский метод борьбы, используя традиционный вековой опыт ведения боевых действий кочевников в борьбе с превосходящими силами противника.

Не могу не сказать, что до сих пор слабо изучена судьба участников восстания и их лидеров. Мы до сих пор считали, что участники восстания 1916 г. были активными участниками Февральской и Октябрьской революций и гражданской войны, демократических преобразований первого десятилетия Советской власти. Но ныне мы располагаем данными о том, что судьбой было суждено многим из них стать участниками восстания против силовой коллективизации. И они далеко до 1937 г. стали жертвой тоталитарной системы. Весьма узок круг лидеров восстания 1916 г. из их рядов оказались вычеркнутыми люди, так или иначе оказавшиеся в годы революции и гражданской войны по ту сторону баррикад (например, Кейкі-батыр).

Стремительное развитие событий 1916–1917 гг., частая смена властей и политики, жестокие боевые действия и усиливающийся национальный антогонизм определили трагичность судеб участников восстания 1916 года. В последующем огне гражданской войны обе воюющие стороны не стеснялись в выборе средств, в результате которых страдало мирное население края. Кстати, следует сказать, что трудящиеся в годы гражданской войны создавали отряды самообороны, защищались как от красных, так и от белых. Мы же их выдавали за партизанское движение в тылу белогвардейцев (например, джигиты Шиликты С. Жантуарова).

Октябрь 1917 г. определил раскол среди участников восстания. Из них вышли не только активные участники установления Советской власти, но и ее активные противники, влившиеся в ряды белогвардейского движения. Некоторые из них, по разным причинам постепенно скатывались к прямому бандитизму. Вышедшие вместе на борьбу с царизмом после Октября 1917 г., зачастую стреляли друг в друга, оказавшись по разные стороны баррикад.

Но, несмотря на всю трагичность последствий восстания 1916 г., следует подчеркнуть, что оно послужило мощным толчком к росту национального самосознания народов Казахстана и Средней Азии. Впервые за долгие годы колониального гнета они осознали общность национальных интересов, пробудились к актив-

ной политической деятельности, осознали себя силой, способной к вооруженной борьбе против колониальной экспансии Российского самодержавия.

Борьба народов Средней Азии и Казахстана навсегда запечатлена в памяти поколений. Именно к ней мы обращаем свой взор в переломные моменты истории, переживаемые нашей страной. В условиях роста национального самосознания, государственной независимости, архиважно углубленное и аргументированное изучение противоречий и сложной истории национально-освободительного движения, свободной не только от схематизма и догматизма, но и легковесной конъюнктуры.

Таков тот круг проблем, коренной пересмотр которых я счел нужным предложить вниманию исследователей.

**КАЗАХСТАН В НАЧАЛЕ XX ВЕКА:
методология, историография, источниковедение
Сборник статей. Выпуск II. Алматы, 1994 г.**

НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ ВОЙНА 1916 г. В КАЗАХСТАНЕ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Нам, историкам суверенного Казахстана, досталось тяжелое наследие — история империи. В ней наша отечественная история стала частью общего, обслуживала имперскую идеологию. “История, — писал Д.Неру, — почти всегда пишется победителями и завоевателями и отражает их точку зрения или, по крайней мере, версии победителей дается предпочтение, и она берет верх”¹.

Настало время для создания объективной, полной, правдивой истории народа. В последние годы историки республики много размышляют над проблемой национально-освободительного движения вообще, 1916 года в особенности.

¹ Неру Дж. Открытие Индии. — М., 1955, с.306.

Как известно, после многолетних дискуссий была принята концепция по истории 1916 года, которая отражена в многотомной “Истории Казахской ССР” в пяти томах, в соответствующих томах истории республик Средней Азии.

В третьей главе III тома, озаглавленной “Первая мировая война. Восстание 1916 года”, ее основные положения изложены следующим образом: Освободительное движение в Казахстане и Средней Азии было подготовлено всем ходом истории многонациональной России в конце XIX — начале XX вв., оно явилось результатом кризиса царизма. По своему характеру движение было антиколониальным и антифеодальным, народно-освободительным. Восстание в Казахстане началось неожиданно как для царской администрации, так и для местной феодальной верхушки.

Основными причинами восстания были усиление колониального гнета, изъятие земель, увеличение налогов и поборов, рост эксплуатации трудящихся феодально-байской верхушкой, разжигание национальной розни, резко ухудшившее положение масс в связи с войной, политика русификации. Не случайно свою главную задачу в казахской степи царизм видел в упрочении “русской государственности на началах самодержавной власти”.

Будучи неоднородным, движение в Казахстане в большинстве районов носило народно-освободительный характер, и своим острием было направлено против царизма, империалистической войны и баев”².

В этих концептуальных положениях немало противоречий.

Первое противоречие: феномен 1916 г. назван “восстанием”, одновременно “освободительным движением”. Иначе говоря, авторский коллектив, видимо, предполагал, что национально-освободительное движение приняло форму восстания. По В.Далю, “восстание — мятеж, возмущение”³. События 1916 г. выходят за пределы мятежа, возмущения. На самом деле, шел процесс, в котором находили выражение все формы всенародного сопротивления колонизаторам. Народ принял царский указ как вызов, как вторжение на последние рубежи его обороны. Национально-освободительное движение 1916 года, включавшее в себя манифестации населения в аулах, стихийные выступления джититов против цар-

² История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней. В пяти томах. — Алма-Ата, 1979, т. III, с. 442.

³ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. — М., 1989, т. I,

ского указа, боевые операции против карателей, протесты против интеллигенции, забастовки рабочих, голодные бунты солдаток в городах, явилось национально-освободительной войной колониального Востока против империи. По масштабности, размаху и характеру боевых операций против карательных экспедиций она превосходила национально-освободительные войны в Юго-Восточной и Центральной Азии.

Второе противоречие. Авторы многотомной истории считают, что “освободительное движение в Казахстане и Средней Азии было подготовлено всем ходом истории многонациональной России в конце XIX — начале XX веков”. Полагаю, что авторский коллектив идеологизировал феномен 1916 г., сведя национально-освободительное движение только к марксистско-ленинскому периоду освободительного движения.

Великий знаток сути национальных движений Д.Неру справедливо считал, что “даже при отсутствии настоящей войны, между соперничающими сторонами и противоречивыми интересами часто существует скрытая война и конфликт. В стране, находящейся под властью чужеземцев, такой конфликт внутренне обусловлен и носит постоянный характер, воздействуя на мысли и поступки людей и, извращая их; военные настроения никогда не исчезают полностью”⁴.

Именно такие “военные настроения”, “скрытая война”, переходящие временами в открытую войну, имели место между империей-метрополией и азиатской колонией с 1731 года. В сущности, феномен 1916 года является новым этапом национально-освободительного движения казахского народа, непрекращавшегося ни на один день с момента вхождения его в состав империи.

В 1916 году шла народная, освободительная война против царизма. В докладе на межрегиональном симпозиуме “Национально-освободительное движение 1916 года и его место в историческом сознании народов Средней Азии и Казахстана”, посвященном 75-летию события, автор этих строк оценил феномен 1916 года как национально-освободительная революция. Исследователь А. Бисенбаев считает, что события 1916 года “вряд ли могут быть отнесены” к революции. Он полагает, что “революции сопровождаются радикальным, кардинальным преобразованием в

⁴ Неру Дж. Открытие Индии. — М., 1955, с.306-307.

политическом и экономическом устройстве”. “Во время выступлений 1916 года, — утверждает далее А.Бисенбаев, — осуществлялась реставрация феодальных, доколониальных институтов власти, резко обострились межнациональные противоречия, принявшие характер взаимного истребления. Достаточно четко оформленная идеология национального движения и политическая организация возникли гораздо позже, с созданием партии “Алаш” в середине 1917 года”⁵.

Отмечая в целом конструктивность подобного рода подхода к проблеме, в то же время отметим, что в выводах А.Бисенбаева проскальзывает нотка идеологизации проблемы. Он в восстановлении государственного суверенитета в форме ханской власти видит “реставрацию феодальных, доколониальных институтов власти”. Между тем, сильная ханская власть в период борьбы с джунгарской агрессией ассоциировалась с независимостью, централизованным государством казахов. В слове государственного механизма царизма, в создании традиционной формы казахской государственности, формировании повстанческой армии восставший народ также видел залог завоевания суверенности, выживания этноса.

В своей книге “Открытие Индии” Джавахарлал Неру справедливо отмечал, что “события последнего времени во всем мире показали, что мнение, будто бы национализм исчезает под натиском интернационализма и пролетарских движений, неправильно. Он, по-прежнему, остается одним из самых могучих стимулов, движущих народом, с ним связаны чувства народа, традиции, сознание общности условий существования и жизненных целей”. Он говорил, что “национализм является, в сущности, коллективной памятью, хранящей достижения, традиции и опыт прошлого, национализм в настоящее время сильнее, чем он был когда-либо раньше”⁶.

В действительности речь не идет о реставрации феодальных, доколониальных институтов. После продолжительного перерыва, наступившего после поражения Кенесары Касымова, казахский народ вновь возродил принцип “вооруженного народа” и “территориальной” организации войск, военное искусство предков. На-

⁵ Казахстан в начале XX века: методология, историография, источниковедение. — Алматы, 1994, с.103.

⁶ Неру Дж. Открытие Индии. — М., 1955, с.50, 566.

род в коллективной памяти сохранил традиции освободительного движения. Вооруженная борьба, за исключением юга Казахстана и Киргизии, велась против империи, ее вооруженных сил, что свидетельствует о высоте помыслов, национальном характере движения. В тех районах, где движение носило антирусский характер, организатором межнациональных конфликтов выступила империя, ее цепные псы в лице колониальной администрации. Больше того, симпатии демократической России были на стороне повстанцев. Наконец, нельзя забывать, что в период столыпинской реформы в этом регионе появились более 600 сел переселенцев, казахи и киргизы были выселены в горные районы и пески. Земельный вопрос стал наиболее ярким проявлением колониализма.

Характер движения, его движущие силы, благородные цели, масштабность, размах и восстановление государственности повсеместно и всюду — все это говорит о том, что мы имеем дело с движением миллионов, объединенных в единое целое перед лицом надвигавшейся катастрофы. Ценой всего происходящего было ни больше, ни меньше, существование нации, и ее будущее. Империя понимала степень опасности, нависшей над колониальной системой, и весь регион Средней Азии и Казахстана стал театром военных действий. В сознании народов произошли сдвиги, не учтенные никем из исследователей. Теперь народ колониального Востока встал во весь рост, демонстрируя, что он не желает быть рабом. Эти нравственно-психологические перемены носили, несомненно, революционный, долговременный характер. За цели и задачи, которые были поставлены национально-освободительным движением, народы Центральной Азии боролись в рамках двух российских революций и гражданского противостояния, сражались за национальное самоопределение в составе будущего демократического государства. Как свидетельствуют новые публикации, в частности, воспоминания З.Валиди-Тогана, в те годы шла борьба за создание единого блока народов Центральной Азии и Поволжья за свободный независимый Туркестан.

Национально-освободительная война 1916 г. приняла непримиримый, я бы сказал, характер революционной войны. Следует здесь отметить, что за период суверенитета зародилась новая болезнь — революциябоязнь. “Революция” — в положительном смысле — отход от старого, отжившего, переход к новому состоянию. В

этом ключе 1916 год для казахского общества является во многом знаменательным. Сонный край после движения Кенесары Касымова проснулся, в сознании народа произошел резкий скачок. Казахстан стал краем вооруженного, сражающегося народа. Образовался общенациональный фронт против колониализма. На миг Казахстан был отторгнут от метрополии. Последовали примеру нашего края народы всей Центральной Азии.

Третье противоречие. В многотомной “Истории Казахской ССР” феномен 1916 года рассматривается как составная часть общероссийского процесса. Слов нет, события 1916 г. — отечественного производства. Восстание 1916 года было продолжением длительного периода борьбы народов Востока против колониальной политики (с конца XVI в.). Усилившееся ограбление края, вызванное войной, интенсивным изъятием земель у коренного населения в период столыпинской реформы, кризис и упадок традиционного хозяйства, усиление русификаторской политики, жестокие репрессии и методы проведения Указа о реквизиции населения на трудовые работы — привели в движение все слои общества и породили общенациональную революционную ситуацию, общенациональный кризис.

Естественно, что общедемократические лозунги, выдвинутые в ходе Февральской революции, определили совпадение интересов национально-освободительного движения в Казахстане и Средней Азии с общероссийским революционным процессом. Однако, феномен 1916 г. выходит за пределы России, и его надо рассматривать, прежде всего, как часть национально-освободительного движения народов Востока, как составную часть освободительного движения против мировой колониальной системы.

Советская историография рассматривала феномен 1916 г. в комплексе проблем Февральской революции 1917 года в России. обстоятельный анализ показывает ошибочность такого идеологизированного подхода к проблеме. Первопричиной Февральской буржуазно-демократической революции является империалистическая война, уносившая миллионы человеческих жизней, приносившая массам неисчислимые страдания, голод, холод, эпидемии. Антивоенный характер носила и национально-освободительная война народов окраин.

Февральская революция ставила задачу свержения царизма, установления демократической республики или же конституционной монархии. Национально-освободительная революция народов России, хотя объективно расшатывала устой монархии, но не ставила непосредственной целью ее свержение; радикальное крыло движения ставило задачу вооруженным путем отколоться от империи, восстановить свою национальную государственность. Умеренное крыло также стремилось к достижению национальной государственности в рамках демократической России путем реформ. Так или иначе, национально-освободительная война 1916 года выдвинула в качестве стратегической задачи проблемы национальные и политические, Февральская революция — политические и социальные.

Февральская революция реально поглотила национальное движение окраин 1916 года. Свержение власти самодержавия как бы означало удовлетворение вековых чаяний народов окраин.

Между тем февральские события 1917 г. в России задевали интересы мировых финансовых воротил, воюющих стран. Вот почему мировая общественность заговорила во весь голос о февральском феномене в России, отодвинув на задворки национальное движение на ее окраинах. Так образовался двойной вакуум вокруг национального движения России.

Анализ побудительных мотивов различных слоев населения России, центра и окраин свидетельствует, как далеки их интересы, программные цели в движении. Националы ставили вопрос об отторжении окраин от имперского центра, выступали не столько против тягот мировой войны, сколько против колониализма в целом. Господствующая в империи нация разделяла в основном только первую часть этой программы, искала альтернативные варианты выхода из общенационального кризиса, главным образом, экономического порядка. В советской историографии умалчивалось и то, что в самые тяжелые дни, когда каратели применяли тактику выжженной земли, националы обратили свои взоры на народы Центральной Азии. Вот почему национальное движение 1916 года, накал страстей которого достиг высокой революционной температуры, до понимания сути восставшими народами общенациональных интересов, с лозунгом “жизнь или смерть”, превратилось в явление мирового порядка. При таком методологическом подхо-

де более рельефно выступает значение 1916 года, как самостоятельного потока мирового национально-освободительного движения, с одной стороны, так и самостоятельного потока общероссийского революционного движения в целом.

Противоречие четвертое. Авторы многотомной “Истории Казахской ССР” утверждали, что движение по своему характеру было антифеодальным, что оно было направлено также против местной феодальной верхушки. Как же было в действительности?

Действия колониальной администрации по изъятию земель, увеличению налогового гнета затрагивали интересы всех слоев населения края, в том числе и имущих слоев. В трудах по истории дореволюционного Казахстана и Средней Азии подчеркивалось, что трудящиеся подвергались двойному гнету — со стороны царизма и местных феодалов. Однако упускалось из виду, что в меньшей степени страдали от этих действий колониальной администрации и имущие слои, терявшие свои привилегии. Данные обстоятельства определили достаточно широкую представительность среди мятежников феодально-байских элементов, духовенства, интеллигенции. Советские историки длительное время искусственно сужали социальную базу национально-освободительного движения, в угоду классовому принципу подтягивая его до уровня классовой борьбы пролетариата и беднейшего крестьянства в Центральных районах России. Между тем, нарождающаяся национальная буржуазия, конкурировавшая с русским и иностранным капиталом, традиционная знать, стремившаяся законсервировать феодальные отношения, различные слои интеллигенции активно включились в освободительное движение, преследуя при этом свои, зачастую противоречащие друг другу интересы. Даже опубликованные в разные годы сборники документов и материалов подтверждают более широкую социальную базу движения 1916 года в Средней Азии и Казахстане, чем это трактовалось до настоящего времени. О создании в Степи широкого народного фронта повествует в своем историко-мемуарном романе “Тернистый путь” Сакен Сейфуллин⁷.

Итак, несмотря на всю трагичность событий, 1916 год следует считать великим завоеванием народов, осознавших себя силой,

⁷ Сейфуллин Сакен. Тернистый путь. Историко-мемуарный роман. Алма-Ата, 1964, с.78-79.

способной к вооруженному противостоянию с империей. Именно осознание общности национальных интересов перешагнуло границы народов Востока.

И, наконец, **пятое противоречие:** в многотомной “Истории Казахской ССР” сказано, что “восстание началось неожиданно как для царской администрации, так и для местной феодальной верхушки”. Вряд ли такое утверждение логично. Другое дело, что царизм не предполагал, что июньский указ царя послужит детонатором всенародного взрыва.

Таково наше понимание концептуальной сути феномена 1916 г. в Казахстане и Средней Азии.

Кроме этого есть немало других научных проблем. Прежде всего, переоценки требует вопрос о национальном составе народного движения, т.е. его нельзя сводить к противостоянию узбеков, казахов, киргизов, русского населения. Репрессивные действия царизма в той или иной степени касались всех национальных групп Средней Азии и Казахстана, которые оказались вовлеченными в орбиту освободительной борьбы. Следовательно, возникла настоятельная необходимость исследования национального состава восставших и участия в движении таких народов, как дунгане, уйгуры, китайцы и других.

В советской историографии нерешенной оставалась география национально-освободительного движения.

Как известно, до 90-х годов исследователи считали основным очагом национально-освободительного движения 1916 г. Тургайскую степь. Ныне доказано, что первоначальным центром противостояния колонии и метрополии было Семиречье. Более детальное изучение проблемы дает основание полагать, что центр тяжести в августе 1916 г. постепенно переместился в Чуйскую долину. Как признает начальник Аулие-Атинского уезда полковник С. Н. Кастальский “очаг восстания охватил всю Чуйскую долину”⁸. Этот регион послужил своеобразным мостом, откуда пожар народной войны перекинулся в Среднюю Азию. Вслед за Тураром Рыскуловым настало время более основательно изучить историю национально-освободительной войны на юге Казахстана.

С. С. Сейфуллин воссоздает картину всенародного движения летом 1916 г. в Акмолинских степях. Аулы рода Тинали по

⁸ ЦГА РК. – Ф.76, оп.2, д.33, л. 285

одним данным сформировали пятнадцатитысячный отряд повстанцев, построили сорок кузниц, ковали оружие⁹. Однако, всенародное стихийное выступление масс в Акмолинской, Уральской, Семипалатинской областях не перерасло во всенародную войну против метрополии. Почему? Царизм, создавший сеть казачьих войск, держал эти регионы под контролем Сибирского, Уральского Войсковых управлений. Колониальной администрации в этих регионах удалось потушить пожар в самом зародыше.

Феномен 1916 г. характеризуется обострением национального вопроса. В период освободительной войны 1916 г. возникла опасность поголовного истребления казахского народа. Вновь история, как в период борьбы с джунгарами, поставила вопрос: быть или не быть казахскому народу, вопрос о выживании нации. В карательных экспедициях по уничтожению коренного населения участвовали армейские части, казачество. Так, для подавления Тургайского очага восстания, была снаряжена целая карательная экспедиция генерала Лаврентьева в составе Кустанайского отряда под командованием подполковника Кислова, Актюбинского отряда (командир — подполковник Клопов), Тургайского отряда (подполковник Котомин), Иргизского отряда, отряда есаула Грузинова и Флорова, конного отряда подполковника барона фон Розена, отряда есаула Шепихина, вооруженного 14 орудиями и 17-ю пулеметами. 13 ноября 1916 г. были дополнительно отправлены в район боевых действий части 95-го полка из Казани, 92-го полка из Перми, 2 роты 104 и 238 запасных полков из Оренбурга. Генерал Добрынин просил Генеральный штаб снабдить экспедиционный корпус генерала Лаврентьева не менее 10-ю грузовыми автомашинами, тремя станциями телеграфа, 2 или 3 аэропланами.

Это и понятно, численность повстанцев Тургайского очага по данным начальника генерального штаба Казанского военного округа генерала Сандецкого от 26 ноября 1916 г. доходила до 50000 аскеров. Он считал, что “не подлежит сомнению, что на умиротворение края потребуется не менее 1-2 лет. По этой причине необходимо готовиться к систематической длительной кампании, дать сразу достаточно правильно организованные силы и широко обставить всеми техническими средствами”. Для подавления восстания в Семиречье, было направлено 35 рот в 8750 штыков, 24 сотни

⁹ Сейфуллин Сакен. Тернистый путь, с. 78.

в 3900 сабель, 16 орудий и 47 пулеметов. Против восставших в Акмолинской и Семипалатинской областей было направлено 12 кавалерийских сотен, 11 усиленных пехотных рот во главе с генералом Ягодкиным¹⁰.

Зараженные колонизаторской психологией, вооруженные и подталкиваемые царской администрацией, русские переселенцы совершили многочисленные нападения на незащищенные казахские аулы и киргизские айлы, содействуя тем самым реализации плана Туркестанского генерал-губернатора А. И. Куропаткина по "очищению" наиболее благоприятных районов Казахстана и Киргизии от коренного населения и созданию условий для дальнейшей колонизации земель.

Генерал-губернатор Фольбаум снаряжал военно-карательную экспедицию. Она называлась в приказе палача, как "военная прогулка по всем регионам, имевшим отношение к восстанию". Иначе говоря, это была экспедиция тотального истребления народа.

Все это породило нарастание конфликта и ужесточение военных действий. Однако, мятежники не могли противостоять вооруженной, технически оснащенной армии правительства, и, жестоко преследуемые и ограбленные, покидали исконные земли и откочевывали в Китай и другие регионы. Необходимо отметить, что репрессии распространялись и на представителей других народов. Так, в Пржевальске было убито свыше 400 китайских подданных и разграблено имущество 4000 китайцев, высланных за город по распоряжению русских властей¹¹.

Кроме того, из аулов Казахстана силой оружия было вырвано более 150 тысяч трудящихся и отправлено на тыловые работы.

Именно в этот период прошла первая волна массовой эмиграции казахского населения за пределы своей родины. Так, восставший народ Тургайской области снарядил специальную делегацию для ведения переговоров с Ираном и Афганистаном. Февральская революция спасла казахский народ от полного истребления. Между тем данная заслуга Февральской революции в историографии преднамеренно умалчивалась.

В трудные дни казахский народ услышал голос демократической России в лице депутатов-демократов Госдумы. До степи дошли пламенные призывы "Руки прочь от казахского народа!"

¹⁰ Елеуов Т. Установление Совет. власти в Казахстане, с. 110, 112

¹¹ Восстание 1916 года в Киргизстане. М., 1937, с.81.

Семена Ужгина, Антона Сорокина. На стороне восставших сражались Никита Кротов, Иван Долматов, Софья Вербицкая, Е.Курев.

Длительное время в угоду “Краткому курсу истории ВКП(б)” с позиции классового подхода руководство восстания, его лидеры определялись как выходцы из социальных низов. При этом отбрасывались исторические факты избрания ханов, сардарбеков, визирей — то есть восстановления традиционных институтов управления Востока. Воссоздание традиционных политических структур, упраздненных царской администрацией в период колонизации, отражало степень сознания самых широких масс и являлось своеобразным актом протеста против царизма. Именно это определило избрание восставшими лидера движения из представителей степной аристократии. Например, в Тургайском уезде ханом восставших кипчаков был избран Абдулгафар Джамбусинов, внук влиятельного бия Среднего жуза Нияза, пользовавшегося по воле Кенесары статусом хана. Кроме того, избранный сардарбеком А.Иманов, не только обладал талантом военачальника, качествами народного батыра, но и являлся внуком Имана, одного из известных соратников вождя казахского национально-освободительного движения Кенесары Касымова. Это подчеркивает преемственность традиций освободительной борьбы угнетенных народов, усиливающейся по мере ужесточения колониального гнета.

Предпринятая нами акция по восстановлению истины об Абдулгафаре увенчалась успехом. Восстановление правды об Абдулгафаре, внесшем свой вклад в повстанческое движение Тургайского центра, не должно происходить за счет Амангельды (такое давление на историков существует), который безо всякой идеализации был народным батыром, трибуном, полководцем, признанным не только среди кипчаков, но и всех повстанцев огромного региона. В историографии неоднозначно оценивается отношение национальной интеллигенции к народной войне 1916 года. Еще в конце 80-х годов, выступая с докладом на заседании выездной сессии Академии наук в г. Гурьеве, автор этих строк говорил, что необходимо глубже разобраться в национально-освободительном движении, в пробуждении национального самосознания казахского народа. Противоречивость роли национальной интеллигенции объясняется ее положением в обществе. Во-первых, они, будучи в основной массе выходцами из состоятельных слоев казахского об-

щества, являлись служащими колониального аппарата, пользовались определенными привилегиями существующего строя. Во-вторых, в отличие от русской интеллигенции, казахская национальная интеллигенция не имела в своих рядах деловую интеллигенцию — директоров и управляющих банков, не была связана с миром промышленников и финансистов. Их мировоззрение сформировались под мощным воздействием просветительских идей. Будучи интеллигенцией инородцев, они становились идеологами антиколониализма.

К сказанному следует добавить, что по своему уровню развития национальная элита казахского народа стояла на уровне европейской. Она тем самым значительно опережала время. Образовался существенный разрыв между духовной элитой и основной массой народа. Народные массы ближе стояли к интеллигенции, которая вышла из низов народа. В результате возникло противоречие между элитой и восставшим народом, выступившим в союзе с народной интеллигенцией. Лидеры движения, направившие движение по пути вооруженного сопротивления, исходили из учета вековых традиций. С другой стороны у них не было другого выбора. Однако они не учли одно важное обстоятельство. В период противостояния казахов с джунгарами они вели войну на равных, на уровне средневековья. К 1916 году в вооружении и тактике восставшего народа мало что изменилось. В новое время царские каратели были вооружены современным боевым оружием. Кроме этого, каратели имели благоприятную среду: тыл в лице переселенцев, казачьих станиц, густую сеть коммуникаций. Эту ситуацию с самого начала глубоко понимала национальная духовная элита.

Видимо, этим можно объяснить их призыв народных масс к повиновению царскому указу, донесения отдельных представителей интеллигенции с всевозможными предложениями, направленными к успокоению мятежного народа, переговоры с колониальной администрацией о том, как лучше подготовить призыв казахов на окопные работы.

Казахская национальная элита яснее других представляла, что неповиновение народа царскому указу будет использовано в целях политики геноцида. «Главным лейтмотивом деятельности алашской интеллигенции в период национально-освободительной

революции, — отмечает исследователь Н. Т. Кенжебаев, — на наш взгляд, была идея сохранения казахского этноса, его выживания в сложный, полный драматическими событиями период”.

Многие из них справедливо считали невозможным сопротивление практически безоружных повстанцев современной, технически оснащенной царской армии. Исходя из этого, они допускали возможность реализации царского Указа о реквизиции “инородцев” на тыловые работы после соответствующих подготовительных мероприятий, надеясь в случае победоносного окончания войны на облегчение положения своего народа и создания национальной автономии. Последовавшая за восстанием кровавая расправа, гибель сотен тысяч жителей Средней Азии и Казахстана подтвердили справедливость многих из этих опасений.

Поединки сарбазов А.Иманова, как показывает трезвый анализ, свидетельствуют, что соотношение потерь составляло 1:100 в пользу карателей. Иначе и не могло быть. Советская историография грешила и тогда, когда она показывала повстанцев чуть ли не победителями в противостоянии с карателями.

Мы почти ничего не знаем, например, о Байбосыне Тамабаеве, приговоренном военно-полевым судом Верненского гарнизона к смертной казни через повешение, лидере повстанцев Больше-Алматинской волости. Не исследован подвиг Ниязбекова Сата, лидера повстанцев Джайлымышевской волости Верненского уезда, приговоренного к смертной казни 13 октября 1916 года.

Остается в тени подвиг признанного лидера повстанцев Шуйской долины, народного батыра Аккоза Косанова.

Значение национально-освободительного движения 1916 года трудно переоценить. Прежде всего, оно было результатом пробуждения национального самосознания народа, его решимости сражаться за свою свободу и независимость. Феномен 1916 г. выдвинул казахский народ в разряд народа-борца.

События 1916 года показали необходимость национальной консолидации, значимость защиты общенациональных интересов. Они показали, что свободу надо завоевывать.

Спустя 80 лет после события 1916 года встречается рассуждение, что не надо было казахам братья за оружие, не надо было выступать против царизма, надо было внять голосу демократической интеллигенции.

Как было отмечено выше, радикальная часть интеллигенции и лидеры масс направили движение по пути вооруженного сопротивления, то есть традиционному пути. Народные массы знали одну альтернативу — вооруженную борьбу с колониализмом. Цивилизованные методы борьбы с царизмом им были неведомы. Небольшая могучая кучка демократической интеллигенции не имела широкую опору в народе, не имела организованную партию, программу действий. Голос “Казаха” с ограниченным тиражом не дошел до народа. Казахской национальной элите не суждено было стать властелином духовной жизни своей нации. Мы сегодня не можем по-новому моделировать историческое событие того времени, осуждать тех или других, вести схоластическую дискуссию на тему: “Надо ли было казахам восстать в 1916 году?” Предметом истории является наше прошлое, ее уроки.

**Материалы международной
научно-теоретической конференции
Национально-освободительное движение
в Казахстане и Средней Азии в 1916 году:
ХАРАКТЕР, ДВИЖУЩИЕ СИЛЫ, УРОКИ.
Алматы, 1996 г.**

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ XX ВЕКА: МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ.

XX век, подвергшийся обществу национальному и классовому противостояниям, экологической катастрофе, стал достоянием истории. История этого века написана по мере нашего движения, и в условиях противоборства капитализма и социализма стала объектом идеологизации, а национальный вопрос стал полем сведения взаимных счетов. “Новое прочтение” истории, ее “вариации” в соответствии с изменениями политического курса режима становилось модой времени.

В условиях независимости мы, включая первого Президента страны Н. А. Назарбаева, стали придавать огромное значение проблемам Отечественной истории, родному языку, национальному менталитету. За короткий срок сделано многое, но, тем не менее, это лишь начало долгого пути.

В этой публикации мы сочли возможным обратить Ваше внимание на те мифы, которые все еще вольготно обитают на страницах Отечественной истории.

Одним из них является миф унижающий статус национально-освободительного движения и, наоборот, идеализирующий статус пролетарского движения в казахской степи.

Историческая справка. Сердцевиной большевистской национальной политики после взятия власти стали:

- ограничение идеи права нации на самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства;
- создание “кукольных” национальных образований под эгидой диктатуры пролетариата;
- централизация всех материальных богатств, национализация земли и объявление их государственной собственностью;
- централизация власти, зависимость народов окраин во всем от центра.

Если разобраться по существу, национальное движение возникло и развивалось до появления рабочего движения. Оно появилось с 1731 года, т. е. с момента вхождения Казахстана в состав России. Империя, как отмечал Назир Тюрякулов, грабила скот казахского народа, оскорбляла его душу (земля Казахии была объявлена собственностью империи). Словом, не было такого унижения, насилия и наветов, которым не подвергался бы казах. Царизм грабил открыто, лишь изредка прикрываясь благими намерениями. В статье “Казахский вопрос” Н.Тюрякулов отмечал, что в Англии существует вопрос об Ирландии и Индии, во Франции о Тунисе. “Даже в считающейся самой свободной, вольной стране как США существует проблема негров. Подобно этому,— писал Н.Тюрякулов,— на повестке дня стоит казахский вопрос”¹.

Разумеется, Назир Тюрякулов в данном случае не открывал Америки. В начале века сам В. И. Ленин признавал оппозиционность по отношению к царизму демократического движения на-

¹ Тюрякулов Назир. Сочинения. А., 1999.

ционалов и считал его союзником пролетариата. После Октябрьской революции В. И. Ленин, большевики по существу ограничивались провозглашением лозунга права нации на самоопределение. В год образования Казахской Советской автономии — 1920 г. — казахская духовная элита поставила вопрос о передаче всей власти свободному казахскому народу, его лучшим представителям. Но за каждым кустом лидерам большевиков мерещилась измена националов, “национализм” стал пугалом. В этих условиях не могло быть и речи о доверии к националам. Вся власть сосредоточилась отныне в руках так называемой рабоче-крестьянской власти, большевиков. Именно тогда в 1920 г. Т. Рыскулов выступил против тезиса доклада В. И. Ленина на II-конгрессе Коминтерна, заявив, что “нечисть нельзя смыть мочой”. По его мнению, наследие колониализма, образовавшееся на протяжении двух с половиной веков, нельзя смыть, очистить, убрать руками русских колонистов-коммунистов. Царизм, превративший страну в колониальную державу, извращал душу русского народа, привлекая все новые и новые его слои к грабежу и разбою на национальных окраинах, воспитывая их в имперском духе. Русские коммунисты, пришедшие на смену тем, кто проводил колониальную национальную политику, были не вправе требовать к себе доверия со стороны националов. Оно могло прийти к народу только со временем. Казахский вопрос, являвшийся стержнем буржуазно-демократических преобразований, требовал в те послеоктябрьские годы самостоятельного, абсолютно автономного решения.

Заметим, что на протяжении длительного времени проблемы Отечественной истории XX века рассматривались в единстве с общероссийским революционным движением, историей большевизма, при этом социально-экономическое положение в крае, революционность его народа идеализировались, подтягивались до уровня метрополии. В результате на первое место выдвинулось рабочее движение (хотя оно в Казахстане сделало первые шаги), пролетариат был признан предводителем крестьянского и национально-освободительного движений, их гегемоном, национальное движение стало частью русского рабочего движения.

Ахмет Байтурсынов в газете “Казах” (1913, № 4) писал: “Мы самостоятельный единый народ, обитающий от Волги до Иртыша, от Урала до Афганистана. В условиях, когда в нашу среду посели-

лись иные народы, не потеряем ли мы былую самостоятельность, сохраним ли казахскую нацию? Эта мысль не оставляет нас в покое даже во сне”.

Итак, в начале века в России, наряду с противоречиями между пролетариатом и буржуазией, крестьянином и помещиком, существовали противоречия между метрополией и колонией, ждала своего решения проблема национального освобождения и независимости народов колониальных окраин.

Мифологизация прогрессивного значения вхождения Казахстана в состав России.

Историческая справка. Давнюю историю имеет концепция о том, что абсолютно все национальные окраины добровольно присоединились к России, причем в ключе только прогрессивного явления. При этом не учитывалось, что само понятие “присоединение” имеет оскорбительный оттенок, намекающий на насильственный характер этого акта. Кто присоединяется к кому, почему он присоединяется, от чего же тот или иной народ добровольно отказывается от своей свободы, признает себя подданным по отношению к другому, более могущественному народу? Разумеется, присоединяется слабый народ, вынужденный по тем или иным причинам признать волю другого народа, искать в нем защиту.

Если разобраться по существу, вынуждало казахов присоединиться к России обнищание народа и страны в результате продолжавшегося более двух столетий противостояния с джунгарами, опустошительные набеги, демографический упадок сил. Вынуждали нескончаемые феодальные междоусобицы, борьба за власть со стороны многочисленных, в основной массе властолюбивых чингизидов. Вынуждало совершить акт вхождения казахов в состав России строительство на территории, захваченной у казахов джунгарами, военных укреплений; создание военных казачьих поселений, по существу военная оккупация казахских земель великой империей, совершение систематических набегов на казахские земли поданными России — башкирами, волжскими калмыками, казаками Урала и Сибири, не отставали от них и среднеазиатские ханства. Вынуждала казахов признать власть России и экономическая политика империи. По определению опытного колонизатора И.Неплюева, происходило отлучение казахов от Волги, Яика, Жема, Улкайка, Иртыша и Ишима, на яву шла экономическая блокада казахских степей.

Как известно, инициатором вхождения Казахстана в состав России, был Абулхаир хан, который мечтал при помощи последней стать властелином всей Великой Степи. Вместе с тем он понимал, что на деле происходил раздел территории казахского государства, геополитическая ситуация складывалась далеко не в пользу казахского народа.

В советскую эпоху историки, доказывавшие колонизаторскую сущность восточной политики империи, подверглись преследованию (С. Асфендияров, П. Галузо, Е. Бекмаханов, Т. Шонанов). Вместе с тем были всесторонне исследованы вопросы развития в Казахстане земледелия, строительства железных дорог, развития капитализма вширь, формирования рабочего класса, обострения классовой борьбы, распространения марксистских идей, казахско-русские культурные связи. Предполагалось показать прогрессивность присоединения Казахстана к России. Слов нет, такие процессы имели место в истории, но они отражали лишь одну из сторон многовекового развития общества. В то же время оказались слабо изученными социальные проблемы в степи - межнациональные отношения, духовное развитие страны. Такие же проблемы, как насильственная русификация, ограничение элементарных человеческих прав степняков, преднамеренное разрушение территориальной целостности казахов, установление новых административных делений, мусульманское движение, борьба казахов за сохранение цивилизованных основ своего развития - языка, веры, отечественной истории, литературы, национальной культуры, казахской государственности, политика этноцида, геноцида — оказались за бортом отечественной науки или исследовались лишь мимоходом.

Казахстан в начале XX века являлся одним из многочисленных колониальных владений империи. Завершилась военная колонизация, ускоренно шла крестьянская колонизация. К 1917 году была захвачена 1/6 часть всех земель Казахстана, составившая основу переселенческого фонда империи.

Казахи, лишившись плодородных земель, оказались в резервации. “История казахской земли со времен вхождения в состав России,— писал Т. Шонанов,— история колонии. История колонии — история постепенного захвата и грабежа казахских земель иноземцами”². Империя не признавала за казахами права гражд-

² Шонанов Т. Судьба земли — судьба страны. А., 1995. С.16. (на каз.языке).

данства. Колонизаторы считали, что “православная вера и русское отечество киргизу чужды, если не прямо враждебны”, “казахи — элемент не надежный и до чести военной службы не доросли”, “трех-четырёхлетнее пребывание киргиз под знаменем не сделает их преданными России, но научит действию оружием, поэтому не следует засорять ряды русской армии подобными инородцами”, “пройдя через русских войск они могут усилить собою кавалерию возможных наших врагов”³. Иначе говоря, колонизаторы считали казахов потенциальными врагами империи.

Мифологизация национально-освободительного движения 1916 года в русле большевизма.

Историческая справка. О национально-освободительном движении 1916 года написано много. Однако, оно, главным образом, сводилось только к Тургайскому центру. Алиби Джангильдин считался проводником идей большевизма, Амангельды Иманов — предводителем бедных слоев населения, а бай-муллы, интеллигенция предателями интересов народа. Не были раскрыты межнациональные отношения, в соответствии с духом идеологии большевизма подверглись ревизии движущие силы движения.

Правда истории состоит в том, что национально-освободительное движение 1916 года не было под влиянием большевизма. Ныне мы знаем о трех центрах движения: Тургайском, Джетысуйском, Чу-Таласском, причем последний служил своеобразным мостом со Средней Азией.

В 1916 году протест против царизма принимал всенародный характер. На повестку дня был поставлен вопрос о национальном освобождении, предпринято усилие для возрождения ханской системы казахской государственности. В подлинном значении 1916 г. стал переломным этапом борьбы за политическую независимость и национальную государственность. Во главе восставших стали избранные народом ханы, а во главе ополчения — избранные сардарбеки, сложилась налоговая система, устанавливались через посланников связи с внешним миром. В степях Тургая возглавили восставших эмир Абдыгафар Жанбосынов, сардарбек Амангельды Иманов, в Джетысуйском центре — Бекболат Ашикеев, Жаменке Мамбетов, Узак Саурыков, в Чу-Таласской долине Аккоз Косанов. Во многих местах в руководящем ядре восставших заметную

³ Захаров М. Национальное строительство в Красной Армии. М., 1927. С.17.

роль сыграли представители степной элиты. В Джетысуйском и Чу-Таласском регионах в ходе противостояния местного населения (казахов, кыргызов, дунган, уйгуров) с переселенческим крестьянством и казачеством происходили кровопролитные бои, царское правительство преднамеренно обостряло межнациональные отношения, вооружало русскоязычное население, осуществляя на деле политику геноцида по отношению к туземцам. Карательные отряды применяли тактику выжженной земли и за один год казахское население уменьшилось на 446 тыс. человек.

На протяжении многих лет идет спор по вопросу “Предала ли национально-освободительное движение 1916 г. элита казахской интеллигенции?”

А. Букейханов, А. Байтурсынов, М. Дулатов считали, что казахи являются подданными России и полноправными гражданами этой страны. Ахмет Байтурсынов писал: “Казахи наравне с другими наиболее ведущими народами должны были с оружием в руках защищать отчизну, а участие в работе в тылу они считают позором. В военное время дисциплина жесткая, восставших будут преследовать каратели, пострадают невинные люди — отцы и матери, жены и дети, придет в упадок хозяйство”. В совместном воззвании Алихан Букейханов, Ахмет Байтурсынов, Мирякуп Дулатов заявили о двух возможных вариантах: “Первое — хозяйство в известной мере испытает трудности, мобилизованные джигиты будут иметь наименьшее число жертв и страдания, второе — откажутся и окажется сопротивление, то не избежать народу бедствий ...”⁴. “Послушайтесь, не лейте кровь, не сопротивляйтесь”, — писали они в этом воззвании.

Лидеры казахской интеллигенции были сторонниками эволюционного развития. Поэтому они во имя завоевания национальной автономии в составе демократической России считали целесообразным выполнить долг казахского народа перед своей неродной отчизной.

Самым распространенным, самым коварным мифом большевизма был миф о национализме и националистах, как врагах революции.

В недавнем прошлом в Отечественной истории относили к националистам всех тех, кто боролся с царизмом, участвовал в на-

⁴ Казах, 1916, г 192; Букейханов А. Произ. А., 1994. С. 218.

ционально-освободительном движении, защищал национальные интересы в условиях Советов. Дело доходило до того, что националистами были признаны не отдельные деятели, а вся нация в целом.

Историческая справка. Прежде правомерно определить содержание терминов “ұлтшылдық” (“национализм”), “ұлтшылық” (национал-эгоизм). “Ұлтшылдық” — “национализм”, “қазақшылдық” (казахизм) — это очевидно есть любовь и патриотизм к своей нации, “ұлтшылық” — “қазақшылық” — национал-эгоизм.

В казахском варианте эти понятия отличаются окончаниями — в первом случае — “шылдық” (изм), в другом — “шылық” (наносный, несуразный), т. е. прикрываясь именем нации, подвергать осквернению национальные интересы и чувства, привнося несуразные национальные идеи. Малые нации, находящиеся под эгидой господствующей нации, всегда защищаются, отстаивая свои интересы, естественным образом заботясь о своем самосохранении. Очевидно, в этом есть закономерность, проявляющаяся в любви к нации, генерируемой кровью и плотью — явлением свойственным изначальной стадии появления национализма вообще. В ситуации иной — нация как таковая обречена на исчезновение.

Национал-эгоизм в известной мере зарождается как ответная защитная реакция национал-шовинизму господствующей нации, является нарывом на здоровом организме нации, явлением приспособленческим, толкающим народы на тропу противостояния и вражды, предпочитающее собственное националистическое “я”.

Царское правительство рассматривало национализм в качестве оппозиции. Истинной последовательницей данной имперской политики стала Советская власть, понимая под этим средство против дробления и отделения народов. И. Сталин, видевший выход для управления “вождями от этносов” в бонапартизме стремился истребить интеллектуальную, передовую часть народов.

В истории казахов основы противостояния колониализму в новых исторических условиях заложила та часть интеллигенции, которая была воспитана и выпестована газетой “Казах”. Она же возглавила процесс объединения их в политическую партию Алаш и подняла знамя государственности “Алаш-Орды”.

Большевики обвинили это противодействующее им течение в национализме, причислив к ненавистным врагам. Режим делал все для того, чтобы доказать “враждебность” “Алаш” и “Алаш-

Орды” казахскому народу, “предательство” ими национальных интересов.

“Алаш”, “Алаш-Орда” занимали национал-патриотическую позицию. В проекте Программы партии “Алаш” было предусмотрено создание правительства Алаш-Орды из 25-ти человек, 10 мест из которых отводились представителям других национальностей, населяющих Казахстан. В этом усматривается забота о подлинных интересах казахского народа.

В противовес деятелям “Алаш” иные псевдопатриоты выдвигали лозунги типа “Рыжий русский, все равно русский”, “Казахстан — казахам!”. Казахский народ отверг деятелей подобного пошиба, которые были далеки от интересов народа, тактика и стратегия которых была направлена на разжигание межнациональной розни.

Алаш и Алаш-Орда обнаружили истинное лицо национализма — национального достоинства, выступили поборниками национальной идеи, приняв вызов большевиков во имя будущности казахского народа.

Путь, который избрали казахские реформаторы, прежде всего был обращен на Европу, а это путь конституционный, парламентский, путь эволюционного развития, как говорил А. Букейханов, то были западники. Западничество тогда было свойственно всему тюркскому миру (И. Гаспринский). Вместе с тем, казахские радикальные революционеры-демократы выступали против пантюркизма, панисламизма, будучи сторонниками единства тюрков, желая решить российско-турецкие отношения цивилизованным путем.

Кыргызско-казахский съезд (5-12.12.1917 г.) принял решение о казахско-кыргызской автономии “Алаш-Орда”. Партия “Алаш” принимала участие в создании Кокандской автономии. “Алаш” и “Алаш-Орда” оказали влияние на тюркский мир, Восток в целом.

Священными идеалами “Алаша” стали национальная государственность, право нации на самоопределение, национальное равноправие и свобода народов. Иначе говоря, казахские реформаторы стояли у истоков процесса духовного обновления нации.

Алашское движение оставило богатейшее наследие: это идеи национальной государственности, президентского правления, создания правового, демократического светского общества, отделе-

ния религии от государства, формирования национального воинства, межнационального согласия.

Борьба большевизма с национализмом в условиях Советской власти набирала новые обороты. Преследование участников национально-освободительного движения и разделяющих его идеи стало навязчивой идеей политикой советской власти. Эта тенденция усилилась после Московского (1923 г.) совещания ЦК РКП (б) с участием ответственных работников республик и областей. На этом совещании было обращено особое внимание на национальную политику большевиков, осуждено проявление национализма на местах, а также был нанесен удар по идее создания в СССР конфедерации тюркских народов. Среди сторонников этой идеи были упомянуты и имена казахстанцев. Под ударом жесткой критики оказался Турар Рыскулов, обвиненный в связях с арестованным известным общественным и государственным деятелем Татарстана М. Султангалиевым. Обострение социально-экономической ситуации в стране в конце 20-х годов разрушение традиционной структуры жизнеобеспечения в ходе ее перестройки на советский лад, привели к арестам и гонениям участников оппозиционных большевизму партий и движений. Среди них были “IV Всеукраинская Рада”, “Шуро-и-Ислами” и другие течения функционировавшие в Средней Азии, Татарстана, Башкортастана и других регионах партии “Иттихатва-Таракки”. В Казахстане были арестованы участники движения “Алаш”.

Перед отъездом из Казахстана Ф. Голощекин разделил казахских деятелей на три группировки: “Одни — это — национал-уклонисты, с которыми нечего разговаривать, которых не удастся перевоспитать, взять под свое влияние, использовать. Вторая категория — это хамелеоны, то есть такие люди, которые в зависимость от обстановки меняют свою шкуру. Третьи — это те, которые хотят свалить всю ответственность за ошибки на одного Голощекина”⁵. Так во всей стране он не нашел, скорее, не хотел найти, ни одного деятеля, которому можно было доверять и опереться. Так окончил свою политическую карьеру человеконенавистник, ставший вершителем судьбы целой нации.

В процессе утверждения командного социализма Сталин в Москве, Голощекин и ему подобные в регионах наклеивали на-

⁵ Архив Президента РК. Ф.141. Оп. 7. Д.5749. Л.49.

циональным лидерам многочисленные ярлыки “изма” и “щины”. Под предлогом “сейфуллинщины”, “байтурсиновщины”, “рыскуловщины”, “тюрегожиновщины” подверглись остракизму лучшие представители казахской интеллигенции.

Миф об отрицании реальностей Февральской революции 1917 г., сокрытие ее благих деяний, и противопоставлении Октябрьской революции.

Февральская революция 1917 г. свергла царское правительство, самодержавие пало, флаг империи был растоптан. Перед казахским народом забрезжили лучи веками ожидаемой свободы.

Это было главным результатом Февральской революции. Вместе с тем в течение одного года и восьми месяцев она привнесла в жизнь казахского народа множество благоприятных изменений.:

- на основе демократических свобод были созданы Всеказахские съезды, началась работа по созданию национальной партии и автономии Алаш-Орда;

- возглавляемая А. Букейхановым группа казахской национальной интеллигенции была привлечена к управлению краем;

- были отозваны карательные отряды, залившие казахскую землю кровью в 1916 году;

- была объявлена амнистия участникам освободительного движения 1916 года;

- были созданы возможности для возвращения казахам, покинувшим родину;

- была оказана государственная поддержка и помощь семьям, пострадавшим от военных действий;

- в стране возникла многопартийность, казахская интеллигенция начала пользоваться первыми завоеваниями свободы. Она провела первые выборы Всероссийское учредительное собрание.

Одним словом, за короткий исторический срок народы России, в т.ч. казахский, успели воспользоваться первыми реальными плодами буржуазно-демократической революции. Не зря А.Байтурсинов заявлял, что народ встретил Февральскую революцию с большой радостью. А. Букейханов, М. Чокаев, М. Дулатов в газете “Казах” № 225 20 марта 1917 г. выступили с совместным заявлением: “Наступило утро свободы. Всевышний осуществил мечту. Только вчера мы были рабами, ныне мы стали равными. Ко-

варная власть, державшая все народы в рабстве, канула в лету... Слава всевышнему, что мы дожили до этих светлых дней”.

За годы Советской власти утвердился миф о закономерностях Октябрьской революции.

Историческая справка. В феврале 1917 г. в России победила революция; 3 апреля В. И. Ленин поздравлял рабочих и крестьян, сломивших царский деспотизм и открывших в международном масштабе путь к социальным революциям. Он бросил клич: “Да здравствует социалистическая революция!”, который вскоре воплотился в жизнь. Россия, а вместе с ней и Казахстан так и не прошли через школу буржуазно-демократической революции. Всероссийское Учредительное собрание было распущено, не успев открыться. Большевизм не смог прийти к единому согласию с другими политическими партиями и течениями, которые были всецело отторгнуты от системы власти. В этой ситуации возникло сомнение в законности социалистической революции в России. Большевики вынуждены были обосновать закономерность социалистической революции.

28 октября 1917 г. первый российский марксист Г.В. Плеханов, которого В.И. Ленин и И.Сталин считали оппортунистом, обратился со специальным письмом к рабочим Петрограда. В нем он выразил сожаление по поводу того, что власть перешла в руки Советов рабочих и солдатских депутатов. ““... В течение последних месяцев нам, русским социал-демократам, очень часто приходилось вспоминать замечание Энгельса о том, что для рабочего класса не может быть большого исторического несчастья, как захват политической власти в такое время, когда он к этому еще не готов”, “готов ли наш рабочий класс к тому, чтобы теперь же провозгласить свою диктатуру? Всякий, кто хоть отчасти понимает, какие экономические условия предполагаются диктатурой пролетариата, не колеблясь ответить на этот вопрос отрицательно. Нет, наш рабочий класс далеко не может с пользой для себя и для страны взять в свои руки всю полноту политической власти. Навязать ему такую власть, толкать его на путь величайшего исторического несчастья, которое было бы в то же время величайшим несчастьем и для всей России””⁶.

⁶ Октябрьский переворот: Революция 1917 года глазами ее руководителей. Воспоминания русских политиков и комментариев западного историка. М., 1991. С.302.

Для обоснования своей идеи Г. В. Плеханов апеллировал к малочисленности пролетариата, неграмотности населения, аграрному характеру страны. Крестьянство, призванное прийти на помощь пролетариату, составляет большинство населения России. “Крестьянству нужна земля, в замене капиталистического строя социалистическим оно не нуждается”, - говорил он. По мнению Г. Плеханова, “больше того, хозяйственная деятельность крестьян, в руки которых перейдет помещичья земля, будет направлена не в сторону социализма, а в сторону капитализма”. Следовательно, по мнению Г. Плеханова, крестьянство не может заключить союз доверия с рабочим классом на пути социалистического строительства.

Рабочий класс может рассчитывать только на свои силы, однако он составляет социальное меньшинство. “Отсюда неизбежно следует, что если бы, захватив политическую власть, наш пролетариат захотел совершить “социальную революцию”, то сама экономика нашей страны осудила бы его на жесточайшее поражение. Говорят: то, что начнет русский рабочий, будет закончено немецким. Но это – огромная ошибка”. Сказав о невозможности поддержки русской революции французами, англичанами, американцами, далее Г. Плеханов, подчеркивал: “несвоевременно захватив политическую власть, русский пролетариат не совершит социальной революции, а только вызовет гражданскую войну, которая, в конце концов, заставит его отступить далеко назад от позиций, завоеванных в феврале и марте нынешнего года ...”⁷.

История в данном случае показала прозорливость не В. И. Ленина, а Г. Плеханова, К. Каутского.

Диктатура пролетариата, которая считалась союзом рабочего класса и крестьянства, не смогла осуществить подобный союз. Продовольственная диктатура времен гражданской войны обобрала крестьянство, а состоявшаяся затем насильственная коллективизация села и аула, привела к сплошной люмпенизации. Крестьянство, вынесшее на своих плечах все трудности индустриализации в полном смысле слова было ввергнуто в обнищание.

Ожидания на то, что поможет всемирная революция, не оправдались. Иначе говоря, движущей силой социалистической революцией стал голодный, разутый, воспитанный в духе экстремизма, русский рабочий класс, представители которого участвовали и раньше в грабеже и насилии колонии.

⁷ Там же. С.304-305.

В условиях зыбкости теоретических основ проводимой политики коллективизации крестьянства, индустриализации страны, культурной революции, объединения народов в единый Советский Союз и других основ созидания социализма, большевики были вынуждены апеллировать к революционному насилию — лишения эксплуататоров богатства — “экспроприации эксплуататоров”, — ликвидации частной собственности, введению продовольственной диктатуры, примитивного лозунга “Общество — артель самоотверженного труда”.

О диктатуре пролетариата В. И. Ленин говорил: “Научное понятие диктатуры означает ничто иное, как ничем не ограниченную, никакими законами, никакими абсолютно правилами не стесненную, непосредственно на насилие опирающуюся власть”.

“Диктатура означает — примите это раз навсегда к сведению, господа кадеты, неограниченную, опирающуюся на силу, а не на закон, власть. Во время гражданской войны всякая победившая власть может быть только диктатурой”.

И. Сталин продолжал подчеркивать что “без насилия не бывает диктатуры”⁸. Словом, этим он не скрывал, что первостепенной при построении социализма являются насилие и применение силы.

Казахский народ, как и другие народы национальных аграрных окраин, не был подготовлен для перехода к социализму. В действительности, он был привнесен сверху на казахскую землю. Для обоснования этого скачка была создана теория перехода казахского народа от феодализма к социализму, минуя капиталистическую стадию развития. С этой целью должны были быть введены в действие следующие факторы: 1) всемерная поддержка пролетарской революции; 2) поддержка со стороны русского рабочего класса, установившего диктатуру пролетариата; 3) революционный энтузиазм казахского народа, освободившегося от пут национальной зависимости.

Между тем нищему рабочему классу России было нечем помочь в области экономики другим народам. В области политической русский рабочий класс по существу следовал по проторенному колониальному пути, борясь за верховенство во власти. На деле политическая активность красных активистов, получивших про-

⁸ Сталин И. Соч. т.8.С.29.

звище в степи “Қызыл белсенді”, “Шолақ белсенді” (“Красный активист”, “Суперактивист”) ограничивалась исполнением воли центра методами же царских шабарманов (посыльных), при этом казахская интеллигенция, ее элита была отстранена от власти.

Мифологизация статуса казахской советской государственности.

Историческая справка. В. И. Ленин, партия большевиков написали в программе партии 1903 года о праве наций на самоопределение, отделении от метрополии, создании национального государственного образования. В условиях победы Октябрьской революции этим правом воспользовалась лишь Финляндия. В составе РСФСР была создана Казахская автономия – Советская Социалистическая Республика, казахи начали новое “собрание земель”.

Партия Алаш в проекте своей программы предложила создание национального государства “Алаш-Орда”, которое должно было войти в состав демократической России в виде самостоятельной национальной автономии. Территории алашских областей вместе с природными ресурсами, водой, полезными ископаемыми рассматривались в качестве собственности государства Алаш. В процессе революционных перемен Алаш предложил альтернативу кардинального перелома в развитии казахского народа. Тем не менее, предлагаемая Алаш автономия рассматривалась как буржуазная, и коммунистическая партия подвела под эту же автономию свои советские принципы. В период налаживания взаимоотношений с Советами А. Байтурсинов открыто выразил свое понимание реального содержания казахской государственности. Трибун народа отдавал предпочтение тому, чтобы к руководству государством пришли во что бы то ни было люди, которые, независимо от того состоят ли в партии или нет, заслуживающие доверия со стороны народа. В районах с многонациональным этническим составом населения он считал необходимым, чтобы у власти 2/3 составляли представители коренного народа. Также он считал, что хозяйственно-экономическая власть должна полностью сосредоточиться в руках казахов. Он преследовал цель создания всеказахстанского военного округа, а городские гарнизоны должны были рекрутироваться за счет представителей коренного населения. Вместе с тем он ратовал за сохранение границ Казахстана. Иначе говоря, он был за этнотерриториальную целостность казахского

края. А. Байтурсынов утверждал, что русский пролетариат в отношении казахов должен выбрать одно из двух: либо утверждать власть силы, требуя беспрекословного подчинения, устанавливая вместо царских губернаторов и генерал-губернаторов своих диктаторов, командуя при этом, либо войти в доверие казахских народных масс.

Советское правительство опасалось признания и утверждения статуса национальной государственности, предлагаемой казахской интеллигенцией.

В решении национального вопроса Советское правительство остановилось на полпути, построив территориальную национальную автономию, создав затем союзную республику; однако она осталась на уровне декларативного государственного строительства. Подобную государственность на деле А. Байтурсынов прозвал “кукольной республикой”.

Нынешний год — год 55-летия Победы в великой Отечественной войне, ставшей переломным моментом в мировой истории. Тем не менее, ее история ныне мифологизирована настолько, что иные подвергают сомнению правомерность празднования юбилейной даты:

1. Одним из таких спорных проблем стала оценка характера общественно-политического строя накануне войны.

Одни полагают, что фашизм и тоталитаризм две стороны одной медали. Другие считают, что советские люди строили социализм, но казарменный. Итак, какое общество мы построили 20-30-ые годы XX века, во имя чего сражались с заклятым врагом?

Накануне войны вместо единой, неделимой Державы-империи возвысился Единый и могучий Союз. Вместо монархии господствовала диктатура партии большевиков. Победил казарменный социализм. В области политической означал сращивание партии с государством; в области экономической — господство методов внеэкономического принуждения, командно-бюрократического подхода к решению назревших проблем прогресса; в области государственной — создание видимости национальной государственности в лице кукольных союзных республик, демократической формы власти в лице номенклатурных Советов, максимальная ее централизация под эгидой правящей партии большевиков; в области социальной — отторжение рабочих и крестьян от собственности, превращение их в наемных пролетариев, укоренение примитив-

ного распределения благ, обещания улучшить жизнь, постоянно отодвигаемые на необозримое будущее; в нравственной — коллективистские взгляды, которые, несмотря на многие положительные аспекты, поглотили личность как таковую; в духовной сфере — господство штампов, клише и мифов; в области национальной — осуществление политики этноцида, преследование целых народов, уничтожение интеллектуальной элиты, подавление национального самосознания народов, духа свободолюбия, господство великодержавной идеологии и практики.

Вместе с тем была и другая сторона медали. Социализм — общество, выстраданное народами, успел за два дня десятилетия дать им немало: в области политической — был уничтожен классовый, национальный гнет. Отечество наше освободилось от засилья, диктата иностранного капитала; в области экономической — ликвидирована безработица; в области социальной — осуществлено бесплатное всеобщее образование, здравоохранение, социальное обеспечение; в области духовной — достигнуто приобщение к высотам мировой культуры, претворены в жизнь идеи национального согласия и всеобщего равенства, коллективизма; в области национальной — собраны воедино земли, принадлежащие народам до колонизации, восстановлена их государственность.

Одним словом, советскому народу было за что сражаться. Это, прежде всего необходимость защиты независимости Социалистического Отечества, защиты народов от нависшей опасности порабощения фашизмом, от колонизации немецких баронов, фашистских молодчиков. Это необходимость защиты идеалов гуманизма, справедливости и добра, социальных, политических, экономических, культурных завоеваний социализма. Это защита коренных интересов мировой цивилизации.

В литературе на постсоветском пространстве мифологизирован вопрос и о характере минувшей войны. Некоторыми исследователями война воспринимается как своеобразный поединок славянских и западноевропейских народов, как противоборство двух цивилизаций. Отдельные исследователи обосновывают тезис о том, что СССР и Германия вели войну за передел Европы, сферы влияния, мировое господство. Одни придают ей узко национальный, русский, в лучшем случае — российский характер. По мнению других, народы окраин сражались на фронтах не Отечественной, а

второй мировой войны. С ученым видом некоторые историки полагают, что “война та была не так уж Отечественной”, “не такая уж великая, разве что по гигантским потерям”⁹.

В сущности, в том великом противоборстве Советского Союза с фашистской Германией весь наш народ поднялся на борьбу с агрессором, стал воюющим народом. За годы войны в Вооруженные силы было привлечено около 35 млн. человек¹⁰. Воины русской национальности составляли ядро Советской Армии. Вместе с ними плечом к плечу сражались 4,4 млн. украинцев, свыше 1 млн. сыновей и дочерей Белоруссии, свыше 3 млн. — Казахстана и республик Средней Азии, в том числе 1 млн. 366 тыс. казахстанцев, т.е. более 70% всего мужского населения от 18 до 50 лет. Около 700 тыс. трудящихся республики были мобилизованы в трудовые колонны — промышленность оборонного значения. Таким образом, 26% населения Казахстана, а с учетом эвакуированных и спецпереселенцев — 21,2%, влилось в ряды действующей и трудовой армий, у немцев при тотальной мобилизации было призвано всего 12%.

Народы СССР защищали свое Отечество. “Родина, — по определению, — В. Даля, — родимая земля, чье-либо место рождения. В обширном значении — земля, государство, где кто родился”. Казахи имели в лице России свое Отечество. Оно не всегда было ласково с инородцами, но защищало их от иных агрессоров. Единое духовное пространство способствовало приобщению нашего народа к достижениям мировой цивилизации. И казахи, как и другие народы, сражались, защищая свою Отчизну, не вступая с ней в торг.

Еще накануне второй мировой войны был сочинен И. Сталиным миф о постоянно действующих факторах Победы.

На XVIII ВКП(б), И. Сталин утверждал что советское общество “представляет картину дружественного сотрудничества рабочих крестьян, интеллигенции. На основе этой общности и развернулись такие движущие силы, как морально-политическое единство советского общества, дружба народов СССР, советский патриотизм”. На долгие годы эти сталинские положения легли в основу концепции о действующих факторах победы. Как же было на самом деле?

⁹ См.: Красная звезда. 1988 г. 25 декабря; Политическое самообразование. 1988. № 17. С.45.

¹⁰ См.: Правда, 1995 г. 20 апреля.

Накануне и в годы войны не было и не могло быть морально-политического единства в сталинском понимании. Тяжелый след в жизни миллионов советских людей оставила тотальная репрессия 30-х годов.

В условиях военного времени карательная политика существовавшей системы набирала новые обороты. Курс на уничтожение малых этнических групп и народностей продолжался. В Казахстане в 1937–1944 гг. нашли вторую родину более 1 млн. 210 тыс. депортированных, а вместе с эвакуированными — около 1 млн. 740 тыс. человек. По существу в Казахстане каждый пятый человек был спецпереселенцем, республика напоминала гигантский ГУЛАГ СССР. По данным на 1 декабря 1946 г., в Казахстане находилось 890 698 сосланных¹¹. Не менее унижительной страницей нашей отечественной истории остается наличие лагерной экономики. По данным на январь 1949 г. министра внутренних дел СССР С. Круглова, по отраслям народного хозяйства трудился 1 483 089 выселенцев и спецпоселенцев¹². К началу войны общее число заключенных в СССР составляло примерно 2,3 млн. человек. Из них досрочно было освобождено и направлено в армию более 1 млн.

Мобилизация трудящихся республик Средней Азии и Казахстана в трудовые колонны во многом напоминает 1916 г., когда в связи с царским указом восточные народы реквизировались на тыловые работы. Что же объединяло советских людей, каковы тогда цементирующие факторы народов Страны Советов? Объединяла советских людей общность их исторических судеб — это, во-первых. Объединяла народы обрушившаяся на страну агрессия, угроза потери ее независимости — это, во-вторых. Объединяла их всенародная борьба с врагом на фронтах, в тылу и труд во имя победы в глубоком тылу — это, в-третьих. Объединяла советских людей принадлежность к своему Отечеству, чувство дедовского патриотизма. Советские люди все еще верили в идеалы Октябрьской революции 1917 г. Нельзя сбрасывать со счетов первые достижения Советской власти, провозглашение ликвидации классового и национального гнета, успехи в области эмансипации женщин, народного образования. Перед войной были приведены в действие механизмы по патриотическому воспитанию молодого поколения. Серьезные дости-

¹¹ Қозыбаев М. Қ. Тарих зердесі. А. 1998. т. I, с. 265-266 б.

¹² История СССР. 1991. N 1., с. 158.

жения наблюдались в области укрепления оборонной мощи страны. Образование СССР, объединение земель в исторических и этнических границах, создание союзных и автономных республик сыграли важную роль в консолидации народов под советское начало, несмотря на то, что государственность приобрела форму кукольных республик. Так или иначе, советские люди имели основания верить и считать, что все трудности созидания нового социалистического мира позади, что их ожидает светлое будущее.

Таким образом, импульс Великого Октября, заряд социалистического созидания, патриотические традиции народа, приумноженные идейно-политическим воспитанием трудящихся за годы Советской власти, дружба народов и интернационализм, вера в идеалы революции, ненависть к фашизму — все вместе взятое оказалось сильнее наследия сталинизма.

Мы исследователи, все эти годы в качестве одного из решающих факторов победы выдвигали советский патриотизм. Думается, что трактовка патриотизма была усеченной, неполной. На деле он был шире по масштабу и глубже по смыслу, чем советский патриотизм. На деле он вобрал в себя патриотизм дедов и дух предков.

В условиях начавшейся войны происходило патриотическое единение народа. И. Сталин воспользовался возросшим национальным самосознанием соотечественников. Он понимал, что под лозунгом марксизма-ленинизма не собрать всю рать и был вынужден узаконить стихийно разбушевавшийся народный патриотизм в самом начале войны. 3 июля 1944 г. И. Сталин тронул струны народной души, когда он обратился к своим соотечественникам: "Братья и сестры..." Вся страна подхватила слова песни В. Лебедева-Кумача "Идет война народная с проклятою ордой". И. Сталин обратился не только к идеям марксизма-ленинизма, но и к боевым традициям русских полководцев, флотоводцев, а в Казахстане Ж. Шаяхметов — к традициям народных батыров, хана Кене и других лидеров национально-освободительного движения. Учреждение орденов Суворова, Кутузова, Нахимова, Ушакова, погоны офицерские и генеральские звания, негласный отказ от лозунга "Пролетарии всех стран, соединяйтесь!" в военной прессе, введение вместо него лозунга "Смерть немецким оккупантам!" — все это явилось известным отступлением от идеологии казарменного социализма, приспособлением его к воле воюющего народа.

Немало мифов сочинили историки СНГ, социологи во всем мире о личности И. В. Сталина.

На XX съезде партии говорилось о культе личности. Действительно, была личность вселенского масштаба: И. Сталин – теоретик-прогнозист, титан-созидатель, тиран-разрушитель, вместе взятые. Как теоретик он обосновал пути и методы превращения отсталой страны в мировую державу, способную отстоять свою независимость в условиях капиталистического окружения. Как титан-созидатель он и возглавляемая им партия большевиков за короткий исторический, я бы сказал фантастический, срок вывели страну на финишную прямую, создали мобилизационную модель развития. По существу в те годы была заложена экономическая основа победы в Великой Отечественной войне. Деятель с железной логикой, аналитическим умом, жесткий в осуществлении проводимой линии, твердой волей. Подобно Петру I, он шел к достижению цели кратчайшим путем. При этом его жесткость порою переходила в жестокость, твердая воля – в фанатизм.

И. Сталин в годы войны создал самую выдающуюся команду, однако, он относился к ее членам не более как к винтикам сложной государственной машины. Люди, отдавшие без остатка себя служению Отечеству, становились нередко жертвой его произвола. Не здесь ли именно лежат истоки тиранизма И. Сталина. Ясно одно, к изучению личности И. Сталина нельзя подходить с одной меркой. Трагедия исследователей состоит, в том, что они, приспособляясь к политике, конъюнктуре выпячивают одну из сторон этой многоликой, сложной личности.

Серьезные расхождения имеют место во взглядах исследователей по вопросам потерь Казахстана в войне.

Известный зарубежом наш соотечественник Хасен Оралтай пишет, что “по предположению иностранных исследователей в противостоянии русских и немцев погибли свыше четырехсот тысяч казахов (около 420 000)¹³. О.Сулейменов, М. Татимов называют цифру 350 тысяч казахов. По данным же “Книги павших Великая Отечественная война (1941-1945)”, М.1995 г. безвозвратные потери казахов составляют 130 тыс., 1,5 % от общего числа потерь Вооруженных Сил СССР в Великой Отечественной войне (списочного состава) и занимают шестое место среди народов СССР¹⁴.

¹³ Қараңыз: “Егемен Қазақстан”, 2000 ж. 4 сәуір.

¹⁴ См.: Евразия. Народы. Культуры. Религии. № 1(3), 1995. С.57.

Вместе с пропавшими без вести потери казахов (на территории Советского Союза) примерно составляют 200 тысяч человек.

При этом нам неизвестно количество невернувшихся казахов, мобилизованных в трудовую армию. На наш взгляд, данные по вопросам потерь казахов в войне “Книги павших Великая Отечественная война (1941-1945)”, М.1995 г., а также “Книги памяти” (А., 1995) нуждаются в уточнении. В них данные, мягко говоря, искажены в сторону снижения количества павших казахов на полях сражений и концлагерях Германии и Советского Союза. Всего с 1938 г. по 1945 г. было мобилизовано 1366 тыс. казахстанцев, что составило 21,2 % всего населения республики. По неполным данным, с начала 1941 г. число убитых в боях, умерших от ран, болезни и в плену, а также пропавших без вести по Казахстану достигло 601 011 человек, или 11,2%.

Ветеран войны из Восточного Казахстана З. Темиргалиулы в статье “Ақиқатқа жетейік” (“Казак батырлары”, 2000 ж. № 3) считает, что казахов было мобилизовано в два раза больше чем узбеков, хотя их численность накануне войны было два раза меньше их. Это произошло потому считает он, военками в Казахстане повсеместно работали русские офицеры. Большие потери из казахов он объясняет, произошли потому, что значительная часть казахов из аула имели слабую военную подготовку, не всегда они имели возможность адекватно понять команды. Ветеран утверждает, что часть командных кадров из числа русских Советской Армии была заражены великодержавным шовинизмом и пренебрежительно относилась к воинам нерусских национальностей. Молодежь, в т.ч. казахская, полагает он, была воспитана в духе фанатизма и пренебрегала опасностями. Этими факторами он объясняет непропорциональные потери воинов разных наций к общей численности в войне — шесть процентов у русских, восемь процентов — у украинцев, десять — у белорусов, 12 процентов — у казахов.

Высокий уровень мобилизации из Казахстана объясняется, на наш взгляд, также его аграрным характером, отсутствием бронирования квалифицированной рабочей силы (оно было введено в оборонных отраслях промышленности в Казахстане лишь к концу войны). На мой взгляд, пагубное влияние на массовую мобилизацию имели и депортация народов, эвакуация населения из прифронтовой полосы, ибо режим в их лице имел дармовой источник рабочей силы.

Высокие потери казахстанцев объясняются еще и тем, что 178 тыс. наших земляков, призванных в Красную Армию до войны и 681 тыс. казахстанцев, мобилизованных за период июнь 1941 г. — декабрь 1942 г. участвовали в самых кровавых сражениях Второй мировой войны¹⁵. Об истощении людских ресурсов Казахстана говорят факты. Так выполняя директиву Центра, ЦК КП Казахстана в 1944–1945 гг., направлял письма обкомам партии изыскать людские ресурсы, годных к строевой службе, требовал отменять брони, “периодически проводить подворные обходы и облавы”, “переосвидетельствовать всех негодных, нестроевых, отсрочников и отпускников и всех оказавшихся годными к строевой службе призвать и отправить по имеющимся нарядам”¹⁶.

Утверждение противоречивого мифа о развитии бывшего Союза, в том числе Казахстана в 70-80-х годах.

Одни исследователи называют этот период временем подъема, расцвета экономики и культуры Казахстана, другие — застоем. Если быть сторонником первого мифа, то это означает признание случайности развала советского государства. А второй миф не раскрывает существо исторического процесса, искажает истину.

Историческая справка. В 1970–1985 гг. основные производственные фонды повысились в 3,1 раза, в том числе в химии и нефтехимии в 6,5 раза, машиностроении — 4,0 раза, топливной промышленности — в 2 раза. К ним относятся Казахский завод по выработке газа, Павлодарский и Шымкентский нефтеперерабатывающие заводы, Карагандинский завод резины и техники, цех белой жести Карагандинского металлургического комбината, Экибастузский и Ермаковский ГРЭСы, Капчагайская гидроэлектростанция, Шымкентский и Жамбылский фосфорные заводы, Жайремский горно-обогатительный комбинат и другие. По объемам промышленного производства Казахстан занимал третье место после РСФСР и Украины. В те годы сформировались Мангистауский, Каратауско-Жамбылский, Павлодарско-Экибастузский территориально-промышленные комплексы. Основные производственные фонды сельского хозяйства в расчете на каждого работающего человека возросли в 3 раза. Вспашка земель, посевы, сбор хлеба были полностью обеспечены техникой, в животноводстве на 75–90%.

¹⁵ ЦГА РК. Ф.1146. Оп.1, Д. 678. Л. 252.

¹⁶ Там же. Оп.1. Д. 679. Л. 19.

Выросло социальное благосостояние народа. В 1971–1989 гг. заработная плата рабочих промышленности выросла почти в 2 раза, а (фиксированная) заработная плата служащих совхозов, колхозников увеличилась больше чем в 2 раза. В течение 20 лет получили квартиры, построили дома, либо улучшили свои жилищные условия около 13 млн человек.

Что же могло послужить причиной подобного крутого подъема в экономике? Связано ли это с переходом социализма в стадию освоения достижений научно-технической революции? Нет, Советский Союз использовал достижения мировой научно-технической революции лишь в военной промышленности, народное же хозяйство осталось вне этого прогресса. Может быть это было результатом использования внутренних возможностей социализма, повышения производительности труда? Нет, Советский Союз для использования внутренних резервов в целях повышения производительности труда не смог вызвать в народе экономическую заинтересованность. Продолжалось использование испытанных колониальных методов, усилились процессы выкачивания природных ресурсов Сибири, Казахстана, Средней Азии, Дальнего Востока, словом, их национального богатства регионов. Используя дефицит топливно-энергетических ресурсов, СССР обеспечил долларовую поддержку. Вахтовый метод стал для русского рабочего класса источником благополучия. Ряд факторов, в том числе освоение 25 млн. га казахстанской целины, развитие космического комплекса, расположение на миллионах га земли военных полигонов, строительство стратегических дорог, создание военного округа в период обострения отношений с Китаем, способствовали сосредоточению государственного потенциала в Казахстане. Форсирование городского строительства, решение некоторых социальных проблем (строительство жилья, создание культурных центров и т.д.) было вынужденной мерой системы после Тимиртауских событий.

Именно так, посредством колониальных методов был проложен путь к расцвету экономики в казахской степи. Иначе говоря, в 60-80-е годы путем милитаризации страны, хищнических методов в природопользовании огромные природные богатства национальных регионов были поставлены на службу метрополии. Все это не могло не привести к деформации всего образа жизни националов. Казахи стали меньшинством в собственной стране,

оказались не востребованными, восторжествовал великодержавный шовинизм, русификация взяла реванш, казахская земля была ввергнута в экологическую катастрофу. В системе власти представители от казахов были отодвинуты на второй план, власть метрополии обрела форму диктатуры.

Коммунистическая партия подтачивалась изнутри, увеличилось расхождение между теорией и практикой, к партийной власти пришли технократы, утвердив на многие годы свою монополию.

Власть превратилась в олигархию, талантливая, мыслящая интеллигенция подверглась гонениям, множество научных трудов сгорели в огне коммунистической инквизиции. Усилилась тенденция вступления в партию карьеристов, формирования трайбализма и кланов, вождизма. Властвующие в партии не хотели видеть и искоренять из своей жизни явные пороки. Все это снижало руководящую роль партии в обществе, ослабляла связи и привело, в конечном счете, к потере ею всенародного доверия.

Застой пустил свои корни в сфере духовной, политической, нанеся удар по дружбе народов, чему в особенности способствовали насильственные экспансии Советской Армии в странах Запада, создание Берлинской стены, агрессия в Афганистане. Все это подвело почву для девальвации идеи коммунизма.

Искусственный расцвет в экономике и противоречия застойного механизма в духовно-политической жизни привели к развалу Советского Союза, став непосредственным поводом к разворачиванию на казахской земле декабрьских событий 1986 года.

В последнее десятилетие Казахстан стал суверенным, независимым, членом мирового сообщества. Ошибается тот, кто считает, что в стране не существует проблем. Стержнем, становым хребтом истории суверенной страны стало достижение независимости - в политической, экономической, культурной, информационной, дипломатической и других сферах, защита внутренней и внешней безопасности, укрепление подлинной независимости государства.

Если говорить о проблемах, ждущих своего полноценного исследования, то к ним следует отнести строительство демократического светского правового государства в Республике Казахстан, место и роль Республики Казахстан в мировом сообществе, сохранение ценностей цивилизации, демократические перемены, эко-

номические реформы, пути развития культуры в новых условиях, начальный этап демократизации общества, казахская государственность и ее взаимоотношения с мировыми державами и другие.

Своего разрешения требует проблема периодизации XX века. Она должна основываться на определенных принципах. К ним следует отнести смену политической власти, изменение форм собственности, эволюцию социальной стратификации, наряду с этим видится верным обратить внимание и на трансформацию в сфере духовности и идеологии. Это может выглядеть следующим образом:

I период. Развитие капитализма в Казахской степи, усиление колонизации, начало реформаторского движения (1900—1916 гг.).

II период. Народно-освободительный фронт 1916 г.

III период. Революционный поворот, период социального и гражданского противостояния (февраль 1917—1920 гг.).

IV период. Период кооперативного социализма (1921—1928 гг.).

V период. Период тоталитарно-казарменного социализма (1928 г. — октябрь 1985 г.).

VI период. Декабрьское восстание, начало процесса возрождения народного духа.

VII период. Эпоха независимости (с 1991 г.).

Безусловно, эти периоды нельзя абсолютизировать. Например, следует понять правильно и тех, кто хотел бы выделить Февральскую и Октябрьскую революции 1917 г., Гражданскую и Великую Отечественную войны. Тем не менее, две революции в России и Гражданскую войну, также сопутствующие им явления как волнения народа, разделение общества на противоположные лагерь, открытие фронтов на территории Казахстана, кровопролитные войны, слом старых социальных институтов видится правомерным объединить в одном периоде. В годы Великой Отечественной войны советские люди защищали обретенный ими социализм, отстаивали его. Поэтому представляется правильным рассмотрение событий этих лет в совокупности.

* * * *

Как показали еще К. Маркс и Ф. Энгельс в “Манифесте Коммунистической партии”, мифов созданных против коммунизма и коммунистов было немало.

Давайте же опираться на историческую правду. Учение марксизма о социализме — великое достижение XX века. Экономическую теорию марксизма признали все цивилизованные народы. Неудачи социализма в России не означают полного отрицания марксистского учения.

В. И. Ленин — один из великих людей XX в.; как бы там ни было он оказал влияние на развитие всего человечества. Путь избранный им был трудным, общество обогрилось кровью, казарменный социализм не дал народам счастья. Правда и то, что он заложил основы великой империи, признанной всем миром. С другой стороны, созданная им Коммунистическая партия раскрыла в России возможности кооперативного социализма, подала пример управления страной в экстремальной ситуации (Гражданская, Великая Отечественная война, годы новой экономической политики), она освоила модель создания мобилизационной экономики, организовала разгром ненавистного всему роду человеческому фашизма, разработала стратегию и тактику сосредоточения людского, материально-технического потенциала в период великих строек. Вместе с тем, эта партия способствовала обретению народами политической свободы, содействовала собиранию “рассыпанных” казахских земель; пусть не полностью, но восстановила государственность, провела несколько поколений казахов через школу советской государственной системы, установила равенство женщин, возглавила научно-техническую политику, стала пионером в освоении космоса, сыграла прогрессивную роль в решении потребностей трудящихся социальной сферы. Мировой капитализм обрел большой опыт от деяний социализма, воспользовавшись социалистическими методами решения социальных проблем для введения революционных устремлений рабочего класса в ложе эволюционного развития.

Итак, в процессе создания истории XX в. необходимо отражать объективную истину. Коммунистический идеал — не призрак, это не только вчерашняя мечта миллионов людей, это историческое явление называемое их жизнью. Нельзя забывать и того, что сегодняшнее общество эпохи независимости вышло из лона того же социализма. Если мы заявим о своем проклятии дня прошедшего, очерним все, что было в прошлую эпоху, это будет выглядеть камнем, брошенным против наших собственных предков.

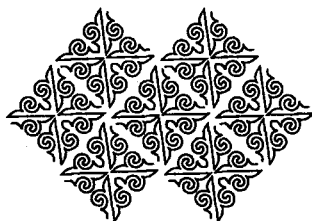
Опираясь лишь на справедливость, мы должны постичь уроки Отечественной истории, развенчать имеющиеся мифы, достичь истины. В этом, очевидно, и назначение, и долг казахстанских историков. Только тогда историческое сознание будущих поколений не будет заидеологизировано, вскормленные материнским молоком, утолившие жажду из чистого родника истории отцов и предков, они смогут обрести крылья и поднимутся ввысь.

**“Казахстанская правда”,
2000, 23, 24, 25 мая**

ЧАСТЬ II

НЕЗАВИСИМЫЙ КАЗАХСТАН: ОПЫТ И ПРОБЛЕМЫ

ДЕКАБРЬ 1986 ГОДА: ФАКТЫ И РАЗМЫШЛЕНИЯ

Десять лет отделяют сегодня нас от драматических и героических декабрьских дней 1986 года. В те дни казахская молодежь, проявив гражданское мужество, осознав себя наследником свободлюбивых предков, открыто бросила смелый вызов господствовавшему десятилетиями, казалось “незыблемому” тоталитарному режиму. “Алма-Ата в декабре 1986 года продемонстрировала крах социалистической доктрины решения национального вопроса”, — сказал в своем докладе “Независимость Казахстана: уроки истории и современность” Президент Республики Казахстан Н. А. Назарбаев. Декабрьское выступление молодежи прервало годы молчаливой безропотной покорности центру и сыграло колоссальную роль в развитии национально-демократического движения на всем пространстве бывшего СССР. Декабрьское восстание 1986 г. в Алма-Ате породили чрезвычайно разнообразные оценки и отклики, нередко в них правда прикрывалась неправдой, прямой фальсификацией, объективная действительность подменялась мифами. Пришло время дать объективную научную оценку этим событиям, показать их значимость и масштабность, определить их место в истории становления суверенного Казахстана.

I. — К оценке декабрьского восстания 1986 г.

Минуло первое десятилетие с момента массового выступления молодежи в Алматы 1986 года. Однако до сих пор декабрьский феномен, некогда взбудораживший весь мир, не получил справедливой объективной оценки. Это и понятно. Во-первых, прошло с тех пор всего десять лет, не улеглись еще страсти, живы участники

двух противоборствующих сторон. Во-вторых, властвующая структура в период своей агонии предприняла целенаправленное уничтожение документов, характеризующих общую динамику исторического процесса тех дней. В статье “В декабре на площади Брежнева” корреспондент “Комсомольской правды” А. Мурсалиев приводил свидетельства, подтверждающие акцию уничтожения документов. Вот лишь два из них: “За истечением срока действия как утерявший практическое значение план действий в период проведения операции “Метель” (вх. № 1095, на 27 листах) уничтожен путем сожжения. Подполковник внутренней службы Калинин А. И.”

“Министру внутренних дел Казахской ССР т. Берсеневу М. Т. ... После беседы 4 июня с. г. в комиссии Ваш заместитель Э. О. Басаров дал распоряжение уничтожить интересующие комиссию документы: оперативную сводку о лицах, причастных к декабрьским событиям. Документы уничтожены 14 июня “как утратившие практическое значение и не имеющие исторической и научной ценности”. М.Шаханов”². И, наконец, в-третьих, в изучении истории декабрьских дней пока еще не участвовали исследователи обществоведы.

Как явствуют факты, основу будущей концепции декабрьского восстания молодых реформаторов конца XX века заложила Система. Молодежь еще митинговала на площади им. Л.Брежнева, лицом к лицу встречалась с руководящей элитой республики, а Политбюро ЦК КПСС 18 декабря 1986 года спешно подготовило документ, который назывался “Мероприятия в связи с событиями в Алма-Ате”. Так декабрьский феномен ЦК КПСС свел к “событиям” националистического толка. Власти квалифицировали происходившее как бунт, как проявления “махрового национализма”, как беспрецедентные действия хулиганствующей молодежи, “как буйство бесчинствующей толпы”³. В официальной прессе подчеркивалось, что в “декабрьских событиях” повинны молодые казахские националисты, экстремизм которых был подогрет “наркотиками и водкой”⁴. Постановлением ЦК КПСС (июль 1987 г.) феномен декабря 1986 г. был оценен как “выступление казахов против русских”. Так ярлык национализма был присвоен всему народу. Впоследствии в своей лекции, прочитанной в университетах Шве-

² Алма-Ата. 1986. Декабрь. Алма-Ата, 1991, с. 39

³ “Казахстанская правда”, 1988, 8 июня. “Вечерняя Алма-Ата”, 1986, 20 декабря.

⁴ Декабрь 1986. Книга-хроника (вторая). Алма-Ата, 1992, с. 17

ции — в Стокгольме и Упсале (ноябрь 1990 г.), Англии “в Глазго, Данди (январь 1991 г.) председатель Комиссии Президиума Верховного Совета по окончательной оценке событий декабря 1986 г. Мухтар Шаханов подтвердил, что “специально командированный в Алма-Ату в те дни, бывший член Политбюро ЦК КПСС Соломенцев М. С. внес собственный вклад в толкование декабрьских событий, извратив их суть. Не без его участия во всех средствах массовой информации СССР сообщалось о хулиганских, националистических вылазках алкоголиков и наркоманов”⁵. Противоборствующая сторона оценила феномен декабря как “декабрьские события”, как “мощный протест против насилия колониализма”. Американская Хельсинская группа квалифицировала “декабрь 1986 года” как “волнение”, как “первое крупное проявление народного гнева с момента прихода к власти Михаила Горбачева”⁶. Хельсинская группа признала “массовые беспорядки” в Алма-Ате в 1986 году “крупным историческим событием не только для Казахстана, но и в масштабах СССР. Этот новый период характеризуется частыми вспышками волнений в разных местах, сопровождающимися насильственными действиями”⁷.

Один из последовательных исследователей истории декабрьских дней 1986 года К.Табеев справедливо отмечал, что 14 декабря 1825 года на Сенатской площади Санкт-Петербурга за участие в восстании против царского правительства, декабристы были жестоко наказаны. “...В истории Советского государства впервые выступили наши декабристы (так они называют сами себя), выразили решительный протест против колонизаторской политики и произвола административно-командного центра... Хотя между этими двумя событиями лежит промежуток времени в полтора века, мне все время кажется, что тут имеет место какая-то закономерная связь времен и явлений”⁸.

Среди многочисленных публикаций, посвященных декабрьским дням 1986 года хотелось бы особо отметить статью Торехана Даниярова “Жизни, прерванные “Метелью”. Автор пишет “Ав-

⁵ Алма-Ата. 1986. Декабрь. Книга-хроника. Алматы, 1991, с.23

⁶ Conflkt in the Soviet Union: the unfold Story of the clashes in Kazakhstan. Oktober 1990. A. Helsinki Watch Report.

⁷ Там же.

⁸ Независимость Казахстана: уроки истории и современность. Доклад Президента Н.А.Назарбаева на торжественном собрании, посвященном 5-летию независимости Республики Казахстан// Казахстанская правда, 1996,17 декабря.

густовская революция 1991 года в городе Москве перекликается с Алма-Атинским декабрьским восстанием 1986 года. Несомненно то, что эти два исторических, события войдут в летопись эпохи как революционные шаги”.

Автор книги “Желтоксан ызгары” Т. Бейскулов считает декабрьские события “явлением”, которое рано или поздно произошло бы в истории Советской власти ¹⁰.

Интересная публикация опубликована на страницах газеты “Бірлесу” Джаныбека Азат под названием “Извлечь полезные уроки”. Автор обратил внимание на одну характерную деталь, ясно указывающую на имеющийся комплекс внутриказахских противоречий. Джаныбек Азат отмечает, что “то, что произошло, видимо, так или иначе, подспудно копилось” И движущей силой, точнее ее проявлением, в любом случае стала бы аульная молодежь.

Не секрет, что городское казахское население, включая молодежь, активного участия в событиях, непосредственно на площади, не принимало.

Что есть такое городской казах, не поддержавший 10 лет назад своих соплеменников, сверстников. Прежде всего — это казах, родившийся и сформировавшийся в городе. Он зачастую оторванный от родного языка, а значит, в какой-то мере и от корней, сохраняет свою “казахскость” где-то на уровне бессознательного, генетического. Пора бы уяснить: городской казах, это не просто казах, это казахстанец, это натурализовавшийся продукт. Все равно, что индеец, покинувший резервацию и ставший американцем. У городского казаха масса привычек (а привычки, зачастую, что установки), стиль жизни, во многом не совпадают с теми, что есть и были, скажем так, у природных казахоязычных казахов, чье сознание мало трансформировалось с тех времен, когда их общие с “асфальтными” предки еще и не представляли о том, что им несет двадцатый век.

Все это говорит о том, что аульная молодежь, испытывавшая социальную неустроенность казахов в городах, открытый курс на русификацию, несправедливость при поступлении в ВУЗы, в выборе специализации на заводах и фабриках, трагедию обучения

⁸ Алма-Ата, 1986. Декабрь. Книга-хроника, с. 27

⁹ Там же, с. 112 (Там же, с. 143)?

¹⁰ См. Бейскулов Т. Желтоксан ызгары, Алматы, 1994, с. 3

на казахском языке и самого казахского языка — все это разделило аульную молодежь от городских “асфальтных” казахов”¹¹.

Комиссия Верховного Совета Казахской ССР работала с января 1990 года (председатель М. Шаханов). К ее деятельности были привлечены более 200 квалифицированных специалистов — юристы, медики, социологи, политологи, философы, демографы, экономисты, сотрудники правоохранительных органов, представители творческой интеллигенции и общественных организаций — Латвийской лиги прав человека, общественного Комитета по проблемам Арала, Балхаша и экологии Казахстана, антиядерного движения “Нева-Семипалатинск”¹². Как отмечено в документе, составленном ею, она “исследовала причины, истоки, характер, масштабы событий во всех проявлениях и последствиях” и составила “Заключение” по окончательной оценке декабрьских событий 1986 года в Алма-Ате и других областях Казахстана”. Она пришла к выводу: “Выступление казахской молодежи в декабре 1986 года, национальное по форме, не было националистическим. Оно не было направлено против других народов, в том числе против русского. Декабрьские волнения в Алма-Ате — это по сути дела первое в стране столкновение двух сил: молодой, неокрепшей демократии и административно-командной системы, которая в то время была еще сильна”¹³.

Как видно из далеко неполного обзора, декабрьский феномен в Заключении Комиссии “окончательно” квалифицирован как “декабрьские волнения”. Она приняла таким образом на вооружение оценку Американской Хельсинской группы.

Президиум Верховного Совета Казахской ССР на основе Заключения Комиссии 24 сентября 1990 года принял постановление “О выводах и предложениях Комиссии по окончательной оценке обстоятельств, связанных с событиями в городе Алма-Ате 17-18 декабря 1986 года”. В нем Президиум Верховного Совета отметил, что “выступление казахской молодежи в декабре 1986 года в Алма-Ате не было националистическим и в начальной стадии не носило противоправный характер. Непосредственной причиной протеста молодежи послужили откровенное пренебрежение мнением населения и партийных масс республики со стороны центра, направившего первым секретарем ЦК Компартии Казахстана по стереотипу

¹¹ Бірлесу. 1996, 13 декабрь

¹² Алма-Ата, 1986. Декабрь. Книга-хроника. Алматы, 1991, с.76

¹³ Заключение Комиссии Президиума Верховного Совета... с.1

доперестроечных времен малоизвестного в республике партийного работника, недооценка возросшего самосознания народа”¹⁴.

Президиум одобрил выводы Комиссии о том, что “узким кругом лиц из центра решался вопрос о переброске в Алма-Ату спецчастей внутренних войск из других регионов, о применении силы для подавления демократии”¹⁵.

Президиум Верховного Совета Казахской ССР отметил также, что “вооружение рабочих дружинников по указанию партийных органов палками, металлическими прутьями и обрезками кабеля придало событиям характер противостояния сторон по национальному признаку. Это стало одной из серьезных политических ошибок тех дней”¹⁶.

Декабрьскую расправу над невооруженным народом Президиум квалифицировал “грубым политическим просчетом со стороны союзного правительства и руководства республики”.

Вместе с тем Президиум как бы оправдывал применение силы против демонстрантов, обвинив молодежь в срыве диалога, которым перерос в результате нетерпения и агрессивности “в прямые оскорбления и хулиганские выходки по отношению к руководителям республики, вышедшим к микрофонам на трибуне, стали звучать противоправные призывы, начались стычки с силами охраны порядка, забрасывание их камнями, поджоги машин и другие нарушения”¹⁷.

Справедливости ради отметим, что Президиум Верховного Совета при этом опирался на выводы самой Комиссии. В Заключении было записано: “Действия части демонстрантов нередко выходили за рамки законного поведения. При попытках диалога с руководителями республики демонстранты проявили по отношению к ним отсутствие политической культуры, нетерпимость, недопустимое неуважение, вплоть до прямых оскорблений и хулиганских выходок. Оказывая неповиновение силам охраны порядка, оскорбляли их, вступали с ними в стычки, драки, забрасывали камнями, наносили им телесные повреждения. Имели место безответственные, провокационные призывы к незаконным действиям, поджоги автомашин, повреждение зданий”¹⁸.

¹⁴ Алма-Ата, 1986г. Декабрь. Книга-хроника. Алма-Ата, 1991, с.3

¹⁵ Там же

¹⁶ Там же

¹⁷ Алма-Ата, 1986. Декабрь. Книга-хроника, с.4

¹⁸ Заключение комиссии, с. 12.

Постановление Президиума Верховного Совета Казахской ССР от 24 сентября 1990 г. было первым официальным утверждением статуса декабрьского феномена, признавшего мирный, демократический характер демонстрации, манифестации молодежи, выступившей против насилия Центра. Верховный Совет признал работу Комиссии по окончательной оценке обстоятельств, связанных с событиями в I Алма-Ате 17-18 декабря 1986 года, завершённой.

В условиях сохранявшегося господства Системы Комиссия Верховного Совета под председательством М. Шаханова совершила высокий гражданский подвиг, осудив действия Центра, национальную политику КПСС, излечив тем самым раны подвергшихся репрессиям декабристов и облегчив в какой-то мере их страдания и самое главное — сняла чудовищное обвинение с нации — в национализме.

В историографии проблемы особое место занимает научная конференция, посвященная 10-летию декабрьских событий в Алма-те. В статье “Суровое испытание накануне перемен”, опубликованной на страницах “Казахстанской правды” и “Егемен Казак-стан”, основой которой является доклад на конференции, Абиш Кекильбаев — Государственный секретарь Республики Казахстан дал политическую оценку декабрьскому феномену 1986 года. На вопрос: “Что это было: революция? Восстание, движение? Рядовое событие?” автор статьи одновременно оценивает его “реформаторским движением”, “декабрьским событием”, “неординарным декабрьским выступлением”, “социальным движением”. Наконец, он считает, что “события декабря 1986 г. можно и следует охарактеризовать как восстание. Конечно, классическое определение восстания включает такие признаки, как массовость, применение со стороны выступающих насилия, организованности в действиях и наличие штаба повстанцев, материальная, техническая, военная подготовка и так далее. Тем не менее декабрьские события есть восстание. Восстание, которое, несмотря на стихийность и неорганизованность, предопределило весь ход дальнейших общественно-политических процессов. Восстание, положившее начало широкому социальному движению”¹⁹.

В первые в литературе А. Кекильбаев сделал попытку раскрыть причину декабрьского взрыва в Алма-те. Автор справедливо

¹⁹ Независимый Казахстан: декабрь 1986 года. Алматы, 1996, с.9-10. “Казахстанская правда”, 1996, 12 ноября.

считает, что “политизация общества, подкрепленная ориентиром на демократизацию общества, разбудила в сознании людей чувство национального самосознания. На окраинах великой державы происходили переосмысление принципа национальной политики, которая велась КПСС”. Однозначно автор утверждает, что причины выступления молодежи носят более фундаментальный характер. “Сверхцентрализованная система управления огромной страной начала давать серьезные сбои, концепция всезнающего всевластного центра стала анахронизмом. На повестке дня встал вопрос о представлении больших полномочий регионам для решения местных проблем, специфику которых лучше знали местные кадры”.

А. Кекильбаев справедливо считает, что “обнаружились противоречия между командно-административной, плановой экономикой и потребностями дальнейшего экономического роста”, одновременно проявилось “противоречие между провозглашенными Горбачевым демократическими переменами и реальным их отсутствием”. Докладчик полагает, что “другой причиной выступления можно назвать изменение представлений людей о человеческом достоинстве, о демократии, о правах человека, о национальной гордости. Как точно отметил Президент Республики Казахстан Н. А. Назарбаев: “Декабрьские события 1986 года показали, насколько выросло самосознание казахской молодежи. Она первой преодолела страх перед тоталитарной системой, которая почти столетие заставляла жить народы в казарменном режиме. Молодежь от имени своего народа открыто заявила, что больше не допустит поправки чувства национальной гордости, присущего любой нации”²⁰.

Автор, подводя итоги всему сказанному, отмечает, что “декабрьские события имели объективные предпосылки, вызревшие в недрах тоталитарного режима, явившиеся последствием ошибочной национальной политики. В заключении А. Кекильбаев пишет: “Декабрьские события в Казахстане взорвали молчаливое сопротивление союзных республик диктату центра, нарушили “затишье перед бурей”. В Алма-Ате начался процесс развала “колосса на глиняных ногах”, казавшегося со стороны незыблемой коммунистической империей. С этой точки зрения движение можно расценивать, во-первых, как событие, имевшее внутринациональное

²⁰ Назарбаев Н.А. На пороге XXI века. - Алматы, 1996, с.37

значение (пробуждение национального самосознания), во-вторых, как событие общесоюзного масштаба (давшее толчок к суверенизации союзных республик), в-третьих, как явление мировой значимости (начало распада “социалистического лагеря”).

Полагаю, что работа А. Кекильбаева является первой серьезной попыткой осмыслить декабрьский феномен спустя десять лет после тех декабрьских трех дней 1986 года. Думается, что заслугой автора является рассмотрение декабрьского движения в контексте распада всей социалистической системы, как составной части анти-социалистического движения социалистического лагеря в целом. Автор определил декабрьский феномен прологом тех великих перемен, которые произошли в конце 80-х — в начале 90-х годов во всей социалистической системе. Он совершенно прав, когда считает, что декабрь 1986-го ускорил процесс консолидации казахской нации, усилил степень этнической идентичности.

В статье А. Кекильбаева не рассматриваются движущие силы движения, его динамика, антинародная сущность системы в процессе его подавления. Такая задача не стояла перед автором. Он встал выше Заключения Комиссии Президиума Верховного Совета, определив впервые статус движения, его место в истории освободительного движения конца XX века.

На конференции выступил М. Шаханов. Он декабрьский феномен одновременно называет “восстанием” и “событием”. Он впервые сообщает, что в те грозные дни около 400 киргизских джигитов предприняли поход в Алма-Ату, но были задержаны на казахско-киргизской границе²¹.

Заслуживает внимания на конференции доклад С. Касымова: “Политико-правовые уроки декабрьских событий”. С. Касымов совершенно прав, когда утверждает, что “политическая и правовая оценка была не только односторонней и поверхностной, но и антинаучной. Она была навязана обществу тогдашним режимом и в оправдание тех карательных мер, которые были применены для насильственного подавления народного протеста”²². Автор этих строк полностью разделяет точку зрения докладчика о том, что “здесь важно снять все искусственные наслоения, комплексы, предрассудки, приводящие к полярным противоположным позици-

²¹ Независимый Казахстан: декабрь 1986 года (К 10-летию декабрьских событий 1986г.) с. 27-28

²² Там же. С 71.

ям. Многие, кто не занимался специально анатомией декабрьских событий, просто путаются в хронологии и деталях и не могут понять, где ложь, а где правда”²³.

С. Касымов особо акцентирует внимание на всеказахстанском характере выступления молодежи, считает, что “около 60% движущей силы восстания составляли молодые рабочие и представители интеллигенции”²⁴. Впервые в литературе докладчик выдвинул версию, что “декабрьские (1986г.) события в Казахстане — это массовое, демократическое, национально-освободительное, политическое восстание народа за самостоятельность и свободу республики, против длительного и тотального ущемления национальных прав казахского народа”²⁵.

С.Касымов впервые называет имена тех, кто стоял у истоков декабрьского феномена — Курмангазы Айтмурзаева, Бахтыбека Имангожаева, Усупхана Сейтембекова, Аманбая Канетова, Ертая Кобеспаева, Ербола Спатаева, Лязат Асановой, Сабиры Мухамеджановой, Ирека Дауранова и др. Впервые докладчик сделал достоянием общественности масштабы политической репрессии²⁶.

В докладе С. Касымова был затронут вопрос об оценке личности Д. А. Кунаева: “Касаясь уроков тех зимних событий, мы не можем обойти фигуру такого политического деятеля, как Д. А. Кунаева. Безусловно, что он был очень видным деятелем в истории Казахстана, при нем и при его активном участии возросла экономическая мощь республики, строились новые города. Но при нем же погибли Арал, гремели взрывы на семипалатинском полигоне, в жалком положении оказался казахский язык. Поэтому мы должны сказать и о его ошибках, особенно когда это касается наших национальных интересов. На его ошибках мы должны предупреждать, воспитывать будущих руководителей Казахстана, не умаляя при этом других заслуг”²⁷.

Заслуживает внимания положение С. Касымова, что “одним из важнейших уроков тех дней должно быть переосмысление и оценка действий казахстанской интеллигенции. Возможно, из-за многолетней репрессивной политики властей — вспомните судьбы

²³ Там же.

²⁴ Там же, с.72

²⁵ Там же, с.73

²⁶ Там же.с.76-77

²⁷ Там же, с.

А. Букейханова, А. Байтурсунова, М. Дулатова, Е. Бекмаханова, тотального промывания мозгов, и возможно, из-за самой незрелости этого образованного слоя — казахстанская интеллигенция не стала лидером декабрьских событий, ее вдохновителем, но еще хуже проявила себя в последекабрьские дни²⁸.

Полагаю, что причин здесь много. Во-первых, движение было молодежным. Здесь вступает в права поколенческая проблема. Молодая поросль явственно почувствовала аромат свободы, демократии, приближение нового времени. Во-вторых, нация была поражена подданнической психологией со времен колониализма. Она еще более подавила волю нации при тоталитаризме. Система всеобщего страха и рабства, инерция подданнической рабской психологии парализовала волю значительной части народа. В-третьих, интеллигенция была уже не единой, в 70–80 гг. ржавчина трайболизма разъедала ее изнутри. Одна часть интеллигенции старшего поколения ждала перемен в руководстве республики и считала ее в перспективе неизбежной. В-четвертых, режим был многоопытным, он использовал испытанный механизм раскола нации, методы репрессий 1937–1938 гг. В-пятых, некоторая часть интеллигенции все еще верила системе, считала все это закономерным процессом развития. И, наконец, сказался менталитет народа, видевшего во всем этом рок, волю всевышнего, полагавшего, что все перемелется. Так или иначе, мы должны учесть, что общество вышло из недр колониализма и тоталитаризма. Нужно было время для того, чтобы плод созрел.

Декабрьский феномен привел в движение весь мир. Запад считал советскую Азию сонным краем. “Некоторые американские ученые-исследователи считали, — писал С. Сейбол, — что демонстрация имела национальную окраску и, возможно, некоторую религиозную значимость. В силу того, что отношения Америки с исламскими государствами далеко не хорошие, многие исследователи отреагировали негативно, поверив в то, что демонстрация имела религиозные мотивы. Поступившая информация о том, что призывы и плакаты гласили: “Казахстан — для казахов”, приводила многих к мысли о том, что демонстрация имела антирусский характер, и, следовательно, национальный вопрос не был решен. Национальный вопрос вышел на первые позиции не в истории

²⁸ Там же, с. 77

Украины или Прибалтики, которая изучалась в Соединенных Штатах, а в Центральной Азии — регионе, малоизученном”²⁹.

Председатель Алматинского Хельсинского Комитета Н. К. Фокина в статье “Права и свободы человека — уроки декабря 1986 г.” справедливо считает, что “декабрьские события 1986 г. в Казахстане, — одна из трагических страниц нашей истории — высветили главные признаки близкого конца тоталитарного режима”, что система “наглядно продемонстрировала свою антинародную сущность и прежде всего полное пренебрежение к международным нормам в области прав и свобод человека и к собственной Конституции”³⁰.

Н. К. Фокина, ссылаясь на текст “Заключения Комиссии Президиума Верховного Совета Казахской ССР по окончательной оценке декабрьских событий 1986 г. в Алма-Ате и других областях Казахстана”, приводит перечень массовых нарушений прав и свобод, провозглашенных во Всеобщей декларации прав и свобод человека и закрепленных в Международном Пакте о гражданских и политических правах:

Статья 1 Декларации и Пакта — Право на равенство в достоинстве и правах.

Статья 2 и 7 Декларации и статья 2 Пакта — Право на недискриминацию (в том числе по национальному признаку).

Статья 3 и 9 Декларации и статьи 6 и 9 Пакта — Право на жизнь, свободу и личную неприкосновенность, свобода от произвольного задержания, ареста или изгнания.

Статья 5 Декларации и статья 7 Пакта — Свобода от пыток и жестокого, бесчеловечного или унижающего человеческое достоинство обращения и наказания.

Статья 8 Декларации и статья 2 Пакта — Право на эффективное восстановление конституционных прав.

Статья 10 Декларации — Право на гласный, справедливый, независимый и беспристрастный суд.

Статья 11 Декларации и статья 14 Пакта — Право на невиновность до решения суда.

Статья 12 Декларации и статья 17 Пакта — Свобода от произвольного вмешательства в личную жизнь, неприкосновенность жилища, чести и достоинства, тайна корреспонденции.

²⁹ Независимый Казахстан. Декабрь 1986 года, с.98

³⁰ Там же, с.113

Статья 13 Декларации и статья 12 Пакта – Свобода передвижения и выбора места жительства.

Статья 17 Декларации – Свобода от произвольного лишения имущества.

Статьи 18 Декларации и Пакта – Право на свободу мысли, совести и религии.

Статьи 19 Декларации и Пакта – Свобода убеждений, выражения, поиска, получения и распространения информации.

Статья 20 Декларации и статьи 21, 22 Пакта – Свобода мирных собраний и ассоциаций.

Статья 21 Декларации и статья 25 Пакта – Право на участие в управлении страной непосредственно или через избранных представителей, на равный доступ к государственной службе.

Статья 23 Декларации – Право на труд, на свободный выбор работы.

Статья 26 Декларации – Право на образование.

Статья 28 Декларации – Право на социальный и международный порядок, обеспечивающий полное осуществление прав и свобод.

Статья 29 Декларации – Свобода от произвольного ограничения прав”³¹.

В настоящей публикации автор обращает свои взоры на внутреннюю динамику движения, делает попытку уточнить характер движения, раскрыть его движущие силы, обратить внимание исследователей на слабо изученные аспекты проблемы, разоблачить антинародные акции режима, сколотившего карательную экспедицию и развернувшего крупномасштабную тотальную репрессию нации.

II. Периодизация Декабрьского восстания и его характер.

Что же произошло 17-18 декабря 1986 года в Алма-Ате – бунт или мирная демонстрация, акция протеста, событие или явление, волнение или восстание, “выступление казахов против русских” или “действие “хулиганствующей молодежи”? Настало время определиться, высказаться по этому вопросу историкам-летописцам.

Чтобы понять суть происходящего в течение трех дней декабря, на наш взгляд, необходимо рассмотреть события в хронологической последовательности – поэтапно.

³¹ Там же, с.113-114.

1-й этап – подготовительный. По данным КГБ Казахской ССР 12 студентов театрально-художественного института в ночь с 16 на 17 декабря в восьми общежитиях шести ВУЗов города и завода им.С. М. Кирова “провели провокационную подстрекательскую работу”. Они, по агентурным сведениям КГБ, “склонили” молодежь к участию в манифестации, “изготовили и вынесли на улицы провокационные лозунги и плакаты”³². Факты подтверждают, что декабрьский феномен в ночь с 16 на 17 декабря 1986 года во многом напоминает подготовительный этап Целиноградского июньского события 1979 года.

Таким образом, первый этап трех декабрьских дней 1986 года охватывает весьма короткий исторический отрезок времени – ночь с 16 на 17 декабря. Его можно охарактеризовать ночью ожидания, надежды, трепетных волнений, ночью подготовки к встрече лицом к лицу с властвующей Системой. Тогда молодые демократы-реформаторы не предполагали, что они стоят у истоков целого исторического этапа, ознаменовавшегося распадом системы, являются зачинателями Декабрьского движения, приведшего в действие демократические силы во всех национальных регионах бывшего Союза.

II этап с 7-8 часов – до 18 часов 17 декабря – этап выхода на улицу, этап микро, макромитингов, демонстрации протеста, манифестации по улицам города. Этап диалогов демонстрантов с партийными, комсомольскими работниками, ректорами и деканами ВУЗов, работниками силовых структур, этап собирания сил противоборствующих сторон. “Да здравствуют идеи Ленина!”, “Каждому народу – своего вождя!”, “Никаких преимуществ ни одному народу, ни одному языку!”, “Мы не за насильное, а свободное (добровольное) сближение народов”, “Да здравствует Казахстан!” – эти и другие транспаранты с аналогичными лозунгами, портреты В. И. Ленина свидетельствовали, что они выражали суть теории марксизма-ленинизма по национальному вопросу³³. Впоследствии “Комиссия Президиума Верховного Совета по окончательной оценке декабрьских событий” констатирует: “В колонне слышался смех, ребята-девушки пели песни. Колонна шла в сторону площади. Все напоминало марш мира... В руках у демонст-

³² Казахстанская правда, 1988, 8 июля; “Зан”, 1996, 16 казан.

³³ Заключение Комиссии Президиума Верховного Совета, с.2

рантов были лозунги “Каждому народу — своего вождя”, “Да здравствует ленинская национальная политика”, портреты Ленина”³⁴.

Одновременно с пополнением рядов демонстрантов происходила концентрация сил властвующих структур. По данным Американской Хельсинской группы, численность участников протеста составляла около 30 тысяч³⁵. По официальным данным максимальное количество демонстрантов на площади составило от 3-х до 5-ти тысяч человек. По данным же комиссии Верховного Совета Казахской ССР численность демонстрантов в 13-30 составляла 1200-1400 до 5000 человек³⁶.

III этап — этап противоборства сторон, этап обороны, защиты демонстрантов от штурма карателей, этап перерастания демонстрации в вооруженное восстание (17 декабря с 18-00 час — 18 декабря).

17 декабря 1986 года к 18 часам по данным Американской Хельсинской группы на площади находилось около 10 тысяч человек³⁷. Комиссия Верховного Совета в своем Заключении ссылаясь на утверждение очевидцев, полагает, что число демонстрантов доходило до 15 тысяч человек³⁸.

К этому времени в основном закончилось формирование сил умиротворителей, точнее армии карателей. Следует отметить, что и по этому вопросу в литературе нет единого мнения. Американская Хельсинская группа утверждает, что против демонстрантов были брошены 50 тысяч военнослужащих (армия и внутренние войска) и 20 тысяч милиционеров³⁹. По утверждению автора книги “Желтоксан ызгары” Т. Бейскулова, на площади были сосредоточены 50 тысяч военнослужащих, 20 тысяч милиционеров и 16 тысяч дружинников⁴⁰. При этом следует иметь в виду, что Хельсинская группа работала одновременно с Комиссией Верховного Совета КазССР, а книга Т. Бейскулова издана после работы Комиссии спустя два года. Сама же Комиссия утверждает, что для проведения операции были привлечены силы и средства Алма-Атинского

³⁴ Там же

³⁵ Алма-Ата. Декабрь 1986. Книга-хроника (вторая), с.20; A.Helsinki Watch Report, p.5

³⁶ Заключение Комиссии ..., с.9,31

³⁷ Декабрь 1986. Книга-хроника (вторая), с.20

³⁸ Заключение комиссии, с.31

³⁹ Алма-Ата. Декабрь 1986. Книга-хроника (вторая), с.20; A.Helsinki Watch Report, p. 14

⁴⁰ Бейскулов Т. Желтоксан ызгары, с.9

гарнизона в количестве 5700 человек. Кроме того были введены внутренние специальные войска МВД СССР: в/ч 5449, в/ч 7552 — г. Алма-Ата, в/ч 6654 — Кара-Кемер Алма-Атинской области, в/ч 5450 — г. Фрунзе, в/ч 3408 и 5452 — г. Ташкент, в/ч 5426 — г. Челябинск, в/ч 5427 — г. Новосибирск, в/ч 5424 — г. Уфа, войсковые части из г. Свердловска и Тбилиси — всего 2169 человек. “Вместе с рабочими дружинами, — читаем мы в Заключении Комиссии, — численность которых оценивается по разным источникам от 10 до 15 тысяч человек, общая численность сил охраны порядка в дни декабрьских событий составила от 19 до 24 тысяч человек”⁴¹.

В одной из публикаций К. Табеев по существу подтверждает низкий потолок Заключения Комиссии, называя цифру — 15 БРТ, 7618 усмирителей в форме (включая милицию) и 10 тысяч добровольных дружинников⁴².

Таким образом, исследователи истории декабрьских дней 1986 года в Алма-Ате называют цифру от 18 тысяч до 86 тысяч человек. Думается, что цифра, которая значится в Заключении Комиссии Президиума Верховного Совета КазССР явно занижена. Комиссия по всей видимости пользовалась искаженными источниками, которые были заранее подготовлены специально для нее.

Достаточно сказать, что в Алма-Ате корпус правоохранителей тогда составлял 11 тысяч человек, корпус так называемых дружинников объединял 16 тысяч рабочих, вооруженных холодным оружием, Алма-Атинский гарнизон имел 5700 военнослужащих. Таким образом, не считая курсантов военных училищ, других воинских подразделений особого назначения, столица поставила на охрану правопорядка около 33 тысяч человек. По всей видимости, Москва подбросила карательный корпус в лице частей внутренних войск не менее 5-6 тысяч солдат и офицеров особой выучки. По нашим подсчетам Соломенцев. Колбин и КЭ направили на расправу демонстрантов около 40 тысяч штыков. В течение 18-го декабря и далее, по выражению главы Комитета КГБ КазССР В. М. Мирошника “пошла охота на людей” по национальному признаку. Комиссия в целом правильно уловила замысел Колбина и КГБ. Она в своем Заключении отметила:

⁴¹ Заключение Комиссии ..., с.31

⁴² Алма-Ата. 1986. Декабрь. Книга-хроника (вторая), с.20

“Перед дружинниками не ставилась задача охранять ювелирные магазины, банки, почту, телеграф — их вывезли на охрану партийных зданий и в оцепление на площади и улицах.

Вооружение — обрезки арматуры, кабеля, труб, цепи, палки и т. д. — изготавливалось на заводах города и раздавалось в горкоме и райкомах партии. Это подтверждают многочисленные свидетели из числа дружинников и руководителей предприятий.

Каждому райкому города было дано указание сформировать дружины по 2000 человек.

Впоследствии, чтобы оправдать массовые избиения демонстрантов, случайных прохожих и зрителей, руководство пошло на прямую фальсификацию. Изъятые у рабочих отрядов и брошенные ими металлические штыри, куски кабеля, труб, арматуры и прочее фотографировали и предъявляли общественности, высшему руководству в ходе следствия и судебных разбирательств как орудия демонстрантов...

Хотя Г. В. Колбин и рекомендовал формировать дружины из лиц коренной национальности, сделать это было практически невозможно из-за национального состава рабочих и служащих города.

Впоследствии столкновения между демонстрантами и дружинниками приобрели уже выраженную межнациональную окраску⁴³.

Впоследствии Колбин Г. сочинил миф, что народ осудил экстремистов, защитил завоевания Октябрьской революции, отстоял социалистические ценности, в т. ч. “немеркнущую дружбу народов”⁴⁴.

Я далек от мысли идеализировать и восставшую сторону. Подавшись на провокации, незрелая часть демонстрантов призывала к погромам, появились антирусские лозунги. Возбужденные группы молодежи, вооруженные палками, врывались в общежития, учебные аудитории, силой выгоняли молодых людей. В городе начались стычки между группами молодежи, дружинниками и правоохранительными органами по национальному признаку⁴⁵.

Так или иначе, ясно одно, власти приложили все усилия для умирения демонстрантов и подготовились целенаправленно не “к разгону” демонстрации, как это значит в Заключении Комиссии⁴⁶, а кровавой бойне.

⁴³ Заключение Комиссии ..., с.30

⁴⁴ Алма-Ата, 1986. Декабрь. Книга-хроника. Алма-Ата, 1991, с.66

⁴⁵ См. Заключение Комиссии ..., с.31.

Карательная сила действовала по оперативному плану под кодовым названием "Метель 1986", разработанным на основании приказа Министра Внутренних дел СССР № 0385 от 19.12.1985 г., одобренным высшим руководством страны. Мало этого, операция карателей осуществлялась с личным участием и непосредственным руководством члена Политбюро ЦК КПСС М. С. Соломенцева.

В Заклучении Комиссии, в многочисленных публикациях дана хроника событий тех дней. Хроника, которую дала Комиссия, выглядит следующим образом:

"Первые группы молодежи собрались на площади перед зданием ЦК Компартии к 7-8 часам утра 17 декабря в количестве 200-300 человек с лозунгами, протестующими против решения Пленума ЦК.

По согласованию с ЦК Компартией Казахстана было принято решение оцепить площадь силами милиции и внутренних войск.

К 10-30 была объявлена боеготовность № 1 по Алма-Атинскому гарнизону, перекрыты железнодорожные вокзалы и аэропорт. Было решено выйти к демонстрантам, провести разъяснительную работу.

Демонстрация имела характер мирного политического протеста. Люди выражали недовольство избранием Г. В. Колбина, требовали выхода к ним Д. А. Кунаева, предъявляли претензии по поводу тяжелых социальных условий жизни, трудностей с жильем, с работой, ограниченности сферы применения родного языка. Люди несли портреты Ленина, пели народные песни, призывов к свержению государственного строя, хулиганских проявлений не было.

В 11-30 демонстранты покинули площадь и направились на городские улицы. Колонны сопровождались силами личного состава УВД и его подразделений.

В 13-30 колонны демонстрантов возвратились на площадь, преодолев по дороге заграждения из автомобилей. Их численность составляла от 1400 до 5000 человек. На площади к этому времени собрались молодые люди, не принимавшие участия в марше по городу, и любопытствующие прохожие. По улице Мира, со стороны КазГУграда на площадь вышла большая колонна молодежи"...

Был отдан приказ блокировать площадь, никого не впускать и не выпускать. Подходящие к площади новые группы демонст-

⁴⁶ Там же, с. 13

рантов прорывали оцепление, возникали стычки. Люди внутри оцепления помогали вновь прибывшим прорвать его, создавалось напряжение.

Министр внутренних дел Власов по согласованию с политбюро ЦК КПСС отдал приказ о переброске в Алма-Ату спецчастей внутренних войск из восьми городов страны.

На площадь прибыли воинские части. Экипировка — бронежилеты, каски, щиты, дубинки. В двух спецмашинах находились спецсредства — дымовые шашки, сигнальные ракеты, слезоточивый газ “Черемуха”, боевые патроны. Воинской части было придано отделение служебно-розыскных собак.

С 15 до 17 часов на трибуне находились члены Бюро ЦК КП Казахстана... Их призывы разойтись были встречены шумом, свистом, в сторону трибуны полетели снежки, куски льда.

Демонстранты оскорбляли солдат и курсантов, охраняющих трибуну, срывали с них шапки. Милиция выхватывала из толпы активистов, толпа пыталась их отбить, начиналась свалка.

Солдаты по приказу отгоняли толпу на площадь, она забросала их камнями, кусками штукатурки, облицовки, появились раненые.

В 17-00 на площадь прибыл личный состав АВКПУ КГБ СССР в количестве 600 человек, экипированный малыми саперными лопатками. Приказ на выдвижение курсантов-пограничников был отдан председателем КГБ СССР Чебриковым по просьбе председателя КГБ КазССР Мирошника.

В 18-00 по приказу министра внутренних дел КазССР Князева солдаты в касках со щитами и дубинками начали разгон демонстрантов. Люди разбегались, возникла сильная давка. Толпа, обороняясь, ломала деревья, выворачивала куски облицовки зданий. В военных летели палки, камни, машины “скорой помощи” увозили пострадавших с обеих сторон.

С трибуны, сменяя друг друга, выступали Камалиденов, Елемисов, Басаров, призывали собравшихся разойтись, предупреждали о применении силы. Стычки митингующих с правоохранительными органами переходили в ожесточенные схватки.

21-00 — 22-00. Доставленные на площадь военные машины со спецсредствами были забросаны камнями, охрана разбежалась, спецсредства попали в руки людей, находившихся на площади.

В 22-00 начальник УПО УВД города полковник Абдульманов получил приказ применять для разгона людей пожарные машины. 20 машин двинулись на людей, поливая их из лафетных стволов. Толпа забросала машины камнями, 30 пожарных получили ранения.

В 23-30 — 24-00 проведена операция по разгону демонстрантов с применением малых саперных лопаток, дубинок и служебных собак. Оставшиеся лежать на асфальте после проведения операции люди подобраны и увезены. Площадь очищена. Преследование убегающих с площади продолжалось на прилегающих улицах, в подъездах жилых домов, у общежитии с применением служебных собак.

Хроника двух дней, воссозданная Комиссией, дает основные утверждать:

1. Операцию “Метель 1986” нельзя считать операцией по разгону демонстрации, “оттеснению-вытеснению”. Операция была задуманной военно-политической авантюрой общегосударственного масштаба, характеризующая антинародную сущность политики правящей партии и Советского правительства.

2. Демонстранты соблюдали правопорядок до тех пор, пока усмирители не стали “выхватывать”, точнее вылавливать и изолировать лидеров движения. Демонстранты не смогли смириться с этим. Уличные бои, которые шли между противоборствующими сторонами, были навязаны властной структурой. У демонстрантов не было иной альтернативы кроме защиты. Таким образом равновесие, мир на площади нарушили усмирители, а не демонстранты. Кроме этого, в толпе находились провокаторы, которые всячески толкали демонстрантов на стычки с военными.

3. В Заключении Комиссии говорится: “В течение вечера (4-4,5 часов) прошло около 20 “волн оттеснения и вытеснения, с большим количеством пострадавших с обеих сторон”⁴⁷. Полагаю, что это было далеко не безобидным “оттеснением-вытеснением”, на самом деле шла неравная рукопашная битва демонстрантов с вооруженной до зубов военной карательной силой. Комиссия пишет: “В результате массовых беспорядков сожжено, повреждено 24 транспортных средства, выведено из строя 39 автобусов и 33 легковых такси, нанесен материальный ущерб 13 общежитиям, 5

⁴⁷ См. Заключение Комиссии с.31.

учебным заведениям, 6 предприятиям торговли, 4 административным зданиям”.

Здесь Комиссия допускает ряд неточностей. Во-первых - происходившее 17-18 декабря 1986 года она именует “массовыми беспорядками”. В действительности ее следует назвать кровавым побоищем, битвой за свободу и независимость. Во-вторых, демонстранты защищались (а не нападали), при этом проявили массовый героизм, взаимовыручку, не щадили себя, но не щадили и карателей.

Оппоненты органов силовых структур стараются доказать, что усмирители сражались с безоружными демонстрантами. При этом забывают, что оружием восставшего пролетариата всегда был булыжник.

Восставшие 17 декабря в 21-00 – 22-00 забросали военные машины камнями, захватили оружие и боеприпасы. Как отмечает Комиссия “вдоль площади, в сторону жилых домов, трибун, здания ЦК полетели ручные дымовые гранаты, шашки, сигнальные ракеты, взрывались брошенные в костры боевые патроны”⁴⁸. Факты свидетельствуют, что демонстранты отбивались отчаянно, нанеся вооруженным карателям ощутимые удары. Впоследствии прокурор республики Г. Б. Елемисов был вынужден признать, что телесные повреждения различной тяжести получили 772 работника правоохранительных органов⁴⁹. Чуть позднее на сессии Верховного Совета КазССР было отмечено, что получили телесное повреждение 609 милиционеров, солдат и дружинников⁵⁰.

Каратели воевали с демонстрантами по всем правилам военного искусства. Комиссия Президиума Верховного Совета так описывает ход битвы с демонстрантами: “17 декабря в промежуток времени от 18 до 22 часов было предпринято около 20 локальных операций по вытеснению, имевших характер стычек между демонстрантами и правоохранительными силами – обе стороны попеременно оттесняли друг друга по направлению от улицы Сатпаева за правительственные трибуны и обратно.

Три основных операции по разгону в этот день были проведены в 18 часов, в 22 часа (пожарными машинами) и в 23 часа 30 минут.

⁴⁸ Заключение Комиссии с. 12

⁴⁹ Бейскулов Т. Желтоқсан ызғары, 58-6; “Вечерняя Алма-Ата”, 1989, 19 августа

⁵⁰ Социалистик Қазақстан, 1989, 5 желтоқсан

Все операции 17 декабря проведены собственными силами и средствами Алма-Атинского гарнизона, спецчастями г.Алма-Аты. Непосредственное руководство ими осуществляли министр внутренних дел Князев Г. Н., его первый заместитель Басаров Э. О. и Председатель КГБ КазССР Мирошник В. М.

Первый разгон был предпринят около 18 часов с применением дубинок. Этот разгон положил начало переходу ситуации от неповиновения к массовым беспорядкам.

Для второго разгона, по согласованию с Бюро ЦК, первый заместитель министра внутренних дел СССР генерал-полковник Елисеев Б. К. принял решение применить водометы. Приказ об этом отдал первый заместитель министра внутренних дел КазССР Басаров Э. О. Выполнил приказ начальник управления пожарной охраны города Алма-Аты полковник Абдульманов М. А. На головы демонстрантов в декабрьский мороз обрушились струи холодной воды из 20 лафетных стволов. Эта противозаконная акция, противоречащая здравому смыслу и морали, не достигла цели, а только озлобила людей и вызвала ответные насильственные действия.

Последний разгон в 23 часа 30 минут проходил по схеме: впереди с криком "ура!" с малыми саперными лопатками курсанты Алма-Атинского командного высшего пограничного училища под командой начальника училища генерал-майора Карпова. За ними шли солдаты спецподразделений внутренних войск с дубинками, затем милиция. Упавших избивали, затем грузили в машины и увозили. Последними шли солдаты и милицейские кинологи с собаками, вылавливающие людей во дворах, подъездах домов. В 24 часа операция завершилась.

Собственно операция "Метель" по разгону молодежи была проведена 18 декабря в 20 часов 30 минут тремя сводными отрядами, усиленными бронетранспортерами и пожарными машинами. Общее руководство операцией осуществляли первый заместитель начальника внутренних войск МВД СССР генерал-лейтенант Дубиняк В. С., генерал-полковник Елисеев Б. К. и министр внутренних дел КазССР Князев Г. Н. Сводными отрядами командовали: заместитель начальника Восточного УВДТ генерал-майор Н. Т. Куликов (восточное направление), заместитель начальника УВД города Алма-Аты полковник К. Мусин (западное направление), замес-

титель министра внутренних дел КазССР полковник Б. А. Коряковцев (северное направление). Первый заместитель министра внутренних дел КазССР генерал-майор Э. О. Басаров, заместитель министра внутренних дел республики полковник С.Д.Сериков отвечали за общее руководство и командование сводными отрядами. В проведении операции было задействовано 5700 человек личного состава милиции и внутренних войск, 11 пожарных машин, 5 БТР (бронетранспортеры) от военного округа.

По свидетельству генерал-майора Куликова Н. Т., к началу операции личный состав органов внутренних дел был вооружен палками и обрезками кабеля”⁵¹.

Комиссия Президиума Верховного Совета республики выявила, что личный состав в/ч 7552 прибыл на площадь им.Брежнев-ва с оружием и боеприпасами (патронами, сигнальными осветительными ракетами, дымовыми ручными гранатами, шашками с баллончиками газа “Черемуха”). Машина ф 99-90 ОРК подверглась впоследствии нападению и сожжению.⁵² Для деморализации противника перед атакой включили мощные прожекторы. Были применены водометы, использованы служебные собаки.

4. Следует особо подчеркнуть, что расправа с восставшими была крайне жестокой. 20 бригад скорой помощи доставили в лечебные учреждения города 540 пострадавших, 209 человек были госпитализированы, получили телесные повреждения 1722 человека. По оценке Комиссии Президиума Верховного Совета общее количество задержанных составило около 8500 человек. Были подвергнуты допросам в Прокуратуре 5324, КГБ - 850 человек. Около 900 человек были наказаны в административном порядке по постановлениям судов, милицией и администрацией предприятий, учреждений и учебных заведений (аресты, штрафы, выговоры и т. д.). Предупреждены 1400 человек.

Официальные источники давали сведения о 264 отчисленных из учебных заведений. По справке министра народного образования (август 1990 года) число отчисленных составило 309, без учета студентов и учащихся учебных заведений, входящих в системы Минздрава и МПС.

⁵¹ Заключение Комиссии, с.31-33.

⁵² Там же, 35.

По линии ВЛКСМ было наказано 1922 человека (исключены 758, получили взыскания — 1164). Исключены из рядов КПСС — 53, наказаны в партийном порядке — 210 человек. Уволены с работы 319 участников событий. Осуждены приговорами судов 99 человек, из них двое — к высшей мере наказания.

Американская Хельсинская группа в своем заключении отмечает, что 243 человека были ранены в голову и шею. Много переломов рук и ног, а также травм, нанесенных тупым предметом. Некоторые получили ранения, характер которых свидетельствует, что они оборонялись от нападения. Например, перелом радиальной кости руки происходит, когда рукой прикрываются как щитом. Многие раненые отказались назвать свое имя, возможно, опасаясь наказания.⁵³

Подводя итоги тех трагических декабрьских дней, председатель Комиссии М. Шаханов неоднократно делал заявления о многочисленных жертвах расправы.

В статье “Диалог с Мухтаром Шахановым народным депутатом СССР “Литературная газета” 28 ноября 1990 года писала, что председатель Комиссии вновь подтверждает, что после декабрьских событий в течение года органами МВД было произведено 58 захоронений без указания фамилий захороненных и даже без номеров.⁵⁴ В обращении 17 общественных организаций и движений Казахстана к народным депутатам Казахской ССР, ко всем жителям республики сказано: “... 16 октября с. г. (речь идет о 1990 году — М. К.) в присутствии членов Казахстанского общественного комитета по правам человека, других представителей общественных объединений, а также корреспондентов центральных газет, народный депутат СССР М.Шаханов беседовал с двумя бывшими военнослужащими, которые сделали официальное заявление о массовых жертвах при разгоне демонстрантов и сообщили о гибели 168 человек. Из них — 6 человек из частей ВВ Каракемирского учебного полка, 1 милиционер — из Алма-Атинского гарнизона, 1 человек из в/ч г.Фрунзе, 1 человек из в/ч г.Тбилиси, 4 курсанта Алма-Атинского погранучилища КГБ, остальные 155 человек — демонстранты, в основном девушки.

⁵³ Алма-Ата. 1986. Декабрь. Книга-хроника (вторая), с.21; A.Helsinki Watch Report, p.25

⁵⁴Алма-Ата. 1986. Декабрь. Книга-хроника. Алма-Ата, 1991, с.101

Помимо письменного заявления военнослужащих, был составлен подробный протокол показаний, который и подписан присутствующими.

Следует отметить, что данные показания прояснили некоторые таинственные обстоятельства, связанные с декабрьскими событиями. В Президиум Верховного Совета Казахской ССР была представлена особая справка, где были изложены сведения о кладбище “Западное” о 58 неизвестных захоронениях, сделанных после событий, которые не имеют ни фамилий, ни номеров. Несколько работников кладбища, включая их руководителей, дали показания, что это тайные захоронения МВД⁵⁵.

Однако эти факты остались недорасследованными. Я далек от мысли спустя 10 лет после кровавых декабрьских дней драматизировать то, что произошло. Однако эти факты достаточно четко свидетельствуют, что 17-18 декабря 1986 г. на площади Брежнева происходила расправа над мирным шествием, пролилась человеческая кровь.

5. Коммунар Табеев справедливо отмечает, что репрессии имели антиказахский характер. Среди задержанных и приведенных в отделения милиции из 2400 человек 2302 были казахской национальности, 25 – русской, 18 – уйгурской, 10 – татарской, 7 – киргизской национальностей, а среди них всех в основном наказаны представители казахской молодежи⁵⁶. Об этом же в свое время сделал заявление депутат Верховного Совета КазССР М. Исиналиев.⁵⁷

Таким образом, факты дают основание утверждать, что в декабре 1986 года мы имели выступление молодого поколения казахов, принявшего идеи так называемой перестройки М. Горбачева за веру, за демократию, за равноправный Союз, за добровольное сближение народов, против диктата Центра, против великодержавного равнодушия к насущным нуждам националов. Оно носило мирный характер и по воле властвующей структуры переросло в силовое, вооруженное противостояние. Армия карателей превратила ее в кровавую оргию.

Таким образом, мирная демонстрация, манифестация молодежи, преследующая демократические цели, вылилась в мощ-

⁵⁵ Алма-Ата. 1986. Декабрь. Книга-хроника. Алма-Ата, 1991, с.165

⁵⁶ Там же, с.93

⁵⁷ Казак эдебиеті, 1989,14 июль

ное всенародное движение. Вслед за столицей тысячи и тысячи людей вышли на площади многих городов и сел. Народное демократическое движение выдвинуло лозунги демократизации общества, выступило за расширение прав союзных республик, против централизации власти и диктата центра, в конечном счете за пересмотр принципов национальной политики КПСС. В этом ключевое движение носило национально-освободительный, антиколониальный характер. Движение предполагало решение этих проблем в рамках перестройки, путем реформ. Реформаторская суть движения была ярко выражена в лозунгах манифестантов, речах их лидеров во время мирного диалога 17 декабря на площади им. Брежнева с руководителями компартии и правительства Казахстана. Но система — КПСС, ее Центральный Комитет, Политбюро, правительство страны предпочли мирному диалогу, компромиссу противопоставить силу, насилие, расправу над мятежным народом.

В. Даль в своем “Толковом словаре” охарактеризовал понятие “бунт”, “бунтовать” следующим образом: “Бунтовать, крамолить, мутить, побуждать к возмущению; восставать скопом против законной власти, быть участником возмущения или заговора, мятежа”. Далее В. Даль отмечает, что “бунтовать” в значении “волноваться, шуметь, строптиво кричать”. “Бунтовщик, — писал В. Даль, — участник мятежа, словом и делом, заговорщик, крамольник, мятежник, возмутитель”⁵⁸. Понятие “восстание” В. Даль приравнивает к понятию мятежа⁵⁹. В. Даль утверждает, что “Мятеж — возмущение, смятение, восстание, народное волнение: крамола, бунт, заговор на деле; общее непослушание... мятежная толпа, мятежный дух, непокорный ... мятежник ... восстающий против правительства...”⁶⁰

Итак, в декабре 1986 года происходил мятеж, бунт, восстание. Мятежный народ был вынужден дать отпор вооруженной силе системы, словом и действием выразить свое несогласие с национальной политикой КПСС и Советского правительства.

III. Движущие силы декабрьского восстания

Факты свидетельствуют, что в декабрьском движении участвовали широкие слои населения Казахстана. В директивных документах того времени муссировался тезис о том, что на пло-

⁵⁸ Даль В. Толковый словарь. М., 1935. т.1, с. 144

⁵⁹ Там же, с.273

⁶⁰ Там же, с.382

щадь Л. И. Брежнева вышла студенческая молодежь. Среди тех, кто был задержан сотрудниками КГБ, было 87 студентов, 57 служащих, 102 безработных. Подавляющее большинство задержанных МВД – 1163 оказались рабочими.⁶¹

Председатель Комиссии Президиума Верховного Совета КазССР писатель М. Шаханов подчеркивает, что в восстании принимали участие русские, уйгуры, татары, киргизы. “Определенные группировки, – говорил он в одном из интервью, – специально скрывая эти факты, пытались доказать, что на площадь вышли только казахские “националисты”. А посредством противопоставления демонстрации мирной молодежи вооруженным дружинникам в основном из представителей одной только национальности – русских, ей был придан нужный оттенок:

так они и добились заметной трещины в межнациональных отношениях народов республики.

Американская Хельсинская группа отмечала, что из 369 госпитализированных 363 были казахи, двое русских, а также туркмен, чеченец, армянин и башкир.⁶²

Писатель – исследователь Т. Бейскулов в своей книге “Желтоксан ызгарь” привел список 99 человек – участников движения, приговоренных судом. Ранее он был опубликован на страницах “Жас Алаш”⁶³ (1992, 5 сентября). Из 99 человек – 23 женщины, 40 рабочих, 47 студентов⁶⁴.

По определению Хельсинской группы средний возраст участников протеста – 25 лет.

Таким образом, движущую силу движения представляла молодежь – рабочие, студенты, служащие – представители всех слоев молодого поколения нации. Декабрьское движение 1986 г. было по характеру национально-демократическим выступлением молодого поколения казахской нации. Оно объективно созрело в недрах общества, было подготовлено всем ходом исторического развития. Пленум ЦК Компартии Казахстана и освобождение Д. А. Кунаева от должности первого секретаря было лишь поводом. Сама система, заимствовавшая все пороки колониального режима империи, была ее первопричиной. Движение, возникшее в форме демонст-

⁶¹ Алма-Ата. Декабрь. 1986. Книга-хроника (вторая), с.48

⁶² Там же с.48

⁶³ Там же, с.21

⁶⁴ Бейскулов Т. Желтоксан ызгары, 65-70

рации протеста, мирной манифестации в ходе усмирения карателей, переросло в мятеж, непреднамеренное восстание.

Система, принявшая на вооружение методы черносотенцев, потопила ни в чем неповинную молодежь в крови.

IV. Причины движения и его историческое значение

В истории национально-освободительного движения декабрьское движение молодого поколения нации 1986 года занимает особое место.

В начале XX века воспитанная на традициях великих просветителей реформаторское поколение борцов во главе с А. Букейхановым, А. Байтурсиновым, М. Дулатовым заявило громко о себе. Это было началом ренессанса, духа возрождения нации. В 1916–1937 гг. казахи пережили период геноцида и этноцида. нация по существу была обезглавлена, обескровлена, лишена духовной элиты. Национально-освободительное движение задохнулось в потоках крови. В послевоенные десятилетия в нации шел процесс заживления ран, собирания и накопления сил, пробуждения.

Особую роль в национальном пробуждении сыграла духовная интеллигенция. Знаменательно, что в одной из публикаций К. Табеева отмечается, что в руках студента III курса Алма-Атинского энергетического техникума впоследствии декабриста Д. Тайжумаева была книга И. Есенберлина “Кочевники”. Ее он (а не палку) поднял возле горевшей машины! Полное собрание сочинений в 4-х томах Ч.Валиханова (в двух изданиях), “Абай” М.Ауэзова, “Казахстана 20–40 гг. XIX в.” Е. Бекмаханова, “Кочевники” И. Есенберлина, “Азия” О.Сулейменова, статьи по проблемам языка Г. Мусрепова, “Балуан-шолак”, “Халык мурасы” С. Муканова, произведения Ж. Молдагалиева, М. Магауина, А.Кекильбаева и другие стали духовной пищей молодежи 50–80 гг. Это было духовно богатое поколение, в то же время испытывавшее положительные и негативные последствия нового масштабного нашествия на Восток молодежи из европейской части страны на великие стройки коммунизма, на освоение целины. Общий приток населения в Казахстан за период с 1930 по 1962 год составил почти 3 млн. 950 тысяч человек, т.е. по существу столько, сколько было к концу 20-х годов казахов. Политика русификации, колонизации края превратила коренное население в национальное меньшинство на своей родной земле. Кукольная республика своей громадной терри-

торией и природным богатством раздражала Центр. Были предприняты акции по передаче части земель на юге Узбекистану. Усиленно дебатировался вопрос и целесообразность передачи побережья Каспия Туркмении, а целинных областей на севере Казахстана России. В 80-е годы Москва пыталась навязать идею “экономического присоединения к России Карашыганакского нефтегазового конденсатного месторождения”. Ставился вопрос об образовании укрупненного экономического района в составе Гурьевской, Уральской и Оренбургской областей, с центром в Оренбурге. Пренебрежительное отношение центра к нуждам и запросам казахского народа проявлялось во всем — в политике, в развитии производительных сил.

Командно-административная система выступила архитектором катастрофы планетарного масштаба — уничтожение Арала и Балхаша, испытание на казахской земле не только ядерного, но и бактериологического, химического оружия. Совершенно прав публицист Ж. Куанышалин, когда он считал, что причина декабрьского движения уходит своими корнями вглубь истории. “Они вышли не ради Кунаева и не против, как пытались представить, русского народа, а отстаивали естественные национальные права, национальную честь и достоинство, свободу от чужого диктата и произвола, национальное будущее своего родного народа. Иными словами, это было ярким проявлением национально-освободительного движения, обусловленного пробуждением национального самосознания казахского народа в условиях зарождающейся демократии, как это, по крайней мере, показалось самой чуткой и восприимчивой ко всему новому части общества — молодежи. Отсюда можно сделать вывод: декабрьские события — прямой результат долго копившегося в сознании народа протеста против тяжелейших и непрекращающихся ущемлений национальных прав и свобод казахского народа имперским центром, полным олицетворением которого и был вновь бесцеремонно навязанный этому народу генерал-губернатор Колбин”⁶⁵.

Таким образом, в декабре 1986 года национально-освободительное движение вступило в новый этап своего развития. Оно было началом целой исторической полосы, завершившейся распадом Союза, и провозглашением суверенитета республик. В. И. Ленин

⁶⁵ Стенографический отчет о работе Конституционного суда Республики Казахстан. 18 января 1994. Алматы, 1994, с.26.

был прав, когда говорил, что русские декабристы разбудили следующее революционное поколение России. Казахские декабристы разбудили ото сна народы Прибалтики, Кавказа, Средней Азии. Они показали, что казахский народ — народ борец, нация свободолюбивая. Весь мир узнал благодаря декабрьскому выступлению казахской молодежи, что настал час расплаты за все злодеяния империи.

Декабрьское поколение положило начало духовному возрождению народа, продолжило эпоху ренессанса, переживавшего длительную полосу депрессии, застоя. Хочется верить, что плодами независимости Казахстана, за которую не жалели жизни декабрьские фанатики, власть будет пользоваться весь народ! Декабрьские мятежники, их потомки заслуживают счастливой судьбы.

Накопленные за десять лет факты и исторический анализ литературы, главным образом публицистической, дают основание сделать некоторые рекомендации:

1. Декабрьские дни 1986 года в Казахстане во многом напоминают январские дни 1905 г. в Санкт-Петербурге и декабрьские дни 1905 г. в Москве одновременно. Как известно, 9 января 1905 г. мирное шествие было организовано попом Гапоном, за спиной которого стояла зубатовская организация царской охраны. Трудно себе представить, что организатором декабрьского движения по всей республике выступила только студенческая молодежь театрально-художественного института. Вопрос требует своего изучения.

2. До сих пор остается в тени образ, портрет лидеров движения, координаторов манифестации в Алма-Ате, республике, а потом массового сопротивления карателям.

3. В декабрьские дни шла охота на казахов. Но тем не менее в числе 2400 задержанных и приведенных в отделения милиции было 25 русских, 18 уйгуров, 10 татар, 7 киргизов⁶⁶. Демократическая часть русского населения сочувствовала декабристам. Нельзя забывать, что от засилья тоталитарно-казарменного социализма не менее казахов страдало и русское население. Прав Е. Евтушенко, когда он пишет:

⁶⁶ В лекции, прочитанной в университетах Швеции и Англии М. Шаханов уточняет количество задержанных по линии МВД называет цифру-2336, КГБ-2212, прокуратуры-2401... от учета укрыто около шести тысяч человек, доставленных в изоляторы, а также вывезенных за город. См.: Алма-Ата, 1986. Декабрь. Книга-Хроника, Алма-Ата, 1991, с.25.

Никто, как русские, так не спасал других,
Никто, как русские, так сам себя не губит.

Таким образом, предстоит изучить вопрос об участии в декабрьском движении представителей и других народов, населяющих Казахстан.

4. Массовые репрессии участников движения позднее распространились на всю казахскую интеллигенцию, на национальную элиту. Она во многом напоминает времена тотальной репрессии 1937 года. Проблема нуждается в более детальном изучении.

5. Движение до сих пор ограничивалось тремя днями декабря 1986 года. Между тем оно оказало огромное влияние на духовное развитие нации, на рост самосознания народа, национального духа. Исследователям необходимо изучать не только истоки движения, но и последствие, общенациональное значение движения.

6. Факты свидетельствуют, что в ходе демонстрации, манифестации, сопротивления карателям, мятежа — на всех этапах движения аккумуляющую роль в нем сыграли казахские девушки, молодые матери. Они приняли во многом удар на себя и каратели отыгрались на них. Высок был у этой половины восставших морально-нравственный дух. Во всем этом настало время разобраться, воссоздать коллективный портрет казахских декабристок.

7. Применение саперных лопаток, кабеля, металлических прутьев, использование специально обученных служебных собак, использование против молодежи не менее четырех дивизий внутренних войск и вооруженных сил и 20 тысяч черносотенцев привели к гибели многих людей. К сожалению, системе удалось методом запугивания и массового террора населения скрыть от народа всю гнусность содеянного. Проблема нуждается в дополнительных поисках истины.

Таковы лишь некоторые контуры истории 3-х дней декабря 1986 года — великой трагедии народа, ставший предвестником великих последующих перемен на территории бывшего Союза и Восточной Европы.

КАЗАХСТАН СУВЕРЕННЫЙ: ОПЫТ И ПРОБЛЕМЫ

Почти двухвековое господство России на Востоке распалось. Произошло событие всемирно-исторической значимости. В Центральной Азии сложилась новая геополитическая ситуация. История представила народам Центральной Азии редчайший шанс для национального возрождения народов Востока.

Камнем преткновения в прошлом выступали не столько внутренние проблемы, сколько геостратегический статус земель, расположившихся между Российской империей на западе, Китаем на востоке и азиатскими деспотиями на юге. Данное тройное противостояние, сфокусированное на территории современного Казахстана, и создавало полосу напряженности со всеми вытекающими отсюда последствиями. Бурная эволюция земледельческих наций, капиталистическая стадия развития которых предопределила поглощение "слаборазвитых" народов, поделила мир на колонии и метрополии. Так, в начале XVIII в. Казахстан фактически попал в зону социально-экономических интересов России.

Ныне мир во многом изменился. Время безраздельного господства России над восточными окраинами ушло в прошлое. Полагая, что проблема независимости республик Центральной Азии, в т.ч. Казахстана, зависит от совокупности действующих факторов, с которыми политикам волей или неволей приходится считаться.

1. Проблема национальной безопасности. Важнейшим компонентом суверенности становится проблема обеспечения территориальной целостности этих государств. Нельзя скрывать, что именно в этой сфере нам оказывают сильное давление извне. Это проблема северных и восточных областей, казачья проблема, проблема Союза офицеров и т.д. Над странами СНГ, в том числе над республиками Центральной Азии, нависла угроза балканизации и ливанизации.

Так самой историей была поставлена проблема защиты суверенитета и независимости.

Активно разрабатываемая в последние годы оборонная доктрина Республики Казахстан представляет собой новое дело не только для молодого независимого государства, но и вызывает настороженный интерес со стороны мировых политических кругов и прежде всего его ближайших азиатских соседей. И это неслучай-

но. Составляя 12% территории бывшего СССР и 6% его населения при доле общего объема промышленного производства в 2,5%, Казахстан в геостратегических планах вооруженных сил бывшей сверхдержавы занимал главенствующее положение как ракетно-ядерная база на азиатско-тихоокеанском плацдарме.

Отправной точкой самостоятельного оборонного строительства явился Указ Президента РК Н.А.Назарбаева "О создании Вооруженных Сил Республики Казахстан" от 7 мая 1992 г., а также ряд других указов и постановлений, дающих концептуальное определение политике республиканского руководства в военной сфере.

Придерживаясь принципа преемственности в военном строительстве, с учетом тенденции к снижению опасности глобального конфликта, концепция внешней безопасности основывалась на едином военно-экономическом потенциале СНГ. Более того, республика отстаивает идею единых, а в последующем — Объединенных Вооруженных Сил Содружества, что, конечно же, подразумевало частичное самоограничение государственного суверенитета.

Президент Республики Казахстан Н.А.Назарбаев в "Стратегии становления и развития Казахстана как суверенного государства" отмечает: "В связи с происшедшими в последнее время изменениями в геополитической обстановке и объявлением независимости Казахстана возник вопрос о создании его собственных вооруженных сил, которые во всем цивилизованном мире являются обязательным элементом структуры самостоятельного государства". Создание системы национальной безопасности — дело трудное. В молодых государствах нет офицерских кадров, высших учебных военных заведений, военно-оборонной индустрии, проблема границ. В этих условиях они вынуждены кооперироваться с Россией, военное присутствие которой в свою очередь вызывает массу проблем.

На территории Казахстана 104 межконтинентальных баллистических ракет, 1040 ядерных боеголовок, 40 стратегических бомбардировщиков с 320 ракетными боеголовками, на территории республики производились ядерные торпеды и мины, ракеты СС-20, на Ульбинском заводе — в незначительном объеме технология производства плутония.

Казахстан не питает иллюзий по поводу своего ядерного статуса. Все комплексы подчинены совместному российско-казахстанскому руководству, а их расчеты комплектуются исключительно

из военнослужащих российской армии. Однако фактор размещения на территории суверенного, независимого государства оружия массового уничтожения, способного привести к третьей и последней мировой войне, налагает на республику равную с ядерными сверхдержавами ответственность.

И это не какие-то амбициозные устремления. Большинство политических сил республики, за исключением крайне радикальных, отчетливо осознают к каким последствиям может привести состояние глубокого экономического кризиса и нестабилизированной общественной ситуации в сочетании с обладанием ядерной кнопки. Однако продолжающееся, пока только по дипломатическим каналам, давление на Казахстан со стороны России и стран Запада на отказ в праве состоять в ядерном клубе, хотя народ республики и не по своей воле заплатил за это слишком дорогую цену, требует принципиально новых подходов к проблеме.

Не стремясь к слепому копированию чужого опыта, разработчики программы тем не менее строго придерживались приоритета достигнутых ранее международных договоренностей, а также требований Устава ООН. Военная доктрина Республики Казахстан является составной частью государственной концепции ее национальной безопасности и представляет собой систему взглядов на войну и ее предотвращение, на оборонное строительство, подготовку республики и ее вооруженных сил к отражению агрессии, а также на способы внедрения вооруженной борьбы по защите суверенитета, территориальной целостности Республики Казахстан. Эти принципы конституционально закреплены и в Основном Законе государства.

Не считая ни одну страну мира своим противником и не имея к одной из них территориальных претензий, отвергая войну или угрозу военной силой, руководство Казахстана вместе с тем ясно осознает, что продолжают иметь место серьезные противоречия, экономического территориального, религиозного, этнического и другого характера. Обстановка осложняется и тем, что локальные конфликты имеют место в непосредственной близости от границ суверенного Казахстана, а учитывая многонациональный состав его населения, их дальнейшая эскалация чревата свертыванием демократических процессов на пространстве СНГ в целом, а также наращиванием войскового потенциала, созданием наступательных

группировок вооруженных сил, их развертывание и базирование как на территории Казахстана, так и по соседству. Сохранение политики нейтралитета и миротворческие усилия по урегулированию межэтнических войн по всей вероятности следует считать действиями временного порядка и ближайшее будущее покажет новую расстановку военно-политических ориентаций в регионе.

2. Российский фактор. Страны Центральной Азии долгое время находились в составе российской империи. Сложилась психология раболепия перед ее величеством, был внедрен “комплекс большинства”, создан миф об его мессианской роли в мировой истории. Диктатура и сепаратизм, ханская структура власти, степная военная демократия Восток и Запад, метрополия и колония, цивилизация и азиатский деспотизм, культ личности и репрессии, религиозный фанатизм и воинствующий атеизм, тоталитаризм и диктатор, военная колонизация и военное присутствие, – не отдаленная история, а реальная жизнь наших народов в недавнем прошлом. Не случайно, что в районе СНГ за последние годы принято свыше 400 совместно принятых договоров, соглашений – все они остались на бумаге. Идет тотальное блокирование молодой республики. Стремление Предидента РК Н.Назарбаева к подлинной интеграции, его идею создания Евразийского Союза А.Солженицын, и не только он, называет призраком, дымом (см. интервью А.Солженицына журналу Форс. – Известия, 1994, 4 мая). Проблема двойного гражданства, казахья проблема, проблема “защиты интересов русскоязычного населения”, экономическая блокада, политическое давление со стороны России (заявление Мининдел Господ. Козырева) – все это вместе взятые являются одним из серьезных факторов обострения межнационального согласия.

3. Тюркский фактор. Нетрудно обнаружить, пока еще в плоскости политических намерений, некоторое смещение стратегических интересов Казахстана от традиционных пророссийских в сторону, так сказать, центристских позиций, что вполне логично, учитывая его срединное географическое положение. В результате объективно возрастающих хозяйственно-культурных связей со своими южными соседями, республика в постколониальный период испытывает тяготения Казахстана к восстановлению братских контактов с ними. Кардинальные изменения в соотношении геополитических интересов четко детерминировали регион Центральной

Азии по периметру Турция, Иран, Афганистан, среднеазиатские государства, тюркские республики России, Казахстан и, возможно, Монголия как группу государств, которые по примеру вновь усиливающегося славянского союза должны будут заполнить вакуум, образовавшийся после распада Советского Союза — между Западом и Востоком, как самостоятельный субъект на международной арене, сотрудничество в экономической, культурной и оборонной сферах безусловно не должно ущемлять интересов третьих стран, однако, оно будет способствовать повышению авторитета этой части света, в течение долгого времени считавшегося районом с повышенной вероятностью военных столкновений. Половина всех конфликтов в мире приходилась в последнее время на Азию. Эти конфликты усиливали недоверие стран друг другу, страх, напряженность, национальную и расовую неприязнь. Однако уже появляются значительные возможности для разработки и осуществления в будущем мер доверия в данном регионе. Сложность приспособления их к Азии объясняется различным пониманием проблем безопасности и весьма разнообразными геополитическими, культурными и историческими условиями в азиатских странах.

Как первый шаг необходимо приложение максимума совместных усилий в урегулирование таджикского конфликта, этого наследия советской имперской политики по экспорту революции в Афганистан, где, к сожалению, участие объединенных сил СНГ ни к чему не приводит, кроме как к обострению ситуации.

4. Исламский фактор. В государственном курсе России глубоко укоренилась традиция поиска внешних и внутренних врагов, одним из которых сегодня становится так называемая угроза “исламского фундаментализма”, политическая реализация которой может привести к глобальному противостоянию США и России, с одной стороны, и мусульманского мира, с другой.

“Неопределенность развития политической обстановки в России заставляет предположить два варианта российской политики на Юге. Следование в фарватере политики США приведет в конечном счете к тотальному военному противостоянию России и исламского мира. Началом могут стать военные действия в Армении и Грузии против турецких, иранских и, возможно, азербайджанских войск, контрпартизанские действия (по типу афганского конфликта) на Кавказе и в Средней Азии, а также крупномас-

штабная межнациональная война в Казахстане”¹, — прогнозирует российский журнал правого толка “Наш современник”.

Московское непонимание особенностей мусульманского мира, десятилетия искажения всей информации, касающиеся ислама и устойчивая советская и постсоветская исламофобия только усиливает напряженность между Востоком и Западом. Если раньше, советские власти, включая самого М.Горбачева, усматривали тесную связь ислама с “происками внешних врагов”, включая декабрьские события 1986 г. в Алматы, то теперь акценты сменились в сторону “исламской угрозы цивилизованному миру Запада”.

Казахстан в силу своего геополитического положения на евразийском континенте может сыграть посредническую роль в случае дальнейшего обострения отношений Восток-Запад и не только как входящий в первую четверку республик бывшего Советского Союза. Казахский народ имеет многовековой опыт контактов с различными цивилизациями и культурами, сохраняя при этом свою национальную неповторимость в рамках мусульманской и тюркской тождественности. Не последнюю роль в переговорах на международном уровне должен сыграть и статус Казахстана как ядерной державы, поскольку Казахстан, хотя и является светским государством, но его коренные народы традиционно тяготеют к своим мусульманским братьям на юге и востоке.

К сожалению, как западные специалисты, так и российские ориенталисты и знатоки ислама по-прежнему вводят в заблуждение своих политических руководителей и обманывают их в ожидании правдивого и объективного понимания ислама. Если исследования будут проводиться с честностью и открытостью, то они покажут, что ислам — это ничейный враг, он является благом для всего человечества, а не только для тех, кто живет в аль-Ислами. Необходимо выверить свои неверные суждения и предрассудки. На самом же деле, по крайней мере, в Казахстане, Киргизии, в известной степени в Узбекистане, нет в помине исламского фундаментализма. Великодержавно настроенные деятели в прошлом всегда использовали карту “панисламизма”, “пантюркизма” как фактор обострения межнациональных отношений как орудия панславянизма.

¹ Морозов Е. Россия и Юг: геостратегическая проблема // Наш Современник. - 1992, № 11. С.149

5. Демографический (национальный) фактор. Советская система продолжила имперскую политику геноцида казахского народа. В результате голода 1922–1923 гг. казахи потеряли значительную часть своей численности; а 1931–1933 гг. – 2 млн.200 тыс., т. е. 49% своей численности. Колонизация края и силовая коллективизация по существу прекратили существование кочевой цивилизации казахов. В результате переселения из европейской части России в 1907–1912 гг. 2 млн.400 тыс. славян, 1,5 млн. репрессированных народов Северного Кавказа, корейцев Дальнего Востока, поляков и эвакуированного населения прифронтовой полосы в годы второй мировой войны, около 2 млн. из европейской части страны в период массового освоения в Казахстан, казахи превратились в национальное меньшинство в своей стране. Удельный вес коренного этноса в республике в 1959 г. снизился до тридцати процентов. Возникла реальная угроза функциональному развитию социокультурных институтов казахского этноса. Интенсивное выкачивание богатств недр края, насаждение заводов и фабрик в области обрабатывающей промышленности превратили Казахстан на долгие годы в сырьевой придаток Центра. Индустриальная экспансия ведомств, строительство гигантских промышленных и энергетических комплексов военных объектов, господство в Средней Азии монокультуры, превращение Казахстана в ядерную помойку, дефляция (ветровая эрозия) более 9 млн.га почв на целинных землях Казахстана – все это превратило нашу страну в зону экологической катастрофы. Перестало существовать Аральское море, обнажилось 25 тыс. кв. км. морского дна, ежегодно с его дна в атмосферу поднимается до 75 млн. т. песка, пыли, соли.

В разные годы в Семипалатинском ядерном полигоне и 27 других местах республики были произведены более 500 взрывов ядерных устройств.

За годы существования коммунистической системы обострились национальные отношения. Право нации на самоопределение только провозглашалось. В общественно-политической жизни Казахстана давлел евроцентризм, на практике были игнорированы права казахского народа на национальную государственность, государственный суверенитет и территориальная целостность. Национальная элита, поднимавшая эти проблемы в период российских революций и в годы сложения Системы, была фактически уничто-

жена. Проявление национального самосознания, всяческое отстаивание национальных интересов оценивалось как национализм, однопартийная система лишила народ права выбора.

Система проводила одностороннюю языковую политику, поддерживая язык межнационального общения. Широко пропагандируемое двуязычие в республике не было обоюдным. Казахский язык выполнял только 10 из 50-ти социальных функций, необходимых для его полнокровного существования.

Система переживала глубокий кризис, тупиковая модель общественного развития уже не поддавалась реанимированию.

Казахский народ настороженно встречал Октябрьскую революцию. Оппозиция, возглавляемая партией “Алаш”, боролась с ней с ружием в руках. Вооруженные схватки с советской властью произошли в годы НЭПа, 370 восстаний казахских крестьян – в годы коллективизации. Около 1 млн. человек тогда было вынуждено покинуть свою страну, в т.ч. за рубеж, из них 600 тыс. безвозвратно, так и остались вне Родины. Ныне каждый четвертый казах живет на чужбине. Ответом на жесткий волюнтарский курс Центра явилась и мирная демонстрация 17 декабря 1986 г. в г.Алма-Ате, которая была подавлена с помощью армейских подразделений. Началась новая волна массовых репрессий.

Так советская модель обрела казахское общество на долгие годы отсталости, лишила возможности выйти на дорогу общечеловеческой цивилизации. В сложившихся условиях, в целях оказания политического давления, в России реакционные силы играют карту “защиты интересов русскоязычного населения”.

6. Фактор национального самосознания. Особое место в системе проблем независимости приобретает проблема пробуждения национального самосознания. Здесь первоначальная эйфория, рожденная объявлением независимости, в условиях устойчивого экономического кризиса, ныне сменилась пессимизмом, патриотизм временами перерастает в национализм, национальную ограниченность, замкнутость. Все более упорно и настойчивее становится иностранное присутствие, ощутимо его вмешательство в духовную жизнь народа, территорию республики наводнили всевозможные миссионеры. Завоевали эфир и американские боевики. В средствах массовой информации ведутся широким фронтом пропаганда насилия, секса, разбоя, нравы дикого капитализма. Все это отри-

цательно влияет на воспитание молодого поколения. Если раньше хозяином национального богатства Казахстана была империя-метрополия, то ныне оно становится достоянием мирового капитала. Таковы факторы, в условиях которого ведется диалог для установления межнационального согласия, идет процесс созидания независимого Казахстана.

“МУСУЛЬМАНЕ В БЫВШИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ГОСУДАРСТВАХ”

**Сборник материалов республиканской
научно-практической конференции**

**“Государство и политические партии:
история и современность”**

Алматы, 1998 г. 27 апреля

ВОСЕМЬ ПОСТУЛАТОВ ЕККЛЕЗИАСТА

Я мысленно, словно пасьянс, раскладываю фрагменты нашего смутного времени и вновь возвращаюсь к тому, что читалось уже, наверное, сотни раз, не переставая восхищаться своей непреходящей мудростью древнего мыслителя, диалектика которого гениальна, как гениальна только сама жизнь в своей поистине ошеломляющей простоте:

“Всеу свое время и время всякой вещи под небом. Время рождаться и время умирать; время насаждать и время вырывать насаженное. Время убивать и время врачевать; время разрушать и время строить. Время плакать и время смеяться; время сетовать и время плясать. Время разбрасывать камни и время собирать камни; время обнимать и время уклоняться от объятий. Время искать и время терять; время оберегать и время бросать. Время разрывать и время сшивать; время молчать и время говорить. Время любить и время ненавидеть; время войне и время миру...”

Нас всех с молодых ногтей учили категорическому императиву - искусству бескомпромиссной борьбы одного “изма” с другим, и чья власть брала верх, у той была и истина.

Но древний мыслитель ушел от нашей, как он сам обозначил, суеты сует в такую безопасную бесконечность, что его уже невозможно причислить ни к каким учениям, направлениям или школам: ни к правым, левым, красным, белым или цветным. Он оставил универсальный инструмент определения параметров эпохи и нашего конкретного самоопределения в ней.

Что у нас нынче на дворе, Манаш Кабашевич? Время разбрасывать или собирать камни; время обнимать или уходить от объятий?

Президент Назарбаев недавно вполне откровенно высказался, что Казахстан впервые за почти три столетия сам, без какой-либо указки определяет, как нам жить, формируя модель развития. То есть речь идет о подлинной государственной независимости...

— Для этого должен быть в первую очередь достигнут суверенитет в области экономической.

В свое время мы стремились к экономической независимости хлопковой, продовольственной и т.д. Но вот, однако, парадокс: независимость хлопковую СССР решил за счет зависимости Востока. Узбекистан в первую очередь, который стал всесоюзной плантацией, а что в итоге из этого вышло, мы теперь знаем. Аналогичная ситуация сложилась в Казахстане, где почти одновременно распахали 25 миллионов гектаров земли, что привело к очень серьезному экологическому дисбалансу. Года три назад я отдыхал в кустанайском санатории “Сосновый бор” — изумительный некогда уголок природы. Но теперь во всей этой округе нет даже вороны или сороки, нет насекомых, деревья засыхают. Все убито “химией”. А в сороковых годах здесь водились кабаны, зайцы-русаки, даже беркуты гнездились. Теперь мертвая тишина. Мы, как узбеки за хлопок, платим за продовольственную независимость несообразно потерям высокую цену.

Вы имели в виду восемь постулатов Екклизиаста... Что же, тут действительно многое узнаваемо. Достаточно вспомнить период становления развития капиталистических отношений в России, которые довольно быстро проникли на окраины империи. На территории Казахстана, к примеру, было развернуто гигантское железнодорожное строительство; в широких масштабах началось освоение рудных и нефтяных месторождений. Причем в горнозавод-

ской промышленности удельный вес иностранного капитала здесь был заметно выше, чем в России. И общеизвестно, каким было его поведение в этих краях. Создавались предприятия с минимумом оборудования, обычно устаревшего типа с использованием дешевой рабочей силы. Варварски портились лучшие месторождения ископаемых и в таких при этом масштабах, что на поведение иноземцев жаловались даже царские администраторы.

Экономические выгоды иностранных концепций были весьма эффективны. Из доходов, например, Риддерского и Кыргызского горнопромышленных объединений, составляющих 24,4 миллиона рублей, на долю местных посредников приходилось 710 тысяч. К сожалению, функционирование иностранного капитала в Казахстане дореволюционной поры недостаточно изучено. Но даже отрывочные сведения, имеющиеся в нашей историографии, позволяют выявить ту часть айсберга, которая удерживает на поверхности изобретенный еще незабвенным Остапом Ибрагимовичем тезис о том, что за граница нам поможет. На мой взгляд, это наивно. Помочь себе мы должны в первую очередь сами, без чрезмерных упований на некие потусторонние силы. Я имею в виду, что процесс предпринимательства в республике (я намеренно ухожу от “рыночной терминологии”, ибо рынка, как такового, не было и нет) на стадии первоначального накопления приобретает те уродливые формы, при которых иностранных бизнес может встать на путь спекулятивно-грюндерской капитализации и, учитывая местные условия, сменит классический смокинг на экзотический наряд авантюристов.

Не надо думать, что я в какой-то степени против широкого экономического сотрудничества с цивилизованным миром. Но меня, историка, всерьез заботит один весьма существенный момент. Мировой опыт, а также выводы специалистов, не состоящих на службе у транснациональных корпораций, свидетельствуют о том, что в ситуации, похожей на нашу, иностранный капитал менее всего содействует становлению независимости и сбалансированной экономики только что обретшего независимость государства, приводит к разрушению традиционных форм культуры, насаждает собственные стандарты и вместе с тем делает неконкурентоспособными национальные предприятия.

Очень знакомо и другое. За каких-то два-три года в Казахстане возникло более восьмисот самых разных банков, как в эпоху

еще дореволюционной капитализации. Внешне посмотреть - все в трудах и заботах на благо родного Отечества. Производят почти что ничего, товаров на рынке кот наплакал, но энергичные люди, торгуя воздухом, сколачивают многомиллионные состояния. Рассказывают, корпорация КРАМДС уже имеет в своем обороте 26-миллионный капитал. За счет чего? Коммерческая тайна, которую опасаются знать. И тут я, безусловно, сторонник Президента, который выразил свою точку зрения однозначно: хотим мы того или не хотим, но нам неизбежно придется создавать собственную социально-экономическую модель, опираясь на совокупный мировой опыт, учитывая особенности национального характера, обычаи и традиции народов многонациональной республики.

Проблема независимости государства прежде всего определяется независимостью его - внешней и внутренней - экономической политики. Иначе все вернется на круги своя. Разве что в некоем специфическом варианте. В одном из выступлений наш премьер Терещенко сообщил такой факт. Все тот же КРАМДС продает за рубеж джезказганскую медь с тем, чтобы на вырученную валюту обеспечивать горнодобывающие и обогащительные предприятия необходимым технологическим оборудованием. Каков же итог? Никто ничего не получил, никакого оборудования, только акционеры оказались при серьезных барыщах, заметно увеличив свои валютные счета.

Не правда ли, действительно очень знакомо?

В Казахстане возник многомиллиардный гигант среди развалин, живущий за счет народа, его национального достоинства. Я такой путь реформирования общества считаю открытым грабежом, которому надо положить конец. Ведь Президент неоднократно заявлял, что стратегическое сырье есть государственная монополия и, торгуя им, надо зарабатывать валюту для государства, а не для отдельных фирм или концернов.

К сожалению, сейчас, в период первоначального, дикого накопления капитала, в бизнес ринулась жаждающая наживы толпа, далекая даже приблизительно от хотя бы элементарной нравственности, и оборачивается это бедствием для народа, который грабят среди бела дня. Поэтому я считаю: наша экономическая политика нуждается в серьезной доработке. Я знаю, что Президент занимается этим делом постоянно и много. Но команда его,

на мой взгляд, слабовата. И мощной подпорки у Президента и правительства, мне кажется, нет. Но из этого не надо делать трагедию - мы в самом начале перемен, а проблемы строительства независимого государства настолько сложны, что без каких-то издержек просто не бывает. Но видеть и понимать их диалектику просто необходимо.

— В смутные времена, вроде нынешних, обнаруживаются такие феномены, о которых прежде и понятия никакого не было. Уже на уровне общественного сознания пошло повальное увлечение политической астрологией, все нечто предсказывают, гадают по звездам и на кофейной гуще... Однажды я имел беседу с человеком, родившимся уже в седьмой раз и помнящим в деталях все предыдущие жизни.

Недавно меня познакомили с одним из самостоятельных теоретиков, разрабатывающих весьма своеобразную концепцию. Основной его тезис прост, но конкретен: о подлинном суверенитете можно говорить только при условии создания мононационального государства. При этом свои логические выводы кандидат экономических наук аргументирует историческим опытом. Не происходит ли здесь явной подмены понятий: поистине суверенная духовная культура нации и мононациональное государство?

— Тут было бы некорректно рассуждать вообще. О какой исторической эпохе идет речь? О каких реальностях? Историю свою надо знать, знать и помнить о ее уроках, но осознать при этом реальный порядок вещей, не искривляя ее пространства.

Я хорошо помню вашего оппонента и природу его мышления.

Триста лет под игом империи, прямо или косвенно. Боязнь соседа то северного, то восточного, постоянно притязавших на жизненное пространство этноса. Колониальная экспансия волна за волной, формировавшая рабскую психологию. Наместники белого царя или коммунистического генсека, бесцеремонно управлявших народом вплоть до конца восьмидесятых годов. Нас приучили к мысли, что большевики были рафинированными интернационалистами; они всегда боролись и поныне борются за национальные интересы народов, за их право на самоопределение, но на словах. На деле большевики придерживались противополож-

ной политики. Так было и тогда, когда в Казахстан был прислан наместником Голощекин (тогда это называлось “для проведения в жизнь линии партии”), истребивших за годы своего правления половину народа, и во времена Колбина, с первой же недели своей деятельности закрутившего антиказахскую истерию под знаменами все того же социалистического интернационализма. Казахстаном во все времена руководили московские комиссары, независимо от их национального происхождения, и проводили ту политику, которая диктовалась интересами метрополии, а не народа.

Вот здесь исток той самой идеи создания многонационального государства, которую берут на вооружение и энергичные лидеры некоторых движений, и просто вульгарные политиканы, очень много спекулирующие на действительно актуальных проблемах казахского возрождения.

Давайте, однако, напомним, как понимали реальности своего времени политические деятели, стоявшие у истоков национального суверенитета, который в первые десятилетия XX века и понимался, и назывался несколько иначе, чем сегодня. Но не в этом суть.

Как известно, с 21 по 26 июля 1917 года в Оренбурге на первом всекиргизском съезде обсуждался вопрос о создании “для киргиз” особой политической партии. В его документах сказано: “В основу программы должны лечь принципы демократической (парламентской) федеративной республики. Окончательно программу должно утвердить общее собрание из киргиз Учредительного собрания”.

Но политическая ситуация в России скоро изменилась, произошла Октябрьская революция, и “учредилку” (как впоследствии писали в большевистских документах для уничижительности) разогнали.

Партия Алаш, тем не менее, сумела образоваться, несмотря на все превратности, и оставила истории проект своей программы, которая провозглашала следующее: “Российская Демократическая Федеративная Республика. Во главе демократической республики стоят президент, избираемый на некоторое время парламентом, перед которым (парламентом) ответственен кабинет министров”. “Партия Алаш поддерживает всеми силами справедливость, сторонник всех обиженных и обездоленных. Пригалает все усилия к тому, чтобы поднять общий культурный уровень населения”. “Все

народности без различия религии и без различия пола уравниваются в своих правах (свобода собраний, свобода выбора, объединений и открытия их, свобода слова, печати, неприкосновенность личности). Во внесудебном порядке не производить ареста". "Отделение церкви от государства. Все религии равны перед законом. Свобода распространения всякого религиозного учения, свобода вероисповедания". "Все граждане равны перед законом и одинаково пользуются защитой закона. Судопроизводство, судоговорение ведется на языках большинства населения. Работники судебного ведомства должны знать язык местного населения. Судьи пользуются несменяемостью". "Регулярное войско должно быть заменено народной милицией". "В области налогов проводить прогрессивно-подоходный налог". "Партия Алаш в рабочем вопросе поддерживает программу социал-демократов (меньшевиков)". "Всеобщее бесплатное обучение на родном языке".

— Никак в толк взять не могу, почему меня всю жизнь стращали Алашем, Алаш-Ордой. Алашординским правительством...

— Для того, наверное, и стращали, чтобы вы потом стращали. Еще можно иметь в виду следующее. В тот же период Алаш намеревался создать совет из 25 членов, в котором десять мест отдавалось русским и представителям других народов, проживающих на территории края. Партия, если судить по оставшимся после нее документам, тщательно учитывала демографический состав края, все его малейшие нюансы, и, объявив в декабре 1917 года казахскую автономию, имела в виду не мононациональное, а многонациональное устройство. И просто, наконец, нельзя не знать, что уже тогда, в декабре, было принято решение именовать Киргизский край Республикой Казахстан. Еще раньше, до формального провозглашения, Букейханов, Ермеков, другие лидеры Алаш, выступая на региональных съездах, которые принимали программные решения, всякий раз делали акцент на необходимости совместного многонационального жития, на проблемах регулирования межнациональных отношений.

Так обстояли дела уже тогда, семьдесят лет назад. И не надо смещать историю, призывая народ к этнической самоизоляции. За такие авантюры люди платят слишком высокую цену. Объединяет-

ся Европа, объединяется мир, выходя на дорогу цивилизованного общежития, а кому-то снова не терпится пойти иным путем...

С тех пор, как был провозглашен проект партии "Алаш", прошло много времени. Народ пережил еще советский этап неоколониализма, воспоминания о колониальном прошлом все еще живы в сознании казахского народа. В условиях национальной независимости можно понять его революционное нетерпение, стремясь как можно быстрее возродиться, самоутвердиться, провозгласить на весь мир свое собственное национальное "Я". Нельзя забывать, что на протяжении веков колониальные наставники внушали инородцам презрение к прошлому, к вере отцов, к истории, к народным традициям и обычаям. Процесс самоутверждения, национального возрождения — процесс сложный, противоречивый, надо стараться понять его.

В связи с этим считаю нужным лишь упомянуть, не вступая в дискуссию, — это предмет отдельного разговора — что наше понимание этого процесса ничего общего не имеет с взрывоопасным "открытием" некоторых лжепророков, предсказывающих, будто "маргинальные слои стремятся взять реванш и изгнать пришлые иноэтнические группы общества (маргиналы — люди, утвердившие традиционную культуру и не освоившие современную. — Ред.).

— Стало афоризмом: история учит даже тех, кто у нее не учится. Но если так, то, судя по многому, мы оказались более чем посредственностями, о которых уже было сказано однажды: суждены нам благие порывы, но свершить нам ничто не дано. Президент Назарбаев перевел поэтическую мысль на язык политической прозы:... вся наша семидесятилетняя история — это революция без логического завершения и положительного результата.

Сейчас, по моим сведениям, идет подготовка нового учебника для средних школ и лицеев республики. Он и станет осмыслением нашей истории, у которой оказались бездарные ученики?

— Такая работа действительно идет. Потому что никакой народ не захочет иметь и впредь фальшику вместо подлинной летописи, которая должна основываться на реальных событиях и документах, а не на до абсурда большевизированных мифах, фундаментом которых был безусловно классовый принцип. А коль

скоро так, то известные казахстанские события 1916 года могли трактоваться однозначно: трудовой народ поднялся против феодалов-угнетателей. Такой посыл искажал все, что было в действительности и чего большевики признать не могли. Потому что в действительности это была антиколониальная, освободительная революция. В ней активное участие приняло все общество, все его социальные слои. Народ избрал около 50 ханов, была восстановлена вся структура ханской власти, многие волостные правители возглавили восстание, к нему присоединилась национальная интеллигенция и буржуазия. Кстати, легендарный Амангельды Иманов был избран сардарбеком у хана Абдугафара.

Этим фрагментом открывается новый учебник истории Казахстана.

Нас учили: народ с ликованием встретил Великий Октябрь. И только вскользь, кое-как говорилось о Февральской революции. А на самом деле все было наоборот: ликовали казахи после того, как именно она, а не большевистская, отозвала карателей, возвратила домой тыловиков, оказала помощь беженцам - каждой пострадавшей юрте по сто рублей; приостановила межнациональную рознь. Таким было реальное положение вещей.

— Любопытно, что будет написано в новейшей истории о последних, к примеру, пяти годах империи...

— Это был период агонии.

Надо признать, что в числе наместников, направляемых в Казахстан Москвой, случались и умудренные опытом, толковые люди. Вроде Пономаренко Пантелеймона Кондратьевича, при всех его недостатках. Что касается последнего эmissара империи Колбина, то это был типичный колониальный чиновник самого худшего образца, какой только могло выдумать человечество.

— У меня такое ощущение, что после Декабря-86 ЦК Компартии затеял откровенную "охоту на ведьм", раскрутив истерическую кампанию в прессе, направленную на разжигание межнациональной розни. Перечитал тогдашние газеты, и стало, откровенно говоря, не по себе. Стыдно.

— Когда центру надо было доказать, что где-то “на окраине” обнаруживался национализм, он специально конструировал соответствующую ситуацию.

Был такой, если помните, Мищенко, высокопоставленный чиновник из ЦК КПСС. Он специально занимался сбором разного рода дискредитирующей республику информации. Один мой коллега рассказывал, как этот самый Мищенко на Старой площади в течение полутора часов внушал ему о казахском национализме, вывалив на стол кипу фотографий, книги литераторов, подтверждавших его мнение. И едва ли не набил физиономию ректору института, который остался при своем убеждении. Любопытно, что под настольным стеклом у ответственного организатора ЦК КПСС Мищенко лежала подробнейшая карта трех жузов с пометкой, где и какой род находится. Чтобы “регулировать ситуацию”, стравливая людей в нужный момент, искусственно конструировать противоречия. Что Кауфман, что Куропаткин с Мищенко — стиль один.

— Мне очень понятно, почему развалился Союз, почему составлявшие его республики провозгласили свою государственную независимость: всему свое время и время всякой вещи под небом...

Интервью вел Л.Вайдман
Экспресс. 1992. 14 мая. С. 5.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КОНЦЕПЦИИ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ЦЕЛОСТНОСТИ КАЗАХСКОЙ ССР КАК СУВЕРЕННОГО ГОСУДАРСТВА

*(Доклад на научно-теоретической конференции
"Территория Казахстана: история и современность"
в г. Алма-Ате)*

Проблемы межнациональных отношений, соблюдение суверенных прав народов вышли сегодня за рамки чисто теоретических изысканий и приобрели характер острых политических споров. Национальный кризис обусловлен общеполитическим и экономическим кризисом в стране, и в его основе лежат специфические условия социально-экономического и политического развития отдельных национальностей и регионов на протяжении длительного исторического периода, в том числе и в недавнем обозримом прошлом. Неравномерность экономического, социального и культурного развития отдельных наций усугубляется еще и грядущими рыночными отношениями, которые неизбежно порождают определенные противоречия национальных интересов в экономической сфере, создают объективную основу для возникновения вопросов, являющихся актуальными для межнациональных отношений.

Сверхцентрализм, культ личности на практике, догматизм в теории способствовали формированию концепции об окончательном решении национального вопроса в стране. В процессе ухода с политической сцены тоталитарной системы управления наблюдается формирование национальных блоков с высокой степенью внутренней однородности, которые находятся в скрытом конфликте и тем самым воспроизводят ситуацию, когда общественная идеология уступает место этнико-национальной.

В силу ряда факторов на первый план в стране выдвигается территориальная проблема, которая может создать тяжелейшие трудности в политической, общественной и моральной сферах и приобрести конфронтационный характер, в том числе и в нашей республике.

Основные моменты этих настроений заключаются в стремлении пересмотреть этногеографическую карту Казахстана путем ее перекраивания в пользу сопредельных республик, либо созда-

ния автономий, в идейной основе которых лежат укоренившиеся в сознании определенных слоев населения стереотипов имперского мышления. Главный аргумент, на котором базируются рассуждения инициаторов нового размежевания, таков, что коренное население, т. е. казахи в северных и северо-восточных регионах республики составляют меньшинство, а Западный Казахстан в экономическом отношении якобы давно превратился в органическую часть РСФСР. Отметим, что основной причиной, побудившей их к аргументации этой антигуманной, в сущности антидемократической идеи, является не только незнание ими этногеографии казахского народа, точнее специфики формирования территориально-географической общности кочевников в прошлом, но и абсолютное игнорирование экономических, этнополитических, морально-этических интересов и этнопсихологии коренного населения.

Всякий раз, когда речь заходит о проблемах суверенитета, поднимается вопрос о границах республики. Так было в 1920, 1924, 1936 гг. Та же картина наблюдается сегодня. Это отнюдь не случайно. Здесь прослеживается весьма определенная закономерность, которая может быть объяснена реликтами великодержавного имперского сознания и нежеланием распрощаться с порочным механизмом сверхцентрализации всех уровней общественного бытия и существовавших недемократических структур. Вероятно, ту же тенденцию мы наблюдаем сегодня в разных формах автономистских и сепаратистских настроений.

К сожалению, подобные же, если быть точнее, великодержавные, геополитические тенденции высказаны в недавней публикации Александра Исаевича Солженицына "Как нам обустроить Россию". Она вызвала всплеск эмоций именно тем, что прошла пером-скальпелем крупного художника по незащищенному, болезненно ранимому национальному достоинству многих народов.

Это вынуждены признать даже явные сторонники и защитники писателя-реформатора. Так, "Комсомольская правда" в лице ее политического обозревателя Александра Афанасьева отмечает: "Конечно, какие-то советы и аргументы писателя по межнациональным отношениям представляются анахроничными, отвлеченными или несправедливыми...". Мне бы не хотелось подогревать страсти, но все же не могу не сказать о подобном, говоря словами

Александра Ивановича Герцена, “анатомическом трупоразъятии” живого организма под названием союз советских наций.

Исходная посылка автора о былом благополучии и изобилии при царе-батюшке и “злокачественной марксо-ленинской утопии”, за которую все “спустили”, всего “лишились” и всех “положили на плахи”, имеет открыто наступательную антисоветскую направленность, и было бы сейчас наивно в условиях всеобъемлющего кризиса открывать словесные баталии по этому вопросу.

Температура общественного кипения сегодня определяется атмосферой в области межнациональных отношений, и, в отличие от известного физического закона, бурление страстей тем сильнее, чем больше давление на национальные чувства народов. Именно такой мощный прессинг испытывают на себе сейчас многие благодаря брошюре Солженицына. История России и СССР с точки зрения обиженного родиной человека, дореволюционное время выглядят в радужных тонах, а советский период - только в черной окраске.

Для человека, занимающегося историей народов СССР, подлинным откровением прозвучали слова Солженицына о возвращении “к спокойному сожитию наций, тому дремотному неразличению наций, какое было почти достигнуто в последние десятилетия предреволюционной России”.

Идиллическое восприятие писателем одного из драматических этапов в истории страны удивительно. Ведь это хрестоматийная истина, что первое двадцатилетие XX в. знаменовалось прежде всего борьбой народов национальных окраин империи против колониального гнета. И если бы развитие России пошло по иной социальной модели, т.е. без победы Октябрьской революции, которая идеалами равенства и свободы привлекла на свою сторону взбунтовавшиеся колонии, то историческая стезя государства могла бы иметь совершенно иное направление, чреватое прежде всего распадом на средние и мелкие национальные образования, в том числе и на многочисленные этнические анклавы внутри собственной России.

Задумка Александра Исаевича - создание Российского государства без “иностранцев”, на которых “уже нет сил ни хозяйственных, ни духовных”. Единственное послабление - для славянских народов, да и то в ходульном образе “младших братьев”: украин-

цев, но не “с их искаженным ненародным языком” Западной Украины, белорусов, но чтобы “там не распаляли безоглядного сепаратизма”.

Следующие в очереди за благословением – малые народы и народности. Кавказцам “за верность российскому трону” (как будто не было ни Шамиля, ни Хаджи-Мурата) – возможность поразмыслить, “есть ли расчет им отделяться”. Крымским татарам – возвращение в Крым, но “без права владения им” и т. д.

Таков нациеустроительный расклад России без “среднеазиатского подбрюшья” и других окраинных республик.

Меньше всего в этой дележке пространства, суверенности и прав достается казахам. Оказывается, облагоденствованный “коммунистами без разума”, этот народ получил нарезанную ими территорию, как придется: где “кочевые стада” раз в год проходят, там и Казахстан. Составлен Казахстан, утверждает А. И. Солженицын, из Южной Сибири, Южного Приуралья да пустынных центральных просторов, с тех пор преображенных и восстроенных русскими, зэками да ссыльными народами. И дай бог им отделяться, но в узком обхвате южной кромки республики. Все как по русской поговорке: при пире, при бражке – все дружки; при горе-кручине – все ушли да кафтан унесли”.

Так в чем же провинились казахи перед русским писателем из американского штата Вермонт? Тем, что, учитывая природные особенности ландшафта обитания и оберегая тонкий слой плодородной почвы, создали сложную систему годового цикла кочевков, в первую очередь предполагающего широкий охват пространства? Или тем, что стали национальным меньшинством в собственном государстве, отдавая лучших своих людей, природные сокровища и земли на жертвенный алтарь пролетарской солидарности, который с каждым десятилетием требовал все больших и больших подношений?

Профессиональный и гражданский долг историков требует четкого ответа на амбициозные утверждения, направленные и на разжигание межнациональной неприязни, и на создание новых деформаций исторической действительности.

Основной порок вольных наветов на национальную историю малочисленных народов – нарушение принципа историзма, этого краеугольного камня любого гуманитарного исследования.

И в этой связи проблема территориальной целостности республики должна рассматриваться в конкретно-историческом, пространственно-временном диапазоне. Между тем люди, пытающиеся оппонировать статусу общности земель края, обыгрывают ситуацию реалиями сегодняшнего дня, когда в условиях интенсивных народнохозяйственных взаимосвязей демографическая структура Казахстана приняла ярко выраженный многонациональный характер, с постепенной утратой коренным этносом порога “численной достаточности”.

Между тем бытие любого этноса, как, впрочем, и судьбы связанной с ним территории, нужно анализировать в рамках исторического видения проблемы. Попробуем охарактеризовать в пространственно-временной конкретике наиболее важные фрагменты формирования и развития казахского этноса и его территории.

Создание казахской советской государственности стало результатом ленинской национальной политики; таким образом, существующие территориальные границы не явились результатом какого-либо волевого решения или благодетельствования центральной властью, а исходили из признания автохтонности казахов в пределах занимаемых ими земель.

Территория Казахстана в силу своего географического положения была составной частью общей совокупности развития, охватившей срединную зону Евразийского континента, который в научной литературе принято называть великим поясом степей. Экологические факторы, действующие здесь, определяли совершенно особые формы адаптации этносов к природной среде, специфические формы протекания процессов этногенеза, выражавшиеся в этнизации хозяйственно-культурных типов полукочевого и кочевого скотоводства. А для кочевников, отмечал К.Маркс, “большие необитаемые пространства являются главным условием” хозяйствования и жизнедеятельности. Казахский этнос не покорял, не завоевывал пространства, которые составляют собственно Казахстан, он жил в них. Соответственно этому происходило сложение его быта, хозяйства, культуры, этнопсихологии. Так, находясь на стыке древних миграционных путей из Сибири, центральноазиатских степей в районы Семиречья и Средней Азии и далее на юг и запад, территория Казахстана играла важную роль в исторических судьбах окружающих его племен и народов великого пояса евразийских степей.

Имея в виду проблему номадизма, т.е. кочевого образа жизни, следует признать, что она требует более глубокого погружения в анализ географической обусловленности. Не до конца изжитые представления о кочевом скотоводстве как примитивном типе хозяйственно-культурной деятельности побуждают иных авторов - от наказного атамана сибирского казачества Катанаева до народного депутата СССР Васильевой и писателя Солженицына - отказывать данной системе хозяйства в качестве фактора территориального самоопределения. Послушать их, так только путем глубокой распашки земли человек увязывал себя с территорией. Если же он "просто" веками охотился на ней или передвигался со стадами скота, то это как бы "не в счет", ибо, по мнению новоявленных "прогрессистов", только через земледелие как "культурную" форму хозяйствования можно "утилизировать" территорию.

Что касается "дикого" скотоводства, то при нем земля обречена быть как бы ничейной, т.е. скотоводство как аргумент в пользу этнической увязки территории не воспринимается. Понятно, что такими оппонентами, безнадежно зараженными вирусом давно опровергнутых наукой стереотипов, спорить бесполезно. И все же охарактеризуем структуру расселения кочевых казахов и масштабы их концентрации накануне XX века, поскольку оказывается, еще есть люди, пытающиеся рассуждать о сложных вещах, не имея элементарных представлений даже о хрестоматийных канонах истории. При этом ссылаюсь на дореволюционные издания, которые трудно обвинить в предвзятости, хотя бы в плане фактологической стороны вопроса.

Так, согласно энциклопедическому словарю Ф.А.Брокгауза и И.А.Ефрона (С.Петербург, 1895, т.XV) киргизы-кайсаки (так называли тогда казахов) кочевали по необозримым пространствам от берегов Волги до бассейна Тарима и от низовьев Амударьи до Иртыша. Значительная часть их (свыше 3 млн.) подвластна России, где они живут в пределах Астраханской губернии (216 тыс. душ обоего пола), областей Уральской (412.601 чел., или 79 процентов всего населения области), Тургайской (338.802 чел.), Акмолинской (341.414 чел., или 73 процента), Семипалатинской (547.577 чел., или 90,6 процента), северных уездов Семиреченской области (600 тыс.), Сырдарьинской области (730 тыс., или 60 процентов населения области), Амударьинского отдела (40 тыс.), Самарканд-

ской (20 тыс.) и Закаспийской областей (свыше 40 тыс.); кроме того, часть киргиз-кайсаков Уральской и Тургайской областей (до 40 тыс.) перекочевывают в пределы Верхне-Уральского, Челябинского и Троицкого уездов Оренбургской губернии (так называемая “новолинейная полоса”).

Несколько десятков тысяч киргиз-кайсаков считались проживающими в Хивинском ханстве. В пределах Китая (Сев.-Зап. Монголия) киргиз-кайсаки занимали степную долину Черного Иртыша, северный скат хребтов Тарбагатай и Саура и южный скат Алтая; некоторая их часть (с конца 1860 г.) переходит на северный скат и кочует по притокам реки Кобдо, где платит аренду собственникам тех земель — урянхайцам.

Что касается перекочевков, то они, как отмечается в вышеуказанном источнике, обуславливаются многовековой традицией, а не поисками лучших пастбищ: “Часто киргизы оставляют хорошие пастбища и переходят за целые сотни верст на дурные. Каждый род или аул из года в год следует по одному и тому же пути, останавливаясь у тех же ключей и колодцев, у которых останавливались его предки сотни лет тому назад, и постоянно возвращаясь на зимовку в одно и то же место. Один аул может пресечь дорогу другого или следовать за ним, но всякая попытка нарушить установившийся порядок влечет за собой кровавые столкновения” (стр.103-104).

Следует иметь в виду, что проблема может быть скольконнибудь плодотворно освоена лишь в рамках концепций “культурного взаимопроникновения”. Иными словами, в контексте анализа взаимосвязей сопредельных цивилизаций, регионов и этносов. Парадоксально, но факт, что долгие годы история казахов исследовалась изолированно от исторических судеб соседних народов; более того, противопоставлялась им, а вся разновекторность хозяйственных и культурных контактов искусственно ограничивалась рамками сношений с Россией.

Даже сегодня, когда мы выходим на естественные горизонтальные связи с нашими южными соседями, раздаются, как отмечал Президент республики Н. А. Назарбаев, голоса “о возрождении некоего мифического “великого Туркестана”.

Между тем проблема требует все более комплексного изучения истории тюркских племен, общности их исторических судеб, формирования их этнической территории. Ведь прежде страх пе-

ред жупелом пантюркизма и панисламизма в условиях существовавшей идеологической инквизиции блокировал все попытки в этом направлении.

Ныне доказано, что в состав казахского этноса вошли племена, которые участвовали в процессе сложения многих тюркских народов, который почти целое тысячелетие протекал на огромной территории от Алтая до Черного моря. Достаточно сказать, что в этнониме узбеков, каракалпаков, туркменов, казахов, алтайцев, ногайцев, киргизов, монголов обнаружено более 100 однотипных родоплеменных названий.

В этой связи особую актуальность приобретает проблема хронологической датировки феномена образования казахской народности. Надо отметить, что в течение длительного времени историографическая традиция формировалась под жестким прессингом идеологического контроля. На первом его этапе сталинская концепция о стирании национальных граней при социализме стимулировала такие подходы, которые позволили бы обойти опасность быть обвиненным в “буржуазном национализме”. В последующие времена нажим на исследовательское мировоззрение усиливали ходульные образ “старшего брата” и концепции “первого среди равных”.

Вследствии отмеченных моментов проблема приобрела конъюнктурный характер и произвольно интерпретировалась вне контекста исторической истинности. Одномерная установка на толкование отечественного летописания сквозь призму истории доминирующей нации привела к забвению полиэтнической природы нашей общей государственности. Это отразилось и в хронологии этногенеза народов нашей страны. Подобное давление в полной мере испытала и историография казахов, которая в унисон официальной идеологии создавала искусственные конструкции, аналогичные идее “мессианской роли доминирующего этноса”.

Отражением этого явились, в частности, попытки продлить хронологический отсчет образования казахской народности на более поздний исторический период - XV-XVI вв. Известные ученые - русский А.Левшин, немецкий А.Вамбери - процесс консолидации тюркоязычных племен в казахскую народность относят к IX-X вв. В византийских, иранских источниках того времени встречаются термины “казахия”, “казах”. Советские антропологи В.Гинзбург,

Н.Залкинд утверждают существование антропологического типа казахов между VII–VIII и XII–XIV вв.

Историк-демограф из Узбекистан Х. Салимов (“Население Средней Азии”. Ташкент, 1975, стр.79) полагает, что казахи появились на исторической арене в XI в. Историк из МНР Ислам Кабышев выдвинул версию о том, что казахи консолидировались в народность в канун монгольского нашествия. Такие же суждения неоднократно высказывал академик АН Казахской ССР А. Х. Маргулан. По всей вероятности, процесс консолидации тюркоязычных племен в казахскую народность в канун монгольского нашествия был близок к завершению. Иначе и не могло быть. Протоказахов знали Кушанское царство и Парфия, Китай, Арабский халифат, Киевская Русь, Булгарское государство, Византия.

Слов нет, монгольское завоевание затормозило течение этого процесса, но не могло его приостановить. Он был настолько масштабным и глубоким, что сами завоеватели по существу приняли язык, веру, культуру аборигенов Кипчакских степей. Появление на развалинах империи Чингиз-хана на базе уже сложившегося в народность Казахского ханства – тому доказательство. И в этом плане, по-видимому, будет целесообразным активизировать исследования.

Современная территориальная общность казахского народа сложилась в начале нашего тысячелетия. И с начала ее образования казахи и их территория подвергались непрерывным набегам со стороны ханств Средней Азии, Джунгарии, Китая, но казахский народ сохранил себя как этнос и удержал свою территорию.

Концепцию территориальной целостности Казахской ССР как суверенного государства необходимо также рассматривать с точки зрения методологических принципов, конкретности истины, объективности познания, причинности, всесторонности и полноты рассмотрения, закономерности явлений. В этом ключе сменны научных подходов требует блок вопросов, касающихся проблематики включения Казахстана в состав Российской империи и связанной с этим колонизацией края. Изначальный тезис об исключительно добровольном характере вхождения края веером разошелся в целый круг других проистекающих отсюда сюжетов. В частности, влияние этого момента явно присутствует в освещении истории колонизации. Данное явление всегда рассматрива-

лось в историографии как однозначно позитивный этап. Между тем, если экономическая колонизация сыграла определенную роль в активизации хозяйственной жизни края, а ее культурный фрагмент способствовал духовному взаимообогащению народов, то вряд ли можно увидеть позитив в конфессиональной и военной экспансии.

В связи с последним требуется более объективная оценка места и роли в истории края казачьего сословия. Это был весьма специфический сегмент населения.

По утверждению знатока истории казачества наказного атамана Сибирского казачьего войска полковника Г. Е. Катанаева: "...в отличие от донских, яицких казаков, состоявших из крестьянской вольницы, ряды сибирского казачества комплектовались "исключительно по царскому указу и воеводскому наказу; не только нарядом потребных людей, но и прямою ссылкой в Сибирь как преступников, так и всякого рода пленных...". "На долю этих людей, — продолжает далее автор, — выпала трудная и почетная (хотя и не всегда видная) роль пионеров всяких начинаний и мероприятий правительства по расследованию, занятию, покорению, умиротворению и устройству необъятной Сибири с ее многоязычным населением".

Присоединение Казахстана к России по своим конечным результатам было прогрессивным. Но нельзя умалчивать и о колонизаторской политике царизма.

Краткий экскурс в прошлое показывает, что территория Казахской республики является территорией этноса, давшего название республике.

Водоразделом в исторических судьбах казахского народа стал Октябрь 1917 г. Революция положила конец раздроблению территории края, привилегиям различных сословий, исключая коренное население, национально-колониальному гнету, неравноправию. Октябрь открыл путь воссоединения территории этноса в единое Казахское советское государство. В. И. Ленин считал, что создание национальных государственных формирований соответствует коренным интересам наций. Неоценима роль Владимира Ильича в формировании территории Казахской республики, в воссоединении в единое целое всех казахских земель. И не "десяти-

степенное место” (по Солженицыну), выхваченное из ленинской фразы, занимал в практической деятельности В. И. Ленина национально-территориальный вопрос, а одно из первостепенных.

Он решительно и бескомпромиссно осуждал как местничество, “областничество”, национализм и анархизм, так и бюрократический централизм, тоталитаризм, шовинизм и единообразие. Ленин решительно боролся с попытками разрешать межнациональные конфликты администрированием, принуждением, от кого бы это ни исходило. Его активная поддержка законных требований “националов” не раз обеспечивала правильное решение национальных проблем и представляла собой пример интернационализма не только на словах, но и на деле.

Следуя принципу объективности познания, его всесторонности, мы, профессионалы-историки, обязаны не идеализировать отношения Дешт-и-Кипчака с соседними народами и государствами, но в то же время не сводить отношения кочевников и земледельцев к одному известному противоборству. Исторический опыт уже тогда показывал бессмысленность войн, а народные массы стремились к мирной жизни. Во имя национального мира, создания обновленной советской федерации, суверенной казахской советской государственности не на словах, а на деле, следует больше и шире исследовать связи казахов с использованием Великого шелкового пути, организацию международной торговли в те времена, тюркизмы, вошедшие в русский язык, топонимику Казахстана, вобравшую и местное и внешнее начало, эпос “Кобланды”, “Повесть временных лет” и т.д. Акцент на этом означает диалектический подход к освещению истории Казахстана. Наконец, история располагает достаточными фактами для того, чтобы доказать, что советский патриотизм, интернационализм на крутых поворотах истории Отечества не миф, а реальность.

Таким образом, проблема территориальной целостности Казахстана проецируется в плоскость трех временных измерений: прошлое, настоящее, будущее. В этой триаде исторических фактов и играет едва ли не решающую роль. Именно в связи с этим он требует к себе компетентного отношения.

Выход научного знания из-под идеологической зависимости, в том числе и национально нетерпимой, видится прежде всего в выработке правильных методологических подходов, которые да-

вали бы объективную картину истории и современности нашей государственности.

Казахстанский аспект в этом отношении требует прежде всего преодоления застарелой болезни: деления истории на черную и белую. Это касается взаимодействия кочевых и оседлых культур, во многом имевшего отнюдь не идиллический характер, проблемы этногенеза казахов и соседних с ним народов, специфичность колонизации степного края, с его открытыми и теневыми сторонами, национально-территориального размежевания в советский период и т. д.

Мы хорошо осознаем, что вести диалог с любителями от истории — дело во многом сложное и неблагодарное, ибо полемика здесь ведется на разных информационных уровнях, с апелляцией не столько к научным аргументам, сколько к фантазиям, порожденным эмоциональным приматом. Тем не менее историки не должны отклоняться от подобных дискуссий, ибо только здоровое научное начало может придать им конструктивный, позитивный характер. Именно путем такой кропотливой работы можно достигнуть гражданского согласия, в условиях которого только и возможно будущее нашего государства, как правового, демократического, экономически и культурно развитого компонента мировой цивилизации.

Казахстанская правда, 1990. 4 октября.

НА ПУТИ К СВОБОДЕ

— Манаш Кабашевич, говоря о двадцатом веке Казахстана, хотелось бы обрисовать новый взгляд на основные этапы новейшей истории нашей страны, проследить, какие поколения создавали историю нашей страны в этом столетии...

— Прежде всего стоит пояснить, что представляет собой понятие “поколение”. В общечеловеческом смысле, время жизни одного поколения — от рождения человека до появления на свет его ребенка. Историки периодом жизни одного поколения назы-

вают четверть века. Философы, склонные к более крупным обобщениям, считают, что в течение века живет три поколения.

Полагаю, что в двадцатом веке первым таким поколением, которое я бы назвал поколением борцов, защитников устоев нации, ее будущего, — было поколение Алихана Букейханова, поколение “Алаша”, алашской интеллигенции. Это было удивительное поколение. Если Абай, Чокан, Ибрай жили в эпоху после поражения в открытом бою Кенесары Касымова, то алашевцы считали, что антиколониальную борьбу надо продолжать на ниве просвещения, и таким путем формировать будущее нации. Они прекрасно понимали, что одержать победу над имперской Россией в открытом бою невозможно, и решили сосредоточить свои усилия на сфере духовности. Это был период возрождения нации после длительной депрессии.

Алихан был сторонником европейского пути конституционализма, демократии, или, как мы теперь говорим, цивилизованного пути.

Когда настал роковой 16-й год и казахи, выступая против Указа царя о призыве на тыловые работы, взялись за оружие, алашевцы говорили, что кровавый путь приведет к уничтожению нации. Это были люди, знающие истоки и ход борьбы против колониализма. Получалось, что авангард оторвался от масс, которые еще спали. В этом — трагедия поколения алашевцев. Тогда Миржакып Дулатов написал свое знаменитое стихотворение “Оян, казак! Аш кезінді!” (Проснись, казак! Открой глаза!), которое стало гимном этого поколения. Если в девятнадцатом веке поэтом-трибуном был Махамбет, то в двадцатом — Дулатов. В многовековой истории национально-освободительного движения Европы и Азии только для казахского освободительного движения характерен своего рода союз оружия, силы и духа. Это происходило, когда движение возглавляли такие люди, как Махамбет и Миржакып Дулатов. В Европе есть только один подобный пример, когда Шандор Петефи — поэт и трибун, человек из духовного мира, вел за собой национально-освободительное движение венгров.

Я считаю, что Алихан Букейханов — олицетворение всего двадцатого века. Он был энциклопедистом, выдающимся ученым-историком, экономистом, публицистом, общественным и государственным деятелем, и во всех отношениях шел впереди своей эпо-

хи. Его даже называли Алиханом “шести алаш”. Шесть алаш — это шесть тюркских народов — казахи, кыргызы, каракалпаки, туркмены, татары и башкиры.

— А что обозначает термин “алаш”?

— Один из основателей алашского движения М. Дулатов полагает, что термин возник во времена хана Ахмета, в начальный период казахско-джунгарских войн. Джунгары именовали своих врагов убийцами — “алашы”, а хана Ахмета — Алаша-хан. Поскольку “алаш” наводил на джунгаров ужас, казахи приняли его в качестве урана — боевого клича. Есть и другое объяснение. Прародина тюркских народов — Енисей (Енисай). Роды берш, алшын обитали у притока Енисея, который назывался Алаш. Слово “алаш” изначально обозначало Родину — “Алаштың елі”. У казахов есть пословица: “Еліміз — Алаш, керегеміз-ағаш”, то есть “Остов юрты — дерево, основа Родины — Алаш”. Когда род берш вошел в состав Младшего жуза, этот лозунг перенял весь Младший жуз, а от него — все казахи.

Это слово выбрало поколение Букейханова, призывая к единению народов, говорящих на одном языке, исповедующих одну религию. И партия “Алаш” создала единый фронт борьбы, объединила представителей всех социальных категорий, поскольку призыв к освобождению от колониального ига был всеобщим.

К этому поколению интеллигенции принадлежит и Ахмет Байтурсынов — основоположник казахского языкознания. Ученый-гуманист, он стоял у истоков казахского литературоведения, был автором первого букваря, основанного на арабской графике. Его называли духовным отцом нации. А чего стоит один Магжан! Или первый наш романист Жусипбек Аймауытов, которого Мухтар Ауэзов считал своим учителем! Каждый из этих людей — целая эпоха. Это были могучие люди, и весь двадцатый век стоит на тех устоях, которые заложило это поколение.

— Судьбы большинства алашордынцев закончились трагически, новое время их не пощадило. Но на смену им пришли другие...

— До Февральской революции наша интеллигенция шла единым фронтом, а вот потом началось деление на “центристов”, “правых” и “левых”. Сакен Сейфуллин перешел на сторону “красных”. Одним словом, в рядах интеллигенции произошел раскол. И второе поколение, к которому принадлежат Сейфуллин, Мендешев, стало строителями социализма. К ним, в конечном счете,

вынуждены были присоединиться Мухтар Ауэзов, Каныш Сатпаев и другие. Это тоже могучее поколение. К нему следует отнести и защитников социализма — Бауржана Момышулы, Малика Габдуллина, в 30-е годы начал свою деятельность Кунаев.

И Каныш Имантаевич, и Мухтар Омарханович понимали, что тоталитарный режим всемогущ, оказывать ему открытое сопротивление невозможно. Каныш Сатпаев в свое время был агитатором алашского движения, что послужило в 50-е годы поводом для гонений на ученого. То есть второе поколение интеллигенции сохраняло преемственность, связь с поколением Букейханова. Мухтар Омарханович написал открытое письмо казахскому народу, где заявил, что переходит на сторону режима. Но в то же время в своих произведениях, например, пьесе “Хан Кене” и романе “Қилы заман” (“Лихая година”) дал оценку 16-му году, трагическому для народа, национально-освободительному движению девятнадцатого века, то есть стоял на прочных национальных позициях, за что получал от режима порицания. Эти произведения, по сути, были арестованы. Он называл себя “человеком-справкой”, потому что застал период феодализма, пережил капитализм и жил при социализме...

Это и поколение наших стахановцев. Тяжелая ему досталась судьба, знаю это по примеру отца, братьев. Это поколение, попавшее под каток репрессий, пережившее ужасную войну, голод. В результате голода 1921-1922 годов только на севере Казахстана голодало два миллиона триста пятьдесят тысяч человек. Мы не знаем, сколько из них осталось в живых. В результате голода 1932-34 годов, по нашим подсчетам (мы взяли минимальную цифру), погибло 1 миллион 750 тысяч казахов, а это 49% населения. 1 миллион 200 тысяч человек влились в ряды действующей армии, 700 тысяч — в трудармию. Из 6 миллионов 200 тысяч населения Казахстана дал, таким образом, на войну и трудармию почти 2 миллиона человек. А если сюда включить эвакуированное население — 540 тысяч — и около миллиона спецпереселенцев, то получится, что каждый четвертый казахстанец был мобилизован на нужды фронта и военной экономики. И каждый второй из них не вернулся. Вот какова для нас цена Второй мировой войны. Тотальная мобилизация у немцев составляла 12 процентов, у нас в Казахстане — 25. Мировая история не знает этому аналогов. Что ж, мы всегда были пионерами — перевыполняли план.

После целинной эпопеи и эпохи гигантских строек казахи в своей республике стали меньшинством. На территории Казахстана было 17 лагерей, принадлежавших системе ГУЛАГа, 70 с лишним лагерей республиканского значения. Причем только численность спецпереселенцев составляла 900 тысяч человек. Казахстан был гигантским лагерем. И это выпало на долю второго поколения.

В 50-е годы в общественную жизнь вступило третье поколение. В России это поколение Гагарина. У нас — Олжаса Сулейменова, Нурсултана Назарбаева. Сегодня оно строит новое общество. Выходит на историческую арену и четвертое поколение строителей суверенного Казахстана.

Таков в глобальном смысле двадцатый век для Казахстана. Для этого века характерны всевозможные революции, перевороты, перестройки. Сколько себя помню, всегда жил в условиях перестройки!..

— А как бы Вы охарактеризовали свое поколение?

— Мое поколение — выжидательное поколение. Ему не удалось в полной мере реализовать свой потенциал, свои возможности, энергию. К тому времени, когда наступила независимость, многие мои ровесники оказались не у дел.

Порой мои друзья — Шерхан Муртаза, Камал Смаилов — полушутя, полусерьезно говорят, что все мы — дети, рожденные в период голода, в тридцатые годы. С раннего детства до окончания университета мы мечтали о том, как бы наесться досыта. От него мы избавились только, окончив университет, став специалистами. Но мое поколение стало поколением очевидцев главных событий двадцатого века. После окончания университета я работал старшим преподавателем Кустанайского учительского института. Тогда я впервые смог построить для своих родителей сносное жилье. Женился, появился на свет первенец. Сначала жили с родителями, потом перебрался в Алма-Ату по приглашению своего учителя — академика Бейсенбаева, стал работать старшим научным сотрудником в Институте истории партии при ЦК Компартии Казахстана. Свое первое настоящее жилье получил в начале 60-х, когда мне было уже за сорок. К тому времени я был кандидатом наук, подающим надежды исследователем. И очень рано для своих лет, в 64-м, “заработал” свой первый инфаркт. Потом успел получить еще два. Так что я меченый.

Своим образованием, тем, чего я достиг, во многом обязан отцу. Уже много лет работаю в Институте истории и этнологии. По моим стопам пошел и мой сын Ильяс.

— Манаш Кабашевич, в последнее время отношение к тюркской цивилизации стало пересматриваться, современные историки уже не считают ее исключительно кочевой. Каково Ваше мнение по этому поводу? Какое место занимает тюркская цивилизация в мировой системе ценностей?

— Освальд Шпенглер в своей книге “Закат Европы” называет восемь типов цивилизаций: египетская, вавилонская, аполлонская (греко-римская), арабская, фаустовская (европейская), китайская, индийская и, как он писал, не полностью оформившаяся русско-сибирская, к которой он относил и нас. Каково же место нашего народа в мировой цивилизации?

На Туранской низменности, на огромной территории обитания народов Центральной Азии была своя цивилизация с богатой городской культурой. По данным российских исследователей, к которым присоединяемся и мы, в ареале Великого Шелкового пути, от Афганистана, Пенджаба и до Тараза, городское население составляло 20 процентов. По данным археологической экспедиции академика Маргулана, такая же городская цивилизация была и в центральной части Казахстана. Таким образом, до монгольского нашествия у нас сочетались городской и кочевой образ жизни.

Маркс говорит в своих “Хронологических записках”, что в городе Балх существовало 1200 общественных бань, множество публичных библиотек. Существует легенда, что от Афганистана до Тараза можно было дойти по крышам домов, а соловей, перелетая с розы на розу, мог попасть в другой город.

Синтез городской и кочевой цивилизации я бы назвал степной цивилизацией. К сожалению, пока такой термин в науке не используется.

Некоторые из названных немецким социологом цивилизаций ушли в прошлое. Европейская цивилизация, как и американская, стала космополитичной. На сегодня национальную основу имеют китайская, индийская и русско-сибирская цивилизации. И, конечно, наша, степная. Мы и сегодня продолжаем ее создавать.

— На протяжении всего двадцатого века наша культура часто находилась под угрозой исчезновения. В полной ли мере с обретением

независимости мы используем возможность сохранения духовного богатства нашей страны?

— Почти триста лет мы находились в условиях колонизации — с 1731 по 1991 год. Причем колонизация наступала фронтально: казахи лишились наиболее плодородных земель в районе пойм рек (около 45 миллионов десятин земли). Казачья колонизация прошла вдоль рек, по центральной части страны. Из одиннадцати подразделений российского казачества шесть так или иначе обособились в Казахстане. Специфика казачьей колонизации заключалась в постоянной готовности казаков к войне, к подавлению любого выступления. По существу это была военная оккупация. Одновременно шла и духовная колонизация. Было создано специальное управление по христианизации туземного населения. Ставилась задача полной христианизации — той, что постигла чувашей, бурят, мордву. Только запланирована она была на начало двадцатого века. Происходило наступление на нашу землю, религию, язык, то есть на цивилизационные устои.

Некоторые полагают, что колонизация ушла в прошлое. Но наша независимость только тогда станет прочной, когда мы будем независимы духовно, информационно, экономически. Сейчас свыше сорока миссионерских организаций действуют только в Алматы — какая же идет духовная агрессия!

В двадцатом веке мы создали немало проблем для века будущего. Продажа национального богатства, наших недр — это тоже проблема для будущих поколений.

Но в истории всегда существует некий баланс. Как нация, мы были на грани исчезновения, стали приспособливаться к жестокому двадцатому веку, искать способы выживания. В какой-то мере двадцатый век закалил нас. В двадцатом веке, став грамотной нацией (советская власть все же дала нам всеобщую грамотность), мы оказались подготовленными к национальному возрождению. Хотя и потеряли многое. И в условиях независимости мы получили возможность возродить нашу былую культуру — и духовную, и материальную. Прощаясь с двадцатым веком, будем ему все-таки благодарны, ведь он дал нам долгожданную независимость.

1723 год, время войны с джунгарами, был для нас годом национального бедствия. Тогда мы потеряли сорок процентов населе-

ния. В двадцатом веке — значительно больше, около шестидесяти. В этом смысле двадцатый век — рекордный, катастрофический, век противостояния двух миров — капитализма и социализма, век освобождения народов от колониального рабства. Словом, это был век суровых испытаний и, наконец, век величайшей радости.

— Большое спасибо за интервью.

Интервью вел Асель Омар
“Новое поколение”, № 3,
1998 г, январь.

ЭКСПЕРИМЕНТ МИРОВОГО МАСШТАБА ПРОВАЛИЛСЯ

Корр.: Мы все хорошо знаем историю Древней Греции, древнего Рима, царство Урарту, но мы, к великому сожалению, плохо знаем свою историю, историю Древнего Казахстана. Почему так получилось?

М.К. : Причин для это несколько. Первопричина в том, что история Казахстана была составной частью истории России. При чем концепцию вырабатывали российские ученые, а наша история в учебниках занимала очень малый удельный вес. Историю народов России стали преподавать в 90-х годах. Ныне история Казахстана стала самостоятельным предметом, общеобязательным как в школах, так и в вузах. К сожалению, наши учебники пока не могут конкурировать с российскими учебниками. Мы это осознали и даем себе отчет, это можно понять. Многие вопросы нашей истории не разработаны. К примеру, история национальной казахской государственности, — это была запретная тема. Вы правы, что мы действительно лучше знаем историю других древних государств нежели свою. На самом деле, до V века до нашей эры были государства уйсуней, позднее кереитов, найманов, дулатов, канлы и др. Об истории государства дулатов пишет мырза Мухаммед Кайдар Дулати, известный казахский историк. На территории нашей

страны была огромная империя — Западно-тюркский каганат. Сейчас мы разрабатываем эти вопросы, ситуация улучшается. О государстве найманов впервые нам написал казах из Китая, историк, ученый Еженхан, были использованы китайские источники. Одним из наших аспирантов разрабатывается история государства керейтов, тех самых, что помогли прийти к власти Чингисхану. Хотя и с большим опозданием, но мы исправляем положение.

Корр.: Казахы всегда изображали как кочевников, пасших свои несметные стада на обширных территориях, которые они завоевывали путем бесконечных войн. Достоверна ли эта информация?

М.К.: В научной среде идут споры о цивилизованной принадлежности казахов, к какой же мы относимся цивилизации: оседлой или кочевой. Научные исследования последних десятилетий доказывают, что был синтез кочевой и оседлой цивилизации. Это была Степная евразийская цивилизация, со своими характерными признаками. В городах по маршруту Великого Шелкового пути городское население доходило до 20%.

Интенсивно исследуется этногенез казахов. Мы подключаем сейчас Шежире, антропологию. По-новому освещается история Золотой Орды. К моменту завоевания монголами казахская народность была уже сложившейся, это однозначно. Государство казахов было известно как страна Дешт-и-Кипчак от Алтая до Дуная, состоящее из 92 племен (“92 баулы кыпшак”). Исследователь, академик АН РК Р. Г. Кузеев пишет, что в состав башкиров и казахов вошли одни и те же 100 племен. Другое дело как потом сложилось экономическое, социальное устройство этих племен. После присоединения с монголами в состав кипчаков вошли керей, найманы, унгыты, мангыты, т.е. кипчаки превратились в суперэтнос, а потом они распались на ряд этносов. Казахи называют своих соотродичей (этнических) “алты алаш: казак, созак, каракалпак, ногай, башкир, татар, киргиз.”

Также серьезной проблемой оказалась для нас, историков, вопрос присоединения Казахстана к России. Концепция присоединения трактовала этот процесс как добровольный, прогрессивный. Ныне же мы считаем, что это был многомерный, многовариантный процесс, т.к. было много положительного, но были и негативные моменты.

Как ни странно, советский период оказался сплошным белым пятном, почти все вопросы: коллективизация, индустриализация, культурная революция, нами пересмотрены. Даем иную интерпретацию истории победившего социализма как социализма казарменного, феодально-азиатского. Конечно, нельзя отрицать и положительные стороны социалистического строя, но в то же время жизнь доказала, что он как эксперимент мирового масштаба провалился. Одним словом, историю Казахстана мы осмысливаем. Создаем пятитомник, академическое издание. Вышел уже I том. Готовим иллюстрированную историю Казахстана, военную историю, изучаем фронтально историю национально-освободительных движений. Причем национально-освободительные движения — это непрерывный процесс. Завершающим моментом явились декабрьские события 1986 года.

Корр.: В этом году исполняется 270 лет Анракайскому сражению, в котором казахи одержали историческую победу над джунгарами, нанеся сокрушительный удар. Я знаю, что Вы были в числе экспедиции по этим местам вместе с госсекретарем РК А.Кекильбаевым. Расскажите, пожалуйста, поподробнее об этом.

М.К.: В 1723 году произошли трагические события в жизни казахского народа. Это была “Година великих бедствий”, “Ақтабан шүбырынды”. Тогда казахи потеряли 40% своего населения, в основном это был Средний Жуз. Китайские чиновники подсчитали, что казахов было около двух миллионов. Свыше миллиона было уничтожено при джунгарском нашествии. Такой катастрофы не переживал еще казахский народ. Так началась четвертьвековая народная трагедия, получившая в народе название “Ақтабан шүбырынды, алқакөл сұлама”, то есть: “Время, когда весь народ со стершимися от бегства подошвами лежит, обессиленный, вокруг озера скорби”.

Именно в эти годы родилась великая и неутешная в своей горести песня “Елим-ай” — “О, мой многострадальный народ”:

Караваны горя спускаются
с гор Каратау
И возле каждого каравана
уныло плетется
Сиротинушка-верблжонок.
О, как тяжело лишиться Родины,
Крупные слезы мешают
смотреть на мир.

О, что за время пришло —
 время страданий
Птица счастья покинула
 нашу горькую степь,
Люди бегут из родных мест,
 как развеянные бурей птицы,
Холоднее лютых буранов зимних
 оставляемый ими белый след.
О, что за время пришло —
 время скорби великой!

(И.Есенберлин “Кочевники”)

В 1726 г. три Жуза заключили союз. Первое сражение с джунгарами произошло на р.Буланты в районе Улытауских гор. В 1729 (1730 г.) произошло Анракайское сражение, где казахские ополчения одержали победу над джунгарами. Образно говоря, это была своего рода Куликовская битва или Бородинское сражение. Участвовало с двух сторон 150 тыс.воинов. Сражение длилось много дней и ночей. Поле битвы занимало, по литературным источникам, около 120 км.

Это район ит-ишпес Алакуль (соленая часть оз. Балхаш), с левой стороны гора Абулхаир, где стоял штаб казахского ополчения, напротив гора Анракай. Есть две версии происхождения названия Анракай. По одной легенде, река Или из горных теснин с ревом (“Аңырап”) выходит в степные просторы. И вторая версия: враг потерпел поражение, стоял стон, плач на гигантском побоище.

Думаю, что Анракайское сражение займет достойное место в истории Казахстана. Нужно воспитывать у молодежи чувство патриотизма, любви к своей Родине на этих ярких примерах беззаветного мужества и нестигаемой воли к победе. В ходе экспедиции во главе с А. Кекильбаевым мы еще раз сверили литературные данные с географическими реалиями. Смотрели Хантау, ставший неоднократно в истории местом ханской ставки, знаменитую Жусан Дала, Анракайскую долину. Очень много впечатлений. Мы сейчас устанавливаем этапные события и хотим отразить в истории Казахстана. Так что впереди много работы, интересных событий.

Корр.: Спасибо большое за интересную беседу.

**Интервью вела М.Искакова.
“Голос казаха”, ноябрь, 1997 г.**

ДЕТИ ОКТЯБРЯ НЕ ЗАБЫВАЮТ СВОЕГО МЯТЕЖНОГО ПАПАШУ

Сегодня, как говаривали раньше докладчики в своих напыщенных речах, “все прогрессивное человечество отмечает годовщину Великой Октябрьской революции”, причем не просто очередную, а эпохальную, восьмидесятую по счету. Правда, уже без тех помпезностей и размаха с транспарантно — плакатным шествием по центральным площадям городов, живыми “картинками” с мятежного прошлого и обилием фанерных броневигов. Было бы подозрительно и странно, если бы мы, вчерашние статисты праздничных колонн, не вспомнили о седом, но не по возрасту бодром юбиларе, считает директор Института истории и этнографии академик **Манаш Кабашевич Козыбаев**.

— Можете ли Вы, Манаш Кабашевич, назвать наше поколение детьми Октября?

— Разумеется. Мы все вышли из шинели социализма. По большому счету я солидарен с оценкой Джоном Ридом событий 1917 года в его “10 днях, которые потрясли мир”. Это, несомненно выдающийся факт мировой истории, оказавший влияние на мировое развитие. Другое дело, как мы им распорядились, какой социализм построили.

— Но ведь верили слепо: другого нет у нас пути...

— И что получили взамен обещанного светлого будущего? Максимальную централизацию под эгидой правящей партии господство методов неэкономического принуждения, командно-бюрократический подход при решении назревших проблем прогресса, видимость национальных государств, по выражению Ахмета Байтурсынова, в форме “кукольных” республик! Более того, за эти десятилетия окончательно потеряли собственника, превратив рабочих и крестьян в безликих поденщиков, стали равными в бедности и растворились как личности.

— Неужели в памяти людской не сохранилось ничего светлого о советской власти?

— Было бы нечестным по отношению к недавней истории воспринимать казарменный социализм только в мрачных тонах. Не при нем ли честно говоря, казахский народ собрал воедино земли, принадлежавшие ему до колонизации царской империей,

обрел, пусть и опереточную, но государственность? А чего мы, собственно, бы стоили, отвергая заслуги в просвещении населения и эмансипации женщин? Не могу так же не согласиться с высказываниями Ленина о влиянии революции на очищение социальных отношений от паутины средневековья, крепостничества и феодализма. Хотя, убрав этот благоухающий тенетник, большевики соткали новый, но еще похлеще, из классовой ненависти, ревтрибуналов и “троек”, кровавого террора и репрессий.

— **Какой контекст, Манап Кабашевич, вы предпочли бы для этой главы в школьном учебнике?**

— Только беспристрастный и объективный. В этих десятилетиях тесно переплелись и трагические, и героические страницы. Почему мы должны скрывать тот факт, что в стране, одержавшей верх над фашизмом, ставшей мировой державой, ни в чем не повинные миллионы гибли от репрессий и голода? Или допустим, на каком пределе человеческих возможностей строился Турксиб? А взять нашу новейшую историю, где тоже есть над чем поразмышлять...

— ... И в которой, кстати, демократы показали себя отнюдь не ревнителями, очистив гранитные постаменты от зловещих фигур прошлого? Неужели думают всерьез, что с их уходом не останется камня на камне от наследия Октября?

— К глубокому сожалению, опыт большевиков не пошел нам впрок. Согласитесь, ведь проще всего отправить на свалку истории воплощение в образе или “вытравить” имена, ассоциирующиеся в нашем представлении с террором и насилием, в названии улиц и проспектов. Я отношу это к своего рода издержкам демократического роста, к левацким заскокам. Поэтому вполне понимаю и отношусь со снисхождением к тем людям, которые 7 ноября ностальгически вздыхают по прошлому, собираются вместе, чтобы излить свои чувства и получить внутреннее облегчение.

**Интервью вел Игорь Черепанов
“Казахстанская правда”,
1997. 7 ноября. (№ 236).**

С ЧЕГО НАЧИНАЕТСЯ ВОЕННАЯ РЕФОРМА?

Подчеркивая миролюбивую внешнюю политику республики Президент страны Н.Назарбаев в Послании народу Казахстана говорил о необходимости уделять первостепенное внимание строительству и модернизации вооруженных сил, повышению уровня их профессиональной подготовки и боеготовности, оснащению современным средствами вооружения.

Меры по реформированию вооруженных сил должны привести к созданию немногочисленной по составу, но мобильной, хорошо оснащенной армии, обладающей достаточной огневой мощностью, способной совершать быстрые эффективные маневры и в кратчайшие сроки решать любые задачи на огромных просторах нашей страны. Такая армия должна быть оснащена автоматизированными системами управления войсками, современным оружием и военной техникой, средствами связи и навигации.

С первых лет нового тысячелетия, по мере экономического роста страны, наши Вооруженные Силы будут получать достаточно средств для перевооружения и технического оснащения. Об этом говорил в январе нынешнего года глава государства, выступая в Военной академии. В настоящее время полным ходом идет работа по реформированию армии. Уже очерчены его конкретные этапы. Первый (1998-2005) — создание профессиональной армии; второй (2006-2015) — переоснащение армии вооружением и техникой на основе современных технологий; третий (2016-2030) — достижение уровня ари и передовых стран.

За первые годы независимости Казахстана сделано немало. В стране сложилась система вооруженных сил, создана сеть высших военных учебных заведений. Начаты преобразования в сфере подготовки научно-педагогических и научных кадров. При Военной академии создается военно-научный центр, ведется работа по унификации и стандартизации системы военного образования, произведен набор адъюнктов.

Затрагивая проблемы, которые отчасти являются задачами недалекого будущего, полагаю, что интересы становления и укрепления вооруженных сил тесно связаны с подготовкой военно-теоретической элиты, мыслителей нового поколения.

Военная наука Казахстана призвана изучить проблемы стратегии, военные аспекты безопасности государства, оперативное искусство в целом, тактику по видам вооруженных сил, их строительства. Она не может обойти вопросы военного обучения и воспитания, боевой подготовки, военных систем управления и обеспечения (разведка, тыл, связь и т. д.).

Нам, видимо, еще рано говорить о разностороннем развитии военной науки, однако мы уже обязаны развивать ее составные части. К ним я отношу теоретические проблемы военного строительства, обучения и воспитания, военной экономики и тыла вооруженных сил.

Военная история в широком смысле является составной частью общей истории. В период становления Вооруженных Сил РК приобретают особую актуальность создание военно-исторической службы, изучение опыта прошлого, обобщение событий нашего времени.

Мы, гражданские историки, анализируем военную историю народов, опыт участия народов Казахстана в защите Отечества. Завершена работа над "Очерками военной истории Казахстана". Вместе с тем считаем, что настало время привести в соответствие с новыми реалиями военную географию Казахстана. Ждет своего создания военный терминологический словарь.

В Казахстане сейчас вырабатывается новая идеология как система идей и духовных ценностей. В качестве общенациональной идеи, которая должна обеспечить нормальное функционирование нашего общества, выдвинуты идеи упрочения гражданского мира и межнационального согласия, идея национального и общенационального, общеказахстанского патриотизма. При этом, на наш взгляд, следует, следует шире и глубже исследовать истоки казахстанского национального патриотизма. Этот аспект важен потому, что казахский народ несет особую ответственность в формировании общенациональной идеи упрочения гражданского мира и межнационального согласия.

В Ордабасы глава государства говорил: "Отныне у всех нас единая колыбель, общая Родина — казахская степь. Отныне мы не должны обособляться, делиться, коситься друг на друга: где бы мы ни были, где бы ни родились, у нас одни желания, одна цель, общие радости и горести... Казахский народ ныне обязан быть

объединяющим началом всех народов, населяющих Казахстан. На пути к этой цели необходимо сплотить в одну общую семью все народы республики, объединить все усилия для ее достижения. Мы обязаны ради нашего будущего, ради благополучия наших внуков жить в мире и согласии”.

Что же нужно для формирования общеказахского патриотизма? Выбатывать у граждан и, конечно же у воинов сознание принадлежности к единому Отечеству, воспитывать у них чувства патриотического долга, ответственности за укрепление экономической, духовной и военной мощи страны, защиту ее интересов, прививать им непримиримость к национализму, шовинизму, экстремизму, сепаратизму.

Необходимость разработки идеи общеказахского патриотизма диктуется, наконец, еще и тем, что понятия “Интернационализма”, “патриотизм” связывались преимущественно с пролетариатом, рабочим классом, его гегемоне. Классовый, идеологизированный подход, считавшийся основным источником советского рабочего класса, порою исключал способность к проявлению патриотизма у крестьянства и интеллигенции. Характерно, что в ноябре 1941 года И.Сталин, обращаясь к соотечественникам, был вынужден в результате собственной политики апеллировать не к советскому, а “дедовскому”, народному патриотизму, к духу великих предков русской нации.

Культивируя сегодня всеказахстанский патриотизм, мы обязаны изучать истоки подлинно народного патриотизма казахов, знать и уважать патриотические традиции представителей других наций и народностей, населяющих Казахстан. Предстоит изжить идеологию жузовщины, тенденции возвеличивания в истории и этногенезе казахского народа тех или иных родоплеменных групп. Следует на деле проводить принципы равноправия и добровольного стремления к сближению, инеграции, органического сочетания национальных и общечеловеческих интересов.

Наконец, нам необходимо решительно бороться против очернительства прошлого. Плохое или хорошее, но оно часть нашей истории, а уважительное отношение к истории – это в то же время уважительное отношение к современности.

К сожалению, проблема общенационального, всеказахстанского патриотизма разрабатывается нашими обществоведами роб-

ко. Слабо освещают эту проблему и средства массовой информации. Чтобы устранить этот пробел, стали лучше взаимодействовать Министерство обороны и Министерство науки - Академия наук. Решено создать Межведомственный научно-технический совет (МНТС) — консультативно-рекомендательный орган для выработки предложений по интеграции звеньев военной и гражданской науки. Совет поможет проводить единую государственную научно-техническую политику, объединит усилия научных потенциалов двух ведомств.

Составными частями государственной программы поддержки и развития военной науки, а такая программа сейчас формируется, являются концепция развития военной науки, ее нормативно-правовая база, организационные основы. Предпочтение отдается также порядку финансирования, перспективам развития научно-экспериментальной базы.

В настоящее время, когда страна переживает огромные трудности переходного периода, часто можно слышать вопрос: нужна ли нам армия? Ответ однозначен: нужна.

Да, мы переживаем трудные годы становления новой государственности. Военные конфликты потрясают отдельные страны ближнего зарубежья. А какие только высказывания не приходится слышать! Но как гласит восточная пословица: собака лает, а караван идет. Военная реформа должна стать общегосударственной задачей и всенародным делом, так как она затрагивает интересы национальной безопасности страны и каждой казахстанской семьи. Чтобы наша армия стала народной, ее следует окружить всеобщим вниманием и заботой. Конечно, в военном строительстве много проблем и они решаются, но усилиями только всего общества. Иные ретивые “сторонники” военных реформ специализируются на критике ее недостатков, отдельных промахов военных практиков. Но общество призвано относиться к вооруженным силам, детищу независимого государства, с любовью и в меру своих возможностей помогать становлению армии, воспитанию воинов в духе всеказахстанского патриотизма. Это долг каждого гражданина.

Казахстанская правда, 1998, 28 марта.

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ КАЗАХСТАНА: ПРОБЛЕМЫ НАУЧНОГО ПОСТИЖЕНИЯ

Научная база оборонной мощи страны, как часть научно-технического потенциала, объединяет многие отрасли знания. Одни из них исследуют проблемы геополитики, международных отношений и борьбы за мир. Другие на основе достижений естественных и технических наук разрабатывают новейшие системы вооружения. Собственно военная наука изучает характер и законы войны, подготовку к ней страны и вооруженных сил, способы ведения военных действий. На такой широкой основе вырабатывается военная доктрина государства, составляются законы по вопросам военного строительства, директивы и решения о способах комплектования, обучения и боевого применения войск.

Не секрет, что в полном объеме ни одной группы названных наук ныне в нашей республике нет, и потому их создание и быстрое становление - задача первостепенной важности. Судя по печати, соответствующие органы государственной власти суверенного Казахстана многое уже сделали и делают для решения впервые возникших неотложных проблем, но один участок работы остается пока вне поля их зрения.

Речь идет о военной истории. Невнимание к ней можно объяснить тем, что многие видят в ней только часть общей истории, упуская из виду ее специфику. Специфика же такова: военная история не только дополняет и углубляет общую, но и, вскрывая причины возникновения и характер конкретных войн, исследуя развитие оружия и родов войск, форм их организации и обучения, закономерности хода и исхода вооруженной борьбы, процессы совершенствования морально-боевых качеств личного состава и военного искусства командиров, дает ценнейший аналитический материал как для военной науки, так и для высших органов военно-политического руководства по вопросам всестороннего обеспечения обороноспособности страны и боеготовности армии.

Особо следует сказать о поистине незаменимой роли военной истории в сохранении и передаче от поколения к поколению традиций героизма и бескорыстного служения Отечеству.

Военная история как отрасль науки в нашей республике находится фактически на стадии зарождения. И неудивительно. Де-

сятилетиями считалось, что военно-исторические исследования допустимы и достаточны на общесоюзном уровне, а в республиках можно ограничиться работами в плане гражданской истории да книгами о выдающихся героях, о боевом пути отдельных частей и соединений Советской Армии. Ошибочность “прописки” большинства жанров военно-исторических работ только в центре была для специалистов очевидна, но власть предрешающие убедились в этом лишь сейчас, в период становления суверенных государств и создания их армий.

С конца 1991 года в Институте истории и этнологии им. Ч. Валиханова Национальной Академии наук вынашивалась идея о разработке сводного труда об историческом опыте защиты Отечества на материалах своей республики, и с начала текущего года в план научно-исследовательских работ включена новая тема: “Военная история Казахстана: учебное пособие для курсантов военных училищ и студентов вузов”.

Учебник по военной истории республики явится первой попыткой обобщения и освещения всего пути развития военного дела у народов Казахстана с древнейших времен до наших дней. В нем будут описаны основные этапы развития и международно-правового статуса республики и ее геополитическое положение в разные эпохи, материальное и общественное положение защитника Отечества, процесс формирования границ и система их охраны. Найдут отражение также опыт и перспективы использования героических традиций прошлого в строительстве армии в наши дни.

Нам особо хочется сказать, что подготовка названного учебного пособия может и должна стать началом планомерной и глубокой разработки военной истории Казахстана. Она поможет определить тематику последующих научных работ, коллективных трудов и монографий, докторских и кандидатских диссертаций. Среди важнейших направлений уже сейчас можно назвать “углубление в века”. Известно, что до недавнего времени крен делался на изучение советского периода, а предшествующие столетия трактовались как предыстория, и часто только в негативных тонах. Таковую ненормальность следует исправить. История борьбы казахского народа за свободу и независимость поставит на службу делу патриотического воспитания подрастающих поколений вели-

кие дела предков, имена народных батыров, не щадивших сил и самой жизни во имя процветания Родины.

Немало предстоит сделать и по истории советского периода. Наряду с ликвидацией так называемых “белых пятен” придется поработать над устранением отживших догм и стереотипов, излишней идеологизации в описании явлений и событий, показать во всей полноте и величии народ и рядового солдата как основного творца побед.

Объем предстоящей работы велик, и ее значение трудно переоценить. Ее успеху способствовала бы соответствующая организация научных сил. Давно назрела необходимость создать в составе Института истории НАН РК отдела военной истории, возложив на него не только подготовку учебника и других работ, но и координацию исследований по военной истории.

Важной предпосылкой плодотворной разработки нового направления в исторической науке Казахстана является расширение документальной базы по данной проблематике. Много уже сейчас имеется в архивах Казахстана. Много исследователи могут почерпнуть в фондах архивохранилищ России, Узбекистана и других стран. Но было бы совсем неплохо часть этих богатств - прежде всего в архивах Омска, Оренбурга, Томска, Москвы, Санкт-Петербурга, Гатчины, Подольска и других городов - выкопировать целыми фондами. К примеру, фонды органов военного управления, казахстанских частей и соединений, личные дела наших земляков и другие должны быть доступны не только высококвалифицированным и высокооплачиваемым научным сотрудникам, а и работникам краеведческих музеев, аспирантам, журналистам. Ясно, что ксерокопирование целых фондов - дело непростое и недешевое. Но необходимое даже в том случае, если странам СНГ удастся восстановить военно-политическое единство.

В заключении обращаемся к министрам обороны, внутренних дел, науки и новых технологий, народного просвещения, к президенту нашей Академии наук с просьбой рассмотреть вопросы о возможности введения с 1995-1996 учебного года во всех военных учебных заведениях и на исторических факультетах университетов и педагогических институтов курса военной истории Казахстана, о подготовке преподавателей по этому курсу и о созда-

нии военно-исторической службы в Вооруженных Силах республики. Одновременно просим их, а также государственные и частные предприятия и учреждения о выделении средств на финансирование исследований и издание трудов по военной истории Казахстана.

Опубликовано в соавторстве: П. Белан — доктор исторических наук; А. Тасбулатов — начальник Алматинского высшего общевойскового командного училища, генерал-майор; А. Коваль — заместитель начальника Алматинского высшего командного пограничного училища, полковник; А. Галиев — начальник кафедры Алматинской высшей школы МВД РК.

“Казахстанская правда”, 1993, 6 июля.

ВОЕННЫЕ РЕФОРМЫ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ

“Бағдар” — “ориентир”, на казахском языке обычно употребляется в сочетании со словом “Бағыт”.

Бағыт — направление. Таким образом, журнал, как гласит его название, призван определить основное направление теоретических разработок в военном строительстве, дать точные ориентиры для военных кадров.

На этапе становления и укрепления Вооруженных Сил Республики Казахстан основным таким направлением является разработка концепции военной реформы, определение наших приоритетов. Каково наше видение этой проблемы?

Исходя из того, что наш менталитет во многом вытекает из глубин истории, мы, казахстанцы, обязаны максимально учесть своеобразие переживаемого исторического момента.

Во-первых, мы не имеем возможности содержать огромную армию, но нам необходимо иметь, в интересах защиты суверенного государства, небольшую по численности, высокомобильную и современную армию.

Во-вторых, Республика Казахстан, используя мировой опыт, должна постепенно переходить к организации подготовки резервистов по единой программе на самой современной технике.

В-третьих, надо помнить, что мы живем в новом Отечестве и поэтому необходимо формировать новую систему идеологической закалки своих защитников, военно-политического воспитания всего населения страны.

В этом смысле, журнал “Бағдар” призван ускорить формирование военной и духовной элиты. Мы не должны забывать о трех источниках нашего военного искусства, а именно:

- о национальном опыте военного строительства, об опыте строительства армии в тюркских государствах;

- о российском, советском военном опыте и военной истории;

- об опыте международного военного строительства.

Казахский национальный менталитет, в том числе военный сформировался в период многовековой защиты Отечества от агрессии со стороны джунгар, волжских калмыков, цинской империи, средневековых ханств Востока, Российской империи. Да и сами казахи совершили немало опустошительных набегов на своих соседей. Так или иначе казахов считали в прошлом воинственным народом.

Помня об этом журнал “Бағдар” призван освещать весь опыт защиты Отечества казахского народа объективно, обратив внимание на то, что полезно для современного военного строительства.

Надо помнить и о том, что мы в лице России на протяжении с 1731 года до 1991 г. имели единое Отечество. Исходя из этого, мы обязаны весьма уважительно относиться к своему героическому прошлому, совместному опыту народов к защите Отечества. Обиды на империю, тоталитарный режим не должны распространить на русский народ, российское Отечество.

Поэтому, обращение к историческому опыту военных реформ и исследование процесса военного строительства в армиях мира, затронутые в данной статье вызовут на наш взгляд, несомненный интерес у аудитории журнала “Бағдар”.

Таким образом, при разработке концепции военной реформы в Казахстане и ее составной части — реформирования самих вооруженных сил — видится необходимым, использовать имеющийся опыт военного строительства других стран...

На основании сравнительно-исторического анализа имеющихся материалов можно сформулировать следующие *тенденции зарубежного военного строительства*.

В современном мире, несмотря на общее снижение значения военного фактора в международных отношениях, *вооруженные силы продолжают оставаться неотъемлемым атрибутом и гарантом национального суверенитета*.

Место вооруженных сил в политической системе общества обычно закрепляется в конституции страны. Как правило, это делается в самой общей форме.

Предназначение, функции вооруженных сил и другие вопросы, связанные с определением их положения в государстве, регламентируются в специальных законодательных актах и других документах.

Так, в США нет особой статьи в конституции, посвященной вооруженным силам, а военное строительство осуществляется на основе закона о национальной безопасности и положений кодекса законов США.

На практике реформы в вооруженных силах в основном проходят по двум направлениям.

Первое, можно охарактеризовать как демократизацию армии. Это направление реализуется в различных формах. Происходит “либерализация состояния военнослужащих”, допускается создание профессиональных организаций военнослужащих (Нидерланды); в рамках концепции “Солдат-гражданин в униформе” (ФРГ) обеспечивается сохранение гражданских прав военнослужащих, отсутствует военная юстиция, социальная и правовая защита военнослужащих гарантируется на уровне парламента (где существует специальный уполномоченный по вопросам бундесвера).

Второе направление заключается в профессионализации вооруженных сил. Это направление получило развитие в Великобритании и США. Здесь социальная и правовая защита военнослужащих (в частности рядового и сержантского состава вооруженных сил США) обеспечивается посредством института военных юристов и института главных сержантов частей, соединений, командований — вплоть до видов вооруженных сил.

В ряде стран несмотря на существующую систему обязательного призыва допускается возможность выбора для призывников

между действительной военной и альтернативной гражданской службой (наиболее яркий пример – ФРГ). В стране с неоднородным религиозным составом населения (США) имеется институт военных священников, который включает представителей всех основных религий, исповедуемых населением.

В настоящее время за рубежом применяются оба основных принципа комплектования вооруженных сил: добровольное комплектование и всеобщая военная обязанность.

Добровольное комплектование вооруженных сил (несмотря на законодательное разрешение призыва на военную службу) осуществляется в США, Великобритании, Ирландии, Мальте, других государствах мира. Однако, таких стран немного.

В большей части государств мира практикуется такой принцип комплектования вооруженных сил - как всеобщая военная обязанность.

В некоторых государствах (ФРГ, Франция), по существу, применяется *смешанный принцип* комплектования. Так, в ФРГ добровольцы составляют до 55% личного состава бундсвера (в ВВС их доля составляет 68%, в ВМС – 75%). Тем самым обеспечивается, с одной стороны – высокий профессионализм военнослужащих, а с другой – осуществляется массовая подготовка граждан для резерва.

Из форм военной организации, сложившихся в современном мире, преобладает постоянная армия. Милиционная форма сохранилась в чистом виде только в Швейцарии.

В качестве тенденции хода реформирования вооруженных сил можно отметить расширение географии стран, осуществляющих переход к смешанной модели комплектования.

Другой *тенденцией*, затрагивающей в ходе реформирования структуру вооруженных сил, является повышение роли и значения резервных компонентов. Так, в США особое значение придается организованному резерву, проходящему боевую подготовку по единой программе на самой современной технике. Увеличивается доля резервистов в видах вооруженных сил.

В некоторых странах, наряду с традиционной организационной структурой вооруженных сил (сухопутные войска, военно-воздушные и военно-морские силы), совершенствуются организация вооруженных сил *по их оперативно-стратегическому назначению*.

Например, в США имеются: стратегические силы, силы общего назначения, силы переброски войск по воздуху и морем.

Для осуществления оперативного военного применения в США и Франции созданы силы быстрого развертывания. в Великобритании — мобильные силы.

Поиск наиболее эффективных форм организации в изменяющейся внутренней и внешней обстановке приводил руководство многих стран к выводу о необходимости реформирования вооруженных сил.

Все военные реформы, проводившиеся в Российской империи и в СССР носили организационный характер, проводились, как правило, вслед за военными неудачами или крупными кампаниями, были нацелены на приведение военной системы в соответствие с требованиями опыта прошедшей войны.

К примеру: военная реформа 1860—1870 годов в России была проведена после поражения России в Крымской войне 1853—1856 годов и вошла в историю как “Реформа Д.А.Милютина” (бывшего в те годы военным министром России); военная реформа 1905—1912 годов проводилась после поражения России в русско-японской войне 1904—1905 годов и т. п.

Особо следует сказать о крупной реорганизации вооруженных сил в СССР в 1924—1928 годы.

Опыт этого периода имеет особое значение для сегодняшнего дня. Дело в том, что затянувшееся сокращение вооруженных сил, переход от старых уставов к новым, отсутствие стабильных планов боевой и политической подготовки, отсутствие порядка в области материально-технического обеспечения войск привели к тому, что весь армейский механизм разладился. Поэтому несомненный интерес должны вызвать следующие основные черты исторического опыта, вытекающие из практики проведения этой реорганизации:

1. *Широкое критическое обсуждение вопросов военного строительства.* Так, только с ноября 1920 года по ноябрь 1922-го вопросы военного строительства обсуждались 9 раз на Пленумах ЦК РКП(б), 26 — на заседаниях Политбюро ЦК, 6 — в Совете Народных Комиссаров и 17 раз — в Совете Труда и Оборона. Их рассматривали на IX Всероссийском съезде Советов, на XII съездах Советов, на X—XII съездах партии, на февральском и апрельском (1924 г.) Пленумах ЦК.

2. Стремление к объективности оценок состояния Красной Армии и выработке перспектив по ее дальнейшему развитию. Например, для выяснения обстановки, сложившейся в вооруженных силах, и определения мероприятий по повышению их боеспособности ЦК партии в январе 1924 года создал специальную комиссию во главе с секретарем ЦКК РКП(б), членом коллегии РКИ СССР С. И. Гусевым. Изучив положение дел, комиссия пришла к выводу, что “Красной Армии как организованной, обученной, политически воспитанной и обеспеченной мобилизационными запасами силы у нас в настоящее время нет. В настоящем своем виде Красная Армия небоеспособна”. 3 февраля 1924 года Пленум ЦК заслушал доклад комиссии о результатах проверки и дал установку на проведение реформы военного ведомства.

3. Четкость определения основных направлений проведения военной реформы. Подтверждением этому служат решения Пленума ЦК РКП(б) 31 марта – 2 апреля 1924 года, где по докладу М. В. Фрунзе приняли развернутое постановление “О военном ведомстве”. В нем были определены направления: реорганизовать и упростить военный аппарат, усилить ответственные посты в армии и партийным комсоставом; расширить практику территориально-милиционного строительства; создать национальные воинские формирования; разработать программу улучшения материального положения воинов Красной Армии; усовершенствовать подготовку допризывной молодежи, организованную структуру войск, боевую и политическую подготовку личного состава, улучшить партийно-политическую работу.

4. Учет конкретной внутренней и внешней обстановки. Выражением этого является Закон об обязательной воинской службе от 18 сентября 1925 года, который регламентировал все основные вопросы, связанные с прохождением воинской службы. Смешанная система комплектования, сочетавшая кадровые и территориальные формирования, введена постановлением Совета Труда и Обороны от 29 декабря 1922 года и законодательно закреплена декретом ЦИК и СНК СССР от 8 августа 1923 года “Об организации территориальных войсковых частей и проведении военной подготовки трудящихся”. Этот декрет устанавливал основы организации, комплектования милиционных частей и соединений, порядок прохождения службы в них.

5. Специфика распределения военного бюджета СССР в годы военной реформы. При постоянном росте бюджета основная часть расходов приходилась на техническое снабжение войск (44,6% в 1927 г.), натуральное довольствие (26% в 1927 г.) и денежное содержание военнослужащих (22,9% в 1927 г.) В то же время доля организационно-административных расходов постоянно снижалась (с 7,6% в 1925 г. до 4,4% в 1927 г.).

6. Широкое освещение различных сторон военной реформы на страницах советской печати. Итоги деятельности партии по укреплению вооруженных сил были подведены в постановлении ЦК ВКП(б) “О состоянии обороны СССР” от 15 июля 1929 года. “Основным итогом истекшего пятилетия (1924–1929) планового строительства Вооруженных Сил, — подчеркивалось в постановлении, — является создание крепкой, боеспособной армии, в политическом отношении вполне надежной, в техническом отношении стоящей на уровне развития производительных сил страны”.

Весь последующий опыт военного строительства свидетельствует о том, что военные реформы больше не проводились, а осуществлялись радикальные преобразования (перестройки) вооруженных сил. Отсюда вытекает необходимость четкого определения самого термина “военная реформа”. То определение, которое дано в Советской военной энциклопедии, не отражает всего генезиса этого явления : “Военная реформа — существенное преобразование военной системы государства”. Было бы целесообразным дополнить этот тезис следующим образом: вызванное коренными преобразованиями в области внешней политики, а также политическими, социально-экономическими и духовными изменениями внутри общества.

Вызывает особый интерес сокращение вооруженных сил в середине 50-х-начале 60-х годов. Практика показывает, что многие из принимавшихся решений носили заметный налет волонтаризма. Так, с заявлением об одностороннем сокращении вооруженных сил и вооружений Советское правительство выступило 14 мая 1956 года. Еще в 1955 году СССР сократил общую численность своих вооруженных сил на 640 тысяч человек. Теперь же было решено сократить их на 1,2 миллиона.

Это сокращение проводилось за счет расформирования 63 дивизий и отдельных бригад, в том числе трех авиадивизий и дру-

гих боевых частей численностью более 3-х тысяч человек, размещенных на территории ГДР. Расформировывалась часть военных училищ. На консервацию ставились 375 боевых кораблей ВМФ.

Таким образом с 1955 по 1958 год Вооруженные Силы СССР уменьшились на 2140 тысяч человек. В их составе осталось 3623 тысячи человек. 15 января 1960 года сессия Верховного Совета СССР приняла закон, предусматривающий новое сокращение армии и флота на 1200 тысяч человек, соединений, военных училищ. Следуя примеру СССР, европейские страны социализма и КНДР в 1955 - 1957 годах сократили свои вооруженные силы на 402,5 тысячи человек.

Осуществление таких крупных сокращений научно не обосновывалось, их последствия для боевой готовности вооруженных сил не были продуманы. Социальная защищенность увольняемых офицеров, сверхсрочнослужащих не обеспечивалась. А ведь именно в этот период военно-технической революции некоторые военные работники предлагали осуществлять приоритетное развитие РВСН, войск ПВО, ВМФ и ВВС. Однако развернутая дискуссия по этим вопросам не велась.

Определенный интерес вызывают преобразования в вооруженных силах 60-70-х годов, то есть в период, непосредственно предшествующий перестройке в стране и ее военной организации.

Чем интересен этот опыт? Прежде всего тем, что определяющим критерием при развитии вооруженных сил был анализ международной обстановки. Экономические возможности государства рассматривались как второстепенный фактор. В 1961 году президент США равными, а спустя два года он впервые публично высказался на просмотр некоторых догм "холодной войны". Это был исключительно благоприятный момент для пересмотра перспектив военного строительства.

Однако недооценка политических средств в укреплении доверия между противоборствующими блоками привела к втягиванию СССР в длительный период гонки вооружений. Естественно, что такая позиция требовала большой по численности армии, чему способствовал принятый в 1967 году Закон СССР о всеобщей воинской обязанности.

В современных условиях обращение к историческому опыту армии, в том числе, аспектам, на которые обращают внимание за-

падные исследователи, имеет большое значение. *Всесторонняя объективная оценка состояния армии и международной обстановки; учет всего разнообразия мнений и предложений по совершенствованию вооруженных сил; освобождение дискуссии о военной реформе от субъективного влияния отдельных личностей или групп; привлечение для разработки плана реформы наиболее квалифицированных и самостоятельно мыслящих специалистов; сбалансированное соотношение, как политических, так и военных целей реформы; максимальный учет экономических возможностей страны; последовательность в реализации плана реформы; опора на инициативу и творчество на местах; ориентация и достижение большего единства армии и народа — вот основные гарантии эффективности мер по укреплению страны.*

В этом плане в молодой армии Казахстана имеется хороший задел. Именно в нашей республике впервые в постсоветской истории Указом главы государства образована трехвидовая структура Вооруженных Сил. К примеру, в России и Узбекистане только подходят к решению об объединении ВВС и ПВО в единый вид Вооруженных Сил.

Созданный в начале этого года Военно-научный центр Министерства обороны Республики Казахстан постепенно сосредотачивает в своих рядах научный потенциал Вооруженных Сил. Выходит в свет уже второй номер военно-теоретического журнала “Багдар”.

По оценкам зарубежных специалистов и ученых Казахстан среди бывших республик СНГ, в области реформирования Вооруженных Сил, уверенно выходит вперед. Об этом, в частности, подчеркнул в ходе недавнего визита в нашу республику заместитель министра обороны США Э. Уорнер.

Надо помнить лишь об одном, что реформирование Вооруженных Сил не должно стать самоцелью. Не реформирование ради реформ, а реформирование в целях качественного повышения обороноспособности страны — вот цель всех преобразований, несомненно, проводимых с учетом исторического опыта реформирования передовых армий мира.

Багдар — Ориентир
(Военно-теоретический журнал)
№ 2, декабрь, 1998 г. С. 41-45.

ВВЕДЕНИЕ

к учебному пособию

“Исторический опыт защиты Отечества”

(Военная история Казахстана)

Проблема “Военное дело и военное искусство казахского народа” изучалась в России с конца XIX в. в контексте истории военного дела в кочевых обществах¹. Сравнительно-сопоставительный обзор эволюции военной тактики и стратегия, оружие и т.д.) стал объектом исследования советских историков: С. М. Абрамзона, А. А. Рослякова, В. В. Куна². В 60–90-х годах опубликована серия работ по истории военного дела (прежде всего вооружения) кочевников древности и средневековья в Южной Сибири и Центральной Азии³. Среди них особо следует отметить монографию Ю. С. Худякова, в которой автор отвел основное место вопросам

¹ См. Гринев А.С. Конница Чингисхана и Батыя. - СПб., 1885; Марков М.Н. История конницы. Ч. 1. - Тверь 1896.; Иванов М.И. О военном искусстве завоевателей монголо-татар и среднеазиатских народов при Чингисхане и Тамерлане. - СПб., 1875.

² Абрамзон С.М. Черты военной организации и техники у киргизов по историко-этнографическим данным и материалам эпоса “Манас”//Труды Ин-та языка, литературы и истории. - Фрунзе, 1945. Вып.1; Росляков А.А. Из истории военного искусства туркмен (организация преследования в войсках туркмен в XI-XII вв.)// Труды Ашхабад. гос. пед. ин-та им. А.М.Горького. - Ашхабад, 1947, Вып.1; Он же. Основные черты военной системы азиатских степняков// Изв. Туркмен. филиала АН СССР. 1951, № 2; Он же. Военное искусство народов Средней Азии и Казахстана в VI-XV веках // Учен. зап. Туркмен. гос. ун-та им. А.М.Горького. Ашхабад, 1962. Вып. XXI; Кун В.Н. Черты военной организации средневековых кочевых народов Средней Азии // Учен. зап. Ташкент. пед. ин-та им. Низами. Сер. обществ. наук. - Ташкент, 1947. Вып.2.

³ Мелюкова А.И. Вооружение скифов. - М., 1964; Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов. - М., 1961; Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. - М., 1971; Черненко Е.В. Скифский доспех. - Киев, 1968; Он же. Скифские лучники. - Киев, 1981; Горелик М.В. Оружие древнего Востока IV тыс. до н.э. - М., 1993; Ларичев В.Е., Тюримина Л.В. Военное дело у киданей (по сведениям из “Дяо ши”) // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века. - Новосибирск, 1975; Худяков Ю.С. Вооружение енисейских кыргызов VI-XII вв. - Новосибирск, 1980; Он же. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. - Новосибирск, 1986; Он же. Вооружение центрально-азиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. - Новосибирск, 1991; Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. - Новосибирск, 1981; Военное дело и средневекового населения Северной и Центральной Азии. - Новосибирск, 1990; Этнографические аспекты традиционной военной организации народов Кавказа и Средней Азии. - М., 1990; Вооружение и военное дело древних племен Южного Урала. - Уфа, 1994; Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. - Кемеров, 1995 и др.

вооружения и рассмотрел также “облавные” методы ведения военных операций киданей и монголов.

В этих публикациях была раскрыта идея о том, что военная система азиатских степняков являлась “одной из самых совершенных военных систем средневековья. Недаром она оказала серьезное влияние на военное дело в соседних странах – в Китае, Иране, Византии и Руси (особенно в XIII в.), вызывая повсюду создание и развитие конницы, особенно конных лучников”⁴. Проблема привлекла внимание и западных ученых⁵.

Военная история казахов стала предметом изучения накануне первой мировой войны и в первые годы советской власти. Такой повышенный интерес был обусловлен необходимостью привлечения “инородцев” на военную службу, а в советский период – созданием национальных воинских частей.

Статья 1 царского “Устава о воинской повинности” гласила: “Защита престола и отечества есть священная обязанность каждого русского подданного”. Это положение не соответствовало реальности. В ходе длительной дискуссии царские военные теоретики пришли к выводу о “непригодности киргиз (казахов)” как военного материала.

“В чем же они оказались повинными перед самодержавной властью?” – задает вопрос в работе, изданной в 1927 г., М.Захаров. И отвечает: “Во-первых, в том что их “приобщение” к России не обошлось без сопротивления, что это сопротивление продолжалось с 1730 г. без малого сто лет и что вполне “мирным” этот непокорный народ стал лишь после завоевания Россией – в шестидесятых и семидесятых годах XIX столетия – Среднеазиатских ханств (Кокандского, Бухарского и Хивинского), то есть тогда, когда киргизам уже некуда стало уходить от русской власти. Во-вторых, – что “Православная вера и русское отечество киргизу чужды, если не

⁴ Росляков А.А. Основные черты военной системы азиатских степняков// Изв. Туркмен. фил. АН СССР. - Ашхабад, 1951, № 2. - С.15.

⁵ D'Ohsson C. Histoire des Mongols, depuis Tchinguiz-Khan jusqu'a Timour bey ou Tamerlan. T.I-IV, od.3. - Amsterdam, 1892; Howorth H.H. History of the Mongols from the 9-th to the 19-th century. pt.1: The Mongols proper and the Kalmuks. - London, 1876; pt.II. The SO-called Tartars of Russia and Central Asia. Division. I-II. - London, 1880; Parker E.H. The Kalmuks // The China review: or noter and queries on the Far East., v.XXIII. 1898-1899. - Honghong-London; Skraime F.H., Ross E.D. The neart of Asia/ - London, 1899; Scanlon G.T. Source material for history of Madiewal Muslim Warfare//Труды XXV Международного конгресса востоковедов. Т.2. - М., 1963. - С.53-57; Khazanov A.M. The Nomads and the Outside World/ - Wisconsin, 1994.

прямо враждебны", что русское знамя, вокруг которого воины идут в бой, киргизу ничего не говорит. В-третьих, — что, ввиду близкого соседства с ними многих других сомультманских народностей Средней Азии и Китая, киргизский народ в политическом смысле "нельзя еще признать утратившим окончательно всякое значение". Вывод из этого делался такой: киргизы для армии "элемент ненадежный и до чести военной службы они не доросли", "трех — четырехлетнее пребывание киргиз под знаменем не сделали их преданными России, но научит действию оружием; поэтому не следует засорять ряды русской армии подобными инородцами"; "пройдя через ряды русских войск, они могут усилить собою кавалерию возможных наших врагов; нельзя признать удобным введение в инородческое мусульманское население ежегодно хотя бы ограниченного контингента хорошо умеющих владеть оружием людей, на преданность которых нельзя положиться"⁶.

Во второй половине нашего века значительно расширилась база источников. Г. И. Семенюк сделал попытку по русским источникам проследить боевое вооружение казахов, процесс формирования родоплеменных ополчений, боевую тактику казахов, вошедших в состав Российской империи⁷. А. Т. Кайдаров, опираясь на лингвистический материал, дал этноязыковое толкование видов боевого оружия, воинского снаряжения, воинской экипировки воина-батыра⁸. Огромный интерес для исследователей представляет оружиеведческий анализ казахских боевых топоров, булав, наконечников стрел, нагаек, ружей, хранящихся в фонде Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого в Санкт-Петербурге, проведенный В. П. Курылевым⁹.

Обретение Казахстаном суверенитета дало исследованиям в этой области огромный импульс. Появились работы, раскрывающие стратегические и тактические приемы борьбы казахов с джун-

⁶ Захаров М. Национальное строительство в Красной Армии. - М., 1927. С.17.

⁷ Семенюк Г.И. Оружие, военная организация и военное искусство казахов в XVIII-XIX вв.// Вопросы военной истории России XVIII и первой половины XIX века. - М., 1969.

⁸ Кайдаров А.Т. Доспехи и вооружение воина-батыра в казахском героическом эпосе и их этнолингвистическое объяснение // Изв. АН КазССР. Сер. обществ. наук. - 1973, № 6.

⁹ Курылев В.П. Оружие казахов // Материальная культура и хозяйство народов Кавказа, Средней Азии и Казахстана. Сб. МАЭ. Т.34. - Л., 1978.

гарами, традиционные особенности походной пищи казахов.

Изданы книги о батырах, полководцах, героях национально-освободительных войн, о воинской символике. Особо следует отметить труд К. С. Ахметжанова, который на материалах героического эпоса казахов предпринял удачную попытку описать боевое оружие, проследить динамику и эволюцию военной организации и боевого искусства народа Великой степи. Автор прослеживает преемственность вооружения, военного дела народов путем сравнения содержания летописей, хроник, мифов, легенд, сказаний, сказок, эпоса разных народов.

Интерес вызвала работа Т. К. Алланиязова "Очерки военного дела кочевников Казахстана" и серия публикаций по военному делу в кочевом обществе казахов XVII–XVIII вв. А. К. Кушкумбаева¹⁰.

Появились монографические исследования о войне казахов с джунгарами. Внимание исследователей привлекают казахско-ойратские отношения, политика России и, в меньшей степени, военная история того времени¹¹. Однако до сих пор война против агрессии джунгар, продолжавшаяся с конца XIV в. до середины

¹⁰ Шаханова Н.Ж. Специфика пищи в военно-кочевом быту казахов XVII–XIX вв.// Этнографические аспекты традиционной военной организации народов Кавказа и Средней Азии. - М., 1990. Вып.2; Валиханов Э.Ж. Вооружение и тактика военных действий казахов в период борьбы против джунгарской агрессии // Освободительная борьба казахского народа за свою свободу и независимость в первой половине XVIII века. - Целиноград, 1991; Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Казахстан: летопись трех тысячелетий. - Алма-Ата, 1992; Жетібаев Ж.М. Маңғыстау жөне үстірт қазақтарының халық суреттеріндегі қару-жарақтар// Изв. НАН РК. Сер. обществ. наук. - 1993, г 5; Ахметжанов К.С. Жараған темір кигендер (батырларды" қаружарағы, ескери өнері, салт-дәстүрлері). - Алматы, 1996; Алланиязов Т.К. Очерки военного дела кочевников Казахстана. Алматы, 1996; Кушкумбаева А.К. Облавная охота и ее влияние на военное дело кочевников// 1-е научные чтения памяти востоковеда В.П.Юдина. - Алма-Ата, 1993; Он же. Вопросы военной истории средневекового Казахстана.// 2-е научные чтения памяти востоковеда В.П.Юдина. - Алматы, 1994; Он же. Военное искусство кочевников Казахстана// Известия НАН РК. Сер. обществ. наук. - 1995, г 6; Он же. Истоки возникновения традиционной военной организации кочевников Центральной Азии// Эволюция государственности Казахстана. Международная конференция. 3-5 апреля 1996 г. - Алматы, 1996; Он же. Вооружение казахов-кочесников XVII–XIX вв.// Поиск, 1996, г1; Он же. Обоавная охота и ее значение в военном искусстве кочевников// Вестник Евразии. - М., 1996; Он же. Основные аспекты военного дела и военной организации казахов XVII–XVIII вв.// Сборник научных статей. - Алматы, 1997.

¹¹ Моисеев В.А. Джунгарское ханство и казахи XVII–XVIII вв. - Алма-Ата, 1991 и др.

XVIII в., не рассматривалась как отечественная война казахского народа.

В последние годы к изучению военной истории подключились наши соотечественники в Китайской Народной Республике. Опираясь на древнекитайские источники “Ши-дзи” (“Исторические записки”), “Хань-шу” (“История династии Хань”), “Хоу-хань-шу” (“История династии поздняя Хань”), ученые прослеживают историю государств кочевых народов (“Шин-Го”) в степях Северного Приаралья, Северного и Восточного Прикаспия, в бассейнах рек Сырдарьи и Таласа, окрестностях Каратау, в юго-восточном Казахстане, в отрогах Алтайских гор.

Исследователь Сагын Сунгатай (г. Урумчи) установил, что в улусе у-Сунь воины составляли 28,5 процента всего населения, а в трех владениях улуса насчитывалось 30 тысяч воинов. При этом китайские хронисты при описании военной мощи улуса пользуются термином “цзин-бин”, обозначающим “регулярное войско”¹². Данное предположение Сагын Сунгатай дает возможность глубже изучить вопрос об истоках казахской государственности.

Проблемы военной истории казахов рассматриваются в трудах, посвященных национально-освободительной войне казахского народа 1916 г. В документальных сборниках, исследованиях отмечается высокое искусство ведения повстанцами партизанской войны против карателей.

История военного строительства в Казахстане в советское время была частью истории советских Вооруженных Сил. В литературе достаточно полно раскрыт боевой путь воинских частей, сформированных на территории Казахстана в годы гражданской и Великой Отечественной войн, в том числе и некоторых так называемых национальных формирований, работа казахстанского тыла¹³.

Вместе с тем настало время критически осмыслить опыт национального военного строительства в годы второй мировой войны. В военно-исторических трудах все еще преобладают показ только позитивных явлений и сторон войны, схематизм и шаблон в трактовке облика воина Советской Армии. Советское военное руководство, как и дореволюционное, не оказало полного доверия

¹² См.: Эволюция государственности Казахстана. - Алматы, 1996. - С.41.

¹³ Более подробно см.: Козыбаев М., Белан П. Казахстанская историография великой Победы: итоги и нерешенные задачи. - Алма-Ата, 1991.

националам, ограничивая поле их деятельности. Практиковалась мобилизация призывников из национальных регионов России на тыловые работы. Сдерживалась подготовка национальных военных кадров. В воспитании воинов в духе патриотизма опирались преимущественно на военно-патриотическое наследие русского народа. В трудах по истории все еще господствует дух лакировки в достижении побед советского оружия, меньше уделяется внимания раскрытию уроков войны, менталитета воинов разных национальностей, показавших верность не только воинской клятве, но и многовековым славным воинским традициям своих предков.

История военного дела казахов, как явствует из краткого обзора, нашла отражение в литературе. Но полного изложения военной истории народа пока еще нет. Все исследователи без исключения до сих пор рассматривают систему военного дела казахов как кочевническую. Между тем начиная с эпохи древний усуней имела традиция размещения центров Государственности степной полосы в регионах с благоприятными геостратегическими условиями. Так сложилась система “степь-город”, являвшаяся основой не только государственности, но целой цивилизации, зародившейся в специфических условиях аридной зоны. Совершенно прав С. Сунгатай, утверждая, что “Западнотюркский, Тюркешский и Карлукский каганаты, государство Караханидов, государственно-политические образования кыпчаков, Казахское ханство образовались и существовали по указанной системе”¹⁴. В ареале Великого шелкового пути сложилась цивилизация, в которой сочетались элементы кочевой и оседлой культур. Однако в трудах исследователей еще не раскрыта динамика сложения военной системы кочевников, преобладание оружия на огромном пространстве Великой степи, сложный процесс функционирования института народного ополчения, уланов, батыров и других элементов военной структуры, в достаточной степени не освещено воздействие экологического режима кочевого ареала и географического фактора на способы и приемы военной тактики казахов, взаимосвязь и органическое единство хозяйственно-экономической и социально-политической, а также военной истории нации. В известной мере эта миссия возлагается на труд о военной истории казахов.

Книга написана на широкой источниковой базе, в составе

¹⁴ Эволюция государственности Казахстана. - С.42.

которой тематические сборники: “Прошлое Казахстана в источниках и материалах”, “Материалы по истории казахских ханств XVII–XVIII вв.”, “Материалы по истории Средней Азии X–XIX вв.”, “Материалы по истории каракалпаков”, “Тарих-и-Рашиди” Мухамеда Кайдара Дулати, “Национально-освободительное движение казахов в 1836–1838 годах”, “Национально-освободительная борьба казахского народа под предводительством Кенесары Касымова” и др.

Авторы широко использовали героический эпос казахов – “Батырлар жыры”, труды российских востоковедов. Среди них следует особо выделить труды Ч. Ч. Валиханова “Вооружение киргиз в древние времена и их военные доспехи”, “Исторические предания о батырах XVIII в.”, “Аблай” и др. Авторы впервые широко привлекли китайские источники, материалы археологических и этнографических экспедиций.

**Исторический опыт защиты Отечества.
(Военная история Казахстана.)
(Уч. пособие для курсантов военных и студентов
гражданских учебных заведений).
Алматы, 1999.**

ЗАКЛЮЧЕНИЕ
к учебному пособию
“Исторический опыт защиты Отечества”
(Военная история Казахстана)

Провозглашение суверенитета и независимости Республики Казахстан положило начало строительству национальной государственности. Установлены границы, сложился государственный аппарат, создаются Вооруженные Силы, переживает пору своего становления казахстанская дипломатия. Определены стратегия и приоритеты страны до 2030 г. Идет процесс вживания нового государства в систему мирового сообщества.

Президент страны Н. А. Назарбаев в Послании к народу “Казахстан — 2030” в качестве приоритета развития страны выделил национальную безопасность. “Нам не будет прощения, — говорится в Послании, — если мы утратим государственность, поступимся стратегическими основами суверенности, своими землями и ресурсами”.

Подчеркивая миролюбивую внешнюю политику Республики Казахстан, Н.А.Назарбаев отмечает: “Хотя мы искренне надемся на то, что мир осознал всю бесполезность вооруженных конфликтов, давайте все же не будем забывать: благоразумная держава полагается не только на обещания других государств, но и на мощь своей страны”. В связи с этим глава государства подчеркнул необходимость уделить первостепенное внимание строительству и модернизации Вооруженных Сил Республики Казахстан, повышению уровня их профессиональной подготовки и боеготовности, оснащению современными средствами вооружения.

В стране начата разработка новой военной доктрины. Указом Президента от 17 ноября 1997 г. предусмотрено создание трех видов Вооруженных Сил: Силы общего назначения, включающие в себя Сухопутные войска и мобильные силы, Силы воздушной обороны будут сформированы из Военно-Воздушных Сил и войск противовоздушной обороны, Силы охраны государственной границы будут объединять пограничные войска и силы береговой охраны.

Меры по реформированию Вооруженных Сил должны привести к созданию немногочисленной по составу, но мобильной, хорошо оснащенной и высокотехнологичной армии, имеющей высокую огневую мощь, способной совершать быстрые, эффективные маневры и в кратчайшие сроки решать любые задачи на огромных просторах нашей страны. Такая армия должна быть оснащена автоматизированными системами управления войсками и оружием, современной военной техникой, средствами связи и навигации.

Выступая в Военной академии Вооруженных Сил Республики Казахстан в январе 1998 г., Президент и Верховный Главнокомандующий Вооруженными Силами Н.А.Назарбаев отметил, что, начиная с 2000-2003г., по мере экономического роста государства Вооруженные Силы будут получать достаточно средств для перевооружения и технического оснащения. Для планомерного созда-

ния современной армии к началу 2000 г. в стране будет разработана новая концепция реформирования - концепция армии XXI в.

В Вооруженных Силах Казахстана полным ходом идет работа по реформированию армии. Ныне очерчены конкретные этапы проведения реформы: первый этап (1998-2005 гг.) - создание законодательной базы для строительства армии будущего и переход к профессиональной армии; второй (2006-2015 гг.) - переоснащение армии вооружением и техникой, произведенными на основе современных технологий; третий этап (2016-2030 гг.) - достижение уровня армий передовых стран мира.

За короткий срок в стране сложилась система Вооруженных Сил, создана сеть высших военных учебных заведений.

Рассматривая задачи, которые стоят перед страной сегодня и останутся актуальными в недалеком будущем, полагаем, что интересы становления и укрепления Вооруженных Сил тесно связаны с подготовкой военных теоретиков. Разумеется, это задача не одного года, но ее надо планомерно решать.

Военная наука Казахстана переживает пору своего становления. Она призвана изучать военные аспекты безопасности государства, проблемы стратегии, оперативного искусства, тактику общевойсковую и по видам вооруженных сил, принципы строительства армии и флота, военного обучения и воспитания, боевой подготовки, систем управления и обеспечения (разведка, тыл, связь и т.д.). Видимо, еще рано говорить о развитии всех отраслей и направлений военной науки, но уже сейчас следует развивать некоторые ее составные части. К ним относятся прежде всего проблемы теории военного строительства, обучения и воспитания воинов, экономики и тыла вооруженных сил.

Военная история является составной частью общей истории. В период становления Вооруженных Сил Казахстана приобретает особую актуальность создание военно-исторической службы, изучение опыта прошлого, обобщение опыта нашего времени.

Гражданские и военные историки сделали попытку написать военную историю республики, обобщить опыт участия народов Казахстана в защите Отечества. Итог этого труда перед тобой, читатель.

Военная история казахского и других народов Казахстана подтверждает многие уроки из всеобщей истории. Мировой исто-

рический опыт учит, что мир, мирное сожительство народов, развитие торговли, обмен культурными ценностями, диалог между народами сближают их, создают благоприятные условия для расцвета не только отдельных регионов, но цивилизации в целом. Войны несут континентам и народам экономические бедствия, демографические катастрофы, упадок культуры. Временный расцвет, благополучие агрессивных стран-победителей за счет побежденных - факт противоестественный, ибо он является не результатом созидания, а следствием грабежа и истребления тысяч и даже миллионов людей. Войны ради защиты Отечества возвышают народы. Героизм защитников родных рубежей, патриотизм, проявленный во имя свободы Родины народами разных континентов, вошли в анналы мировой истории.

Очерки военной истории республики дают молодому поколению страны материал для размышлений о сложной судьбе народа, его богатой истории, в том числе военной, о временах расцвета и упадка государственных образований на территории Казахстана, победах и поражениях, консолидации племен и родов в период нашествия врага, центробежных тенденциях в период мирного развития, о выдающихся полководцах и батырах. Очерки повествуют о времени, народе, казахской государственности, политике, в том числе военной, о дипломатии. Особую часть военной истории составляет период вхождения казахов в состав России, участие их в защите нового Отечества, особенно в Великой Отечественной войне против гитлеровских захватчиков, в которой советский народ не щадил жизни во имя защиты родной земли от фашизма.

Казахстанское общество вырабатывает новую идеологию как систему идей и духовных ценностей. Впервые эту проблему поставил на повестку дня Президент Республики Казахстан Н. А. Назарбаев в статье "Наши ориентиры — консолидация, общественный прогресс и социальное партнерство", где отмечал: "Наш просчет, видимо, в том, что мы не умеем разъяснить людям характер проводимой нами работы, донести до человека наши цели и устремления. По сути, у нас нет системы ценностных ориентаций, взглядов и идей, адекватных разработанному нами курсу. Это приводит к тому, что значительная часть нашего общества, не имея перед собой мировоззренческой перспективы, во многом находится еще в плену прежних идеологических установок, невосприимчива к новому.

Скажу более, именно это является одним из субъективных факторов пробуксовки реформ, проявлений социальной напряженности, некоторых проблем межнациональных отношений”¹.

В качестве общенациональной идеи, которая должна обеспечить нормальное функционирование общества, выдвинута идея упрочения гражданского мира и межнационального согласия, идея национального и общенационального, общекзахстанского патриотизма. Всемерно подчеркивая идею общенационального патриотизма, на наш взгляд, следует шире и глубже исследовать истоки казахского национального патриотизма, ставшего составной частью менталитета народа. Мы особо подчеркиваем этот аспект потому, что казахский народ несет особую ответственность в формировании общекзахстанского патриотизма, общенациональной идеи упрочения гражданского мира и межнационального согласия. Прав Н. А. Назарбаев, когда говорит: “Отныне мы все — дети одного казахского народа. Отныне у всех нас единая колыбель, общая Родина — казахская степь. Отныне мы не должны обособляться, делиться, коситься друг на друга: где бы мы ни были, где бы ни родились, у нас одни желания, одна цель, общие радости и горести... Казахский народ ныне обязан быть объединяющим началом всех народов, населяющих Казахстан. На пути к этой цели необходимо сплотить в одну общую семью все народы республики, объединить все усилия для ее достижения. Мы обязаны ради нашего будущего, ради благополучия наших внуков жить в мире и согласии...”².

В целях формирования общекзахстанского патриотизма необходимо воспитывать у воинов сознание принадлежности к единому Отечеству, чувство гордости гражданина республики, формировать у них сознание патриотического долга, ответственности за укрепление экономической, духовной и военной мощи Республики Казахстан, защиты его интересов, воспитывать воинов в духе непримиримости к национализму, шовинизму, экстремизму, сепаратизму. Необходимость разработки общекзахстанского патриотизма диктуется, наконец, еще и тем, что понятия “интернационализм”, “патриотизм” связывались преимущественно с пролетариатом, рабочим классом, его гегемонией, ролью ведущего

¹ Назарбаев Н.А. Наши ориентиры - консолидация, общественный прогресс и социальное партнерство // Казахстанская правда, 13 мая 1993 г.

² См.: Ордабасы - символ единства// Казахстанская правда, 1 июня 1993 г.

класса. Классовый, идеологизированный подход исключал способность к патриотизму крестьянства и интеллигенции. В ноябре 1941 г., когда враг стоял у стен Москвы, И.В.Сталин, обращаясь к соотечественникам, был вынужден к советскому патриотизму добавить национальный.

Культивируя сегодня всеказахстанский патриотизм, мы обязаны, во-первых, изучать истоки подлинно народного патриотизма казахов, знать и уважать патриотические традиции представителей других наций и народностей, населяющих Казахстана, во-вторых, бороться с идеологией жузовщины, тенденцией возвеличивания в истории и этногенезе казахского народа тех или иных родоплеменных групп, в-третьих, на деле проводить принципы равноправия, духовного взаимообогащения и взаимопомощи, сознательного и добровольного стремления к сближению, интеграции, органического сочетания национальных и общечеловеческих интересов во имя общих целей и идеалов и, наконец, в-четвертых, необходимо решительно бороться против очернительства всего прошлого. Оно, плохо или хорошо, - часть нашей истории. Уважительное отношение к истории - это в то же время уважительное отношение к сегодняшнему дню.

Надо отметить, что проблема общенационального, всеказахстанского патриотизма разрабатывается обществоведами, гуманитариями весьма робко. Слабо освещают эту проблему и средства массовой информации.

Налаживается более тесное сотрудничество между Министерством обороны, Министерством науки и высшего образования и Академией наук республики. В целях создания условий для проведения единой государственной научно-технической политики, объединения усилий научных потенциалов двух ведомств принято согласительное решение о создании Межведомственного научно-технического совета (МНТС) - консультативно-рекомендательного органа для выработки предложений по интеграции звеньев военной и гражданской науки.

Формируется государственная программа поддержки и развития военной науки. Ее составными частями являются: концепция развития военной науки, ее нормативно-правовая база, организационные основы и место в общей структуре науки Казахстана, приоритетные задачи, порядок финансирования, перспективы

развития научно-экспериментальной базы и другие направления.

Страна переживает трудности переходного периода. В этот период очень накладно содержать армию. Могут спросить: “Зачем нам иметь армию?” Да, мы переживаем трудные годы становления новой государственности. В неспокойное время мы живем. Лидер одной из профашистских организаций, действующих в крупнейшей стране Содружества, предрекает начало гражданской войны на территории сопредельных государств (“кто-то где-то должен сделать первый выстрел”) и уверяет, что это будет не бедствием, а “очищением” и Россия, втянувшись в войну, якобы обретет “новое” могущество. К сожалению, аналогичного рода заявления фашистских молодчиков можно услышать на многих перекрестках больших и малых дорог.

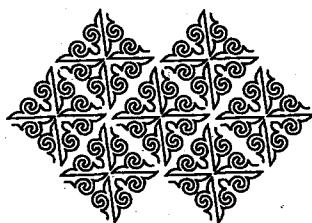
Военная реформа является общегосударственной задачей и всенародным делом, так как она затрагивает интересы национальной безопасности страны и каждой казахстанской семьи. Наша армия - народная армия, она должна быть окружена вниманием и заботой народа. В строительстве Вооруженных сил Казахстана много проблем, они могут быть решены усилиями всего общества. В меру своих возможностей оно должно помогать становлению армии, воспитанию воинов в духе патриотизма. Это долг каждого гражданина нашего Отечества.

**Исторический опыт защиты Отечества.
Военная история Казахстана.
(Уч. пособие для курсантов военных и
студентов гражданских учебных заведений).
Алматы, 1999.**

ЧАСТЬ III

ВРЕМЯ И ЛЮДИ

АБАЙ И ЕГО ВРЕМЯ

О, древняя, седая казахская земля! Многовековая твоя история написана воинским искусством степняков-батыров, копытами сказочных скакунов. Радость победы, печаль поражения, могучую силу созидания и губительные последствия вражеских набегов, многочисленных джутов и эпидемий, имена акынов и батыров бережно сохранили и донесли сквозь века фантастическая поэзия и музыка. Когда великий мудрец Востока М. О. Ауэзов говорил, что всемогущим творцом является время (эпоха), оно полирует алмаз человеческий”, он имел в виду силу буйной музыки и пленительного народного эпоса, народной поэзии. Эпоха, по всей видимости, это отношения Человека, Пространства и Времени; их гармония порождает Великих личностей.

Великий Иоганн Гете писал: “Гений — это интеллект, зажатый в тисках необходимости”. Какая историческая необходимость обусловила рождение гения Абая? Он жил и творил во второй половине XIX и начале XX века. Это был период, когда народы Евразии пережили бурю социальных потрясений. Отечественная война 1812 года, восстание декабристов, отмена крепостного права привели народы России в гигантское движение — социально-экономическое, политическое и духовное.

Непрерывное национально-освободительное движение казахского народа, начавшееся с момента присоединения Младшего жуза к России, в середине XIX в. потерпело поражение. Наступил период “мирного колониального освоения окраин”. Шла форсированная крестьянская колонизация, христианизация. Были уничтожены следы ханской власти, территория края стала составной частью российского административного деления. Империя создала социаль-

ную опору в лице Астраханского, Уральского, Оренбургского, Сибирского, Семиреченского казачества, столыпинского крестьянского поселения. В 1871–1917 гг. было переселено из европейской части страны 1,6 млн. человек. Царизм создал переселенческий фонд, лишив казахов 41 млн. гектаров лучших земель. Казахи были вытеснены в бесплодную степь и горы. Прав академик РАН В. П. Волобуев, когда он заявлял, что переселенческая политика привела к столкновению мигрантов с коренным населением окраин (Средняя Азия, Казахстан, Сибирь).” Само существование казахской нации стало острой проблемой”, — писал еще в 1913г. последователь Абая великий просветитель А. Байтурсын.

Казахстан превратился в самую крупную и самую богатую колонию империи. По богатству природных ресурсов он превосходил Урал в 4-5 раз. По добыче нефти, производству меди, серебра, свинца колониальный Казахстан среди регионов занял третье место. О роли и месте казахского народа в системе колониальной империи генерал-губернатор Туркестана в одном из своих циркуляров писал: “В программу вообще нашей всей служебной работы следует положить тот простой взгляд, что мы живем не в Азии... в русской области, где временно еще доживают старые азиатские обычаи и нравы, судьба коих может быть только одна: или слиться с общеимперской гражданственностью или исчезнуть. Туземцы нас должны интересовать только как материал... те из них, кто вздумает этому не подчиниться, испытают, несомненно печальную судьбу: они или останутся безземельными нищими и перемрут, или Россия с ними расстанется. Все это надо иметь на уме, но без лишних разговоров на эту тему”.

Итак, перед нацией встала альтернатива: “жизнь или смерть”. Ее ждала участь народов Поволжья или Дальнего Севера. В этих условиях перед Абаем, Чоканом, Ибраем - первыми просветителями Великой Степи стала сложная задача дать ответ на вопрос: “Как ей быть, как сохранить нацию, что делать для ее духовного возрождения, приобщения к высотам мировой цивилизации?” Пророческое предназначение великого мыслителя Абая состояло именно в этом.

Время Абая начинается от его среды. К сожалению, в абаведении о среде воспитания будущего гения нет единой концепции. Одни полагают, что его отец Кунанбай олицетворял собою

прошлое, застойное, феодальное время, а его сын Абай — новое время, будущее народа. Другие считают, что Кунанбай стяжал славу пророка. По всей вероятности, не правы те и другие.

Дед будущего поэта Оскенбай (1773–1850гг.) был в степи известным бием. Адольф Янушкевич высоко отзывался об отце поэта: “Кунанбай... большая знаменитость в степи, сын простого киргиза, одаренный природой здравым рассудком, удивительной памятью и даром речи, дельный, заботливый о благе своих соплеменников, большой знаток степного права и предписаний корана, прекрасно знающий все российские законы, касающиеся киргизов, судья неподкупной честности и примерный мусульманин, плебей, Кунанбай стяжал себе славу пророка, к которому из дальних аулов спешат за советом и старые, и бедные, и богатые, и молодые”. Слов нет, Янушкевич явно симпатизировал и преувеличивал заслуги Кунанбая. Но в то же время не вызывает сомнения, что Кунанбай был личностью в степи, знаменитым оратором, даровитым бием. По всей видимости, Абай-подросток не воспринимал жесткости Кунанбая, переходящей в жестокость, ум, граничащий с хитростью и коварством. Но Абай зрелый уже понимал, что его отец — сын своего времени. Прав был Гейне, когда говорил, что “великий гений образуется при пособии другого великого гения не столь посредством ассимиляции, сколько посредством трения. Алмаз полирует алмаз!”

Умная милая мать Улжан, признанная покровительница своего рода бабушка Зере, большой клан Кунанбая — все любили Абая. Огромную роль в жизни поэта сыграла столица Степного края, опорный пункт колонизации, центр политических ссыльных г. Семипалатинск. Стали этапными в становлении юного Абая медресе Ахмета Ризы и русская приходская школа. Политические ссыльные раскрыли и стали “главными советчиками Абая, направившими его на путь знаний”. Александр Леонтьев — юрист, друг Е. Михаэлиса — сподвижника Н. Чернышевского — политический ссыльный, познакомил поэта с будущим автором книги “Сибирь и ссылка” Д. Кеннаном — американским путешественником, который ознакомил Запад с читателем городской библиотеки, изучающим труды Милля, Бокля, Дрепера, мыслителей и писателей Европы.

В литературе нет-нет да и появляются публикации, в которых несколько преувеличивается влияние политических ссыльных на Абая. Следует принять во внимание, что Абай как поэт к тому време-

ни уже состоялся. В свою очередь, через Абая ссыльные познакомились ближе и глубже с историей, бытом, этнографией, менталитетом казахского народа, с его правовыми нормами. Абай стал для ссыльных опорой в период, когда они испытывали моральное потрясение. Так или иначе, это было равноправное партнерство.

Весьма тернистым был путь Абая. Прежде всего он синтезировал духовную культуру казахского народа. Одновременно органически впитывал в себя лучшие образцы восточной культуры, сохранив при этом полную индивидуальность художника и мыслителя. Надежным путеводителем на историческом пути мудреца Востока стала русская (а через нее и европейская) культура. “Для эпохи Абая, — писал М.О.Ауэзов, — самый факт обращения к этому источнику — главным образом, к наследию великих русских гуманистов и классиков, до него совершенно не известных казахскому народу, — был фактом огромного значения”¹. При этом следует учесть, что русская культура тогда переживала эпоху духовного возрождения.

Обращаясь к этим трем источникам, он обогатил духовный мир нации новыми идеями. Поклонник критического разума, просвещенный и пламенный борец за новый менталитет своего народа, Абай стал к 90-м годам XIX в. выдающейся фигурой не только в истории своего народа, но и в истории всего Востока. Современник Пушкина и Толстого, Гете и Байрона, он олицетворял вместе с ними евразийскую культуру.

В новых условиях развития нации Абай тем самым возглавил для своего времени самое прогрессивное движение в истории общественной мысли своего народа. Просветительство с учетом реалий второй половины XIX в. одновременно выражало национально-освободительные идеи.

Лидер национально-освободительного движения казахского народа Алияхан Букейхан в некрологе писал, что стихи Абая “представляли гордость казахского народа”. Мятельный поэт, автор поэтического манифеста освободительного движения Миржакуп Дулатов “Проснись, казах!” (1909 г.) справедливо считал Абая родоначальником эпохи Ренессанса, подобно Пушкину, Гоголю, Лермонтову, Крылову, Тургеневу, духовным отцом нации.

¹ Абай. Избранные произведения. М., 1945, с. XXII.

Міржақып Дулатов өзінің “Оян, қазағында”:
Орыста Пушкин, Гоголь, Лермонтов,
Крылов, Тургеневтер кеткен өгіп.
Қартайып бұл уақытта Толстой тұр.
Өзіне мәсіләктес ерлерді ертіп.
Қазақта бұл теңдес бар ғой шешен
Халықтан мойны озып болған көсем.
Семейден шықты Абай Құнанбаев,
Сөзінде қате бар ма сынап көрсең”, —
деуі міне осыдан.

Абай прекрасно понимал сущность переживаемого исторического этапа. “О просвещенных и знатных русских и речи нет. Нам не сравняться с их прислугой. Куда сгинули наши бывшие вос­торги? Где наш радостный смех?” — писал он. Глубоко понимал трагичность судьбы своего народа Абай: “Қалың елім қазағым, қайран жұртым, ұстарасыз жүзінді басты мұртың”. “О казахи, мой бедный народ”.

Однако он не уподобился поэтам эпохи скорби. Он не дра­матизировал ситуацию, наоборот, извлекал из нее далеко идущие выводы, определил иные жизненные критерии. Прежде всего он считал казахов составной частью мировой цивилизации. “Казах — ведь тоже дитя человеческое”, — писал он в Слове четырнадцатом.

Продолжая гуманистическую идею, мыслитель полагал, что каждый человек — личность. “Сын своего отца для других — враг. Сын человеческий — твой брат. И тот, кто трудится для своего блага, уподобляется животному, которое пасется только для себя. Того, кто трудится, выполняя человеческий долг, Всевышний метит своей любовью”.

Думы Абая о жизни и смерти, о нации и народе, о природе и среде обитания, о героизме и низости, о вере и предательстве, о порядочности и подлости, о любви и ханжестве, о богатстве и бедности, о правде и лжи и о других категориях вечного мира свиде­тельствуют, что Абай был великим мыслителем своего времени.

Перед исполинской душой поэта раскрываются тайны При­роды, Пространства и Времени. В центре этих вечных понятий Абай ставит человека, личность, гармонию души. Человеколюбие Абая-гуманиста роднит его с великим китайским философом Кун-цзы

(Конфуцием). Абай призывает к тому, чтобы “человеком ты был, и вровень с веком ты был”. Призыв к тому, чтобы его современник стал вровень с веком, со временем составляет сердцевину всей поэзии мыслителя. “Лучшие люди встречаются только среди народа”, — писал в своем дневнике Гете. В “Словах-назиданиях” Абай пишет, что “простолудин, прославившийся умом — выше царя, вознесенного удачливой судьбой. Юноша, продающий свой труд, достойнее старца, торгующего своей бородой”. “Сытый попрошайка — дьявол во плоти, ленивый суфи — лицемер”. “Человек — дитя своего времени, — восклицает мудрец. Если он плох, в том виноваты и его современники”. Подобно французским энциклопедистам, Абай провозгласил: “Без просвещения нет ни веры, ни блага. Без знаний ни намаз, ни посты, ни паломничества не достигнут цели”.

Рассматривая нравственность высочайшей категорией, мыслитель писал, что “непрочен достаток, нажитый бесчестьем, он оставляет за собой лишь муки, горечь и злобу”. По многим параметрам мировоззрение Абая близко к взглядам Махатмы Ганди, Л. Н. Толстого, Ф. Ницше. Подобно Руссо, он страстно стремился вернуть общество к естественному состоянию.

Гете говорил: “Мир так прекрасен! Так прекрасен! Если бы только уметь наслаждаться им!” Абай был величайшим ценителем прекрасного. Если Гете говорил: “Все только от любви”, Абай писал: “Нам любовь — краса и оплот”. “Вся природа — мелодия, полная гармонии”, — провозглашает юный Гете. Абай не провозглашает, а воспевает эту гармонию Природы. Ученый-энциклопедист, первый абаевед Алихан Букейхан в некрологе писал, что “чудные его стихи, посвященные четырем временам года (весна, лето, осень и зима), сделали бы честь знаменитым поэтам Европы... Абай представлял недюжинную поэтическую силу и составлял гордость казахского народа”.

“Поэзия Абая, — писал абаевед Леонид Соболев, — поэзия глубоко оптимистическая и жизнеутверждающая. Прочтите его “Весну” — этот праздник ликования людей и природы, прочтите “Пылает юности огонь” — гимн всепобеждающей юности, “Охоту с беркутом” — картину, изумительную по краскам и образам. В этих строках со всей силой вылилась та безмерная любовь к жизни, к юности, та страстная надежда на счастье”².

² Абай. Избранные произведения. М., 1945, с. VII.

Философские размышления Абая привели к выводу всей его жизни о том, “знание языка и культуры делает человека равноправным с этим народом, он чувствует себя вольно, и если заботы и борьба этого народа ему по сердцу, то он никогда не сможет остаться в стороне. Такова природа человека”³.

Великий мыслитель вслед за этим анализировал место и роль казахов среди других народов. Он установил, что за время колонизации изменился менталитет казахского народа. Былое величие - времена батыров ушли в прошлое. “Кетгі бірлік, сөнді ерлік”. Победили нравы рабской психологии, невежества, духовной нищеты.

Ты и с виду неплох, и числом велик,
Но какой же яд в твою душу проник?
Почему же чванливый и мелкий сброд
Изуродовал душу твою, народ? - спрашивал он.

В двадцать шестом Слове он этот тезис сформулировал: “Қазақтың қазақтан басқа жауы жоқ”.

Сетуя, что “в сетях клеветы запутался он”, Абай мечтал о днях “когда люди забудут воровство, обман, злословие, вражду и устремятся к знаниям, обучатся ремеслу, начнут добывать богатства честным, достойным путем”(Двадцать четвертое слово).

И знайте: лишь в дружбе казахский народ
Свободу и правду свою обретет!

Смысл всей поэзии Абая состоит в том, что он зовет свой народ к заветной цели: приобщение к достижениям цивилизованных народов.

Смотри, не заблудись и знай, куда идти,
Вот, выходи сюда на верные пути.

Если Абай призывал единокровных братьев своих “выходи сюда на верные пути!”, то его последовать М. Дулатов подхватил и во весь голос кричал: “Проснись, казах!”. Так Абай подготовил выход на историческую арену поколения алашских реформаторов.

Великий казахский Гомер, советник Абылай-хана Бухар-жырау говорил, что в трудный час русские могут стать опорой казахов. Подобно своему гениальному предшественнику, великий Абай определил русскую культуру мостом между Востоком и Западом; считал ее кратчайшим путем к цивилизации, основным методом, “чтобы стать равными среди других народов”.

³ Абай. Слова-назидания. М., 1982, с.66.

По определению М. О. Ауэзова, “великолепную силу и выразительность народной поэзии Абай сумел перевести в иное, высшее качество. Иные идеи, порывы духа запечатлены в его стихах... Смысл человеческого существования осознан по-новому”. Такая миссия — осознание человеческого бытия по-новому — удел великих, удел пророков.

Шиллер говорил: “Какой мелкий и жалкий идеал — писать только для одной нации”. Абай и его творчество глубоко интернациональны. Абай и его духовное наследие принадлежат человечеству.

Призыв Абая к просвещению, знанию, любви к свету, разуму, высокой нравственности, учиться у других народов, жить в мире и согласии звучит теперь на разных языках в самых разных уголках планеты. Не в том ли бессмертии состоит человеческое счастье!

Абай. Наследники. На перепутье...
Просветительская серия “Звезды Казахстана”.
Алматы. Агентство Аль-Халел.1995.

М. О. АУЭЗОВ — ВЕЛИКИЙ ПИСАТЕЛЬ И ИСТОРИК-МЫСЛИТЕЛЬ

М. О. Ауэзов — гениальный писатель-энциклопедист, великий мыслитель-историк. Главной темой его творчества была судьба нации. Художник шел к “Пути Абая”, к своей славе всю жизнь.

В 60-е годы Л. М. Ауэзова исследовала исторические воззрения своего гениального отца по роману “Путь Абая”. Между тем, в эволюции исторического сознания художника особое место занимают такие произведения, как пьеса “Хан Кене”, повесть “Кылы заман” (“Лихая година”).

Попытаемся ниже раскрыть концепцию писателя об освободительном движении, развернувшимся с 1731 года против импе-

гора статьи).

рии и тоталитарного социализма на примере истории национального движения под руководством Кенесары Касымова и национально-освободительной войны 1916 года.

М. О. Ауэзов полностью разделял концепцию марксизма о прогрессивности освободительных движений колониальных народов. В пору своей творческой зрелости Мухтар Омарханович выпестовал собственные подходы к ключевым проблемам освободительного движения своего народа, к судьбам выдающихся его деятелей. Однако, данная концепция вступила в непреодолимое противоречие с имперским постулатом об единой неделимой России, на деле проводимым в жизнь советским тоталитарным режимом. Формированию исторического сознания писателя способствовало его глубокое знание как отечественной, так и всемирной истории, истории народов Востока. Исторические воззрения художника характеризовались целостным подходом к планетарным проблемам, составной частью которых была отечественная история казахского народа.

Он изучал ключевые проблемы отечественной истории — проблемы казахской национальной государственности, сущности ханской власти, характера национальных движений, создания единого всенародного фронта борьбы против колонизаторов, политики геноцида царизма, роли интеллигенции, просветительства в освободительном движении.

В пьесе “Хан Кене” центральный образ — носитель ханской власти, вождь народного движения за независимость, ярый враг империи Кенесары Касымов. Этим сказано многое. Автор дает характеристику эпохе, четко определяет освободительный характер движения первой половины XIX века. В прологе пьесы он раскрывает демократическую суть ханской власти как полновластного легитимного органа степного народа, показывает хана Кене законным наследником Абылая, Тауке хана, словами одного из ближайших соратников Кенесары Жоламана Тленшиева писатель называет Ханскую орду — “священной ордой всех казахов”. Таким образом, писатель разоблачает миф колонизаторов, называвших Кенесары “узурпатором власти”, “главой разбойников”, создает образ признанного вождя движения за свободу.

Ханский Совет определил стратегию освободительной борьбы, приняв решение о перенесении центра тяжести всенародной

Бай, Слова-назидания. М., 1982, с. 66.

борьбы на юг, объединить Сарыарку, Сыр, Алатау, открыть единый фронт борьбы казахского и киргизского народов за независимость против царя, под началом централизованной власти. Тем самым М. О. Ауэзов опровергал концепцию советских историков о феодально-монархической сути движения.

В пьесе “Хан Кене” показан противоположный лагерь — компрадоры степи, верой и правдой служившие колонизаторам: Муса Шорманов, Спатай, Жантюре, Балгожа, Шотай, Рустем, Жамантай, Коныркулжа, Баймагамбет... Раскрыта философия предательства.

Как известно, движение в народе часто называют движением Кенесары-Наурызбая (Науан батыра). Писатель проводит четкий водораздел между этими личностями. Хан Кене в пьесе показан государственным деятелем высокого уровня, искусным дипломатом, мыслителем. Наурызбай в пьесе предстает в образе батыра, в роли военачальника ханской гвардии, исполнителя воли хана, отважного воина, непревзойденного мастера рукопашного боя, средневекового поединка. Под предлогом борьбы с компрадорской силой недалековидный Науан совершал стремительные разорительные набеги на мирные аулы родов Тлеукабак, Жаппас, способствуя тем самым в известной степени отходу от него потенциальных сторонников.

Камнем преткновения историков долгие годы оставалась проблема казахско-киргизских взаимоотношений. М. О. Ауэзов дал классическое ее решение. Он — сторонник Кенесары, когда хан выступает за объединение сил казахов и киргизов против средневековых среднеазиатских ханств, российской империи. И, наоборот, он осуждает Кенесары, когда хан затевает братоубийственную войну против киргизов. В период казахско-киргизской войны движение потеряло освободительный характер. Писатель проводит четкую грань между Орман ханом, Жантаем — киргизскими манапами, заключившими тайный сговор против казахско-киргизского союза, и киргизским народом. Наиболее ярко эта линия проведена в диалоге хана Кене с сыном Каная-бия Карбозом — посланником киргизской стороны⁴. Таким образом, М. О. Ауэзов верен не только принципу историзма, но и принципу научной объективности.

⁴ Ауэзов М.М. Собр. соч. в 20 т. Т.14. - Алматы, 1983. - С.347. (Подстрочник автора статьи).

В литературе долгие годы не было ясности в трактовке поведения тюре Рустема и батыра Спатая, предводителей 12-тысячной армии дулатов. М. О. Ауэзов выступает как исследователь-диалектик. Он показывает через диалог Спатая и Рустема, что при победе Кенесары, утверждении ханской власти, они боялись потерять свои насиженные места, власть над дулатами, доверие Коканда и Российской империи и потому вступили в сговор с киргизскими ма-напами, карателями империи.

В пьесе писатель раскрыл причины поражения освободительного движения. Ими были: всеисилие империи, сумевшей расколоть ряды восставших, создание опоры в лице компрадоров степи, насилие, совершенное ханской гвардией над мирными аулами, психология казахов-шаруа, сражавшихся в рядах повстанцев в пределах своих регионов, усталость народа, страдавшего от набегов карателей, от всевластия империи, феодалов и т.д.

Так, М. О. Ауэзов создал цельную концепцию освободительного движения XIX века, раскрыв его характер, движущие силы, программу борьбы, тактические приемы, роль Хана Кене — предводителя, легендарного вождя восставшего народа и причины поражения движения.

Не менее цельной, научной была созданная писателем концепция национально-освободительной войны 1916 г. в романе “Лихая година”. “Лихая година” — исторический роман: писатель в нем доказал, что июньский указ царя о реквизиции казахов на тыловые работы всколыхнул весь край, что одним из узлов всенародной войны стало Семиречье, регион, где обитал “смирный албан”⁵. Тем самым была по существу опровергнута точка зрения о том, что эпицентром восставшего народа в 1916 г. был только регион большого Тургая.

Писатель, прежде всего, проводит идею, что народное освободительное движение подготовлено всем ходом истории колониальной России. Это кредо сформулировал один из героев романа Узак батыр: “Когда, спрашиваю вас, мы жили безмятежно?... И этот царский указ не сегодня рожден. К тому дело шло издавна... Эй, вы инородцы! — вдруг вскрикнул с гневом Узак. — Ежели вы народ...

⁵ См.: А.Нусупбеков. М. О. Ауэзов в советской историографии // Известия АН КазССР. Серия обществ. наук. - Алматы, 1976. №3. - С.62-65; Он же. Исторические истоки повестей М. О. Ауэзова “Қылы заман” и “Қарац-қараш” // Там же. 1977, № 5. - С.82-87.

ежели вольные кони... пора на дыбки, да лягнуть копытами. Нету у нас другой судьбы”⁶. Как историк выступает писатель и тогда, когда он раскрывает социально-экономические истоки движения: “Правил нами царь, правил... мы молчали..., — говорит герой романа Турлыходжа. Еще не прошло полвека, как мы вошли в Россию, с охотой вошли. А царь обещал не брать джигитов в свою армию раньше, чем через полвека. И еще обещал не брать налог больше рубля двадцати копеек с юрты. А сейчас берет! Обложил всех казахов от двадцати одного года до сорока пяти. Обложил, как данью, как тот калмыцкий хан! Это второе. А потом землю отобрал, с обжитых мест выжил. Отнял воду у народа! Это третье. До чего дошел? Продает царь нам же наши земли. Мы у него пасынки!”⁷.

Как известно, советские историки искусственно сужали социальную базу национально-освободительного движения 1916 г. в угоду классовому принципу. Писатель отмечает достаточно широкую представительность среди мятежников феодально-байских элементов, интеллигенции. Впервые в художественной литературе показано создание широкого народного фронта. В “Лихой године” выведены образы народных предводителей в лице бия Жаменке, батыра Узак Саурыкова, волостных правителей Серикбая Канаева, Айтбая Дарманбаева, служителя культа Казбека Шорманова. Писатель показывает, что мятежники выработали тактику единства народного фронта. Для того, чтобы в среде мятежников не было разброда и шатаний, предателей, 75-летний трибун Жаменке выработал тактику взаимозависимости мятежников: “сжечь все мосты”, — думал Жаменке, чтобы некуда было пятиться волостным, чтобы стояли как вкопанные, боясь кары божьей, воли народной”⁸.

В романе заложена идея о том, что в августе 1916 г. центр тяжести движения постепенно перемещается в Чуйскую, Ферганскую долины. Писатель от имени Какбая сообщает: “Одним словом, началось. Донял царь и нас, и киргизов, и уйгуров. Поднялись все, начиная от Лепсы до Талды-Кургана. Не признают указа!... Грозят уйти от царя... Были нападения на города. Были стычки с солдатами. Дальше под Пишпекком, Верным, Караколем восстание. Там настоящая война! Оказывается, все-таки опередили нас киргизы и уйгуры”⁹.

⁶ Ауэзов М. Собр. соч. в 5 т. Т.1. - М., 1973. - С.246-247.

⁷ Там же. - С.270-271.

⁸ Там же. - С.248.

⁹ См.: Каркара айбаты. Сб. документов и материалов. - Алматы. 1991. - С.170.

В романе речь идет о том, что царизм ведет войну с народом, защищая интересы империи, весь колониальный режим. Каратели применяли тактику выжженной земли. Писатель пишет правду и только правду и тогда, когда он отмечает, что в экспедиции карателей по уничтожению коренного населения принимали участие армейские части и казачество. М. Тынышбаев в статье о судьбе киргизских, казахских беженцев отмечал, что в 44 волостях Семиречья насчитывалось до 1916 г. 47759 домовладельцев, из них покинули родные края 40250, при этом погибли 95200 беженцев¹⁰.

Ч. Айтматов в предисловии к роману на русском языке ("Новый мир", 1972, № 6) справедливо писал: "Мало я встречал в восточных литературных произведениях, где бы с такой силой художественной убедительности, как это сделал молодой Ауэзов, была бы выражена ненависть к царизму, к его аппарату насилия, где так страстно отмечались бы бесчеловечность и цинизм царской колониальной политики, где так глубоко, на фоне большой массы людей была бы раскрыта природа неприятия кочевым народом чуждой ему царской административной системы, где с такой болью и состраданием было бы сказано о трагедии простого люда, посмевшегося на беду свою восстать и жестоко поплатиться за бунт своей кровью и изгнанием с родных земель".

Концептуальные подходы писателя к истории казахов не вписывались в идеологию большевизма, в ее национальную политику. 8 июня 1934 г. бюро Казахского краевого комитета ВКП(б) принимает специальное решение "О пьесе "Хан Кене". Бюро потребовало от писателя "по-большевистски освещать историческое прошлое", потребовало "переделки" пьесы, преградило подобным произведениям путь на театральную сцену. Автора обвинили в возвеличивании личности Кенесары, неправильной трактовке исторического прошлого.

Преследования продолжались с новой силой в связи с выходом "Истории Казахской ССР с древнейших времен до наших дней" в 1943, 1949 гг. с изданием книги Е. Бекмаханова "Казахстан в 40-е годы XIX в." Только смерть И. Сталина спасла М. О. Ауэзова и его единомышленников от участи нового витка 1937 года.

Концепция национально-освободительной борьбы казахского народа, разработанная М. О. Ауэзовым, выдержала испытание вре-

¹⁰ См.: Каркара айбаты. Сб. документов и материалов. - Алматы. 1991. - С.282.

менем. Писатель-мыслитель, опережая свое время даром предвидения, зримо воссоздал панораму трагедии казахского народа. Он изучал историю казахов в едином ключе с историей колониальных народов мира, как часть целого, методом сравнительного анализа определил степень зрелости казахской нации, роль и место ее в мировом освободительном движении, с болью и состраданием увековечил образы предводителей, посмевших восстать против империи, ее колониального режима, поплатившихся за свободу самым дорогим — жизнью.

Тем самым М. О. Ауэзов, создав концепцию освободительной борьбы народа в период расцвета культуры личности и разгула реакции, совершил творческий подвиг, как Хан-Кене, чудотворец освободительной войны 1916 г.

**Сборник материалов специальной конференции
“М. Ауэзов — XX ғасырдың ұлы жазушысы және гуманисі”,
Алматы, 1997. С. 79-84.**

СВЯТОЙ ХАН КЕНЕ КАЗАХСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ К 80-летию со дня рождения И. Есенберлина

Ильяс Есенберлин...

Это имя стоит в одном ряду с гигантами творческой мысли в казахской литературе и культуре. На вид не очень заметный, скромный, всегда вежливый в общении, Ильяс-ага был выдающимся сыном казахского народа, очевидцем тяжелейших испытаний и трагических переломов двадцатого столетия, донесшим правду о них до наших дней.

В чем же заключается притягательная сила творчества Ильяс-ага? В настоящее время с уверенностью могу сказать: в течение последнего столетия казахская литература неизмеримо выросла и возмужала и стала полноправным членом мирового литературного сообщества. Она, вне сомнения, находится в передовых рядах

литературы народов всего Востока. В этом есть неоценимый творческий вклад Ильясa Есенберлина. Его проза и поэзия разносторонне развивалась и вошла в библиотеку шедевров мировой литературы. Так что, если рассматривать с этой точки зрения его творчество, то одним из ярких ее представителей бесспорно был и остается Илекен.

Великий писатель в своих эпических произведениях всесторонне отобразил всю палитру жизненных красок кочевой цивилизации. До недавнего прошлого многие европейские ученые и писатели считали цивилизацию кочевников чуть ли не цивилизацией дикарей и варваров. Ознакомившись же с произведениями казахских писателей, впервые голову Ильясa-ага, многие из них пересмотрели свои взгляды, как бы воочию увидев крепкую органичную взаимосвязь оседлой и кочевой цивилизаций. Писатель сорвал ярлыки историков застойных лет, глубоко осмыслив пройденный кочевниками путь и осмыслив его по-новому, внес свой важный творческий вклад в жанр исторического романа, где до него безраздельно правил Ян и группа ему подобных писателей, над которыми Ильяс-ага поднялся на недостижимую высоту мастерства. После Илекена истории и деяниям кочевников посвятил свои произведения И. Калашников, но и он не смог приблизиться к уровню Есенберлина по эпической масштабности, художественному мастерству и глубине проникновения в суть исторических процессов. А писатели наподобие В. Чивилихина, руководствовавшиеся "принципами" великодержавного шовинизма, сегодня попали в необитаемый остров творческой несостоятельности.

После огромного успеха романа-эпопеи "Путь Абая" великого писателя М. Ауэзова мировая читательская аудитория, ознакомившись с эпическими произведениями Илекена, смогла увидеть важную роль кочевой цивилизации в мировом историческом процессе, осознать, что идти вперед нужно Западу и Востоку сообща, вместе, глубоко исследуя и осознавая свою историю в неразрывном единстве. В свое время английский поэт Киплинг сказал: "Запад есть Запад, Восток есть Восток. Не встретиться им никогда". Жизнь доказала ошибочность этого утверждения.

Я глубоко преклоняюсь перед гражданским мужеством великого писателя. Известный ученый-историк Е. Бекмаханов, занимавшийся исследованием национально-освободительной борь-

бы под предводительством хана Кене против царского самодержавия, что являлось тогда закрытой темой для историков, в начале 50-х годов был приговорен к 25 годам лишения свободы. Какое мужество и сердце надо иметь, чтобы не побояться вновь взяться за такую тему. За 300 лет нахождения в составе Российской империи, против ее политики вспыхивало около 300 национально-освободительных движений, т. е. по существу шла непрерывная война поработенного народа против империи, против ее колониальной политики. Особое место среди них занимает восстание под руководством хана Кене. Еще не так давно, в советский период, великодержавная политика России в исторической науке всячески замалчивалась, были свои руководители-цензоры в Москве и на местах, и в такое время Ильяс-ага взял на себя историческую ответственность, выступив против лживого, официозного освещения истории казахов. В этом смысле в среде творческой интеллигенции он проявил себя как настоящий хан Кене. Именно благодаря гражданскому мужеству писателя, спустя четверть века после его ухода из жизни мы воспитываем на его бессмертном творческом наследии молодое поколение. Илекен — писатель-патриот, глубоко любивший свой народ, борец. Он был воистину ханом Кене казахской литературы. В этом у меня нет никакого сомнения. Современная казахская литература имеет достойных продолжателей дела Ильяс-ага в лице талантливых мастеров исторических романов А. Кекильбаева, М. Магауина, С. Сматаева и др.

Илекен — писатель-художник, исследователь, ученый. Он много искал, трудился не щадя сил. Из жизни он ушел рано, по существу сгорел в труде, но оставил свое имя в сердцах людей, в книгах, обреченных на бессмертие. Выдающиеся творческие достижения, беззаветное служение истине и скромная, прожитая без суеты и тщеславия жизнь обеспечили ему достойное место в плеяде святых имен казахской интеллигенции.

Ильяс-ага, Ваш святой дух дает жизненные силы и опору нашему народу. Казахская земля никогда не забудет Ильяса Есенберлина. Аминь!

**“Писатель. Личность. Человек.”
Алматы, 1993.**

ВЕЛИКИЙ РЕФОРМАТОР XX ВЕКА

XIX век. Век своеобразного ренессанса духовной культуры народов Российской империи. В соприкосновении с алмазом мысли и поэзии наших предков, Запада и Востока рожден гений Чокана, удививший цивилизованный мир своим чудо-талантом.

Какими критериями можно измерить величие и гармонию буйной музыки Курмангазы, пламенной, призывной, атакующей песни поэта-борца Махамбета. “Дикая” азиатская степь дала человечеству тогда великого гуманиста-просветителя Ибрая, чей педагогический дар можно сравнить разве что с Ушинским.

Могуче подпирал отчий шанырак казахской поэзии великий мудрец Абай. Степь стала нарядной и многокрасочной искусством поэтов-певцов Биржана и Ахан-серэ.

Трагический и печальный, величественный и стремительный XX век! Он выдвинул на авансцену отечественной истории казахского народа целую плеяду славных имен. В их ряду Шакарим и Магжан, Сакен и Беимбет, Алихан и ..., Санжар и Мухамбеджан Тынышбаев, Ильяс и Касым, Сабит и Габит, Джамбул и Дина, Алма и Куляш, Каньш и Малик. Именно они, дополняя друг друга, силу своего дарования посвятили поискам кратчайших и рациональных путей своего народа к прогрессу.

В одном ряду с гигантами мысли и духа Сун-ят-Сеном, Ганди, Чернышевским, Гаспринским стоят имена Алихана Букейханова и Ахмета Байтурсынова.

В советское время мы часто цитировали В. И. Ленина, который говорил, что “пролетариату нужна правда о живых политических деятелях и о мертвых, ибо те, кто действительно заслуживает имя политического деятеля, не умирают для политики...”.

Да, ничего не скажешь, В. И. Ленин был верен себе и рассматривал все с высоты политики. Если несколько отступить от политики, то правда о деятелях истории, личностях ханов, биев нужна для формирования национального самосознания народа, поддержания чистоты его духа и помыслов, для нравственной закалки подрастающего поколения, для переосмысления отечественной истории, ее уроков. “Жақсының аты өлмейді, ғалымның хаты өлмейді”, — гласит казахская пословица — “Не умирает имя нравственного человека, не умирает наследие ученого”.

В чем состоит величие Ахмета Байтурсынова? Каков его вклад в цивилизацию тюркского мира и всего человечества?

Байтурсыноведение — молодая отрасль нашей отечественной историографии. Оно зародилось в 1919 году и утвердилось в начале 1923 года, когда о месте и роли в судьбе казахского народа А. Байтурсынова высказались С. Сейфуллин, М. Ауэзов, когда весь Казахстан отмечал 50-летие своего великого соотечественника.

С конца 1920-х годов до 1990 года имя А. Байтурсынова и имена его последователей находились под запретом. Мало этого, в политический оборот со злым умыслом было пущено Ф. И. Голощекиным понятие “Байтурсыновщина”, как синоним контрреволюционного национализма.

В выпшедшей литературе после приобретения независимости исследователи преимущественно отмечают его заслуги в области просвещения, современного казахского языкознания, литературоведения, тюркологии, поэзии и перевода.

В трактовке личности А. Байтурсынова пока нет цельности, отсутствует обобщающий образ личности общенационального, общечеловеческого звучания.

Существующая трактовка личности А. Байтурсынова и его вклада в культуру казахского народа, тюркологию, в целом в теорию и практику освободительного движения объективно не способствует раскрытию новаторского характера личности, ее реформаторской сути.

Кто же тогда А. Байтурсынов?

Прежде всего, А. Байтурсынов — общепризнанный лидер алашского движения, главный его идеолог. Алашскому движению характерны черты:

- просветительство;
- антиколониализм;
- стремление к национальной самоидентификации;
- приверженность к защите буржуазно-демократических свобод;
- и на втором этапе — к автономизму.

Выходцы из феодальной и родоплеменной знати, а также торговой буржуазии, как самая образованная прослойка, по существу, продолжили дело Ч. Валиханова, И. Алтынсарина, Абая в приобщении казахов к мировым культурным ценностям. “С це-

лью сохранения нашей нации, — писал А. Байтурсынов в 1913 г., — мы должны бороться за просвещение и культуру. Мы должны развивать нашу собственную национальную литературу в Казахстане”.

На рубеже веков формировалось новое поколение российских интеллектуалов. Это был период роста самосознания всех народов Российской империи. Ликвидация крепостничества, введение земского самоуправления, переход монархической России, хотя медленно, мучительно, на рельсы конституционализма, рождение многопартийности, реформы П. А. Столыпина, распространение либеральной идеологии среди различных социальных групп, принимающих ценности рыночной экономики, медленное, но уверенное движение России по пути модернизации и европеизации, парламентской демократии — такова социально-экономическая, политическая среда, в которой воспитывалось новое поколение и казахских реформаторов.

Признанным лидером демократического национально-либерального движения начала XX века справедливо считается Алихан Букейханов. Однако, подобно Исатаю и Махамбету, Алихан и Ахмет дополняли друг друга. Алихан был как бы больше политиком, а Ахмет — духовным наставником, учителем. Естественно, поэтому А. Байтурсынов на первых порах — как бы оставался в тени.

Упорно и настойчиво, бесшумно и скромно, без саморекламы шел он к своей цели, все больше и больше, раскрывая свои дарования, как ученый-энциклопедист, как просветитель-гуманист. Он себя искал в области теории и практики воспитания, филологии, литературе, политике, удивляя своим чистым, как родник, талантом, нравственностью своих поступков, чистотой своих помыслов, сначала окружающих, а потом интеллектуальный мир российского Востока. В годы соприкосновения с Алиханом на небосклоне национально-либерального движения Востока и зажглась, как восходящая звезда свободы первой величины, звезда Ахмета Байтурсынова. Отныне имена Алихана и Ахмета стали синонимом освободительного либерально-демократического движения Казахстана. Вот что писал оргкомитет в день 50-летия А. Байтурсынова: “Қазақ халық болғаннан бері өз бетінше еркімен дәуір сүрген кезі болмай, қоңсы халықтарының қол астына кезекпен қарай қарай келіп, бастаған хандарының өзара келісе алмаған кесапатынан орысқа бағынып, үш жүз жылдай үзілместен келген Романовтар үкіметінің зұлым

саясатының кесірінен жері мен салтынаң, тілінен айырылуға айналып бара жатқанын алдымен сезіп, оянған Ақаң еді.

Орысқа жақындасып, Европа тәрбиесін алған қазақ оқығандары өз халқына қарамай, жан бағу дегенді жеңіл көріп, шен қуып, кеңсеге кіріп, күкіметке жағынып, “жақсы адам” атанып жүргенде, оқудан шығысымен қырдағы қалың қазақтың ішіне барып, бар білгенін қазақ балаларын үйретуге ынта қылып, қазақтың қара тіліне шыр кіргізбей сақтап, қайта түзей беруге қам қылған Ақаң еді.

Ақаң ұлт матбұғатының көзін ашпағанда, әлдеқашан ескі елдігімізден айрылып, қоңсы кент ағайындардың біріне табынып, таңбадан айрылып кететін едік. Қазақтың дыбысына, сөзіне арнап әліппе шығарып, тіл һәм оқу құралдарын шығарып, қазақтың жалпақ тілін талайға үйреткен Ақаң еді”.

Роль и место А. Байтурсынова в освободительном движении нашло отражение и в обвинительном акте коллегии ОГПУ.

Если Досмухамедов Джаханша “арестован как один из организаторов партии “Алаш”, Досмухамедов Халел “арестован как член националистической партии “Алаш” и “алашордынского правительства”, Жусупбек Аймауытов арестован как член партии “Алаш”, то Ахмет Байтурсынов, как гласит документ комитета государственной безопасности от 22 февраля 1990 г., “арестован как основатель партии “Алаш”.

Между Алиханом и Ахметом существовало своеобразное разделение труда. Молодое движение неразрывно было связано с просветительством, духовным наследием Чокана, Ибрая, Абая.

Как лидер казахских просветителей XX века Ахмет стал общепризнанным духовным наставником мятежной демократической казахской интеллигенции, главным идеологом алашского движения. Неслучайно в статье “Ақаңның елу жылдық тойы” (юбилей) — М. Ауэзов назвал А. Байтурсынова “оқыған азаматтың тұңғышы, “алғашқы шыққан көсемі”, то есть первым вождем просвещенного общества. Выдающийся ученый-энциклопедист Алихан проявил себя прежде в роли политического лидера. Союз двух этих гигантов во многом определял зрелость алашского движения.

А. Букейханов, А. Батурсынов, их единомышленники освоили достижение мировой общественной мысли. Они воспитывались на идеях “Декларации прав человека и гражданина” Французской революции.

Алашская интеллигенция, по существу являющейся элитой нации, была неразрывно связана с традиционной культурой казахского общества, по праву катализатором духовного ренессанса. Она ревностно относилась ко всему национальному, была свободна от религиозного фанатизма, национальных, расовых и иных предубеждений. А. Букейханов был против любого проявления азиатчины, включая союз Казахстана с Туркестаном.

Казахская национальная интеллигенция шла к идеологии “Алаш” методом проб и ошибок. Долгие годы она разделяла идеалы конституционных демократов (кадетов). Однако защита ими монархических идей единой и неделимой России, переселенческой аграрной и руссификаторской политики вынудила ядро “Алаш” действовать автономно. Защищая эволюционный путь развития Казахстана, в рамках в составе демократической России, А. Букейханов и его единомышленники обратили свои взоры на программные документы социалистических партий, провозгласивших права нации к самоопределению вплоть до отделения и образования самостоятельного государства, то есть территориальной автономии. Этому способствовало и то, что А. Букейханов в начале своего пути переболел марксизмом. Многие алашовцы разделяли аграрную программу левых эсеров. Партия “Алаш” в проекте программы подчеркнула и о своей приверженности к программе меньшевиков по рабочему вопросу.

Таким образом, ядро “Алаш” продемонстрировало теоретическую зрелость, защищая интересы не классовые, а многострадальной нации, Отечества, стремясь создать единый общенациональный фронт борьбы с колониализмом. Национализм “Алаш” — это патриотизм националов, свободный от национального эгоизма, корысти и чванливого высокомерия. Не случайно в “Литературной энциклопедии” (М., 1929, т. I) А. Байтурсынов был назван народником-националистом.

А. Букейханов, А. Байтурсынов и их единомышленники были новаторами, реформаторами нового поколения. Новаторство лидеров “Алаш” сказалось, прежде всего, в выборе пути. Будучи знатоками истории освободительного движения, его стратегии и тактики, они вслед за великими просветителями установили, что судьба Казахстана неразрывно связана с Россией. Программа движения была составлена с учетом колониального существа и уровня духов-

ного развития нации, геополитической особенности региона, демографической ситуации, перспектив развития освободительного движения в империи.

В статье “Киргизы” А.Букейханов подвел черту многолетним поискам выбора пути. Он писал: “Как все окраины, испытывавшие на себе тяжесть обрусительной политики, киргизская народность настроена оппозиционно к правительству старого режима, тяготеет к русским оппозиционным партиям. В ближайшем будущем, в степи, вероятно, соорганизуются две политические партии, соответственно двум политическим направлениям, складывающимся в киргизской среде. Одно из них может быть названо национально-религиозным, и идеалом его является религиозное единение казахов с другими мусульманами. Другое, западническое направление, видит будущее киргизской степи в сознательном предворении западной культуры в самом широком смысле этого слова. Первое, вероятно, возьмет за образец мусульманские — татарские партии, а второе — оппозиционные русские, в частности, партию “Народной свободы”.

Выбор пути был осуществлен в тот период, когда 35-миллионный мусульманский мир России, его элита увлекались созывом мусульманских съездов, созданием всевозможных партий национально-религиозного толка, повсеместно слышались голоса тюркофилов, поборников панисламизма.

Новаторство — реформаторство алашской интеллигенции проявилось в выработке доктрины освободительного движения, прежде всего, в разработке проблем территориально-национальной автономии. Проект программы партии “Алаш” определил форму государственной власти “Алаш-Орды”: республика во главе с учредительным собранием, Президентом и Государственной Думой. В проекте были заложены принципы национальной политики, образования военного строительства, финансовой системы. Можно смело сказать, что лидеры “Алаш” были сторонниками такого государственного устройства, которое вело бы к приобретению статуса, близкого к полной независимости. Позднее, в 1929 г. на допросе М. Дулатов в ответ на обвинение о национализме пояснил: “Мы хотим, чтобы наше Отечество принадлежало нам”.

На наш взгляд, история “Алаш”, “Алаш-Орды”, ее традиции принадлежат не только нам — казахам, Казахстану.

В решении казахско-киргизского съезда (5-12.XII.1917) было записано: “Казахско-киргизскую автономию именовать “Алаш”. В состав Совета “Алаш-Орда” вошел деятель кыргызского народа Ж. Солтанаев.

С участием “Алаш” была создана “Кокандская автономия”. В работе II Всеказахского съезда принимали участие представители татарского, башкирского освободительного движения. Огромное влияние на формирование и развитие личности Заки Валиди Тогана оказал А. Байтурсынов.

Алашское движение оказало влияние на весь тюркский мир. Не случайно в сентябре 1918 г. Турция предприняла попытку создания “Федерации восточных тюрков”.

В составе “Алаш” воспитывались национальный лидер кыргызов Абдыкерим Сыдыков, друг А. Байтурсынова, впоследствии создатель кыргызского алфавита, просветитель Ишеналы Арабаев и многие другие. Проф. В. Н. Плоских справедливо отмечает, что в Кыргызстане идеями “Алаш-Орды” “переболели” почти все молодые интеллигенты-коммунисты, позже открестившиеся от своих ранних убеждений. Продолжая дальше, можно сказать, что до 1916 г. алашская элита была властелином дум по существу всей казахской интеллигенции, вышедшей из шинели “Оян, казах!” Отпочковывание их по партиям и разным сторонам баррикад происходило чуть позже. Проблема “Элита “Алаш” и ее влияние на формирование казахской национальной интеллигенции” ждет своего исследователя.

Алашское движение не было однородным по своим социальным корням, миропониманию российской действительности, политическим ориентациям. Оно состояло из правых, центристов и левых. Среди них были высокообразованные по европейским стандартам лидеры движения, опережавшие по своему уровню развития своих современников. В рядах освободительного движения в то же время находились и люди, связанные с феодально-патриархальным прошлым, деятели консервативного мышления. Среди них были сторонники так называемых “Туркестанского единства”, “Федерации юго-восточных мусульманских областей” и т. д. Настало время более основательно изучить различные направления внутри “Алаш”, их платформу, связи партии “Алаш-Орда” с внешним миром, в том числе с различными политическими течениями внутри самой России.

А. Байтурсынов среди лидеров “Алаш” был просвещенным демократом, гуманистом, европоцентристом.

Выход на мировую арену XX века интеллектуальной казахской и политической элиты связан с появлением движения и партии “Алаш”. Идея национальной автономии во главе с национальным парламентом и президентом по своей сути была тождественна суверенной государственности в составе империи. Это было новое слово в политической энциклопедии начала XX века. Так в изменившихся исторических условиях продолжалась борьба народа за национальную независимость. В этом и состоит историческая заслуга политических реформаторов А. Букейханова, А. Байтурсынова, М. Тынышпаева, М. Дулатова, Б. Кульманова.

Исследователь Мухамет-Халель Сулейменов справедливо отмечает, что: “Если из Польши, Украины, Прибалтики, Финляндии семена идей национально-освободительного движения распространялись на Запад и на Север, включая американский континент, то из Закавказья, Татарстана, Башкортостана, Казахстана и Средней Азии они распространялись на Юг и Восток... Поэтому одной из целей современных ученых-“байтурсыноведов” должно явиться адекватное отражение того факта, что он принадлежит к плеяде великих деятелей мирового национально-освободительного движения”.

Реформаторство А. Байтурсынова проявилось в период создания им газеты “Казах”. По мнению А. Байтурсынова, “газет — халықтың көзі, құлағы һәм тілі”, то есть “газета — глаза народа, его уши и язык”. По его мнению, она должна служить народу, его интересам.

М. Ауэзов в 1923 г. в журнале “Шолпан” справедливо отмечал, что газета “Казах” с честью выполнила миссию пробуждения национального самосознания, консолидации патриотических сил народа.

В день 50-летия Ахмета Байтурсынова Мухтар вдохновенно писал: “Қазақтың еңкейген көрі, еңбектеген жасына түтелімен ой түсіріп, өлім ұйқысынан оятып, жансыз денесіне қан жүгіртіп, күзгі таңның салқын желіндей ширектірген, етек-жеңін жиғызған “Қазақ” газеті болатын. Ол газеттің жаны кім еді? Ішіндегі қажымайтын қайрат, кемімейтін екпін кімнің екпіні еді? Ол екпін, ұйқтаған қазақты айқайлап оятуға заман ерік бермеген соң, маса

болып қалай ызындап оятамын деп, ұзақ бейнетті мойнына міндет қылып алған Ақанның екпіні болатын. “Қазақ” газеттінің сол заманынан бері қарай талай өмір өткен сияқты. Бұл уақыттың жылдай, саусақпен санағандай аз жыл болса да, болып өткен оқиғаларына қарағанда көп заманға жауап ұратын толқынды заманының бірі”. М. О. Ауэзов, таким образом, отмечает, с одной стороны, общенациональный характер этого органа, особую роль газеты в воспитании национального самосознания и подчеркивает, что душой этого издания был неугомонный, энергичный, идееноситель Ахан. Период издания газеты М. О. Ауэзов назвал “Эпохой газеты “Қазақ””.

Ее заслуга состояла в том, что она порождала дух мятежности. Ахмет Байтұрсынов открыто писал, что есть вещи похуже смерти. Это быть угнетенным и порабощенным.

Как известно широкое национально-либеральное движение до июня 1916 г. было единым. Об этом очень красочно писал в 1927 г. Г.Тогжанов в своей статье “Наши вчерашние и сегодняшние дни” (в журнале “Қызыл Қазақстан” № 5-7 от 15/IX 1927 г.): “До революции кроме националистического движения — других движений не было. До революции единственное политическое воспитание мы получили от наших националистов. Видели и знали только Алихана Букейханова, Ахмета Байтұрсынова и Миржакыпа Дулатова. Они были для нас примером. У нас была одна дорога — национализм, и с этим национализмом мы пришли к революции. Национализм не выдуман из головы Ахмета и Алихана, национализм был всеобщим желанием казахов, национализм был направлен против царизма и русской буржуазии. Как мы неоднократно прежде указывали, до революции казахский народ, включая баев и бедноту, выступал совместно против царизма... Отсюда интеллигент, выпешедший из богатых, и интеллигент, выпешедший из бедняков, — шли вместе. У всех был лозунг “за общие национальные интересы”... Этот национализм был полезен для всего казахского народа... Говорят, националисты отражали интересы баев. Мы считаем это неправильным. Они боролись за общие национальные интересы... Повели народ против царизма казахский бай и выпешедшие из их среды интеллигенты... Не было бедняков, отколовшихся от этого движения с самостоятельным классовым требованием, и не было отделившихся от байских интеллигентов, выпешедших из бедняков интеллигентов. Шли все вместе”.

Алашская интеллигенция в 1916 г., по определению С.Асфендиярова, “лишь пыталась смягчить ужасы царской экзекуции”. Огромную роль в разъяснении тактики национальной интеллигенции, направленной на спасение от физического истребления восставших повстанцев от царских карателей, сыграла газета “Казах”, ее редактор А.Байтурсынов.

А. Байтурсынов был общепризнанным лидером духовной элиты нации. Он заслужил признание своих современников тем, что он раньше всех и лучше всех сформировал социальные, духовно-нравственные цели освободительного движения, общенациональные идеи, раздвигающие исторические горизонты. Подобно имаму Шамилю, провозгласившему: “Судьба — это деятельность”, он показал поразительный пример служения нации. Он обосновал необходимость просвещения молодежи, прежде всего аульной, высоко поднял значение обучения на родном языке. Он писал, что государству выгодно обучение на одном языке, одна вера, одни правила правописания, а каждому народу — своя вера, свой язык, своя письменность.

Ахан решительно выступал против миссионерской политики царизма, татаризации педагогического состава, консерватизма, деятелей мусульманского духовенства. “Каким бы богатым не был непросвещенный народ, через годы он перейдет в руки другого народа-созидателя”, — писал он. Ахан считал знание и науку близнецами. “Все фантастические открытия современного мира, — писал он, — результат науки”. Ахан осуждал казахов, собирающихся по поводу и без повода, для времяпровождения. Он призывал организовать состязания талантов, установления богатыми грантов для писателей, врачей. Только так можно поднять нравственный дух нации, — считал он. Будучи первым наркомом просвещения Казахской Автономной республики, А. Байтурсынов с огромным воодушевлением претворял в жизнь эту свою мечту. Авторами первых учебников на родном языке стали А. Ермаков, С. Асфендияров, М. Жумабаев, К. Сатпаев, Ж. Аймауытов, Х. Досмухамбетов, Т. Шонанов, С. Сейфуллин, С. Муканов и многие другие деятели науки и культуры.

Заслуги А. Байтурсынова по поднятию национального духа, духа человечности, защита им национальных интересов были при жизни признаны всеми.

С. Сейфуллин назвал его защитником национальной чести, патриотом нации. Газета “Ак жол” 4 февраля 1923 г. отмечала, что М. О. Ауэзов особо подчеркивал, что А. Байтурсынов является глашатаем общенародных лозунгов (елшилдик ураны).

В период гражданского противостояния Ахмет Байтурсынов выдвинул идею общенационального примирения. 4 апреля 1919 г. советское правительство объявило амнистию “Алашорде”, состоялся переход алашовцев на платформу Советской власти, тем самым Ахмет Байтурсынов спас духовную интеллигенцию от физического истребления, как это произошло, например, с украинской радой.

Величие Ахмета Байтурсынова — главного идеолога партии “Алаш” состояло в том, что он сумел организовать плавный переход алашской интеллигенции на платформу Советской власти и тем самым он спас духовный потенциал нации на целое десятилетие.

С осуществлением Октябрьского переворота в России и до начала 1990-х гг. страна пошла по последовательно развивающейся социально-революционной модели. В корне была изменена государственная организация, классовая структура, доминирующая идеология. В течение жизни всего только двух поколений было воочию доказано, как революционная государственная власть может превратить отсталую аграрную страну в мощную индустриальную и военную державу. Совпадение структурного общественного сдвига на основе классового восстания с беспрецедентным потоком национально-освободительного движения по всему периметру империи способствовало их взаимному усилению. С другой стороны, конгруэнтность в желании сменить правящую верхушку вовсе не означала единодушия в перспективах на свое будущее.

Чрезвычайно короткий период идеологического плюрализма первого двадцатилетия XX века в России со всей очевидностью показал, что колониальные народы, сохранившие сильное историческое сознание, уже готовы реализовать свой потенциал в самостоятельном развитии как нации — государстве. Краеугольной основой центробежных тенденций послужили доктринальные новации либерально-буржуазного толка, основанные на понятиях этнического, социально-культурного и религиозного тождества с вариантами как федеративного, так и унитарного устройства общества. Для казахстанской реальности того периода наиболее ха-

рактерным являлось то, что молодая и просвещенная элита придерживалась разновекторных направлений в своих помыслах о будущем обустройстве. Вариабельность идеологического расклада от основ исламского фундаментализма через влияние джадидизма к тюркскому национал-коммунизму вовсе не означала антагонистического противостояния политических сил по классовому признаку. В основу политических споров была заложена общая идея суверенитета на основе сохранения самобытных национальных ценностей. В лабиринте сложных и неоднозначных данностей той эпохи прокладывались разные маршруты, однако, конечной целью оставалась независимость.

С максимально реалистических позиций оценивали ситуацию представители “Алаш Орды”. Определяя политику как борьбу за организацию человеческих возможностей, они исходили, прежде всего, из внутреннего потенциала населения края. Во внешнеполитическом же обрамлении дилеммы — оставаться ли в состоянии кочевнической цивилизации или избрать путь модернизации по западно-буржуазному образцу — они предпочли логику постепенного, но вхождения в мировое сообщество. В пользу того, что это был наиболее оптимальный вариант, говорит и тот факт, что в программные документы “Алаш”, учитывая фактор многонациональности Казахстана, были заложены потенции развития в полиэтническом симбиозе. На фоне радикальных националистических движений того времени, охвативших всю Российскую империю, это было одно из самых прогрессивных веяний в содержании антиколониальной борьбы.

Революционной альтернативой из центра России выступил большевизм с воинствующими лозунгами коренной ломки как социального, так и физического окружения. Политика, которая пронизывает все институты общества, находится внутри и между всеми группами, стала расцениваться как средство достижения власти без каких-либо морально-нравственных критериев. В отличие от просвещенного казахского национализма, определявшего свою активность в понятиях “гражданского общества”, коммунистическая идеология стала оперировать инструментарием перманентной и бескомпромиссной классовой борьбы. Естественно, что два данных политических течения — национально-либеральное и социально-радикальное — стали несовместимы, и, в конце кон-

цов, казахская национальная идея была, по существу, обезличена путем уничтожения ее носителей.

Как известно, в состав Казревкома по управлению Киркраем были включены как сторонники Советской власти, так и те, кто еще совсем недавно состоял в рядах алашского движения. Кандидатуру Ахмета Байтурсынова в состав Казревкома рекомендовал сам В. И. Ленин.

Находясь в составе Казревкома, А. Байтурсынов внес большой вклад в процесс ускоренного завершения Гражданской войны в крае, склонения интеллигенции на сторону Советской власти. При этом он занимал принципиальную позицию по проблеме национального самоопределения, создания казахской государственности в составе советской России. Так 27 октября 1919 г. Ахан предложил:

“1. Проявить самостоятельные действия Киргизского ревкома так, чтобы киргизы ясно видели, что Советская власть дала киргизскому народу действительное автономное самоуправление, а не фиктивное;

2. объявить всем киргизам, в том числе тургайским и уральским группам алашордынцев, борющимся против Советской власти на стороне белых, амнистию на случай перехода их на сторону Советской власти;

3. принять меры к тому, чтобы Советская власть на местах проявляла самые благоразумные действия, обеспечивающие доверие народа и тем самым способствовала переходу на сторону Советской власти тех, кто находится на стороне белых и относятся к Советской власти с недоверием”.

А. Байтурсынов приложил немало усилий собиранию казахских земель в состав Казахстана.

Последовательность и упорство проявил А. Байтурсынов и в вопросе включения Кустанайского уезда в Киркрай. Обоснование этой проблемы было дано в мотивированном докладе В. И. Ленину за подписью М. Сералина и А. Байтурсынова.

В решении Кирревкома по этому вопросу было записано:

“Постановили: Принять мотивированный доклад т. Байтурсынова (в приложении).

Заслушав доклад о результатах переговоров представителей Кирвоенкома т. Байтурсынова и т. Сералина с Челябинским губ-

ревкомом по вопросу об оставлении Кустанайского уезда в составе Тургайской обл.; признавая вполне правильными все доводы и основания, приведенные представителями Кирвоенревкома в переговорах с челябинской властью, Кирвоенревком находит:

Зная, 1) что вся северная часть Киркрая, имея прекрасное орошение, ковыльные степи, заливные луга и пастбища, совмещает в себе все качества, выгодные для земледелия и для скотоводства, тогда как южная часть его, представляя собой территорию сыпучих песков и солонцовой глины, покрытая чахлой растительностью, не обеспечивает даже скотоводческого хозяйства, и что вследствие этого обе части являются неразрывно связанными между собой в экономическом отношении, т.е. как население, так и скотоводческое хозяйство южной части без хлеба и пастбищ северной части существовать не может, 2) что при такой особенности края и особенности быта и условий жизни его коренного киргизского населения, взаимные отношения которого основываются на обычном праве, отторжение какой-либо части края без взвешивания особенностей его только допустимо либо по недоразумению, либо при совершенном игнорировании интересов коренного киргизского населения, чего никакая власть, а тем более Советская власть, себе не позволит, 3) что, благодаря колониционной политике самодержавного правительства, заселение края происходило не естественным, а искусственным путем, с отводом на выбор переселенцам лучших участков земли, вследствие чего пришлые элементы населения оказались вкрапленными среди коренного населения, и землевладения их среди основной территории — островками, отчего изменение границ края нельзя произвести одним росчерком пера без ущерба коренного населения; 4) изменение границ центром без ведома местной власти, хорошо знающей особенности края, вызывает лишь всякого рода недоразумения, трения между властями на местах, отнимая без всякой пользы массу времени, энергии у местных работников при недостатке и без того интеллигентных сил в крае; 5) при отторжении от Киркрая самых культурных частей его, вроде Кустанайского уезда, или северных уездов Акмолинской обл. (Петропавловского, Омского, Кокчетавского), о чем ходатайствует Сибревком, никаких разговоров о Киргизской Республике быть не может, ибо на полупустынной территории не только процветание, но и существование невозможно. По всем

сказанным соображениям Кирвоенревком постановил командировать т. Байтурсынова со всем материалом по данному вопросу и настоятельно ходатайствовать перед Президиумом ВЦИК об отмене своего постановления от 27 августа 1919 г. в части, касающейся Кустанайского уезда, и о недопущении в дальнейшем никаких изменений границ в областях, подлежащих ведению Кирвоенревкома по декрету Совнаркома от 10 июля 1919 г., до созыва общекиргизского съезда, где представители киргизов и других народов, которые, как хорошо знающие край, сообразуясь со всеми особенностями его, более или менее правильно смогут определить границу Киргизской Республики”.

В 23-24 примечаниях книги “Протоколы революционного комитета по управлению казахским краем (1919—1920 гг.)” дано следующее разъяснение по Кустанайскому вопросу:

“До Октябрьской революции Кустанайский уезд входил в состав Тургайской области, с центром в Оренбурге. В период Гражданской войны связь с центром была нарушена. Ряд уездов постепенно попал в сферу экономического и политического влияния Челябинска, одного из крупных промышленных городов Южного Урала, имевшего сильную партийную организацию. 27 августа 1919 г. Президиум ВЦИК, исходя из создавшегося положения, в постановлении “О Сибирском ревкоме”, предусмотрел создание Челябинского районного управления на правах губернского органа, а с сентября 1919 г. образовал Челябинскую губернию в составе Челябинского, Троицкого, Кустанайского, Курганского уездов (см.: Декреты Советской власти. М., 1973, т. IV, с. 73-74; Гражданская война на Южном Урале. Челябинск, 1958, с. 182; Челябинская губерния в период военного коммунизма. Челябинск, 1960, с. 40, 46).

В телеграмме, посланной во ВЦИК, В. И. Ленину, заместителю заведующего казахским отделом Наркомнаца Х. И. Бекентаеву, Казревком на основании Временного положения от 10 июля 1919 г. просил оставить Кустанайский уезд Тургайской области в составе Казахстана, так как “он в бытовом и экономическом отношениях очень тесно связан не только с другими уездами Тургайской области, но и с Казалинским и Перовским уездами Сырдарьинской области, являясь летовочными местами киргизов Тургайского, Иргизского, Перовского и Казалинского уездов, бедных растительностью”. 16 сентября в СНК был направлен доклад с поли-

тическими и экономическими обоснованиями ходатайства Казревкома. 9 октября ВЦИК сообщил Казревкому, что его протест рассмотрен Президиумом и передан на заключение административной комиссии. В конце ноября 1919 г. председатель Казревкома С.С.Пестковский выехал в Москву как член ВЦИК на VII Всероссийский съезд Советов. После съезда в ряду других вопросов предполагалось решить в центре вопрос о Кустанайском уезде. В декабре по личному указанию В. И. Ленина ВЦИК провел совещание по делам Башкирии, Татарии и Казахстана с участием их представителей, которое рекомендовало административной комиссии при ВЦИК при окончательном решении вопроса о границах Казахстана учитывать этнографические, экономические, бытовые, исторические и другие особенности национальностей.

Окончательно вопрос о Кустанайском уезде и ряде других районов, населенных казахами, но экономически и административно связанных с Сибирью, был решен на завершающем этапе образования казахской национальной государственности. Декретом ВЦИК и СНК о создании Казахской АССР от 26 августа 1920 г. Кустанайский уезд, в старых границах, был включен в состав Тургайской области КАССР.

Как справедливо отмечают авторы книги “Казахский революционный комитет” С. Зиманов, С. Даулетова, С. Исмагулов, некоторые члены Казревкома выражали недоверие к бывшим алашордынцам. В свою очередь выражали недоверие “к тем коммунистам, которые наиболее активно выступали за военный разгром сторонников белогвардейцев из Западного отделения “Алаш Орды”. Играла свою роль и не всегда проверенная информация, личные амбиции, эмоции и другие нездоровые явления. В. И. Ленин, ЦК РКП(б), Турккомиссия неоднократно обсуждали вопрос о положении в Казревкоме”.

Непримиримым стал конфликт между членом РКП(б) с 1905 г. В. И. Лукашевым и А. Байтурсиновым. Сохранился документ, который характеризует, насколько были сложными взаимоотношения между В. Лукашевым и Ахметом Байтурсиновым. Вот текст этого необычного документа: “1919 года, октября 27 дня. Мы, нижеподписавшиеся, члены военревкома: Мендешев, Бегимбетов, Букейханов, Тунганчин, секретарь ревкома Каралдин и краевой киргизский военный комиссар Сидоров во главе с председателем

ревкома Пестковским, составили настоящий протокол в нижеследующем: После окончания соединенного заседания Туркестанской комиссии, Реввоенсовета Туркфронта с Кирвоенревкомом около 4-х часов дня член ревкома Лукашев обратился к члену ревкома Байтурсынову с требованием взять обратно слова, сказанные по адресу Лукашева во время выше назначенного соединенного заседания о том, что “доставленные им, Лукашевым, сведения ложные”. Когда же Байтурсынов ответил отказом и заявил, что он продолжает оставаться при мнении, что сведения ложны, то Лукашев схватился рукой за бывший при нем револьвер системы “Браунинг”, намереваясь перевести его на огонь, и подойдя вплотную к Байтурсынову, повышенным тоном сказал: “Так я заставлю Вас взять слова обратно, у меня есть на это средство”, и с этими словами стал вынимать из кармана пальто приготовленный к бою револьвер. Видя, что поведение Лукашева стало принимать в этот момент явно угрожающий характер, к Лукашеву тотчас же подошли члены ревкома Мендешев и военный комиссар Сидоров вместе с председателем ревкома Пестковским и схватили его за руки, стараясь удержать от выстрела, и тут же Сидоров вывел Лукашева в смежную комнату, где и обезоружил его. Но и после обезоружения Лукашев продолжал себя вести настолько угрожающе, что военный комиссар Сидоров считал необходимым вывести его на улицу, для чего обнял его и в такой позе их видели на улице садившиеся в автомобиль члены Туркестанской комиссии, которые впоследствии подтвердили это обстоятельство. Об изложенном Военревком Киргизского края, находя дальнейшее после описанного инцидента пребывание Лукашева в составе ревкома недопустимым, постановил составить настоящий протокол, и копию его препроводить Центральному Комитету партии коммунистов для наложения на Лукашева дисциплинарного взыскания и для привлечения к уголовной ответственности за покушение на убийство, а также копию сего протокола направить в Совет Народных Комиссаров, независимо от сего немедленно же сообщить о вышеизложенном в Центральный Комитет партии коммунистов по телеграфу”.

Член Кирревкома, ВЦИК А. Байтурсынов 17 мая 1920 года написал обстоятельное письмо главе Советского правительства В. И. Ленину, где он изложил свое видение национальной проблемы. Автор письма выдвигает основополагающий тезис: “наци-

ональный гнет не может не вызвать национальных чувств. Если у угнетенной нации против угнетающей не всегда развивается чувство ненависти и злобы, то чувство недоверия бывает всегда". Ахан раскрывает причины непроизводительности работы Казревкома, "ими являются:

1) у представителя Центра, поставленного во главе правления Киркраем, не было определенного взгляда... насчет киргизского вопроса...

и

2) не было взаимного доверия между представителями Центра и населения".

А. Байтурсынов пишет В. И. Ленину, что русская нация веками воспитывалась в духе великодержавия, в духе господствующей нации и считала, что "психологию массы переделывать можно путем долголетнего воспитания".

Далее А. Байтурсынов в письме выдвигает конкретные предложения по решению проблемы национального самоопределения: "В виду изложенного представляется необходимость: 1) поставить во главе управления Киргизским краем идейных настоящих коммунистов и испытанных честных идейных работников из киргизских интеллигентов, которым народ вполне доверяет, но никоим образом коммунистов по названию. Идейные настоящие коммунисты и идейные работники из киргизов, хотя бы последние были коммунистами, скорее могут найти общий язык для понимания друг друга и общие точки зрения на дела, чем поверхностные коммунисты как из киргизов, так и из других; 2) во всех органах власти, в ведении коих подлежат районы со смешанным населением, представителей угнетенной нации должно быть не менее 2/3; 3) управление хозяйственно-экономическими учреждениями Киркрая, независимо от централизации или децентрализации, должно находиться в руках киргизов без всякого раздробления и подчинения другим губерниям или областям под разными предлогами экономического тяготения; 4) вся политически культурная работа киргизских коммунистов и революционной интеллигенции должна основываться на началах советской социалистической хозяйственной политики; 5) создать военный округ, объединяющий Киргизию, с управлением в гор.Оренбурге; 6) гарнизоны в городах должны быть обязательно из киргизов; 7) в отношении границы

Киркрая не должны допускаться никакие изменения. Кроме ниже указанных...”.

Ахмет Байтурсынов, как видно из вышеизложенного, ставит вопрос о суверенитете республики в составе единого советского государства. Исходя из анализа десятимесячного опыта Советской власти на казахской земле, А. Байтурсынов вопрос ставит четко и резко. Он пишет: “Русскому пролетариату по отношению киргизов остается выбрать одно из двух: либо насильственно навязать свое господство и требовать беспрекословного подчинения, заняв положение повелителя и назначив повсюду вместо царских губернаторов и генерал-губернаторов диктаторов, либо завоевать доверие киргизского трудового населения”.

Не менее концептуальным является документ, носящим название “Добавления к тезисам тов. В. И. Ленина по национальному и колониальному вопросам”. Он был подготовлен в Москве 14 июня 1920 г. Т. Рыскуловым и А. Байтурсыновым — заместителем Казревкома. Документ подписал также Файзулла Ходжаев — председатель Центрального бюро партии младобухарцев-революционеров. Еще одним автором этого документа традиционно называет Ахмед Заки Валидова; в то время председателя Башкирского ревкома.

По некоторым данным, А. Батурсынов внес тезис: “Бокты сидікбенен жуып болмайды”, то есть “нечистоту нельзя чистить нечистотой”. Далее в письме говорится, что “точно также нельзя освободить туземную бедноту от кабалы колонистов теми же колонистами или рукою местной власти, опирающейся на колонистов. Допускать возможность такого освобождения, — значит, допускать освобождение рабочею рукою капиталиста”. Авторы считали, что “сознательные восточные коммунисты достойны быть равноправными членами, хотя бы пока (до мировой революции) Российской коммуны и достойны того, чтобы нам верили наши товарищи европейские коммунисты — наши учителя.

Вся эта трагедия может быть разрешена только при одном условии, если тем кукольным республикам (как выразился однажды секретарь ВЦИК Литвинов), которые созданы на востоке России, будут приданы более серьезный характер и значение, если трудящимся туземцам этих республик будет представлена возможность проявить свою инициативу в области партийной, хозяйственной и военной организаций... мы никого не можем убедить в

необходимости окончательного отказа от помощи русских, особенно коммунистов, показавших нам как отрубить голову городовому, а потом русскому помещику и капиталисту. Нам нужна помощь, а не насилие...”

Авторы письма указали В. И. Ленину, “почему нет указания на давшее более сильное течение — пан-славянизм?”¹.

Так открыто, четко, бескомпромиссно писали авторы В. И. Ленину, излагая видение национальной программы большевиков.

Жизнь доказала, что программа партии большевиков, основанная на имперских традициях, была обречена на поражение.

А. Байтурсынов проявил себя теоретиком-мыслителем не только в области тюркологии, но и в области теории и практики государственного строительства, национального вопроса.

Ахмет Байтурсынов — выдающийся поэт, журналист и педагог. В “Литературной энциклопедии” 1929 г. емко написано: “Народник-националист, Байтурсынов является и первым выдающимся казахским ученым-лингвистом. Он — реформатор орфографии казахского языка, основоположник его грамматики и основатель теории литературы”.

Выдающийся тюрколог академик А. Н. Кононов отмечал, что “А. Байтурсынов полностью сформировал казахский алфавит, заложил основы фонетики, морфологии, синтаксиса казахского языка, написал первые учебники, явился автором глубоких исследований в области казахской литературы и культуры в целом”.

В период, когда имя Ахмета Байтурсынова было еще под запретом, академик Кононов называл Ахмета Байтурсынова великим реформатором в области тюркологии.

А. Байтурсынов — выдающийся философ-мыслитель своего времени. Он был решительным противником феодально-патриархального сознания, консерватизма, сторонником всего нового, радикального. В статье “Еще раз о народном суде” он отмечает, что не исключена возможность, наступит для казахов время выбора депутата, муфтия. “Выборы, — писал он, — это волеизъявление каждого”.

Ахмет Байтурсынов много писал о добре и зле. Он всесторонне обосновывал вопрос о национальной чести. Делом нацио-

¹ Рыскулов Т. Собр. соч. в трех томах. т. 3. А. 1998. с.184, 186.

Так он выступал против рабского сознания и призывал “В себя поверь: пора вставать”.

В стихотворении “Моему народу” он сетовал, что

Дружно взяться ты за дело

Неспособен мой народ...

Уравниловку ты любишь,

К даровитым не терпим..

Самостойких и толковых

Норовишь ты сбить с пути,

Любишь серых, безголовых,

Чтобы медленней идти.

Во всем Ахмет Байтурсынов был продолжателем абаевских традиций.

Значительная часть трудов Ахмета Байтурсынова посвящена раскрытию сути колониализма, форм и методов духовного закабаления народа.

Демократ-гуманист Ахмет выступил носителем духа человечности. К 80-летию юбилею Г. Н. Потанина Ахмет писал:

Славный сын Сибири,

старец наш Потанин,

Страстно Родину любить

мечтаю, как Потанин,

Гордо шествуют к нему

казах, калмык, татарин,

Так много Родины сынов

усыновил Потанин.

Мухтар Ауэзов, подводя итоги славно пройденного пути А. Байтурсынова, в день его пятидесятилетия писал, что он прошел с честью испытания, его имя по праву произносится с особым благоговением: “Ақаң ашқан қазақ мектебі, Ақаң түрлеген ана тілі, Ақаң салған әдибиеттегі елшілдік ұран — “Қырық мысал”, “Маса”, “Қазақ” газеттінің жылдағы қан жылаған қазақ баласына істеген еңбегі, өнер-білім, саясат жолындағы қажымаған қайраты, біз ұмытсақ та, тарих ұмытпайтын істер болатын”.

Здесь Мухтар Омарханович на весы истории ставит равноценные блоки заслуг Ахана — новаторство в области образования, реформаторство в области родного языка, провозглашение общенациональных идей в литературе, защиту интересов трудового на-

рода, его титаническую работу в области искусства и науки, политики, то есть во всех сферах жизни.

А. Байтурсынов, по свидетельству его современников, был человеком чести, высоконравственным, преданным сыном Отечества. В самые тяжелые дни допроса в застенках ОГПУ он никогда не выдавал, никого не продавал, оставался самим собой. Мало этого, он сохранил жизнь своему идейному наследнику Мухтару Ауэзову, посоветовав выбрать тактику компромисса с Советами.

Он всю свою жизнь оставался верен девизу, им же провозглашенному, который гласит:

*Суть человеческой природы,
Я человечности служу.
Меняю милость на невзгоды,
Так как свободой дорожу
Терпенья мне не занимать,
Мой дух свободен*

и спокоен.

*И пусть родная знает мать,
Что сын отца его достоин...*

В том письме матери Ахан в 1907 г. писал:

*Свой путь я выбрал
добровольно,
Однозначно навсегда.
И нет теперь дорог окольных
Смерть предпочтительней
стыда...*

*Пока героев сердце бьется —
И в силах за народ страдать.*

Да, Ахан сознательно выбрал свою дорогу и до последнего мига своей жизни он знал, что был готов идти на эшафот за свой народ, за его свободу.

Таким был великий реформатор XX века, великан мысли и духа, духовный наставник науки Ахмет Байтурсынов.

“Столичное обозрение”

18, 25 сентября, 2 октября 1998 г.

изменить.

Л. Н. ГУМИЛЕВ И ПРОБЛЕМА СТЕПНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Оставленное потомкам фундаментальное наследие Льва Николаевича Гумилева пронизывает историческую перспективу человеческого бытия от глубин доисторических эпох, когда прошлое представляется смутно-мифическим наваждением, до повседневной конкретики дня сегодняшнего, ошарашивающего порой неожиданными вывертами как в межличностных, так и в транснациональных взаимоотношениях. Недаром сам автор, наверное, наиболее самых популярных в последнее десятилетие книг сравнивал предмет своего исследования с тектоническими потрясениями планеты: "Ради собственного спасения необходимо изучать вулканическую деятельность, такую же стихийную, как этногенез".

Выстроенная Гумилевым концепция развития человечества не как эволюционного, а как специфически внутривидового, пульсирующего процесса в тигельном котле смешивания племен и рас дает возможность хоть в какой-то мере выстроить схему и дать объяснение в этом вавилонском столпотворении, каким является всемирная история. Однако это не холодный педантизм исследователя прикладника, стремящегося все и вся разложить по полочкам и пронумеровать соответственно реестру. Главная его заслуга, на мой взгляд, состоит в синтезе накопленных человеческих идей о самом себе с планетарной картиной мира, физика которой еще до конца непонятна и вряд ли будет для окончательного уяснения. Более того, он привнес в сухую логику научного анализа ту неповторимую поэтику, унаследованную от своих великих родителей, которой так не хватало советской историографии, затурканной догматами идеологического иезуитства.

Взятый за основу почти мистический постулат о мутации космического происхождения, когда появляются жизнеспособные пассионарии, "герои", стремящиеся к некой высокой иллюзии и осущетвляющие ее, явился тем краеугольным камнем, который заложил основу фундамента гумилевской школы этногенеза. Сам автор иронизировал по этому поводу, что никто из оппонентов не смог ни отвергнуть, ни хоть как-то противопоставить его теории контраргументы, действуя лишь запретительными методами.

Сложна для уяснения его теория и в наши дни. Объяснить это можно не тем, что она оторвана от реальности, а скорее столь многогранной широтой системы взглядов Гумилева, что обыденный человек просто не в состоянии целостно охватить всю совокупность закономерностей и явлений, которую сконцентрировал в себе этот ум. Подобно тому, как люди признают теорию относительности, мало разбираясь в деталях сохранения и расширения категории времени, загадка взаимосвязи этногенеза и биосферы земли остается достоянием узкого круга специалистов. Однако, как и всякая гениальная идея, теория этногенеза Гумилева ценна именно своими умозаключениями, которыми полны его собрания сочинений.

Прежде всего это относится к самому понятию этноса и к процессам, протекающим как внутри него, так и во взаимосвязи с внешним миром окружением. Введя в научный аппарат термин “этносфера”, проведя неразрывную связь между человеческой популяцией и природным развитием, Льву Николаевичу удалось ближе всех подойти к таинству способа жизни народов — “то есть их взаимодействия с кормящей их природой и живыми традициями быта, нравов, воззрений, изменяющихся из века в век по строгой закономерности этногенетических процессов”¹. Он дополнил копилку знаний о происхождении и развитии народов, оперировавшую до сих пор лишь социальными категориями, функциональными значениями этнических определителей как части биосферы земли. Наиболее ярко это проявилось в положении о рождении, возмужании и старении этноса (инкубационный период, пассионарный подъем, акматическая фаза, инерция и обскурация). Оказалось, что этнос, как и живые организмы, имеет свой возраст, ему отведено 1200—1500 лет.

Другим революционным шагом в отечественном народоведении является его наступление на постулат о монолитности нации как абсолютно консолидированной общности людей. То, что в любом обществе могут существовать помимо классовых и другие противоречия, являлось в то время более чем ересью. Выдвинутая Гумилевым дихотомия, суперэтнос — этнос — субэтнос, коренным образом пересматривала сложившиеся стереотипы в этнологии, в том числе и в святой святых — ленинской национальной политике,

¹ Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. М., 1989. С.44.

натренированной к катехизическому, а следовательно, упрощенному мышлению. То, что “именно сложность обеспечивает этносу устойчивость”² через столкновение интересов, борьбу противоречий и что в самом этом организме существует комплексная иерархическая система, переворачивало с головы на ноги все отечественное мировоззрение. Прямым же вызовом явилось его заявление о том, что если в обществе говорят о расцвете, то это является явным признаком застоя.

Чего греха таить, отечественная историография имеет давние конъюнктурные традиции. Со сменой режимов изменялась и система взглядов. Как сказал К. Маркс, если бы формула дважды два четыре затрагивала чьи-то интересы, она была бы немедленно оспорена. Положение советских обществоведов усугублялось еще и тем, что идеалы ставились выше интересов, научная система подменялась линией горизонта, а научный поиск — бегом за миражами. Лев Николаевич Гумилев нашел свой путь правдивого поведения. Его заслуга состоит в том, что он попытался приблизить гуманитарное знание до физических и математических законов, сократить разрыв между науками естественными и “противоестественными”. Гумилев своим научным творчеством доказал то, что в свое время писал Василий Макарович Шукшин: “...человек — этот ...нечаянная прекрасная, мучительная попытка природы осознать самое себя”. Основным местом действия этого захватывающего сюжета был избран евразийский субконтинент (Центральная и Передняя Азия, Сибирь, Восточная Европа), а временная вертикаль уходит далеко до рождения Христова. Главным же персонажем драматического летописания стали кочевники Великой Степи.

Отношения европейского востоковедения к степным цивилизациям наиболее ярко выразил О. Суйлеменов: “Досталось от науки кочевникам. Разве юрты, грязь и нищета XIX века произвели такое угнетающее впечатление на европейских ученых, что сама мысль о возможности древнейших культурных контактов степи и Европы казалась кощунственной”³. Следует отметить, что подобный стереотип восприятия имеет место и в наши дни, причем в самых причудливых формах, как-то о казахах, поголовно пасущих до сих пор только баранов (А. И. Солженицын).

² Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Л., 1989. С.106.

³ Суйлеменов О.О. Аз и Я. Книга благонамеренного читателя. Алма-Ата, 1975. С.200.

Высокое достоинство Гумилева, как творческого продолжателя авторитетной российской школы ориенталистики, состоит в возрождении духа уважительности к прошлому близких и дальних народов, в признании не последней роли тюркских государств в формировании культуры и этногенеза русских. Он писал: “Пора прекратить рассматривать древние народы Сибири и Центральной Азии только как соседей Китая и Ирана. Надо наконец сделать практический вывод из того бесспорного положения, что их история и культура развивались самостоятельно. Только так можно понять, как они жили, чувствовали, торжествовали и погибали. Истоки настоящего и даже будущего таятся в недрах прошлого, а ведь древние тюрки — предки многих народов Советского Союза”⁴. основополагающим принципом своего исследования он взял разработку аспектов развертывания этнических процессов как во всемирном, так и в локально-региональном масштабе. Он ввел в научный оборот такие категориально-понятийные структуры, принципы и методы изучения проблемы, которые позволили из конкретно-исторической демонстрации вывести эвристические возможности объяснения закономерностей этнического процесса в целом и во взаимосвязи с внешним окружением. Из узко специализированной направленности отдельных наук (география, археология, лингвистика, криминалистика и др.) он сумел синтезировать предмет народоведения и обобщающее историческое знание. “Этнология ставит иные задачи. Она опирается не на тексты, а на факты и на их системные связи, при строгом соблюдении заданного уровня эмпирическое обобщение возможно и плодотворно, потому, что сопоставляя системные целостности с учетом фаз этногенеза (возрастов), мы получили целостное представление о тысячелетнем периоде этнической истории евразийского континента”⁵.

В противовес евроцентристам (А. Тойнби, О. Шпенглер и др.), которые утверждали, что кочевники были “рабами степи”, “вечными узниками климатического и вегетационного годового цикла”, что они “утратили связь с миром”, что, несмотря на нерегулярные набеги на оседлые цивилизации временно включающие кочевников в поле исторических событий, общество кочевников является обществом, у которого нет истории”⁶, Л. Н. Гуми-

⁴ Гумилев Л.Н. География этноса в исторический период. Л., 1990. С.246.

⁵ Гумилев Л.Н. География этноса в исторический период. Л., 1990. С.86.

⁶ Тойнби А. Постигание истории. М., 1991. С.186.

лев в своих исследованиях однозначно пришел к выводу о существовании кочевой цивилизации народов Евразии, которая за 3000 лет прошла творческую эволюцию⁷.

Интерес к тюркам был обусловлен тем, что, оказавшись на пересечении четырех сторон света, в Средней Азии, они сыграли роль медиатора, посредника между Византией, Персией и Индией, Китаем, т. е., Востоком и Западом. И вместе с тем они сумели сохранить свой неповторимый жизненный уклад и непохожесть кочевой культуры, на равных соперничающей с европейским и восточным образом жизни. Высокая жизнеспособность, персистентность общества, выразившаяся в сложных формах общественного устройства и социальных институтах тюрков (эль, удельно-лестничная система, иерархия чинов, военная дисциплина, дипломатия, наконец, жизненная философия в целом) явилась той основой, на которой выстроилась гумилевская теория пассионарности.

Для того, чтобы понять и определить место кочевников в мировой истории, им была прежде всего осмыслена проблема разделения между скотоводами-кочевниками и земледельцами. Взяв за точку отсчета вторую половину 1-го тысячелетия до н. э. (племенной союз сяньби и Китай), разлив систему своих взглядов на примере Великого Тюркского каганата и поведав о горьких уроках распада уже в нашу эру, Гумилев, преодолевая трудности историко-ведического и фактологического характера, противопоставил фрагментарной и зачастую путаной историографии целостность анализа и синтеза.

В отличие от Европы, где разделение труда между скотоводами-кочевниками и земледельцами происходило внутри этнических групп, в Азии они имели межэтнический характер. Это явилось своеобразным контрастным закаливанием, что позволило Гумилеву, проследив трехуровневый характер контрактов (не всегда мирных и взаимоуживчивых), выработать кодекс закономерностей этногенеза.

Евразийский суперэтнос, представляющий собой сложную, но неделимую структуру, за исторически обозримый период трижды объединялся: Тюркский каганат, Монгольский улус и Российская империя, позже Советский Союз. Гумилев доказал, что для народов Евразии объединение всегда оказывалось гораздо выгод-

⁷ См.: Гумилев Л.Н. Этногенез и Биосфера Земли: В 3 т. Л., 1979. Т. 2. С. 5.

нее разъединения. Однако всегда, когда нарушался принцип первичности прав каждого народа на определенную жизнь, осуществлялась попытка подвести народы под единую модель развития, союзы неминуемо распадались и субконтинент впадал в бездну смутного времени.

Сегодня, в период постимперских преобразований, научное и практическое значение наследия Льва Николаевича Гумилева во многом помогло бы избежать ошибок.

Л. Н. Гумилев в своих работах доказывал, что кочевники внесли свой вклад в развитие всемирной цивилизации. Он писал: “Не-реально думать, что в кочевом обществе невозможен технический прогресс. Кочевники, а хунны и тюрки в частности, изобрели такие вещи, которые ныне вошли в обиход человека как нечто само по себе подразумевающееся. Первое усовершенствование одежды — штаны — сделано еще в глубокой древности. Стремя появилось в Центральной Азии между 200 и 400 гг. Первая кочевая повозка на деревянных обрубках заменилась сначала коляской, а потом вьюком, что позволило кочевникам форсировать горные, поросшие лесом хребты. Кочевниками были изобретены изогнутая сабля, вытеснившая прямой меч, и длинный составной лук, метавший стрелы на расстоянии до 700 метров. Наконец, круглая юрта в те времена считалась наиболее совершенным видом жилища”⁸.

Евразийство Л. Н. Гумилева, по — другому это Степная цивилизация, простирающаяся от Алтая до Дуная. Прав был А. П. Окладников, когда писал: “Древнетюркская Сибирь оказалась теснее связана с западом, чем с востоком. Ее культура много богаче и ярче, чем можно было полагать ранее”.

Дж. Неру, говоря о народах Азии — арийцах, скифах, гуннах, арабах, монголах, тюрках, — отмечал, что “в течение длительных периодов на протяжении значительных отрезков времени доминировала Азия. Ее народы, наступая волна за волной, завоевали Европу. Они опустошали Европу — они цивилизовали Европу”⁹.

Азия дала великих вождей, в том числе основателей главных религий. По мнению Л. Н. Гумилева, тюркско-монгольская религия была законченной концепцией мировоззрения, восходящей к глубокой древности и отточенной не менее, чем буддизм или ис-

⁸ Гумилев Л.Н. “Тысячелетия вокруг Каспия” М., 1993. С.86.

⁹ Неру Дж. Взгляды на всемирную историю. М., 1977. Т.1. С.40-41.

лам, зороастризм и манихейство, христианство. "Тенгризм был отработанным мировоззрением и антологией, космологией, этикой и демонологией"¹⁰. Как всякая религия, тенгризм обслуживал социальные цели. В енисейских рунах есть следующие строки, которые очень ярко иллюстрируют сказанное нами:

Сверху там Тенгри тюрок...
Тенгри, подняв выше своей головы,
Возвысило тюрок.
Чтобы имя и слава тюркского народа
Не были забыты
Тенгри возвысило моего дядю-кагана.
Мою мать-хатун.
Тенгри даровал нам трон,
Сделал единым государство
Чтобы не пропали имя и слова,
Говоря "пусть живет в памяти",
Посадили на трон.
Да!¹¹

Ч. Ч. Валиханов раскрыл устойчивость и пластичность тенгрианств, органически слившегося с исламом.

Одним из существенных признаков цивилизации является письменность. Великий тюрколог Лев Николаевич Гумилев пишет в своих книгах о хуннах: "В 245–250 годах китайский посол Кан тай совершил поездку в Фунан (сов. Кампучия), и записал в своих воспоминаниях: "...у них, у кампучийцев, есть книги, они хранят их в хранилищах архивов. Их письменность похожа на письменность хуннов...". Если у хуннов не было письменности, то с чем бы сравнивал китайский посол Кан тай фунанскую письменность?"

Кочевники, которых А. Тойнби относит к народам без истории, дали миру трансконтинентальную магистраль – Великий Шелковый путь, синтезировали культуру Степь – Город. Степная цивилизация создала богатейшее искусство звериного стиля, древнейший центр металлургии. Она дала миру систему государственного управления на громадной территории империи. Она прошла апробацию в Тюркском каганате, в государстве кипчаков, Монгольском улусе, Казахском ханстве.

¹⁰ Гумилев Л.Н. Поиски вымышленного царства. С. 279.

¹¹ Стеблева И.В. Поэзия тюрок. С.135.

Степная цивилизация дала миру, как свидетельствовал с гордостью и восхищением Ч. Ч. Валиханов, архитектуру погребальных сооружений, выдающиеся памятники с руническими надписями, богатейший эпос, не уступающий творениям Гомера¹².

Казахский этнос дал миру систему сохранения генофонда нации, испытания моло дого поколения. Сфера духовной жизни казахов, по определению Ч. Ч. Валиханова, в совокупности составляет “ нечто целое”, имеет общеисторическое значение.

Л. Н. Гумилев - личность планетарного мышления. Больше всего он боялся, что будет использован как модный автор в перестроечное время. Этот “человек благоволения”, как его называл академик Александр Панченко, то есть благожелательная и обнадеживающая личность, выработал свой принцип жизни в 1939г., находясь в Крестах. “Там, — писал он, — раздумья о научных проблемах предпочтительнее мыслей о личных обстоятельствах”¹³. Этот модус вивенди он пронес через всю жизнь.

**Материалы конференции
“Проблемы евразийства и степной цивилизации”.
Декабрь, 1998г. Астана.**

ПЕРВЫЙ ДИРЕКТОР К 50-летию Академии наук Казахстана

Обращаясь к прошлому, к рождению Академии наук Республики Казахстан, мы прежде всего отдаем дань глубокого уважения плеяде ученых, которая возглавила академию, Отделения и институты, разрабатывала приоритетные направления казахстанской науки, объединяла вокруг себя талантливую молодежь, формировала многонациональные научные коллективы, — первым действительным членам АН КазССР — Каньшу Сатпаеву, Мухтару Ауэзову, Ахмету Жубанову, Мизаилу Горячеву, Иллариону Галузо,

¹² Валиханов Ч.Ч. Избр. произведения: В 5 т. Т.1. Алма-Ата. 1984. С.193-194.

¹³ Гумилев Л.Н. Мы живем в большой коммунальной квартире //Неделя. 1991. № 6. С.10.

Михаилу Русакову, Нигмету Сауранбаеву, Смету Кенесбаеву, Николаю Кассину, Гавриилу Тихову, Серафиму Юшкову. Последний из них был первым директором Института истории, археологии и этнографии. К этому времени Серафим Владимирович был уже известным ученым в области истории государства и права СССР. По словам видного историка, академика Л. В. Черепнина, это был ученый большой культуры в широком смысле этого слова, стремившийся к постановке и разрешению сложных теоретических проблем, обладавший смелостью и новаторством, гармонически сочетавший в себе качества исследователя - источниковеда и аналитика, способного теоретически осмыслить материал и построить на этой основе концепцию исторического процесса определенного периода. Выпускник юридического факультета Петербургского университета 1912 г., Юшков в 1919, в 31 год, стал профессором истории права, а в 1920 — профессором русской истории Саратовского университета. Он много и плодотворно занимался исследованием юридических памятников Киевской Руси и Русского государства XIV—XVI вв. В 1935 г. вышла из печати его монография “Русская правда” по 5 редакциям и 7 спискам”. За это исследование Президиум АН СССР присудил ему степень доктора исторических наук без защиты диссертации. За цикл работ по исследованию общественно-экономического и политического строя Киевской Руси Юшков в 1939 г. избирается членом-корреспондентом АН Украины.

По инициативе С. В. Юшкова началось издание “Памятников русского права”, он был автором первого обобщающего труда “История государства и права СССР”, выдержавшего несколько изданий и на многие годы ставшего основным учебником для вузов.

Существенным вкладом в советскую историографию стали работы ученого по проблемам раннего феодализма. Труды С. В. Юшкова, а их около 100, не потеряли своего значения и сегодня, служат ценным материалом для новых исследований. Признанием научной значимости его творческого наследия является издание в 1989 г. в научной серии “Труды выдающихся юристов” сборника “С. В. Юшков”, где опубликованы его ранние работы 20-х годов.

Юшков много и плодотворно работал в области исследования истории и права народов СССР — в частности казахов, узбе-

ков, народов Дагестана, поэтому его можно назвать специалистом не только по русской истории, но и по истории народов СССР.

Наряду с научной, С.В.Юшков вел большую преподавательскую работу, читал лекции по истории государства и права в вузах Москвы, Ленинграда, Саратова, Свердловска, Махачкалы, Самарканда.

В Алма-Ату Юшков прибыл в ноябре 1941 г. с эвакуированным Московским юридическим институтом, преобразованным вскоре в Первый государственный юридический институт Наркомата юстиции СССР. Работая в этом вузе, Серафим Владимирович одновременно занялся исследованием проблем истории казахского права и казахской государственности. Казахстанская проблематика заняла прочное место в его научном творчестве. Он стал одним из авторов первого в СССР обобщающего труда "История Казахской ССР", изданного в 1943 г.

Талантливый ученый и крупный специалист в области истории государства и права, признанный научной общественностью страны, С. В. Юшков, по предложению К. И. Сатпаева, в середине 1946 г. возглавил Институт истории, археологии и этнографии АН КазССР и был его директором до июля 1948 г. Для исторической науки республики это было время собирания и консолидации научных сил, становления профессиональных ученых-историков. Как руководитель института Юшков сыграл немалую роль в сплочении коллектива ученых, подготовке научных кадров, в определении приоритетных направлений научных исследований. К числу его несомненных заслуг относится разработка концепции развития исторической науки в Казахстане, с которой он выступил на первой научной сессии института в мае 1947 г. Успешное развитие исторической науки в Казахстане, считал он, требует прежде всего разработки историографии, издания важнейших архивных источников, определения периодизации истории Казахстана, исследования таких методологических проблем, как происхождение казахской народности и Казахского государства на основе выяснения уровня общественно-экономического и политического развития государственных образований, предшествовавших сложению Казахского государства; формирование и развитие феодальных отношений; причины и значение принятия казахами российского подданства; проникновение капиталистических отношений в Ка-

захстан; революция 1905—1907 гг. и восстание 1916 г.; история советского периода. Наряду с этим Юшков считал необходимым создание учебников для школ по истории Казахстана и по истории государства и права Казахстана. Выдвинутые им основные направления на десятилетия определили развитие исторической науки в Казахстане. Он принял самое непосредственное участие в разработке проблем, в частности формирования и развития казахской государственности, исследования права казахов, складывания феодальных отношений.

С. В. Юшков возглавлял институт в трудное время, осложненное не только последствиями войны, но и установлением жесткого идеологического диктата тоталитарного режима. Набирала обороты инспирированная партийной властью кампания по избиению кадров национальных историков, которым наклеивали ярлык буржуазных националистов. К таковым стали относить авторов первого издания “Истории Казахской ССР”, в частности Е. Бекмаханова.

Будучи уже директором института, Юшков в октябре 1946 г. выступает официальным оппонентом на защите докторской диссертации Е. Бекмаханова на тему “Казахстан в 20–40-х годах XIX в.” в Институте истории АН СССР. Он высоко оценил диссертацию, поддержав талантливого молодого ученого.

С. В. Юшковым была выдвинута идея о создании пятитомной “Истории Казахской ССР”. Понимая всю сложность и трудность такой работы, он считал, что ее выполнение должно базироваться на монографических исследованиях и создании широкой источниковедческой базы. Он поддержал начинание М. П. Вяткина продолжить издание “Материалов по истории Казахской ССР” в 5-ти томах. В 1948 г. вышел 2-й том этой серии (4-й издан в 1940 г.). К сожалению, на этом издание прекратилось. В 1947–1948 гг. вышли в свет и документальные сборники по истории революции 1905–1907 гг., восстания 1916 г., истории Октябрьской революции и др. Институт выпустил или подготовил к изданию монографии Е. Бекмаханова, В. Ф. Шахматова, Н. Сабитова, Н. Г. Апполовой, Х. Г. Айдаровой, С. Н. Покровского, А. Н. Нусупбекова, А. Б. Турсунбаева, М. Кабирова. Было издано 4 выпуска исторической серии “Известия АН КазССР”. Развернулись археологические исследования. Если в 1946 г. работала одна экспе-

диция, то в 1947 г. — три, в том числе после семилетнего перерыва возобновила работу Южноказахстанская археологическая экспедиция под руководством А. Н. Бернштама. Была проведена антрополого-этнографическая экспедиция (под руководством Н.Н.Чебоксарова) совместно с Институтом этнографии АН СССР.

Главной работой института тех лет была подготовка второго издания “Истории Казахской ССР”. Серафим Владимирович постоянно направлял коллектив института на реализацию этой задачи. Он был одним из авторов и редактором книги. В немалой степени благодаря его настойчивости, умелому научно-организаторскому руководству второе издание “Истории Казахской ССР” в двух томах вышло в свет в 1949 г. стало немаловажной вехой в развитии исторических знаний в республике.

В целом можно отметить, что несмотря на разного рода издержки, идеологический диктат партии, в те годы была создана основа для развития новой отрасли исторических знаний - истории Казахстана. И в этом немалая заслуга первого директора Института истории, археологии и этнографии академика С. В. Юшкова.

Ученый, обладавший огромной эрудицией, признанный специалист по истории казахской государственности и права, необычайно трудолюбивый и неутомимый в работе, таким вошел в историю казахстанской науки Серафим Владимирович Юшков.

Опубликовано в соавторстве **Ю.И.Романов**, канд.ист. наук.
Наука Казахстана”, 1996 г.,
N 12 (72), 16-30 июня.

МИХАИЛ ВЯТКИН – ИСТОРИК КАЗАХСТАНА **К 100-летию со дня рождения**

М. П. Вятник родился в г. Оренбурге 9(21) августа 1895 г., в семье учителя. В 1913 г., окончив Шадринское реальное училище, он поступает на историко-философский факультет Петербургского университета, где учился до призыва в армию летом 1917 г. В

1921 г. Михаил Порфирьевич окончил историко-филологический факультет Томского университета. С 1934 г. и до последних дней жизни его научная деятельность протекала в Ленинградском отделении Института истории АН СССР (ЛОИИ).

В 1927 г. он опубликовал первый труд — “Торговый капитализм в России. Книга для чтения”, определив тем самым устойчивый интерес к социально-экономической истории России. М. П. Вяткин принимает активное участие в многотомном издании по истории крепостной мануфактуры, которое осуществил Историко-археологический институт (позднее ЛОИИ). В книге “Крепостная мануфактура в России” (т. 5, 1934 г.) публикуется его раздел “К вопросу истории крепостной мануфактуры”.

Еще в 30-е годы Михаил Порфирьевич обратил пристальное внимание на историю Казахстана. Он сознавал, что ее изучение необходимо начинать с расширения источниковой базы, введения в научный оборот новых источников. Этому были посвящены его первые исследования по истории Казахстана: “Путевые записки лекаря Зибберштейна” (Исторический архив, т. 1. М., 1936); “Журнал оренбургского муфтия” (Исторический архив, т. 2, 1939); “Сказки” XVIII века как источник для истории Казахстана” (Проблемы источниковедения. Сб. 3, 1940); “Тюленгуты в XVIII в.” (Изв. Казахстанского филиала АН СССР, серия ист., 1940, вып. 1. Алма-Ата).

Создание широкой источниковой базы было одним из приоритетных направлений при подготовке пятитомного издания “Материалов по истории Казахстана”. В 1940 г. вышел четвертый том, охватывавший период с 1785 по 1828 гг. Михаил Порфирьевич принял активное участие в подготовке этого тома. Им написаны разделы: “Политический кризис и хозяйственный упадок в Малой орде в конце XVIII — начале XIX вв.”; в соавторстве с Н. К. Дмитриевым — “Археографическое введение”, “Объяснительная записка к карте”, совместно с М. И. Стеблин-Каменской — примечания. Несколько забегаая вперед отметим, что в 1948 г. вышел еще один том этого уникального издания — “Материалы по истории Казахской ССР”, т. 2, ч. 2 (1741–1751 гг.). М. П. Вяткин был его составителем и редактором. В научный оборот был введен большой и интересный архивный материал. Приходится только сожалеть, что на этом издание было прекращено.

В 1941 г. вышел в свет написанный М. П. Вяткиным один из первых обобщающих трудов по истории Казахстана — “Очерки по истории Казахской ССР”, т. 1 (с древнейших времен до 1870 г.).

В годы Великой Отечественной войны казахстанские историки вместе с группой видных российских ученых (А. М. Панкратова, С. В. Бахрушин, Н. М. Дружинин, М. П. Вяткин, Д. А. Баевский, А. П. Кучкин, С. В. Юшков) создали первый в СССР обобщающий труд по истории национальной республики. Академик Н. М. Дружинин вспоминал: “Для большинства из нас это была новая работа: единственным, и притом крупным, специалистом по истории Казахстана был ленинградский историк М. П. Вяткин, успевший выпустить солидную публикацию и самостоятельное пособие по истории казахского народа”.

В 1943 г. “История Казахской ССР” вышла в свет. Работа сразу же была выдвинута на соискание Сталинской премии. Но премия не была присуждена. На “Историю Казахской ССР” обрушился поток критики, порою необоснованной. На совещании историков в ЦК ВКП(б) в мае-июне 1944 г. звучали обвинения: книга “антирусская”, “отрыв от всемирной истории”, “элементы идеализации”. В столь резких выражениях оценивал труд историков журнал “Большевик” в рецензии “Об Истории Казахской ССР”. ЦК КП(б) Казахстана принял постановление от 14 августа 1945 г. “О подготовке 2-го издания “Истории Казахской ССР”, где еще раз подчеркивались идеологические и методологические “ошибки” и “просчеты”, имевшиеся якобы в издании.

В октябре 1946 г. в Институте истории АН СССР Е. Б. Бекмаханов успешно защищает докторскую диссертацию на тему: “Казахстан в 20–40-е годы XIX в.” Одним из официальных оппонентов докторанта, высоко оценившим диссертацию, был М.П.Вяткин.

В 1947 г. одновременно увидели свет книги Е. Б. Бекмаханова “Казахстан в 20–40-е годы XIX в.”, редактором которой был М. П. Вяткин, и “Батыр Срым”. В обстоятельной монографии впервые история национально-освободительного движения под руководством батыра Срыма Датова была дана на широком фоне социально-экономических отношений казахского общества конца XVIII в.

Между тем в республике усиливались нападки на Е. Бекмаханова под флагом борьбы с “буржуазным национализмом”. Научные аргументы подменялись шельмованием талантливого мо-

лодого ученого. В печати появляются разгромные рецензии на его книгу, заголовки которых звучали как приговор. Такой например: "Политическая ошибка, лженаучная книга". В феврале 1948 г. по рекомендации ЦК ВКП(б) в Институте истории АН СССР состоялось обсуждение книги Е. Б. Бекмаханова, с участием историков Казахстана. Российские ученые А. П. Кучкин, Н. М. Дружинин, С. В. Бахрушин, М. П. Вяткин выступили в защиту Е. Б. Бекмаханова. Их усилиями с ученого было снято страшнейшее в те годы обвинение о противоречии с высказываниями И. В. Сталина.

В 1949 г. увидело свет второе издание "Истории Казахской ССР". Михаил Порфирьевич был членом редколлегии и автором разделов "Изучение истории казахского народа в прошлом и настоящем (введение)"; "Казахстан в период монгольского завоевания"; "Образование казахской народности и Казахского государства"; "Общественно-политический строй Казахского ханства" (совместно с Я. Я. Зутисом); "Раздробленность Казахского ханства и попытки его присоединения Тауке-ханом" (совместно с С. Л. Фуксом); "Принятие казахами российского подданства"; "Казахстан в середине XVIII в."; "Восстание казахов Младшего жуза под руководством батыра Срыма Датова"; "Социально-экономический строй казахского общества в первой половине XIX в."

А дискуссии по книге Е. Б. Бекмаханова продолжались. 26 декабря 1950 г. в "Правде" появляется разгромная статья Т. Шоинбаева, Х. Айдаровой и А. Якунина "За марксистско-ленинское освещение вопросов истории Казахстана", где вновь в резкой форме повторялись старые обвинения. 21 февраля 1951 г. Ученый совет Института истории АН СССР обсуждал эту статью. Под напором "обвинителей" А. М. Панкратова, М. П. Вяткин, Н. М. Дружинин вынуждены были признать свои "ошибки". Но даже утверждение Михаила Порфирьевича о том, что отдельные вопросы движения Кенесары мало изучены, было подвергнуто резкой критике. В итоге Ученый совет института в резолюции отметил буржуазно-националистический, порочный характер книги Е. Б. Бекмаханова, признал, что в свое время неправильно оценил движение Кенесары как национально-освободительное и ошибочно присудил Ермухану Бекмаханову степень доктора исторических наук. В частном определении Ученый совет

указал “профессору М. П. Вяткину, который поддерживал и разделял глубоко порочные взгляды Е. Б. Бекмаханова, на допущенные им ошибки...”

Возвратившись в Ленинград, М. П. Вяткин не прерывал связей с казахстанскими историками, участвовал в подготовке молодых кадров для республики. Круг его научных интересов был очень широк. Он один из создателей “Истории Киргизии”, член редколлегии и автор разделов трех изданий этого труда. В декабре 1954 г. он был избран членом-корреспондентом АН Киргизской ССР. В 1962 г. увидела свет его монография “Монополистический капитал в Средней Азии”, в 1965 г. — капитальное исследование “Горнозаводской Урал в 1900—1917 гг.”.

Как один из авторов М. П. Вяткин участвовал в издании таких трудов, как “Очерки истории СССР периода феодализма”, “Краткая история СССР”. Он редактировал первый том “Очерков по истории Ленинграда”, участвовал в работе над последующими томами этого издания. В 1965 г. ему было присвоено звание заслуженного деятеля науки РСФСР. Последние годы своей жизни (он умер 7 декабря 1967 г.) Михаил Порфирьевич посвятил историографии проблемы социально-экономического развития Средней Азии. Труд этот увидел свет после его смерти благодаря стараниям киргизских историков. К сожалению, эта работа, на наш взгляд, не нашла должной оценки и внимания. В монографии охвачена литература целого века, с 60-х годов XIX в. до 1965 г., по вопросам социально-экономической истории Средней Азии, в том числе Южного Казахстана. Многие труды в ней подвергнуты критике и анализу, в то же время Михаил Порфирьевич высказал свою точку зрения по дискуссионным вопросам истории Средней Азии и Казахстана.

Около десяти лет стоял он во главе Ленинградского отделения Института истории АН СССР. По его инициативе и под его руководством в институте проводилась большая работа по изучению российского империализма. Он был редактором Трудов ЛОИИ, посвященных исследованию этих проблем, документального сборника о монополиях в металлургической промышленности России.

Можно принимать или не принимать те или иные научные выводы ученого. Он и сам всегда восставал против канонизации. М. П. Вяткин видел историческую науку устремленной вперед,

добывающей новые факты, делающей новые выводы. Неоспорим факт, что ни один исследователь истории Казахстана XVIII–XIX вв. не может обойтись без трудов М. П. Вяткина. А это и есть признание.

Михаил Порфирьевич Вяткин прожил большую, сложную и яркую жизнь. Крупный ученый, большой души человек, принципиальный и одновременно внимательный к людям – таким он останется в благодарной памяти людей, хорошо знавших его. Живут его книги, трудятся его многочисленные ученики. Дело, которому самоотверженно и беззаветно служил ученый, продолжается и развивается.

Опубликовано в соавторстве: Н.Алексеевко,
доктор ист. наук; Ю.Романов, канд. ист. наук.
Наука Казахстана, № 8(68), 16-30 апреля 1996 г.

АКАДЕМИК К. И. САТПАЕВ

К. И. Сатпаеву исполняется 100 лет. ЮНЕСКО объявил 1999 год Годом К. И. Сатпаева, тем самым международная организация воздала должное заслуге великого сына казахского народа перед человечеством.

Формирование К. И. Сатпаева (1899–1964) проходило в знаменитом баянаульском регионе. Великие традиции Бухар-жырау, Абая, Ч. Валиханова общение с выдающимися деятелями казахской духовной элиты – с А. Байтурсиновым, А. Букейхановым, А. Ермековым, Ж. Аймаутовым, М. Ауэзовым, С. Торгайгыровым, Жаяу-Мусой Байжановым, Н. Кулжановой – оказали огромное влияние на становление личности. Родной край, являвшийся в прошлом гигантским полем битвы за национальную государственность, независимость с джунгарами, царским самодержавием, соприкосновения восточной и европейской культур, стал своего рода плацдармом для старта юноши. Отец Каныша – Имантай

был для своего времени образованным человеком, знатоком восточной поэзии, собирателем наследия г. Валиханова. Он считал своим долгом дать одаренному своему сыну образование.

Молодой Каньш окончил русско-киргизскую (казахскую) школу, 2-х классное русско-киргизское училище, Семипалатинскую учительскую семинарию, геолого-разведочное отделение горного факультета Томского государственного горно-технологического института.

Каньш Имантаевич был одаренным ребенком, проявлял свой талант в области гуманитарных дисциплин, был прекрасным знатоком устного народного творчества, музыкантом, певцом, любил поэзию, историю родного народа, тем не менее он стал горным инженером-геологом. В условиях перехода к индустриальному обществу, востребованным делом стало изучение недр земли. Освоение природных богатств родного края, закономерностей образования и размещение полезных ископаемых, создание минерально-сырьевой базы черных, цветных, редких и благородных металлов стало задачей общегосударственного, общенационального значения.

В литературе широко освещена роль К.И. Сатпаева, как геолога-разведчика недр, в создании Большого Жезказгана. Некоторые считают Жезказган основой его судьбы.

Слов нет, Жезказган — детище К. И. Сатпаева. “Он поднял Жезказган из небольшого месторождения в крупнейшую медную сокровищницу мирового значения”¹.

Вместе с тем, было бы серьезной ошибкой ограничить заслуги К. И. Сатпаева как ученого-геолога одним Жезказганом. Заслуга Каньша Имантаевича в период становления его личности состоит в том, что он поднял на новую высоту значения науки, прежде всего геологической, доказав ее судьбоносное значение в определении перспектив развития огромного края, восточных регионов страны. К. И. Сатпаев лучше чем кто-либо из его современников понимал, что наука, прежде всего, геологическая, является фактором развития производительных сил, индустриального развития не только Жезказганского промышленного узла, но всего экономического комплекса Центрального Казахстана и всей республики. Глубокое знание закономерности развития природы, его

¹ Щерба Г.Н. О личности первого академика Казахстана. В кн.: К.И. Сатпаев и общественные науки Казахстана. А., 1999, с. 10.

подземных недр, Масштабное видение развития прогресса, цивилизации в Степи выдвинуло его в Лидеры нового поколения, поколения созидателей. Таким образом, Джезказганский период его деятельности, завершился общесоюзным признанием его заслуг, его личности, стало очевидным, что для буйной натуры выдающегося организатора, мыслителя нужно более масштабное поле деятельности. К. И. Сатпаев стал во главе Казахского филиала АН СССР. Зам. председателя Комитета по делам геологии при СНК СССР, член-корреспондент АН СССР И. Ф. Григорьев впоследствии отмечал, что за короткий срок “помимо работ на собственно Джезказганском месторождении, К.И. Сатпаевым изучены месторождения полезных ископаемых на громадной территории западной части Центрального Казахстана”.

Открытие К. И. Сатпаева, его титаническая деятельность в довоенный период во многом определило превращение Казахстана в основную базу Союза по производству цветных и редких металлов. Угольная Караганда с предприятиями цветной металлургии Балхаша, Карсакпая, Джезказгана представляла собой гигантский промышленный комплекс². Линия на завершение формирования индустриальных регионов была прервана войной. Тем не менее в предвоенные годы в основном сложился промышленный регион Центрального Казахстана. Одновременно угольная Караганда, рудники и заводы цветной металлургии Центрального Казахстана надежно снабжали рудой, металлом, углем промышленные предприятия Южного Урала. Рудный Алтай как бы стыковался с индустриальным комплексом Сибири. Если рассматривать экономику районов восточнее Урала, то нетрудно заметить, что треугольник Урал-Сибирь-Казахстан занимал ведущее положение в СССР по производству цинка, меди, свинца и других цветных металлов. Ускорялись темпы разработки нефтяного месторождения в районе Эмбы.

Талант ученого-геолога, организатора науки, государственного деятеля К. И. Сатпаева с новой силой открылся в годы Великой Отечественной войны. В статье “Казахский филиал АН СССР в годы Великой Отечественной войны” сам Каньш Имантаевич отмечал, что война “потребовала скорейшего выявления и иссле-

² 20 лет Казахской ССР. Алма-Ата, 1940. С. 7, 30; Развитие народного хозяйства за 50 лет Советской власти. Алма-Ата, 1967. С. 79, 81; Основные закономерности построения социалистической экономики. М., 1967. С. 323.

дования богатейших стратегических ресурсов Казахстана на нужды обороны страны”³.

Ведущим направлением в исследовании научных проблем являлось углубленное и систематическое изучение минеральных ресурсов республики. По данным 1942 г., 43 %, т.е. почти половина ассигнований расходов на научные цели Казфилиала АН СССР, приходилась на долю Института геологических наук (директор К. И. Сатпаев)⁴. Из года в год росла численность экспедиционных отрядов, направляемых филиалом Академии на поиски новых месторождений минерального сырья. Если в 1941 г. их было послано 32, то уже в следующем году последовательно — 58, 70, 102, а в 1945 г. — 94 отряда.

Геологический институт возглавил напряженные поиски и исследования месторождений марганца, выдвинул и обосновал предложение о скорейшем использовании руд Джездинского месторождения для обеспечения ферромарганцем Магнитогорского металлургического комбината. Группой ученых во главе с К. И. Сатпаевым была теоретически обоснована возможность строительства на базе вновь открытых железорудных месторождений крупного металлургического комбината и мощного ферросплавного завода. В Центральном Казахстане крупное научное исследование было проведено по изучению и освоению богатств Большого Джезказгана. Многолетний труд К. И. Сатпаева по Джезказганским медным месторождениям был в 1942 г. удостоен Государственной премии. Выводы и рекомендации ученого по добыче легко доступных для разработки медных руд значительно расширили сырьевую базу Балхашского медеплавильного завода.

Ученые республики провели детальную ревизию месторождений меди и свинца в пределах Центрального Казахстана, выявили участки богатых руд. Большая исследовательская работа была проведена по изучению и освоению месторождений цветных, редких и рассеянных металлов.

Характерной особенностью исследований являлась комплексность всех народнохозяйственных аспектов изучаемых проблем. Детальное комплексное изучение геологии и запасов полезных ископаемых, технологических методов их использования, вопро-

³ Вестник АН СССР, 1945, № 1-2, с. 87.

⁴ Архив Президента РК. ф. 708, оп. 6, д. 198, л. 12. Из отчета Казфилиала АН СССР за 1942 г. *Научные исследования в Казахстане. А. 1942-1943 гг. М. 1944.*

сов наилучшей горно-технической разработки позволили наиболее эффективно решить проблему народнохозяйственного освоения новых минеральных богатств.

Союз науки и труда нашел свое выражение также в том, что крупнейшие предприятия промышленности общесоюзного значения (Балхашский и Карсакапайский медеплавильные комбинаты, Джезказганский рудник, предприятия комбината "Алтайполиметалл" и т. д.) получали систематическую консультацию ученых по вопросам геологии и вещественного состава потребляемых ими видов минерального сырья⁵. "Ученые геологии А. Е. Ферсман, К. И. Сатпаев и другие, — отмечается в Краткой истории Великой Отечественной войны", — помогли найти новые месторождения железной руды в Кузбассе и на Урале, новые источники нефти в Башкирии ... месторождение молибденовых руд в Казахстане"⁶.

В огромной работе по мобилизации ресурсов Казахстана на помощь фронту велика была роль геологов Казахского геологического управления. Отдельные его партии выполняли специальные задания ГКО и Советского правительства. Объем разведочных работ возрос в дни войны в два раза. Геологи открыли новые месторождения меди, марганца, молибдена, угля, вольфрама, ванадия и других видов минерально-стратегического сырья. В 1943—1944 гг. Казахское геологическое управление 9 месяцев удерживало знамя ГКО. В 1945 г. знамя ГКО завоевала Восточно-Казахстанская геолого-разведочная партия. Знамени ВЦСПС и Наркомата цветной металлургии не раз удостаивались геологические партии трестов Казцветметразведки.

Развернули научные исследования применительно к задачам военного времени гуманитарные науки. Велась большая работа по написанию "Истории Казахской ССР". Уникальную художественную ценность имела осуществленная запись из уст знаменитого народного сказителя Муруна Сенгирбаева грандиозного цикла песен о сорока богатырях казахского народа. В конце 1941 г. был составлен и издан русско-казахский военный словарь.

Успешному развитию науки в Казахстане в годы войны в значительной степени способствовала помощь, оказываемая Академией наук СССР. Президиум АН СССР 5 июля 1942 г. вменил в

⁵ Козыбаев М.К. Казахстан — арсенал фронта. А., 1970. С. 227.

⁶ Великая Отечественная война Советского Союза 1941-1945 гг. Краткая история. М., 1970. С. 192.

обязанность Всесоюзным институтам в Алма-Ате оказать Казахскому филиалу Академии "практическую помощь в деле подготовки научных кадров из коренного населения республики"⁷.

Многогранность и обширность проблематики научных исследований, обусловленная необходимостью мобилизации на нужды фронта неисчерпаемых природных экономических и моральных ресурсов республики, определяла и дальнейшее расширение сети научных учреждений. За пять лет было создано 14 новых научно-исследовательских институтов (до войны их было всего один), охвативших все основные отрасли науки. За это же время число научных сотрудников Казахского филиала АН СССР выросло почти в 8 раз, объем ассигнований на научно-исследовательские цели увеличился в 11 раз.

Зрелость научной мысли ученых Казахстана, их способность решать научные проблемы выдвинули на очередь дня вопрос о преобразовании Казахского филиала АН СССР в Академию наук Казахской ССР. "Учитывая, что ускорение дальнейшего развития промышленности, сельского хозяйства и культуры республики связаны, прежде всего, с дальнейшим подъемом науки и усиленным темпом научно-исследовательских работ, организуемых и координируемых единым научным центром, — говорилось в решении СНК республики и ЦК КП Казахстана от 18 июля 1944 г., — обратиться с ходатайством в СНК СССР и ЦК ВКП (б) о создании единого центра науки республики АН КазССР на базе КазФАН"⁸. В ноябре 1945 г. Советское правительство удовлетворило просьбу СНК КазССР и президиума Академии наук СССР о реорганизации Казахского филиала АН СССР в республиканскую Академию. В беседе с корреспондентом "Правды" президент АН СССР С. И. Вавилов указывал: "В годы войны Казахский филиал Академии наук СССР превратился в комплексное научно-исследовательское учреждение, где под руководством видного казахского ученого члена-корреспондента Академии наук СССР профессора К. И. Сатпаева успешно проводились разнообразные научные работы"⁹.

Славную страницу в героическую историю борьбы советского народа с фашизмом вписали ученые страны, входившие в со-

⁷ Салов В.И. Из истории АН СССР в первые годы Великой Отечественной войны. — Исторические записки. Т. 60, 1957. Изд. АН СССР. С. 28.

⁸ Архив Президента РК. Ф. 708. Оп. 8. Д. 43. Л. 232.

⁹ "Правда", 1945, 18 ноября.

став “Комиссии Академии наук СССР по мобилизации ресурсов Урала, Западной Сибири и Казахстана на нужды обороны”¹⁰.

Комиссия, как известно, была организована в сентябре 1941 г. и на первых порах занималась комплексным изучением производственных сил Урала. Однако уже первые ее шаги показали необходимость изучения и мобилизации на нужды обороны ресурсов восточных районов в целом¹¹. Экономические связи Уральского промышленного района с Западной Сибирью и Казахстаном, гигантское перемещение производительных сил с запада на восток, огромное промышленное и железнодорожное строительство — все это определяло основные направления и содержание работы Комиссии. В начале апреля 1942 г. президиум АН СССР вынес решение о расширении сферы деятельности Комиссии на районы Западной Сибири и Казахстана¹². Советское правительство поддерживало инициативу президиума АН СССР.

В начале июня 1942 г. большая группа ученых во главе с академиком В. Л. Комаровым прибыла в Казахстан для организации работ Комиссии. Планом было предусмотрено проведение работ по черной и цветной металлургии, каменноугольной промышленности, транспорту, энергетике, химии, промышленности стройматериалов, водоснабжению. План работы Комиссии, согласованный с Госпланом и Наркоматами СССР, был подписан 10 августа 1942 г. председателем СНК республики Н. Ундасыновым и президентом АН СССР В.Л. Комаровым. В состав 6 бригад входили академики А. А. Байков, И. П. Бардин, А. А. Скочинский, В. К. Обручев, А. И. Заварицкий, Б. В. Бродский, Л. Д. Шевяков, В. Н. Образцов, Б. Е. Веденеев, Э. В. Брицке, А. Б. Порайкошиц, члены-корреспонденты АН СССР Д.С. Белянкин, Д. В. Наливкин, В. И. Бейц, С. И. Вольфович. Составление сводного доклада по мобилизации ресурсов Казахстана на нужды обороны было возложено на академика И. П. Бардина (руководитель), К. И. Сатпаева (зам. руководителя), Т. И. Абабкова, П. М. Дунаева, Д. А. Кунаева и других¹³.

¹⁰ Комиссия с сентября 1941 г. по 3 апреля 1942 г. называлась “Комиссия АН СССР по мобилизации ресурсов Урала”.

¹¹ П. Поспелов. Советская интеллигенция в Великой Отечественной войне. М., 1942, стр. 25-26.

¹² Комиссия переименована в “Комиссию АН СССР по мобилизации ресурсов Урала, Западной Сибири и Казахстана на нужды обороны”.

¹³ Архив Президента РК. Ф. 708. Оп. 7. Д. 81. Л. 151.

В 1942 и 1943 гг. комплексные бригады ученых вели большую исследовательскую работу в различных экономических районах республики.

Наряду с ними Казахский филиал АН СССР направлял в то время свыше 350 экспедиционных отрядов¹⁴. Они работали по единому плану и под общим руководством Комиссии по мобилизации ресурсов Казахстана.

Деятельность Комиссии по комплексному исследованию природных и экономических ресурсов Казахской ССР была весьма плодотворной. Она позволила наметить пути повышения производственных мощностей важнейших индустриальных центров: Карагандинского бассейна, рудников и заводов медной и полиметаллической промышленности, Актюбинского завода ферросплавов и обслуживающих его предприятий нефтепромыслов Урало-Эмбенского района и других. Комиссия выявила основу для создания в республике важнейших отраслей тяжелой индустрии, таких, как черная металлургия, химическая промышленность, промышленность огнеупоров и строительных материалов и др. В начале ноября 1942 г. академик И. П. Бардин доложил правительству о работах Комиссии по Казахстану¹⁵. Предложения и рекомендации Комиссии легли в основу практических мероприятий Советского правительства, ГКО и немало способствовали бурному развитию народного хозяйства Казахской ССР в 1943 г. и на завершающем этапе войны. Душой Комиссии АН СССР в Казахстане был К. И. Сатпаев. Впоследствии Президент АН СССР В. Л. Комаров говорил: "Я не знаю, что мы стали бы делать, если в Казахстане не было К. И. Сатпаева"¹⁶.

Победоносное завершение Великой Отечественной войны Советского Союза ознаменовалась созданием, на базе филиала АН СССР Академии наук Казахской ССР. Так Казахстан стал страной науки. Разумеется, академия создавалась усилиями всего советского общества. Тем не менее, своим рождением Национальная академия, прежде всего, обязана К. И. Сатпаеву. НАН РК — детище К.И. Сатпаева и духовной элиты Казахстана, АН СССР.

1 июня 1946 г. — день образования АН КазССР — звездный час К. И. Сатпаева. Этот день вошел таковым и в летопись Оте-

¹⁴ "Большевик Казахстана", 1945, № 9-10. С. 59.

¹⁵ "Исторический архив", 1961, № 3. С. 221.

¹⁶ Вестник АН КазССР. 1949., № 4. С. 44.

чественной истории казахской нации. Создание АН КазССР стало символом высшего духовного достижения нации всего XX века. АН КазССР стал подлинным штабом науки, одним из признанных центров научной мысли страны. Научные открытия Сатпаева, духовной элиты казахской нации, казахстанских ученых вскоре признала мировая научная общественность.

Имя К. И. Сатпаева заслуженно было при жизни окружено ореолом подлинной славы и огромного народного признания. “К какой бы сфере ни обращались научная и общественная мысль К. И. Сатпаева, — говорил Н. А. Назарбаев, — повсюду он распространял передовые идеи, вносил мощный импульс таланта и энергии, об одухотворенности и организованности”. В мае 1943 г. академик АН СССР А. Арутюнян писал К. И. Сатпаеву, что “многие страны могут позавидовать организации научной работы в Казахском филиале Академии наук”¹⁷.

В послевоенные годы К. И. Сатпаев, казахская духовная элита оказались в опале, их обвиняли в национализме. Однако К. И. Сатпаев проявил самоотверженность, высокую нравственность, защищал других, защищался сам. Он не предавал интересы науки, честь ученых. Приведем лишь один пример. В период лысенковщины, когда акад. Завадовского обвиняли в вейсманизме К. И. Сатпаев в своей речи от 29 сентября 1948 г. на расширенном заседании АН КазССР говорил: “Первое — в отношении результатов применения метода акад. Завадовского по стимуляции многоплодия овец. Не затрагивая вопроса о Завадовском, как о вейсманисте-морганисте в теоретических вопросах, я должен отметить, что Институт экспериментальной биологии Академии наук КазССР разрабатывал в прошлом и разрабатывает сейчас только лишь проблемы внедрения в Казахстане метода стимуляции и многоплодия овец и других сельскохозяйственных животных применением СЖК. Мне кажется, СЖК — один из сильных агентов интенсификации активности половых органов овец. Она не имеет прямого теоретического отношения к концепции вейсманизма”. (См. сборник, № 184).

К. И. Сатпаев огромное внимание уделял проблемам Отечественной истории. Еще будучи студентом К. И. Сатпаев 26 февраля 1926 г. сделал сообщение о находке им останков палеолитичес-

¹⁷ ЦГА РК. Ф. 2057. Оп. 4. Д. 207. Л. 9.

кого человека в степях Казахстана. В 1927 году он опубликовал дополненный и исправленный текст эпоса “Ер Едиге”. 8 июня 1934 г. в письме в редакцию газеты “Известия” написал письмо с опровержением опубликованной в ней статьи по Джезказгану, где он писал: “В Джезказгане имеется много древних разработок, оставленных Чудью. Отвалы этих древних работ очень значительны (не менее 200 тыс. т руды) и содержат 4-5 % меди. Дело в том, что, учитывая легкость добычи и погрузки, мы указали для разработки некоторые, наиболее богатые участки древних отвалов, содержащие меди не менее 6-7 %. Конечно, из этого не вытекает, что в Джезказгане вовсе нет руд в коренном залегании. Указывая балхашцам для погрузки участки богатых отвалов древних работ, мы исходили только из целей облегчения условий их работы. Предположение о том, что разработки чудского периода имеют давность в 700 лет, также не соответствует истине. Арабские и персидские историки XII и XIII вв., описывавшие жизнь и быт Казахстана, не указывают на наличие здесь горного промысла. Греческий историк Геродот, живший в V в. до н. э., наоборот, указывает, что к северу и востоку от Аральского моря (т.е. на территории Центрального Казахстана) живут массагеты и саки, у которых все предметы обихода и вооружения из золота и меди. Указания Геродота согласуются также с древностью имеющихся в Джезказгане отвалов. Таким образом, древняя индустриальная культура Джезказгана относится не к XIII в. н. э., а является гораздо более древней и относится, по меньшей мере, к V веку до нашей эры”¹⁸. Исследование казахстанских археологов впоследствии доказало правоту этих выводов К. И. Сатпаева.

Будучи уже Президентом АН КазССР ученый-геолог энциклопедист, академик К. И. Сатпаев огромное внимание уделял и гуманитарным наукам, в особенности истории казахского народа. По его распоряжению в первые послевоенные годы и в последующем были организованы экспедиции по изучению памятников древности, устного народного творчества.

В 1943 и 1949 годах было осуществлено два академических издания “Истории Казахской ССР”, появились монографические исследования А. Х. Маргулана, Е. Б. Бекмаханова и других ученых. Таким образом, был накоплен богатый документальный, архе-

¹⁸ Академик К.И. Сатпаев. Из писем и заметок. А., 1999. С. 11.

ологический и этнографический материал. Появилась возможность более интенсивного и объективного исследования истории прошлого. Однако в конце 40-х—начале 50-х годов началась новая волна политических репрессий, охвативших и сферу науки.

Обвинения, выдвинутые против ряда известных казахских ученых-историков Е. Б. Бекмаханова, А. Х. Маргулана, Б. С. Сулейменова, Е. Д. Дильмухамедова, а также литературоведов Е. Исмаилова, Х. Жумалиева и других в национализме, серьезных методологических ошибках и извращениях в вопросах периодизации истории Казахстана, освещении истории казахского ханства, в оценке присоединения Казахстана к России и национально-освободительного движения под предводительством Кенесары Касымова, освещении истории культуры казахского народа неизбежно коснулись и К. И. Сатпаева. Был вынужден уехать в Москву и М. О. Ауэзов.

После осуждения Е. Б. Бекмаханова, Б. С. Сулейменова и других и изгнания из стен Академии наук ряда известных общественников, нависла серьезная угроза и над самим ученым. Пользуясь удобным случаем, завистники и недруги постарались доносить в самые высокие инстанции немыслимые обвинения в адрес К. И. Сатпаева. Дело К. И. Сатпаева было вынесено на закрытое заседание Бюро ЦК КП(б) Казахстана, на котором он был признан виновным в следующих "прегрешениях":

1. Скрытие своего социального происхождения при вступлении в партию;

2. Издание в 1927 г. под его редакцией и с его предисловием сказания об Едиге;

3. Засорение кадров Академии наук чуждыми элементами¹⁹.

Тогда же по представлению НКВД Казахской ССР в ЦК КП(б) Казахстана рассматривался вопрос о заведении уголовного дела на академика К. И. Сатпаева. К счастью секретари ЦК КП(б) К. Ж. Шаяхметов и И. Омаров отменили эти попытки, ограничившись решением Бюро об освобождении его от должности Президента Академии наук республики. Одновременно посыпались жалобы и на самого И. Омарова, курировавшего в то время по линии ЦК сферу науки, образования и культуры.

¹⁹ Объяснения и ответы К.И. Сатпаева на часть этих доносов опубликована. См.: К.И. Сатпаев. Из писем и заметок. А., 1998.

Так один из инициаторов погрома в Академии наук республики корреспондент “Правды” по Казахской ССР А. Черниченко 13 марта 1951 г. после публикации в вышеупомянутой газете скандально известной статьи “За марксистско-ленинское освещение вопросов истории Казахстана” в своей докладной записке на имя секретаря ЦК ВКП(б) М. Суслова и главного редактора “Правды” Л. Ильичева писал: “Довести до сведения бюро ЦК КП(б) Казахстана о непартийном поведении секретаря ЦК КП(б) Казахстана тов. Омарова, который защищая националиста Бекмаханова, устроил гонение на его противников...” В его докладной обвинялись в потворстве националистам вице-президент Академии наук Н. Сауранбаев, ректор Казгосуниверситета Т. Тажибаев, ответработник аппарата ЦК КП(б) К. А. Жумагазин и другие. Досталось и редактору книги профессору В. П. Вяткину, академикам А. М. Панкратовой. Со слов секретаря парткома Академии наук Ефимова А. Черниченко доносил: “ЦК долго не разрешал обсуждать статью “Правды”. Только недавно такое разрешение дал второй секретарь ЦК КП(б) Казахстана тов. Круглов. Президент Академии Сатпаев, академик Сауранбаев всячески препятствовали разоблачению Бекмаханова”²⁰.

Появлению статьи Х. Айдаровой, Т. Шоинбаева и А. Якунина “За марксистско-ленинское освещение вопросов истории Казахстана” предшествовал и долгие тяжбы и выяснения обстоятельств между партийным руководством республики и редакцией газеты “Правда вкупе с идеологическим отделом ЦК ВКП(б). Прежде чем опубликовать статью о книге казахского историка Е. Бекмаханова “Казахстана в 20–40-е годы XX века” (редактор В. П. Вяткин) главный редактор газеты Л. Ильичев четыре раза ставил этот вопрос на рассмотрение редколлегии. В Алматы специально приезжал зам. редактора отдела критики и библиографии Озеров. Как докладывал впоследствии Л. Ильичев секретарю ЦК ВКП(б) М. Суслову, “Было выяснено, что большая часть казахских историков выступает против позиции Е. Бекмаханова, считая ее буржуазно-националистической. Руководство Академии наук КССР (т. Сатпаев) и работники ЦК (т. Омаров) резко отрицательно относятся к выступлениям, в которых движение Кенесары оценивается как реакционное”²¹. Осознавая последствия

²⁰ Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории. Ф. 17, оп. 132, Д..., л. 103-107.

²¹ Там же, л. 86.

появления такой статьи в центральном партийном органе, первый секретарь ЦК КП(б) К. Ж. Шаяхметов как мог воспрепятствовал этому.

Как писал Л. Ильичев, “со статьей ознакомился т. Шаяхметов, заявивший, что он не считает движение (Кенесары — М.К.) реакционным и что, если все же вопрос созрел и “Правда” решит выступить, то в статью надо внести некоторые изменения”²². Однако какие изменения были внесены, не удалось уточнить. Попытки Ж. Шаяхметова смягчить удар налицо, но последствия появления статьи были все же тяжкими.

В исторической науке прочно установилась концепция о характере национально-освободительного движения под предводительством Кенесары Касымова и ряда других, присоединении Казахстана к России, господствовавшая и после смерти И. Сталина и вплоть до распада СССР. Эти вопросы имели тогда прямое отношение к академику К. И. Сатпаеву как Президенту Академии наук, в стенах которой разрабатывались проблема истории Казахстана.

50-60-е годы К. И. Сатпаев несмотря на преследования режима наращивал свой вклад в развитие многоотраслевой экономики Казахстана, становление собственной научной школы, укрепление мира и распространение идей гуманизма и прогресса. Продолжая идею “Большого Дзезказгана” он целенаправленно руководил научными исследованиями, направленными на развитие комплекса рудного Алтая. Он же стоял у истоков развития Большого Тургая, т.е. освоения железорудных Соколовско-сарбайских месторождений. Велики заслуги К. И. Сатпаева в развитии топливно-энергетической отрасли промышленности Казахстана, формировании Павлодаро-экибастузского территориального комплекса. Академией наук обеспечивалось техническое перевооружение предприятий металлургической промышленности. Пятая часть мартеновских печей была переведена на кислородное дутье.

К. И. Сатпаев установил закономерности образования и размещения полезных ископаемых, создал металлогеническую карту, утвердив тем самым мировую славу за геологической наукой Казахстана.

Сборник документов и материалов “Академик К. И. Сатпаев” можно было озаглавить “К. И. Сатпаев и казахская нация XX

²² Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории. Ф. 17, оп. 132, Д..., С. 87.

века". В документах и материалах К. И. Сатпаев предстает перед нами как Человек, Гражданин, Личность, как ученый энциклопедист, выдающийся организатор науки, гуманист, мыслитель планеты Земля.

Вместе с К. И. Сатпаевым в равной степени прослеживается судьба нации, ее духовной элиты.

Жизнь К. И. Сатпаева, как свидетельствуют документы, подвиг во имя науки, прогресса рассвета духовных сил нации.

Духовное наследие К. И. Сатпаева принадлежит человечеству и оно будет служить интересам укрепления национальной независимой государственности Казахстан.

Имя К. И. Сатпаева живет и будет жить в памяти народа, в деяниях благородных потомков.

Отан тарихы. 1999, №1.

УРАЗ ДЖАНДОСОВ: СУДЬБА, ПРЕДАННАЯ РЕВОЛЮЦИЕЙ

Сквозь высоту времени и мировидение современного поколения легко рассуждать о днях давно минувших. При этом часто молодое племя в своем естественном стремлении вперед не уделяет должного внимания на то, из чего состоит прошлое; стал бы возможным день сегодняшней, если бы не было дня вчерашнего. В историографии последнего десятилетия события Октября 1917 года получили разностороннюю оценку, в том числе как "переворот", "глобальный эксперимент" и т. д. Некоторые договорились вплоть до полного отрицания этого события как исторического факта. Словом, новейшая историография особенно постсоветского пространства немало поэкспериментировала над тем, во что верило не одно поколение людей и не только на одной шестой части света. В то же время речь идет не об огромной массе фанатиков, а о конкретном человеке, личности, гражданине, который имеет пра-

во на стремление к совершенству, к идеалу. Быть может, подобный подход может считаться наиболее приемлемым и цивилизованным, лишенным предвзятости и однобокости. Иначе трудно понять то, почему в претворении идей Октября участвовали люди с высоким умственным, интеллектуальным и организационным потенциалом. Правда, до сих пор под сторонниками социалистической революции 1917 г. имелись ввиду в основном “булгаковские шариковы”, аферисты и прочая иже им подобная братия.

Но как же тогда быть с теми, кто искренне верил в идеалы мировой революции и стали пуританами классовой морали, кто являлся сыном своего времени и по велению его условностей совершал подвиги во имя своего Отечества и народа? Ответ на эти и другие вопросы можно найти лишь вникнув в суть их деятельности и содержание их творческого и письменного наследия. Пожалуй, поэтому становится понятным наше обращение к наследию Ураза Кийкимовича Джандосова - известного государственного деятеля, радикального сторонника Октябрьской социалистической революции 1917 г., образованного человека своего времени, личности, достойной народной памяти и почитания. “В его большевистской революционности, типичной и для других “мусульманских” коммунистов, было много от идеологии национально-освободительного движения предшествующей эпохи. Но столь же органичным для него являлось острое чувство протеста против любых, в том числе завуалированных под патриархально-родовые обычаи казахского общества, форм социального унижения и порабощения людей, - и именно это делало естественным (и необратимым) его жизненный выбор в пользу социализма”.¹

Согласно “Автобиографии”, подписанной 10 апреля 1937 г., У. Д. Джандосов происходил из крестьян бывшей Семиреченской, ныне Алматинской области. Он родился в феврале 1899 г. в селе Каскелен нынешнего Карасайского района. В 1907 - 1908 гг. его отец Кийким выбился в “самостоятельное хозяйство”, которое в силу своей маломощности вынудило пойти на индивидуальный наем на известковые разработки в каскеленских горах близ г. Верного. Кийким Джандосов отдал сына Ураза в Верненскую мужскую гимназию, полный курс которой он окончил в 1918 г. Мать

¹ Джандосов А. Ураз Джандосов и Казнаркомпрос: из материалов к политической биографии. // Азия. - 1993, № 47.

его находилась на иждивении братьев, которых было трое. Нужно сказать, что У. К. Джандосов был широкообразованным человеком для своего времени. Имея гимназическое образование, в 1923—1924 гг. он учился в Сельскохозяйственной Академии в г. Москве, и всю жизнь занимался самообразованием. Он обладал талантом государственного деятеля, оратора и публициста, исследователя проблем социально-экономической и политической жизни Казахстана и Туркестана, знатока аграрно-крестьянского вопроса и межнациональных отношений.

Благодаря этим качествам он в течение почти 20-ти (1918—1937 гг.) занимал большие ответственные должности в партийно-советских органах Туркестана и Казахстана. Вот краткий перечень должностей, которые добросовестно и последовательно исполнял У. К. Джандосов: заведующий отделом по делам национальностей Семиречинской области, председатель областной секции мусульманских коммунистов Компартии Туркестана, председатель Семиреченского областного революционного комитета (одновременно председатель Союза “Кошчи”), заведующий отделом ЦК Компартии Туркестана и второй секретарь Казкрайкома ВКП(б), Народный Комиссар образования Казахской АССР, директор Сельскохозяйственного института, одновременно директор Республиканской библиотеки, председатель Общества краеведов Казахстана и, наконец председатель Алма-Атинского облисполкома, секретарь Кегенского районного комитета партии... В разные годы У. К. Джандосов избирался членом ЦИК Казахской АССР и ВЦИК СССР.

Становление У. К. Джандосова как личности состоялось в эпоху драматических поворотов исторического прогресса, связанных с двумя революциями 1917 года и установлением Советской власти на всей территории России, включавшей в свой состав такие национально-колониальные окраины как Казахстан и Туркестан. В этих условиях осенью и зимой 1917—1918 гг. в казахстанско-туркестанском регионе разворачивалась борьба двух линий политического выбора: общедемократического плана и революционно-демократического. Сторонники первой линии группировались около представителей партии центристского направления (куда входила и казахская национально-демократическая партия “Алаш”), поддерживающих курс свергнутого большевиками Временного правительства.

Другая линия, сторонники которой выступали за полную передачу власти Советам, проведение в стране глубоких реформ в области экономики, земельных отношений, национально-государственного строительства была представлена левыми и левоцентристскими силами, шедшими в первую очередь за большевиками. У. К. Джандосов, вступивший в ряды коммунистической партии в 1918 году, был в числе активных сторонников этой линии. Он верил в то, что воплощение в жизнь идей социальной и национальной справедливости, провозглашенных Октябрьской революцией и Советской властью, отвечает коренным интересам абсолютного большинства народов Казахстана и Туркестана. Он и подобные ему личности не виноваты в том, что эти идеи в процессе их реализации в СССР были деформированы сталинщиной и административно-командной системой, руководившей страной в течение более 70-ти лет. Жизнь и деятельность У. К. Джандосова — это часть нашей истории. Как известно, прошлую историю нельзя перекладывать, у нее надо учиться.

Как государственный и политический деятель У. К. Джандосов в своей практической работе придерживался того принципа, что при осуществлении того или иного социально-экономического и политического проекта в Казахстане необходимо учитывать его особенности.

В 1918 году, говоря об условиях социального прогресса, в которых оказались казахи в связи с принятием российского подданства, У. Джандосов считал, что этим нарушаются законы эволюции и естественное течение жизни. Он говорил: "... вопрос о том, находилась ли культурно-экономическая жизнь киргизов до перехода их в подданство России в состоянии прогресса, застоя или регресса остается открытым"². У. Джандосов всегда почитал свой народ и питал к нему особое уважение и любовь.

10 ноября 1918 г. У. Джандосов был назначен заведующим отделом по национальным делам Семиреченской области. Формирование отдела затянулось до декабря месяца. В интересах успешности работ он совмещает должности заведующего уездного (Верненского) и областного (Семиреченского) отделов по национальным делам. При заведующем отдела находились: коллегия по

² Джандосов А. Ураз Джандосов и Казнаркомпрос: из материалов к политической биографии.// Азия. - 1993, № 47.

числу национальностей и штат канцелярских служащих. При областном отделе были учреждены подотделы агитационно-организационный, культурно-просветительский с включением печати, переводческий совет и бюро по оказанию бесплатной юридической помощи беднейшим гражданам всех национальностей.

30 декабря 1918 г. У. К. Джандосов выступил с докладом “О бедственном положении мусульманского пролетариата”, вызванного общеэкономической разрухой в Семиреченской области. Он указал на настоятельную необходимость оказания помощи голодающим, поскольку иначе населению грозят бедствия вплоть до вырождения нации.³ В январе 1919 г. У. К. Джандосов предложил выработать проект оседлости. Он выражает пожелание об уничтожении частного хозяйства. Там, где природные условия благоприятствуют часто скотоводческому хозяйствованию, он предлагает создать скотоводство общественное, кооперативное. Это объясняется тем, что частному лицу, возможно, не под силу поставить скотоводческое хозяйство на должный уровень, а кооператив же справится успешнее и легче, например, приготовлением корма для скота, помещения и т. д.⁴

В выступлении на IX чрезвычайном съезде Советов Семиреченской области (25/III—10/IV 1919 г.) У. К. Джандосов указывал, что казахи в социальном отношении находятся в положении угнетенных; что взгляд на казахов как на сторонников советской власти — преувеличенный; что казахи признали советскую власть не ради идейных основ, а лишь из боязни, чтобы как-нибудь спасти свою жизнь; что они напуганы бесчинствами членов отрядов первого периода революции, “которые безответственно грабят и убивают киргизов, и все это принимается киргизами за действия советской власти. Поэтому прежде чем говорить о поднятии экономического положения киргизов, нужно урегулировать взаимоотношения русских и киргизов”⁵. (До апреля 1925 г. казахи назывались киргизами; до февраля 1936 г. — казаками).

На областном совещании деятелей по земельной реформе о земле устройстве коренного населения Семиреченской области (ноябрь, 1920г.) У. Джандосов утверждал, что “главным средством

³ Там же.

⁴ ЦГААО. Ф.489. Оп.1. Д.5. Л.20.

⁵ ЦГААО. Ф.489. Оп.1. Д.5. Л. 76-77.

экономического укрепления киргизов является перевод их на оседло-земледельческое положение”.⁶

4 февраля 1921 г. У. К. Джандосов издает приказ Семиреченского облревкома о проведении земельно-водной реформы в целях уничтожения кабальной зависимости коренного туземного населения, уравнивания его прав на землю и воду с привилегированным до сих пор русским населением, а также для укрепления туземного хозяйства. Основные пункты приказа предполагали: возврат трудовому населению отчужденных земель в 1916–21 гг.; применение меры обратного вселения по отношению ко всем захватчикам земель; отчуждение в пользу беженцев, изменение инвентаря трудовых и полутрудовых хозяйств и др.⁷ Интересным является документ, в котором говорится о том, что 5 февраля 1921 г. У. К. Джандосов подписал приказ Семиреченского облревкома о переименовании г. Верного в г. Алма-Ата. “Бывшее укрепление “Верное” основанное на местности “Алма-Ата” при колониальном захвате Семиречья царским самодержавием, впоследствии было преобразовано... и называется городом Верным. Как то, так и другое наименование, данное в знак верности колониальному произволу, в сознании масс приобрело именно такой смысл, что город Верный по своему наименованию и по своему назначению является оплотом царского самодержавия в Средней Азии. Наименование “Верный, указывающее и увековечивающее колонизаторское прошлое, не может быть терпимо трудящимися...” – говорится в тексте приказа⁸. В мае 1921 г. У. К. Джандосов стал инициатором создания специальной научной комиссии при Семиреченском облревкоме по сбору материалов об участии казахов в событиях 1916 г. В частности, облревком поручил Т. Кудайбергенову собрать от частных граждан, общественных организаций, правительственных учреждений и из архивов документы по истории 1916 г.⁹ В том же году в соответствии с условиями своего времени и условиями деятельности партийно-государственного работника, У. К. Джандосов был вовлечен во всеобщую компанию по классовому расслоению местного населения. При этом он исходил из того, что новая экономическая поли-

⁶ ЦГААО. Ф.136. Оп.1. Д.322. Л. 222.

⁷ Советское строительство в аулах и селах Семиречья. 1921-1925 гг. -Алма-Ата, 1969.- Ч.1. - С.148-152.

⁸ ЦГААО. Ф.350. Оп.1. Д.18. Л.146.

⁹ ЦГААО. Ф. 350. Оп.1. Д.191. Л. 91.

тика в условиях Семиречья “открывает известный путь к усилению мелкой буржуазии и к возрождению кулачества и байства с их эксплуататорскими стремлениями”.¹⁰ Являясь председателем Семиреченского обкома союза “Кошчи” У. К. Джандосов систематически поднимал вопрос об организации сотрудничества русской и казахской бедноты в ходе проведения земельной реформы. “Без единого напряжения и братского сотрудничества русской и туземной бедноты трудно провести земреформу. Тем более, что без классового расслоения в русской деревне мы не изживем национальную рознь между прошлым и коренным населением. Это требует того, чтобы из союза “Кошчи” теперь же был выдвинут весь примазавшийся элемент и в том числе те, кто ведет в Союзе национальную, родовую и групповую травлю в своих интересах”¹¹.

Летом 1921г. в Казахстане воочию обнажились проблемы хозяйственного строительства. В условиях хозяйственной разрухи, массового обнищания и вымирания, председатель Семиреченского облревкома предлагает два выхода из создавшегося положения”: укрепляя формы хозяйства, к которым кирбеднота пришла в результате колониальных отношений и свободного капиталистического обмена, как земледелие, кустарные промыслы и прочие, она должна всячески поддерживать те формы хозяйства, от которых исторически зависело и зависит ее существование, а именно, скотоводство, продовольственная политика, организация кустарей. Среди основных пунктов решения съезда, в которые внес свою лепту У. К. Джандосов было: мирное сожительство казахов и русских; перенесение узла политических отношений на почву экономической организации бедноты; восстановление скотоводческого хозяйства; внедрение в среду казахского населения коллективных форм производства; переход от стихийности к планомерному, дисциплинированному строительству и др.¹²

С 8 по 13 июня 1923 г. состоялся III Джетысуйский областной съезд Союза “Кошчи” в г. Пишпеке. С приветственной речью выступил У. К. Джандосов. В духе революционного времени он подвел итоги работы Союза за прошедшие 3 года. “Запаздание” революционных событий в Семиречье он усматривал в особенностях колониального прошлого региона, в неграмотности и отста-

¹⁰ ЦГААО. Ф.370. Оп.1. Д.14. Л.134.

¹¹ ЦГААО. Ф.489. Оп.1. Д.508. Л.36-37.

¹² ЦГААО. Ф.350. Оп.1. Д. 26. Л.53.

лости казахского народа. Вместе с тем председатель Семиреченского обкома призывал к доведению до конца дела классового расщепления и укрепления советской власти. Правда, при этом, он указывал на необходимость обновления подходов. "На бая, кулака и манапа нужно нажимать иными путями, нужно нажимать организацией союза трудящихся, организованной силой против бая... Пусть в деревне будут трудгужналог и другие налоги, их вполне законно можно свалить на кулака и бая и каждый от этого выиграет трижды больше, чтобы утолить жажду..."¹³. В числе вождей бедноты на названном съезде были названы устами У. К. Джандосова — Гидралиев, Рыскулов, Ходжанов.

30 июня 1921 г. У. К. Джандосов обращается в Президиум ТурЦИКа и КирОтдел ЦСПС с просьбой о выдаче денежных ссуд голодающей казахской бедноте, число которой составило около 15 тысяч человек. "Всего для удовлетворения голодающих батраков, состоящих членами Союза кирбедноты, требуется до трехсот миллионов рублей... Просим разрешить взять из средств Особкомиссии триста миллионов рублей"¹⁴. В июне 1923 г. У. К. Джандосов осмысливает особенности советского развития в Жетысу. Переживаемый момент характеризуется им как кризис партийного и советского строительства. Сущность кризиса он усматривал в анархии мелкобуржуазного разложения, а причины — в условиях изолированного экономического существования Жетысу, полунатуральных отношений в производстве, господства мелких торговых посредников над массами скотоводческого и земледельческого населения. Выход из создавшейся ситуации лидер Семиреченского союза "Кошчи" видел в организации батраков и подведении классовой базы под советское и партийное строительство. "Если в период колониальной революции необходимо было держать курс на завоевание широких слоев местного населения, то в обстановке нэпа необходимо выявить и организовать пролетарские кадры местного населения. "Батрацкий уклон" в данный момент абсолютно необходим, если мы не хотим быть захлестнутыми стихией реставрации патриархально-феодалных отношений"¹⁵. Интересными являются рассуждения У. К. Джандосова относительно роли

¹³ ЦГААО. Ф. 370. Оп. 1. Д. 240. Л. 5.

¹⁴ ЦГААО. Ф. 370. Оп. 1. Д. 26. Л. 51.

¹⁵ Туркестанская правда. -1923, 27 июня.

газет. Безусловно, в первую очередь он отмечал, что газета является могущественным орудием классовой борьбы. В то же время он говорил: "Очень плохо, если газета становится любительским придатком к тому или иному официально существующему общественно-политическому строю: в этом случае она перестает быть газетой". В числе достойных дореволюционных газет У. К. Джандосов выделял газету "Казак". Популярность ее он объяснил тем, что она была единственной всеказахской национальной газетой, представлявшей по существу собой "прогрессистский и либерально-демократический орган, соответствующий настроениям широких масс киргизского населения в то время (первая волна пробуждающегося национального самосознания)"¹⁶. Не претендуя на сведущность и безоговорочную авторитетность, У. К. Джандосов обладал великолепными качествами генератора конструктивных предложений и идей по приближению периодической печати к широкому слою читателей и населения.

С 1924 по 1933 годы У. К. Джандосов работает на следующих должностях: заведующим отделом пропаганды Казкрайкома ВКП(б), вторым секретарем Наркома просвещения КАССР, преподавателем КазГУ, директором Алма-Атинского сельскохозяйственного института.

Характеризуя рыночную ситуацию в 1925 г. в Аулие-Атинском уезде Сыр - Дарьинской губернии, У. К. Джандосов отмечал, что казахское скотоводческое хозяйство является более рыночным, чем земледельческое. "В этом отношении можно констатировать даже начало развития промышленного (торгового) скотоводства среди киргизов, начало развития торгового капитализма на основе крупного скотоводческого хозяйства. Но это отнюдь не связано с интенсификацией самого хозяйства"¹⁷. В марте 1925 г. У. К. Джандосовым и В. Соколовским были подведены предварительные итоги работ экспедиции Туркестанского организационного бюро Киробкома РКП(б) по обследованию экономического и социально-политического состояния аула в Аулие-Атинском уезде. Итоговый документ состоял из шести разделов: 1). Киргизское сельское хозяйство. 2) Организационное построение киргизского аула. 3) Родовые моменты в общественно-политической жизни киргизского

¹⁶ Туркестанская правда. -1923, 17 июля.

¹⁷ АП РК. Ф.141. Оп.1. Д.106. Л.137-182.

аула. 4) Социальные моменты в киргизском ауле. 5) Общественно-политическая обстановка в киргизском ауле. 6) Положение при-
шлых земледельческих элементов. При чтении названного мате-
риала невольно вспоминается та тщательность, с которой писал
А. Букейханов о результатах своего участия в экспедициях по
изучению Степного края. Если то было во время царское, то
труд У. К. Джандосова писался в условиях политического экспе-
римента, порожденного Октябрем 1917 года. Разница лишь в этом.
Итоги работ экспедиции отличаются конкретностью, обилием
фактического материала, качеством представленной информации.

Размышляя о будущем экономического развития Казахстана
У. К. Джандосов задавался вопросом о том, какая отрасль в пер-
спективе должна быть основой: скотоводство или земледелие. В
прениях по своему докладу "Скотоводство или земледелие" он
отмечал: "Общепризнанное положение, против которого ни один
из выступавших товарищей не возражал, заключается в том, что
здесь в Казахстане природные факторы находятся сами на сторо-
не скотоводческого хозяйства... Экономические условия, в част-
ности вопрос о продукции сельского хозяйства, вопрос экспорта.
Все эти условия говорят о том, что скотоводческое хозяйство яв-
ляется для нас доходной отраслью сельского хозяйства, наиболее
рентабельной отраслью в наших условиях"¹⁸.

У. К. Джандосов впервые попытался обобщить и проанали-
зировать формы землепользования в Казахстане через их переход-
ные разновидности. "Точные данные относительно того, на какой
стадии развития было достигнуто казахское хозяйство колониза-
цией точно отметить трудно. По имеющимся данным, до колони-
зации, несомненно, преобладало пастбищное хозяйство. Зачаток
земледелия тогда был.

Общественные отношения определялись отношениями про-
стого товарного хозяйства. Общественно-политическая надстрой-
ка государственность выражалась авторитарно-родовым строем. Но
было развито ремесло и этим нужно объяснить то, что в системе
казахского народного хозяйства не развился национальный торго-
вый капитал; не было преобладающего значения земледельческой
культуры и потому у казахов не было феодализма в том смысле, в
каком понимаем его в отношении стран западной Европы. И вот,

одновременно с колонизацией начинается процесс оседания в форме первоначального захвата вольной заимки, земли, в связи с переходом к земледелию. Дальше формы землепользования развиваются в направлении общинно - захватных способов. Этот процесс завершен... Теперь в казахской среде завершается переход от общинно - захватнического порядка землепользования к общинно — передельному”¹⁹.

С 29 сентября по 3 октября 1925 г. в Кызыл-Орде состоялось 1-ое Всеказахское совещание по советскому строительству. С докладом “Очередные задачи советского строительства в ауле в связи с национальными, бытовыми, хозяйственными и культурными особенностями казахского населения” выступил У. К. Джандосов. Особое внимание им было уделено на причины замедленного темпа укрепления Советов на местах. В качестве негативного он отмечал, что основная масса казахского населения все еще не является оседлой, нет окончательного перехода к земледелию и казахское хозяйство, в лучшем случае, сохраняет скотоводческо-земледельческий тип. “Это хозяйство вызывает необходимость мелкогруппового расселения казахов на территории, а это разбросанность населения на территории затрудняет вообще всякую работу и, в частности, по совстроительству”²⁰. Безусловно, Ураз Джандосов, будучи у руля советизации казахского аула, был зависим от директивных указаний из центра. В то же время, следует отдать ему должное в том, что к претворению в жизнь идей пролетарской революции он подходил по-деловому, как опытный хозяйственник. Он выступал против механического насаживания российского опыта без учета существующих особенностей казахской среды. “...Раз казахская масса не знает никакой общественности, раз в казахской среде сильное влияние патриархальных элементов, то невозможно вообще вести советское строительство в ауле, то вообще в казахской среде нужно будет не ближайшее время, по крайней мере, опираться на авторитарно-бюрократические верхи. Это совершенно неправильно”²¹.

Относительно политической платформы У. К. Джандосова его политических взглядов. На эти проблемы проливает опреде-

¹⁹ Советская степь.- 1925, 12 августа.

²⁰ 1-ое Всеказахское совещание по советскому строительству. Стенографический отчет и постановление ЦИК Казахской ССР. - Кызыл-Орда, 1925. - С. 74-82, 109-112.

²¹ 1-ое Всеказахское совещание... - С. 74-82.

Д. Л. ПО Л. И. Ф. Ж. Г

ленный свет весьма интересный фрагмент из его письма С. Ходжанову о группировках в партии. Не считая себя “прожектором”, он предлагал перенести групповую борьбу на деловые рельсы. У У. Джандосова состоялась встреча с С. Садвокасовым, во время которой последний выделил три группировки: С. Садвокасова, С. Ходжанова и С. Мендешова, при этом подчеркнув, что “вне группы быть нельзя — это недостойно коммуниста”. На вопрос У. Джандосова о различных группах и их характеристике С. Садвокасов ответил, что группа С. Ходжанова — алашординская, сделав акцент на: отношение к интеллигенции, группа С. Мендешева — может дать в сторону колонизаторства, о себе же он отозвался как о представителе истинно-партийной платформы. “В беседе возникли два спорных вопроса: почва группировок (марксистский анализ) и методы партруководства в области внутрипартийных задач. По первому вопросу он не признает никаких объективных причин и стимулов к группировкам, относя их исключительно за счет идейных расхождений. По второму вопросу он сторонник “революционных” методов воздействия, сторонник партии “революционным путем, сверху”. Он отрицает эволюционный (в смысле деятельности процесса) путь самовыращивания коммунистических кадров. По обоим вопросам я с ним не согласен. Мое мнение иное. Вообще эти вопросы достойны, чтобы их дискутировать вполне серьезно”²². В качестве конструктивных идей У. Джандосов предложил С. Ходжанову написать — необходимую с точки зрения политической и практической — книгу “Практика партстроительства в условиях Казахстана”. “В самом деле, такого смежения задач по строительству самой партии с задачами общего советско — политического развития и руководстве коммунистических кадров. По обоим вопросам я с ним не согласен. Мое мнение иное. Вообще эти вопросы достойны, чтобы их дискутировать вполне серьезно”²³. Подобные рассуждения У. К. Джандосова позволяют характеризовать его как представителя радикального крыла коммунистической партии. Радикализм, свойственный ему является следствием действия революционного закона эпохи. Будучи героем своего времени, У. К. Джандосов верил в скорость перемен, в реальный рационализм социалистических преобразований, которые прине-

²² АП РК. Ф. 719. Оп. 1. Д. 66. Л. 3.

²³ Там же.

сут изменения и оживление в казахскую действительность. Он был противником колониализма и его последствий, со свойственным ему нетерпением ко всему дореволюционному. “Мы имеем казахское население, никем никогда не землеустроенное, представленное самому себе в решении своего земельного вопроса, оседающего под давлением экономической необходимости... Колонизационная политика царизма... столкнула интересы русских и казахов (киргизов), создала непреодолимое противоречие между пастбищным скотоводческим и оседло-земледельческим хозяйствами... Но это ни в коей мере не является виной русских крестьян и казаков, переселившихся и устроившихся на территории нашей республики. Многие из них шли сюда гонимые нуждой, многие переселялись сюда как “опасные бунтовщики” для царской власти. Поэтому, когда мы ставим на разрешение наш земельный вопрос, мы не намерены восстанавливать “историческую справедливость” на спине крестьянина — переселенца и казака, повторяя тем самым ошибку царской колонизации”²⁴.

15 мая 1926 г. У. К. Джандосов выразил особое мнение по проекту декрета “О переделе сенокосных и пахотных угодий”, на заседании бюро Казкрайкома ВКП(б). Суть его мнения, на котором он настаивал, состояла в том, чтобы установить минимальную норму сенокоса и пашни, чтобы обеспечить хозяйственный интерес трудовых землепользователей и центр тяжести перенести на имущие верхи аула. Во-вторых, У. К. Джандосов требовал лишения прав на сенокосы и пахотные земли крупных наследственно-фамильных собственников, концентрировавших в своих руках ценные земельные угодья в крупном масштабе и использующих эти земли чужим трудом через отработки, нетрудовую аренду и т. д.²⁵.

У. К. Джандосов стоял у истоков казахстанской статистики. Об этом свидетельствует его предисловие к книге В. Г. Соколовского “Казахский аул. К вопросу о методах его изучения государственной статистикой”. В качестве нового У. К. Джандосов отмечал, что в основу своих статистических наблюдений за жизнью аула автор положил территориально-географический принцип. Он называет историческим курьезом то, что ни на каких картах казахское население до сих пор не отмечено. “В свете тех задач и мето-

²⁴ АП РК.Ф. 11. Оп. 1.Д. 340. Л. 55-56.

²⁵ АП РК. Ф.141. Оп. 1. Д. 486. Л.154.

дов подхода к статистическому изучению аула, как о чем-то таком, что по своей бесформенности не поддается статистическому учету”²⁶.

Нельзя не заметить в наследии У. К. Джандосова его отношения к проблемам национально-освободительного движения казахского народа, его борьбы за свою независимость. В “Письме Джетысуйскому облисполкому об организации празднования 10-летия восстания 1916 г.” он отмечал: “Корни этого восстания уходят далеко вглубь казахской истории, имеют целый ряд предшественников, боровшихся за независимость казахского народа. Весь ход истории определенно указывает на колонизацию и торговую эксплуатацию степи как на экономическую основу всех казахских восстаний. Сначала мирная колонизация края беженцами из России (крестьяне, бежавшие от крепостной неволи, старообрядцы, бежавшие от религиозных гонений, “инородцы” — от попыток обратить их в православие), затем организованный захват края, отобрание от казахов исконных земель, постепенное окружение казахской степи путем постройки городов (Омск, Семипалатинск, Оренбург и т. д.), крепостей, затем расчленение степи путем выдвижения крепостей внутрь, вглубь страны. Вот пути колонизации, пути захвата казахской степи. Этот захват не мог вызвать должного ответа, а при бездарности царской чиновной знати события только ускорились... Кенесары Касымов, Каратай, Каип-Гали Ишпимов, Исатай Тайманов — вот некоторые имена из многочисленной рати борцов, погибших в борьбе за независимость казахского народа. Связь с предшествовавшими 1916 г. восстаниями слишком очевидна и велика...”²⁷.

Не трудно заметить, что У. К. Джандосов следует принципам историзма, преемственности, считая основной причиной возникновения и развития народного возмущения колониальную систему.

Учитывая перспективы развития хлопководства в Казахстане, У. К. Джандосов являлся инициатором организации казахского хлопкового товарищества. Создание этой организации было призвано ликвидировать разрыв между водным и хлопководческими хозяйствами в Казахстане. С другой стороны это делалось с той целью, чтобы Казахстан не был оторван от дела руководства хлопководческим хозяйством.

²⁶ Соколовский В. Г. Казахский аул. - Ташкент, 1926. - С. 1, 2.

²⁷ АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 692. Л. 11.

18 декабря 1926 г. на совещании националов — членов ВЦИК и ЦИК СССР У. К. Джандосов выступал против той роли, которая было отведена Казахстану при индустриальной реконструкции народного хозяйства СССР. Он считал, что работники национальных окраин должны сосредоточить свое внимание на вопросах развития местных производительных сил. "...Если взять такую республику, как Казахстан, все-таки реальным конкретным путем для приобщения к общей системе хозяйства является задача восстановления, развития производительных сил, поднятие доходности того сельского хозяйства, которое является здесь господствующим. Ибо может сложиться такое положение, когда массовое орудие местного труда, средства производства для крупных промышленных организаций и предприятий Советский Союз дать не сможет, а мы окажемся неподготовленными к тому, чтобы их использовать, потому что уровень нашей деревни, покупательская способность нашего аула, производительные силы нашего сельского хозяйства окажутся отставшими от того, что может дать Союз". Следует отдать должное прозорливости У. К. Джандосова, что подтвердилось в последующей истории Отечества в которой продолжилась судьба Казахстана как сырьевого придатка СССР, а ныне — мирового капитала.

С января 1927 г. в трудах У. К. Джандосова обретает место тема Алаш — Орды. Он признается в том, что каждый готов по этому вопросу делать какие угодно заявления, а на деле оказывается наиболее неграмотным. Никто не попытался теоретически, более или менее углубленно проработать эту тему на основании точных исторических справок, действий, программ и мероприятий У. К. Джандосов открыто признавал невыясненность и слепое следование решениям съезда партии об Алаш-Орде как партии буржуазного национализма. "Когда здесь в Кызыл-Орде происходила дискуссия по вопросу латинизации казакской письменности, и недавно когда этот вопрос был поставлен в Ташкенте, оказалось, что беспартийная казакская интеллигенция проявила чудеса организованности. У них были заранее намечены докладчики, оппоненты; заранее намечены даже ораторы; намечено кто из них против кого из коммунистов будет выступать и т. д. и т. п. А мы выступали совершенно неподготовленными. Мы созвали открытый диспут по вопросу латинизации казакской письменности; при-

шли неподготовленными и там начинали нас бить. Пришлось искать спасения в стенах Крайсовпартшколы”.

У. К. Джандосов был серьезным специалистом в области проблем регулирования межнациональных отношений в Казахстане. Об этом подробно свидетельствует его доклад и заключительное слово на I краевом совещании работников нацменьшинств “Об очередных задачах партии в области регулирования межнациональных отношений в Казахстане”. Выступление У. К. Джандосова отличалось обстоятельностью, конкретным знанием проблемы, теоретическим уровнем и глубиной. Он рассматривал национальный вопрос многоаспектно, делая при этом конструктивные выводы и предложения. Он увязывал национальный вопрос с общим развитием Казахстана, особенностями его социально-экономического, культурного положения.

В декабре 1927 г. У. К. Джандосов приступил к работе на должность наркома комитета просвещения. Он считал, что генеральной линией всего дела народного просвещения должна стать рациональная интенсификация всей работы и возможно меньше должно быть словесной суеты. Уже в января 1928 г. У. К. Джандосов направляет в Казкрайком ВКП(б) письмо по поводу организации в Алма-Ате университета, в котором говорится о необходимости немедленного отпуска средств на его создание из государственных и местного бюджетов. В мае 1928 г. он добивается направления большей доли средств по бюджету 1928/29 года по линии учебного оборудования и дооборудования просветительских учреждений, издания учебников и учебных пособий и удовлетворения нужд по поднятию квалификации педагогов, обеспечив одновременно необходимый рост зарплаты просвещенцев на 10–12%.

11 июля 1928 г. У. К. Джандосов обращается в АПО Казкрайкома ВКП(б) с просьбой о трудоустройстве М. Ауэзова, Байтасова и Беримжанова. “Есть три молодых беспартийных деятеля из противоположного нам лагеря, которые прошли высшую школу, считают себя лояльными в отношении сов власти и просят работы... Ауэзов в своем заявлении указывает то, что он стал убежденным сторонником социолого-имманентного метода изучения литературы (марксистский метод)... Мое мнение: Байтасова лучше было бы оставить в КИНО (Казахский институт народного обра-

зования), Ауэзова допустить преподавателем в Казинпрос, а Беримжанова командировать в Алматинский сельхозтехникум”²⁸.

Со 2 по 7 декабря 1928 г. в Кызыл – Орде состоялся III расширенный пленум Казкрайкома ВКП(б). В прениях по докладу “Итоги конференции” выступил У. К. Джандосов. Он остановился на трех вопросах: идеологический результат конфискации; о новых методах работы в ауле; о середняке. В качестве основного результата идеологической работы У. К. Джандосов рассматривал развал родовых полуфеодальных отношений в ауле, а сами общественные итоги конфискации должны будут сказаться и вылиться в форму чистки учебных заведений, советско-хозяйственного аппарата, партийно-комсомольских и общественных организаций в ауле. “Некоторые буржуазные националисты, вроде Байтурсынова, считают конфискацию не особо серьезным делом и говорят, что это примерно равно одному году джута, после которого казаки не раз оправлялись. А вот налог, по-ихнему, и политика советского правительства доконают казакский народ. Мы называем определенную группу интеллигентов алаш-ордынцев буржуазными националистами. Помоему это слишком много чести для них. Значительная часть их является ограниченно патриархально-феодальными мещанами и сами не прочь стать полуфеодалами-владыками”²⁹. Будучи сторонником революционной законности, У. К. Джандосов предлагал в числе новых методов работы в ауле в период после конфискации байских хозяйств необходимость исправления перегибов, ведения разъяснительной работы и решительной борьбы с проявлениями противозаконности. Вопрос о середняке он считал бесплодным разговором, поскольку “в ауле теперь середняков много”. Эти слова У. К. Джандосова вызвали смех в аудитории. В тоже время его серьезно волновала внутриполитическая ситуация в казахском обществе в постконфискационный период, в особенности позиция национальной интеллигенции. Он предвидел раскол среди беспартийной национальной и националистической интеллигенции. “До сих пор вся она занимала какую-то внешне примиренческую позицию по отношению к партии и соввласти, обманывая себя иллюзией на счет того, что она активно участвует в строительстве Казакстана, делает “национальное дело”. Теперь добрая половина этой интел-

²⁸ АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 2261. Л. 112.

²⁹ АП РК. Ф. 141. оп. 1. Д. 1645. Л. 193.

лигенции отойдет от таких позиций и займет позиции враждебные нам. Часть интеллигенции, наиболее бесхарактерная ее часть, постарается проявить "лояльность". Остальная часть интеллигенции перейдет на сторону соввласти"³⁰. В проблеме алфавитной унии, латинизации казахского языка и массового культпохода за усвоение его народными массами У.К. Джандосов также занимал радикально-революционную позицию. Он был сторонником решительного слома сопротивления арабистов и новый алфавит рассматривал в качестве "могучего технического фактора" культурной революции, средства перехода отсталых народов к коммунизму.

"Пожалуй, наибольшие трудности для биографа, пожелавшего "понять" Джандосова...представляет его работа в должности секретаря, заведующего отделом Казкрайкома ВКП(б)... Автор известных тезисов V краевой партконференции по земельному вопросу, защищавших между прочим, и суверенные права республики на свою территорию... Джандосов был одновременно настоящим Гракхом Бабефом революционизированной (и коммунизированной) части казахского общества. И если страстная защита интересов казахского простонародья привела Джандосова к резкой постановке вопроса о переделческо-конфискационной политике в отношении имущих верхов аула, давая повод для обвинений в революционной сверхлевизне, то приверженность курсу радикальных реформ... компрометировала его как политика с достаточно сомнительными национальными устремлениями"³¹. Поддерживая Ф. И. Голощекина, У. К. Джандосов исходил из того, что надо приостановить обнищание, которое имело место в ауле, нужно способствовать развитию производительных сил в ауле; необходимо исключить возможность разорения и обнищания казахов. У. К. Джандосов исходил из учета ряда обстоятельств: а) техника скотоводческого хозяйства отстала; б) слабость внутреннего рынка, в котором отсутствовало разделение труда, необходимого для развития товарно-денежных отношений; в) специфика социальной структуры аула, в котором преобладали маломощные; г) характер оседлости, поскольку население оседало родовыми группами; д) произвол административно-бюрократических прослоек³².

³⁰ Там же. Л.142-143.

³¹ Джандосов А. Ураз Джандосов и... Там же.

³² АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 483. Л. 132-136.

Конец 20-х годов в Казахстане ознаменовался деятельностью У. К. Джандосова в должности наркома просвещения. Задачи культурного строительства выдвинули перед ним проблемы организации школьного и высшего образования. Уразу Кийкимовичу принадлежит заслуга расширения сети массовой аульной школы, а также создания “верхнего этажа” системы народного образования. В рамках “университетского проекта” он способствовал организации в 1928 г. Казахского педагогического института. Он являлся председателем Оргкомиссии по КазГУ, а также был инициатором приглашения на преподавательскую работу корифеев “Алаш-Орды”, высококвалифицированных специалистов своего времени — Х. Досмухамедова, А. Ермакова, А. Байтурсынова. По мнению У. К. Джандосова создаваемый Казахский государственный университет должен был стать мощным орудием приобщения казахских трудящихся к достижениям мировой культуры, науки и техники. В то же время КазГУ отводилась роль не только образовательного центра, но и функция руководства развитием казахской национальной школы в качестве ее “верхнего этажа”.

У. К. Джандосова глубоко волновали проблемы краеведения. В качестве председателя правления “Общества изучения Казахстана” он неоднократно обращал внимание на необходимость созыва съезда краеведов Казахстана, перед которым ставил задачи изучения производительных сил республики. Среди опубликованных работ “Общества изучения Казахстана” им особо выделялись работы Чулошникова, А. Ф. Рязанова, А. В. Затаевича, профессора Федченко, И. Ларина, Крашенинникова, “Верблюды и его изучение” П. В. Иванова, “Пресмыкающиеся Джетысу” В. Шитникова и “Климатический очерк Казахстана” Пономарева и Борсука. В августе 1930 г. У. К. Джандосов обратился с письмом к Совнарком КазАССР об отпуске средств на оборудование библиотеки и издание научных трудов “Общества”.

В 1930–1932 гг. Ураз Кийкимович работал в должности директора Казахской государственной публичной библиотеки. Идея создания этой библиотеки возникла в 1930 году в связи с десятилетней годовщиной КазАССР. У. К. Джандосов выдвинул предложение об организации Центральной библиотеки массового пользования путем объединения всех библиотек общего значения и передачи ей функций государственного книгохранилища. “...Со-

здание научно-культурного центра книги, в первую очередь, национальной, а равно и научной книги, необходимой для целей научно-исследовательских работ по Каз АССР, является неотложной задачей, разрешение которой будет равносильно подъему на новую ступень в развитии национальной культуры...”, — писал У. К. Джандосов в феврале 1931 г.³³

С 1933 по 1934 годы Ураз Джандосов являлся первым секретарем Кегенского райкома партии Алма-Атинской области, а затем в качестве председателя Алма-Атинского облисполкома. Ураз Джандосов являлся членом ЦК Компартии Туркестана, Казкрайкома и его бюро, ЦИК Президиума Туркесреспублики, членом ВЦИК, ЦИК КАССР и его Президиума. В разное время он являлся делегатом 12-го, 14-го съездов партии; 2-го, 7-го, 8-го съездов Советов СССР.

Известные решения V Краевой партийной конференции о “советизации аула”, состоявшейся в декабре 1925 г. ориентировали на поиски классового врага, что непрямым образом вело к обострению внутрисоциальной ситуации в Казахстане. Таким образом было заложен идеологический фундамент для превращения в жизнь голощекинской идеи “Малого Октября”, последствия чудовищного эксперимента которого проявили себя в период насильственной коллективизации 30-х годов. Как известно, до 1930 г. было сломлено сопротивление противников сталинско-голощекинской модернизации в Казахстане. Уже тогда началась травля видных государственных деятелей, ответственных, казахской интеллигенции. Не за горами были политические процессы и репрессии 1937-го года.

У. К. Джандосов относится к одному из “последних могилок”, над которыми расправился всеуничтожающий маховик репрессий в 1937 году. Как свидетельствует его “Заявление” в ЦК КП(б) Казахстана, уполномоченному КПК, Алма-Атинскому ОК КП(б)К от 17 июня 1937 г., ему было предъявлено обвинение на областной партконференции по перевыборам парторганов. Оно включало следующие пункты:

1. Об участии в группировках и национализме.
2. О связи с контрреволюционным националистом — вредителем Джандосовым Уразом и том, что Джандосов Ураз не помог парторганизации разоблачить его.

³³ ЦГА РК. Ф.1781. Оп. 1. Д.12. Л.9 об.

3. О подхалимстве. О том, что в аппарат подобрал всех чужаков и развалил всю работу в облисполкоме.

4. О связи с чуждыми элементами по Кегенскому району.

5. О том, что он в 1928 г. писал баям о предстоящей конфискации, чтобы те приняли заранее меры по скрытию скота. Судьба лучших сынов Отечества и казахского народа не миновала и Ураза Джандосова.

Итак, наше соприкосновение к истории прошлого обнаруживает новую грань в судьбе репрессированной интеллигенции социалистической генерации, которая заключается в том, что часть партийно – государственной элиты пережила трагедию “преданной революции”. Как пишет сын Ураза Кйикиновича – Анри (Али) Джандосов: “В этой общей картине происходившего перелома прямым возвратом к средневековую выглядит подавление (а несколько позже – физическая ликвидация) пассионарной интеллигенции национальных республик, включая и тех, кто в деятельной форме связывал свои национальные надежды с социалистической цивилизацией”³⁴.

**В соавторстве: Нурпеисов К.Н., д.и.н., профессор,
Мажитов С.Ф., к.и.н., доцент.
ОТАН ТАРИХИ. 1999. № 3.**

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ I. КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

1. Наставница новой жизни.	4-11
2. Зная прошлое, видишь и перспективу развития страны	11-17
3. Актуальные проблемы изучения отечественной истории.	18-32
4. Откуда “есть – пошла” казахская земля?	32-46
5. Степная цивилизация и ее уроки.	47-57
6. Определить место казахов в истории мировой цивилизации.	58-64
7. “Тарих-и Рашиди” мирзы Мухаммад Хайдар Дуглата – выдающийся памятник истории и культуры.	64-75
8. Мухаммад Хайдар-мирза Дуглат о казахах и казахской государственности.	75-88
9. Ключ и врата к азиатским странам.	89-97
10. История России есть история страны, которая колонизируется.	98-111
11. Историография Казахстана (XVIII–XX вв).	111-166
12. Еще раз о проблемах истории национально-освободительного движения революции 1916 г. в Казахстане.	166-180
13. Национально-освободительная война 1916 г. в Казахстане: концептуальные проблемы.	180-194
14. Отечественная история XX века: мифы и реальность.	194-221

ЧАСТЬ. II. НЕЗАВИСИМЫЙ КАЗАХСТАН: ОПЫТ И ПРОБЛЕМЫ

1. Декабрь 1986 года: факты и размышления.	224-254
2. Казахстан суверенный: опыт и проблемы.	255-263
3. Восемь постулатов Екклезиаста.	263-272
4. Теоретико-методологические аспекты концепции территориальной целостности Казахской ССР как суверенного государства.	273-284
5. На пути к свободе.	284-291
6. Эксперимент мирового масштаба провалился. . . .	291-294
7. Дети Октября не забывают своего мятежного папашу.	295-296
8. С чего начинается военная реформа?	297-300
9. Военная история Казахстана: проблемы научного постижения.	301-304
10. Военные реформы: исторический опыт.	304-312
11. Введение к изданию "Исторический опыт защиты Отечества".	313-319
12. Заключение к изданию "Исторический опыт защиты Отечества".	319-325

ЧАСТЬ III. ВРЕМЯ И ЛЮДИ

1. Абай и его время.	328-335
2. М. Ауэзов — великий писатель и гуманист.	335-341
3. Святой хан Кене казахской литературы.	341-343
4. Великий реформатор XX века.	344-366
5. Л. Н. Гумилев и проблема степной цивилизации. . .	367-374
6. Первый директор.	374-378
6. Михаил Вяткин — историк Казахстана.	378-383
8. Академик К. И. Сатпаев.	383-396
9. Ураз Жандосов: судьба, преданная революцией. . .	396-416

Автор
КОЗЫБАЕВ М.К.

КАЗАХСТАН
НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ:
РАЗМЫШЛЕНИЯ
И ПОИСКИ

Книга первая
ПАМЯТЬ НАРОДА

Сдано в набор 19.06.2000 г.
Подписано в печать 28.07.2000 г.
Формат 60х84 $\frac{1}{16}$. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 24,4+0,12. Уч. изд. л. 25,0.
Тираж 500 экз.
Печать и верстка –
типография “Комплекс” Тел. 93-01-79